3 2044 011 471 919

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of

THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of

JASPER NEWTON KELLER

BETTY SCOTT HENSHAW KELLER

MARIAN MANDELL KELLER

RALPH HENSHAW KELLER

CARL TILDEN KELLER

VE RI TAS

Н. А. Лаппо-Данилевская.

ЖЕНА МИНИСТРА

РОМАНЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРГСКАГО БОЛЬШОГО СВѢТА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 29 1966

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

...«Гдѣ же жизнь? Неужели мы
жизнью зовемъ
Этотъ мракъ безъ лучей идеала»...

Надсонъ.

I.

Въ просторномъ и уютномъ кабинетѣ съ комфортабельной мебелью, у большого письменнаго стола, заваленнаго казенными бумагами и книгами, сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла съ газетой въ рукахъ, плотный блондинъ, хорошо сохранившійся, лѣтъ сорока пяти-семи, съ обыкновеннымъ лицомъ типичнаго бюрократа, ничѣмъ по наружному виду не отличавшійся отъ сотни себѣ подобныхъ; его нельзя было назвать ни красивымъ, ни некрасивымъ; близорукій, съ пенснэ въ черной оправѣ, съ грузной походкой, съ высокимъ, порой даже выкрикивающимъ звукомъ голоса, онъ тѣмъ не менѣе умѣлъ производить выгодное впечатлѣніе. Читая газету, онъ пилъ свой утренній кофе, аккуратно сервированный подлѣ кресла на небольшомъ краснаго дерева столикѣ со стеклянным верхомъ. Газету онъ читалъ обстоятельно, какъ дѣлалъ все, за что бы ни брался. Выпивъ кофе и отложивъ прочитанный нумеръ газеты, онъ поглядѣлъ на часы, позвонилъ лакея, сдѣлалъ распоряженія относительно отправки бумагъ и вышелъ на

утреннюю получасовую прогулку. Утро было ясное, слегка морозное.

Владимиръ Ивановичъ Башиловъ бодро шагалъ по набережной, заложивъ руки назадъ и щурясь близорукими глазами на ослѣпительную поверхность льда, озаренную алымъ блескомъ холоднаго петербургскаго солнца. Въ морозномъ воздухѣ, прозрачномъ, какъ хрусталь, рѣзко и отчетливо вырисовывались контуры пышныхъ дворцовъ и противоположная набережная неподвижной, искрящейся на солнцѣ миліардами блестокъ Невы. Острый шпицъ Петропавловской крѣпости ярко блестѣлъ на фонѣ голубого неба и придавалъ невыразимо-элегантную легкость окрестностямъ рѣки. Башиловъ вдыхалъ полной грудью морозный воздухъ и, при видѣ давно знакомыхъ и любимыхъ картинъ нарядной столицы, въ его душу вливалась бодрящая струя энергіи и надеждъ на свѣтлое будущее, когда онъ силой своего ума и ловкости добьется высшихъ и, быть можетъ, головокружительныхъ ступеней власти.

Вчера онъ вернулся изъ дальней командировки и былъ очень доволенъ ея результатами: онъ усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ N-скаго губернатора излишній либерализмъ, сильное тяготѣніе къ лѣвымъ, отъявленнымъ врагомъ которыхъ былъ министръ, покровительство евреямъ и смѣлость сужденій, порицаемую губернскими консервативными кругами.

Владимиръ Ивановичъ, ловкій карьеристъ, сразу сообразилъ, что эта командировка можетъ послужить ему удобнымъ предлогомъ выдвинуться передъ начальствомъ своей дѣловитостью и строго-консервативнымъ направленіемъ. Теперь онъ обдумывалъ планъ доклада министру. Ловко составленный докладъ долженъ былъ подчеркнуть важность усматриваемыхъ недочетовъ въ управленіи N-ской губерніи и тѣмъ

самымъ послужить фономъ рельефно выставленныхъ административныхъ способностей докладчика. Владимиръ Ивановичъ, углубленный въ проектъ доклада, хотѣлъ еще разъ завернуть за уголъ, какъ вдругъ вспомнилъ о дѣловомъ свиданіи, вчера по телефону имъ самимъ назначенномъ въ одиннадцать часовъ какой-то свѣтской дамѣ. Перспектива этого визита слегка раздражала его, такъ какъ, энергично настроенный, онъ хотѣлъ до службы просмотрѣть коекакія бумаги, но зналъ по опыту, какъ много отнимаютъ времени многорѣчивыя дамы въ изложеніяхъ своихъ дѣлъ. Едва онъ вошелъ въ свой кабинетъ и расположился у стола, какъ раздался въ передней звонокъ, и лакей подалъ визитную карточку. «Евгенія Михайловна Данцова, рожденная баронесса Бемъ»— прочелъ на ней Башиловъ и пошелъ навстрѣчу посѣтительницѣ, которая, пользуясь хорошими отношеніями къ Башилову общаго знакомаго, шла просить у него протекціи по дѣлу развода.

Небрежно закинувъ ногу за ногу, близорукими смѣющимися глазами Владимиръ Ивановичъ минуту спустя разглядывалъ сидѣвшую противъ него красивую, еще молодую женщину съ матовымъ цвѣтомъ лица и глубокими мечтательными глазами. Упорный взглядъ собесѣдника немного смущалъ ее и въ то же время придавалъ ей надежду, что къ ея просьбѣ отнесутся внимательнѣе, чѣмъ это случается обыкновенно.

— Если вы скажете князю, то онъ, конечно, исполнитъ ваше желаніе: я знаю, что онъ съ вами очень друженъ,—продолжала она излагать свою просьбу.

— Вы это знаете? Кто-же это вамъ сказалъ? — шутливо прервалъ Владимиръ Ивановичъ и безцеремоннымъ взглядомъ скользнулъ по всей фигурѣ Данцовой.

— Слухомъ земля полнится,—слегка покраснѣвъ, отвѣтила она и отвела глаза въ сторону.

— Такъ-съ. Извольте-съ. Я скажу князю и надѣюсь, что онъ дѣйствительно мнѣ не откажетъ. А вы рѣшили этотъ вопросъ безповоротно?

— О да, разумѣется. У меня съ нимъ все кончено.

— Когда женщина сжигаетъ за собой корабли прошлаго, это признакъ, что ея сердце...

— Не договаривайте, генералъ, вы ошиблись; мое сердце совершенно свободно, и мысль о новомъ бракѣ меня даже пугаетъ.

— Для чего же бракъ? Существуютъ свободныя связи...

— Нѣтъ, не хочу...

— Не хотите? Зарокъ дали?

Послышался въ передней звонокъ. Данцова поднялась съ кресла.

— Простите, генералъ, я вамъ не хочу мѣшать.

— Помилуйте, я очень радъ счастливому случаю познакомиться съ вами. Мы еще не все переговорили.

Вошелъ лакей.

— Ваше превосходительство, курьеръ за бумагами.

— Возьми все это и передай ему. Никого не принимать до завтрака—я занятъ. Можешь итти. Пожалуйста присядьте: я сегодня свободенъ лишній часъ и прошу васъ посвятить меня болѣе подробно въ обстоятельства вашего дѣла.

Евгенія Михайловна толково и сжато передала всѣ подробности своего бракоразводнаго дѣла, и каждый разъ, какъ она поднимала глаза, ея взглядъ встрѣчался съ смѣющимся и безцеремоннымъ взглядомъ «генерала», который давно уже пересталъ ее слушать и обдумывалъ способъ, какъ бы поскорѣе познакомиться съ этой хорошенькой и свободной

женщиной, которая влекла его къ себѣ своей свѣжестью, своимъ томнымъ взглядомъ черныхъ очей, своей кокетливой улыбкой.

— Такъ-съ. Понимаю. Будетъ сдѣлано-съ, — отрывисто произнесъ Владимиръ Ивановичъ, отчеканивая и ударяя на букву с, которую онъ имѣлъ привычку ставить въ концѣ словъ. Завтра же повидаюсь съ княземъ и буду имѣть честь увѣдомить васъ о результатахъ. Когда васъ можно просить къ себѣ?

— Для дѣла — всегда... когда прикажете... я такъ буду благодарна вамъ...

— Да видите ли, я-то человѣкъ очень занятной-съ. Однимъ словомъ, я скомбинирую, и мы по телефону сговоримся.

Евгенія Михайловна съ благодарностью протянула ему руку. Онъ крѣпко сжалъ ее, отвернулъ край длинной перчатки и крѣпко поцѣловалъ обнаженную часть руки немного ниже локтя. Евгенія Михайловна вспыхнула, рука ея слегка вздрогнула, взгляды встрѣтились, что-то промелькнуло, что-то зажглось и потухло. Владимиръ Ивановичъ проводилъ ее въ переднюю, самъ помогъ надѣть шубку и еще разъ крѣпко сжалъ руку, когда она вышла на лѣстницу.

«Хорошенькая... и неглупа... невредная»... Плотоядная улыбка пробѣжала по его чувственнымъ губамъ.

Женщинъ Владимиръ Ивановичъ любилъ страстно, какъ нѣкоторые любятъ спортъ или карты, но никогда ни одна женщина не нарушала теченія его мыслей и порядка его занятій. Свою сухость и крайнюю осторожность въ отношеніяхъ къ нимъ онъ мастерски облекалъ въ привычку къ правдивости. Ему нравилось ослѣплять женщинъ энергіей завоевателя, широтой замысловъ; ему нравилось внушать имъ восхищеніе и поклоненіе своей особѣ. Обще-

ства мужчинъ онъ избѣгалъ, такъ какъ въ отвлеченныхъ разговорахъ участія не принималъ, его же личными дѣлами мало кто интересовался. Владимиръ Ивановичъ былъ когда-то женатъ, развелся съ женой, имѣлъ сына, кончающаго лицей, привыкъ къ полной свободѣ, но изрѣдка начиналъ уже подумывать о женитьбѣ, какъ о необходимомъ дополненіи къ своей служебной карьерѣ.

Съ помощью телефонной трубки къ вечеру онъ уже имѣлъ всѣ точныя свѣдѣнія объ Евгеніи Михайловнѣ, и все, что онъ узналъ, еще болѣе возбудило въ немъ желаніе притянуть къ себѣ эту хорошенькую женщину. На другой же день онъ повидалъ своего знакомаго спеціалиста по бракоразводнымъ дѣламъ и отъ него узналъ, что и безъ вмѣшательства князя разводъ можно ускорить и добиться желаемыхъ результатовъ: такимъ образомъ онъ удовлетворилъ просьбу Евгеніи Михайловны безъ визита къ князю, съ которымъ вовсе друженъ не былъ и не могъ разсчитывать на его услугу. Присяжный повѣренный Дорманъ, очень ловкій дѣлецъ, связанный съ Владимиромъ Ивановичемъ кое-какими общими интересами, съ удовольствіемъ взялся подвинуть дѣло Евгеніи Михайловны, сейчасъ же смекнувъ, что Башиловъ приметъ это за личную услугу и въ свое время отплатитъ ему тѣмъ же.

— Хорошенькая женщина... какъ же не помочь? Я, знаете ли, всегда къ услугамъ хорошенькихъ женщинъ, — шутливо закончилъ Башиловъ свой разговоръ съ Дорманомъ.

Прошло два дня. Данцова въ черномъ шелковомъ платьѣ съ легкимъ вырѣзомъ вокругъ шеи, тоненькая и воздушно-граціозная, съ гладко зачесанной на уши классической прической, очень шедшей къ ея изящ-

нымъ и правильнымъ чертамъ лица, стояла передъ ярко освѣщеннымъ, большимъ зеркаломъ своего будуара и, въ послѣдній разъ оглядывая себя съ головы до ногъ, натягивала бѣлыя перчатки на красивыя, обнаженныя руки.

Раздался звонокъ телефона, и черезъ минуту горничная доложила, что ее просятъ переговорить по дѣлу. Не спѣша Евгенія Михайловна прошла въ переднюю и осторожно, оберегая свѣжія перчатки, взялась за трубку.

— Ахъ, это вы, monsieur Башиловъ,—я васъ слушаю. Какъ же мнѣ быть?.. Я ѣду сейчасъ на парадный обѣдъ... позвольте, я обдумаю... въ восемь часовъ я не освобожусь... да, да, я понимаю, что дѣла важнѣе всего... я вамъ такъ благодарна... завтра утромъ вы никакъ не можете?.. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, я буду сегодня же у васъ къ десяти, прямо съ обѣда. Хорошо, я захвачу бумаги... Не нахожу словъ благодарить васъ... Вы находите?.. Развѣ телефонъ сохраняетъ тембръ голоса?.. Мерси за комплиментъ... вы очень любезны... до свиданія, значитъ... Да, конечно, безъ измѣненія...

Данцова отошла отъ телефона; изъ-за опущенныхъ густыхъ рѣсницъ томный взглядъ блеснулъ искрой, и легкая улыбка скользнула по лицу. Въ ея воображеніи всплылъ образъ самодовольнаго, властнаго человѣка, котораго она, какъ ее научили, въ угоду ему называла «генераломъ», и глаза котораго, ласково скользившіе по всей ея фигурѣ, немного смущали и волновали ее. Она не ожидала, чтобъ онъ такъ скоро исполнилъ ея просьбу... какой онъ славный! Черезъ три часа она его увидитъ и въ благодарность крѣпко пожметъ его руку...

Во время параднаго обѣда, несмотря на то, что сосѣдъ Данцовой велъ съ ней оживленный разговоръ, она ни на минуту не забывала о предстоящемъ визитѣ, интересъ котораго, очевидно, не ограничивался только дѣловой стороной. Съ большимъ трудомъ ей удалось вырваться, и было почти десять, когда лакей раскрылъ передъ ней двери «генеральскаго» кабинета. Она остановилась у порога, немного запыхавшаяся, съ раскраснѣвшимся отъ мороза лицомъ, въ большой черной шляпѣ, нарядная, красивая, съ мягкой улыбкой, скользившей по губамъ и отражавшейся во взглядѣ большихъ, слегка прищуренныхъ, темныхъ глазъ.

— Я опоздала. Простите. Едва вырвалась.

Башиловъ почтительно поцѣловалъ ея руку, любуясь ею, и молчалъ. Она подошла къ письменному столу и опустилась въ то же мягкое глубокое кресло сбоку стола, въ которомъ сидѣла два дня тому назадъ. Башиловъ сѣлъ напротивъ; на столѣ по прежнему были раскинуты бумаги, министерскія записки и томы законовъ. Кабинетъ былъ тотъ же; она пришла по тому же дѣлу, но все казалось инымъ. Комната потеряла свой дѣловой видъ, благодаря мягкому освѣщенію высокой электрической лампы, уютно озарявшей ее сквозь оранжевый шелковый абажуръ. Каминъ ярко пылалъ, и послѣ шумнаго обѣда съ нарядной толпой Евгеніи Михайловнѣ показалось здѣсь такъ тихо, уютно и хорошо, что она невольно высказала это, мечтательно оглядывая всю комнату.

— Вамъ нравится мой кабинитъ? Я очень радъ, такъ какъ я самъ его очень люблю...

Немного разгоряченная послѣ выпитаго за обѣдомъ шампанскаго, Евгенія Михайловна попала съ морознаго воздуха въ теплую и тихую комнату, въ

общество человѣка, во взглядѣ котораго отгадывалась невысказанная мысль... Она сразу почувствовала себя не то ослабѣвшей, не то уставшей; ей надо было собрать свои мысли и успокоиться. Шляпа мѣшала облокотить голову о спинку кресла; Башиловъ замѣтилъ ея движеніе и, настойчиво попросивъ снять шляпу, предупредительно подложилъ ей подушку подъ голову и опять сѣлъ противъ, не спуская съ нея глазъ и тревожа ее этой настойчивостью Данцова овладѣла собой и начала разговоръ о дѣлѣ. Башиловъ взялъ бумаги, просмотрѣлъ ихъ и отложилъ въ сторону,

— Такъ вотъ-съ, Евгенія Михайловна, дѣло ваше я сдѣлалъ; у князя былъ, все обѣщано, задержки не будетъ-съ. А для дальнѣйшаго хода я переговорилъ съ полезнымъ для васъ человѣкомъ, къ которому, если вамъ будетъ угодно-съ, вы съѣздите завтра же. Онъ мною предупрежденъ, человѣкъ ловкій, маху не дастъ, и потому вы можете быть совершенно увѣрены въ благополучномъ исходѣ.

Данцова взволнованно протянула Башилову свою маленькую изящную ручку въ длинной перчаткѣ.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, Владимиръ Ивановичъ?

— А вотъ разрѣшите ручку поцѣловать, снимите перчатку...

Смѣясь, она быстрымъ жестомъ сдернула перчатку и протянула черезъ уголъ стола обнаженную руку, которую Башиловъ взялъ ладонью кверху и прижалъ губы сперва къ ладони, а потомъ къ сгибу локтя. Данцова слегка вздрогнула, сильно смутилась, хотѣла отдернуть руку, но Башиловъ крѣпко ее сжималъ въ своей сильной и широкой рукѣ.

— Пусть мои слова не покажутся пошлыми: я дол-

женъ ихъ сказать вамъ; если не сегодня, то все равно это будетъ завтра... я... я... боленъ вами, я захваченъ вами до такой степени, что эти два дня мысль о васъ меня не оставляла ни на минуту.

— Я... я... поражена... не знаю, что отвѣтить...

— Вы вошли въ душу мою: я самъ себя не узнаю...

Башиловъ опять завладѣлъ рукой Данцовой, тихо гладилъ ее и покрывалъ поцѣлуями. Она, склонивъ голову на протянутую вдоль стола руку, сидѣла безмолвная и неподвижная.

— Евгенія Михайловна, что съ вами? Вымолвите хоть словечко.

Евгенія Михайловна подняла свое взволнованное и поблѣднѣвшее лицо.

— Знаете ли, случилось нѣчто поразительное, нѣчто очень странное... Представьте себѣ, что передъ дѣловой встрѣчей съ вами я, по настоянію одной знакомой, ради шутки пошла съ ней къ очень извѣстной хиромантке, и та предсказала мнѣ все это... по описанію это вы, конечно, вы...

— Что же она предсказала вамъ?

— Все, что вы сказали сейчасъ и, кромѣ того, неминуемую...

— Связь?—докончилъ Башиловъ.

Данцова густо покраснѣла, вырвала руку и поднялась съ кресла.

— Я этого не сказала.

— Но я угадалъ и... это будетъ, потому что этого хочу я и... вы хотите. Развѣ вы сами не сознаете, что мы оба околдованы, что мы уже связаны, что насъ влечетъ другъ къ другу, что это наша судьба... Кто же эта хиромантка, если это не секретъ?

— Степанова, Анна Ивановна...

— Степанова?

— Вы ее знаете?

— Знаю. Однажды она и мнѣ многое предсказала, и все сбылось... Такъ она вамъ нагадала встрѣчу со мной? Дѣйствительно, странно... и намъ не миновать другъ друга.

У Данцовой кровь приливала и отливала отъ сердца. Ея мечтательная и слабая натура безъ протеста вступала въ область фантастической сферы, навѣянной страннымъ совпаденіемъ предсказанія и страстными рѣчами «генерала», глаза котораго, однако, попрежнему оставались наблюдательно-спокойными и смѣющимися въ то время, какъ испуганные, опушенные густыми рѣсницами черные глаза Данцовой томно закрывались или, загораясь, метали искры и становились еще прекраснѣе.

Казалось, что послѣ всего сказаннаго что-то опредѣлилось, стало явнымъ, безповоротнымъ. Волненіе улеглось. Шутя и смѣясь пили чай, поданный въ кабинетѣ, и было за полночь, когда Башиловъ проводилъ Евгенію Михайловну, при прощаніи напомнивъ ей, что въ двѣнадцать дня Дорманъ ждетъ ее къ себѣ.

Данцова долго не могла заснуть въ эту ночь: ее и пугала и прельщала необычность и стремительность вырвавшагося съ обѣихъ сторонъ чувства. Уже давно она жила одинокой и пустой для сердца жизнью. Мечтательная, кроткая и пугливая по натурѣ, несчастная въ супружествѣ, она сторонилась близости мужчинъ, сознавая, что если ее захватитъ чувство, то она будетъ безсильна бороться съ нимъ; мысль о свободной связи пугала ее, воспитанную въ строгихъ традиціяхъ патріархальной семьи, и представлялась ей всегда чѣмъ-то скандальнымъ и обиднымъ. Башиловъ неожиданно принялъ живое участіе

въ ея судьбѣ и показался ей такимъ сильнымъ, ласковымъ и добрымъ; она рѣшила высказаться ему откровенно и попросить его не смущать ея покоя, но!.. вѣдь хиромантка предсказала ей именно связь. Когда она испуганно стала отрицать возможность такого факта, Анна Ивановна серьезно и грустно покачала головой.

— Сердце имѣетъ свои законы... придетъ часъ и вы вспомните, что я вамъ теперь говорю; будетъ встрѣча... для васъ роковая; человѣкъ этотъ—ваша судьба; связь неминуема, она закончится бракомъ, но не скоро.

II.

На слѣдующій день Данцова вошла въ пріемную Дормана. Къ ней вышелъ высокій, щегольски одѣтый человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, съ очень холоднымъ, офиціальнымъ лицомъ, тщательно зачесанными на проборъ волосами, въ высокомъ, подпирающемъ подбородокъ воротникѣ, изысканномъ галстухѣ, съ выхоленными руками, низкимъ металлическимъ голосомъ и холодными глазами.

Сейчасъ же приступили къ дѣлу, которое Дорманъ отчасти уже зналъ отъ Башилова. Дорманъ, большой знатокъ женщинъ, понялъ, почему Башиловъ принималъ такое живое участіе въ судьбѣ Данцовой: онъ нашелъ ее очень интересной и пожалѣлъ, что дѣловыя отношенія съ Башиловыиъ лишаютъ его возможности перебить у него эту женщину. Насколько Башиловъ былъ, выражаясь вульгарно, «бабникъ», безъ утонченныхъ требованій и безъ эстетическаго пониманія женской красоты, настолько Дорманъ былъ цѣнителемъ женщинъ и лю-

билъ ихъ, какъ хорошее вино; онъ мѣнялъ ихъ, какъ перчатки, безъ всякаго участія сердца, но любилъ линію и пластичность даже въ пьяномъ видѣ. Онъ нашелъ Евгенію Михайловну слишкомъ красивымъ экземпляромъ для мало утонченннаго вкуса Владимира Ивановича.

Послѣ получасового свиданія Дорманъ, какъ было условлено, проѣхалъ прямо къ Башилову, чтобы за завтракомъ переговорить объ ея дѣлѣ.

— Ну, что скажете, Николай Карловичъ?—встрѣтилъ его Башиловъ и сейчасъ же провелъ въ столовую, гдѣ ихъ ожидалъ завтракъ.

— Прелесть, прелесть! Прямо съ картины итальянскихъ художниковъ. Проста и изящна. Я бы на вашемъ мѣстѣ серьезно приглядѣлся къ ней: эта хороша не только для забавы; украситъ какой хотите салонъ, нигдѣ не стыдно подъ руку показаться... кровь видна, а въ женщинѣ это первое. Да, впрочемъ, что я вамъ говорю: вы все равно не поймете...

— Нѣтъ-съ, на этотъ разъ понялъ; такъ что ужъ вы, Николай Карловичъ, всякія тамъ поползновенія оставьте, а то, пожалуй, и поссоримся... ну, а если будете пріятелемъ и дѣло ея оборудуете, то я у васъ въ долгу-съ, и ваше рязанское предпріятіе поддержу, насколько въ силахъ. Такъ-съ! Значитъ, мой вкусъ одобренъ?

— Вполнѣ, вполнѣ. Протянула свою ножку лакею съ такимъ видомъ маленькой принцессы, что я позавидовалъ моему Петру. Дѣло ея несложное; затрудненій не будетъ.

Этотъ отзывъ о Данцовой очень польстилъ самолюбію Башилова, и у него мелькнула мысль, что она была бы очень мила не только въ роли любовницы, но даже и въ роли супруги.

— Такъ вы полагаете, что она не для забавы? Да чортъ ихъ знаетъ этихъ бабъ: съ виду кротость ангела и чистота младенца, а стоитъ порыться въ прошломъ и не оберешься сюрпризовъ...

— Такъ вамъ же спѣшить некуда — наведите справки. Во всякомъ случаѣ это женщина общества; совѣтую вамъ не проглядѣть...

— Такъ-съ... Ну, это не убѣжитъ... А что вы мнѣ скажете относительно Тульскаго банка? Какъ дѣла обстоятъ? Вы понимаете прекрасно, что не въ моихъ интересахъ открывать карты. Пусть думаютъ, что я ворочаю сотнями тысячъ; отъ вашей ловкости зависитъ поставить дѣло такъ, чтобы мнѣ не пришлось итти на уступки, ибо тогда они поймутъ, что наличнаго капитала у меня нѣтъ. Въ случаѣ же удачи тутъ пахнетъ хорошимъ кушемъ, который мнѣ въ данный моментъ крайне нуженъ. И пусть этотъ олухъ Піотровскій не ссылается на министерство... тамъ сидятъ такіе же олухи, какъ и онъ самъ. На прошломъ засѣданіи я ихъ всѣхъ подсидѣлъ: послѣ голосованія я преподнесъ статью закона, по которой ни Бурцевъ, ни Васильевъ права голоса не имѣютъ; такимъ образомъ, мой проектъ о коллективности банковъ прошелъ цѣликомъ; позеленѣли оба со злости, а пришлось уступить.

— По всѣмъ даннымъ, дѣло въ Тулѣ выгоритъ; они считаютъ васъ капиталистомъ и въ силѣ...

— Такъ-съ... ну, это не вредно!—Башиловъ самодовольно улыбнулся, осушая стаканъ краснаго вина. Дорманъ, далеко протянувъ ноги подъ столомъ и заложивъ руки въ кармавы, затягивался дорогой сигарой и щурился на клубы дыма.

Переговоривъ о дѣлахъ и перейдя снова къ деталямъ бракоразводнаго дѣла Данцовой, Башиловъ

продложилъ Дорману подвезти его въ своихъ щегольскихъ саняхъ домой, самъ же проѣхалъ въ министерство, гдѣ его ожидалъ секретарь съ кипой бумагъ.

Несмотря на трехлѣтнюю давность, Башиловъ каждый день, входя въ свой просторный служебный кабинетъ, испытывалъ горделивое чувство человѣка, перешагнувшаго служебный перевалъ, за которымъ открываются заманчивые горизонты почестей. Роль труженика-мастерового была окончена: теперь нужна была роль артиста и завоевателя. Чутье Башилова подсказывало ему, что на этомъ поприщѣ ему предстоитъ больше трудностей и борьбы, чѣмъ на предыдущемъ. Онъ сознавалъ, что доступъ въ высшія сферы зависитъ не отъ одной только работоспособности и энергіи.

Въ первый же пріемный день Данцовой Башиловъ былъ у нея. Она встрѣтила его вся сіяющая, ласковая и влюбленная. Съ видомъ побѣдителя и покровителя онъ поцѣловалъ ея похолодѣвшія отъ волненія руки, удобно расположился въ креслѣ, безцеремонно оглядѣлъ небольшую и уютную гостиную и съ удовольствіемъ наблюдалъ смущенное волненіе робкой женщины, которая, какъ онъ ясно это видѣлъ, была уже въ его власти. Черезъ нѣсколько минутъ въ гостиную Евгеніи Михайловны вошелъ господинъ лѣтъ за тридцать шесть, со сдержанными манерами, очень корректный въ обращеніи, плотный, изысканно одѣтый, давнишній знакомый хозяйки баронъ Штаденъ. Обмѣнявшись офиціальнымъ поклономъ съ Башиловымъ, онъ внимательно посмотрѣлъ на Данцову, и отъ него не ускользнуло взволнованное и радостное выраженіе ея и приподнятость настроенія; онъ перевелъ взглядъ на Башилова и, ме-

дленными глотками отпивая изъ поданнаго ему стакана чай, холодно и внимательно разсматривалъ новаго гостя.

— Я только что заѣзжалъ къ Еленѣ Павловнѣ; у нея сегодня засѣданіе по поводу благотворительнаго вечера.

— Много народу?

— Масса. Просила передать, что въ кіоскѣ съ вами будетъ продавать цвѣты нѣкая madame Бергъ, жена губернатора.

— Жена губернатора? Любовь Петровна?

— Да, кажется.

— Я съ ней встрѣчался, знаю ее; гдѣ же она будетъ участвовать въ продажѣ цвѣтовъ? — спросилъ Башиловъ, обращаясь къ барону.

— Моя пріятельница Елена Карцева устраиваетъ благотворительный вечеръ, — поспѣшила отвѣтить Данцова, такъ какъ баронъ Штаденъ почему-то медлилъ отвѣтомъ и принялъ такой холодный видъ, что она незамѣтно для Башилова бросила ему укоризненный взглядъ. Бесѣда не клеилась. Башиловъ поднялся первый, намѣренно долго прикладывался къ рукѣ Данцовой и крѣпко и многозначительно ее пожалъ.

— Откуда вы пріобрѣли это новое знакомство, Елена Михайловна? — спросилъ баронъ, едва Башиловъ удалился.—Это что же—флиртъ?

— Какіе пустяки...—Данцова густо покраснѣла.— Знакомство чисто на дѣловой почвѣ...

— А на какой подкладкѣ?

— Что за экзаменъ, баронъ? Вамъ-то что до этого? Почему вы приняли съ нимъ такой холодный тонъ?

— Потому что въ гостиной на женщину не смотрятъ такими глазами, какими онъ смотрѣлъ на васъ; у него скверныя манеры... вы этого не замѣтили?

— Нѣтъ...

— Странно. Вы, такая щепетильная въ выборѣ знакомствъ, такая строгая, такая prude...

— Да что съ вами?.. Онъ первый разъ у меня съ визитомъ... Очень милый человѣкъ...

— Берегитесь, Евгенія Михайловна... — пошутилъ баронъ, погрозивъ пальцемъ.

— Чего?

— Ваше взволнованное лицо и блестящіе глаза выдаютъ васъ; я пожалуюсь Еленѣ Павловнѣ.

— Ну, это ужъ глупо.

— Юпитеръ, ты сердишься—значитъ...

— Ну, довольно на эту тему, баронъ... Разскажите лучше про Елену.

— Елена Павловна все та же: веселится, смѣется окружена, хлопочетъ о своемъ вечерѣ... вотъ ужъ неизсякаемая энергія,—на все хватаетъ.

— Да, Елена счастливая... положеніе наше одинаковое, а насколько она счастливѣе меня...

— Слѣдуйте ея примѣру.

— Это невозможно. У меня нѣтъ ея смѣлости, ея широкаго размаха. Она дѣлаетъ съ жизнью все, что хочетъ, а я подчиняюсь... вопросъ характера.

Когда баронъ распрощался и уѣхалъ, Данцова съ волненіемъ стала припоминать его слова: какъ, неужели лицо ее выдало и баронъ прочелъ на немъ то, въ чемъ она сама себѣ еще боялась признаться? Она рѣшила впредь быть на-сторожѣ, надѣвъ для общества маску полнаго безразличія по отношенію того, кто такъ неожиданно заглянулъ ей въ сердце.

Однажды Башиловъ по телефону настойчиво просилъ Евгенію Михайловну пріѣхать въ тотъ же день къ нему въ министерство, говоря, что онъ страшно занятъ, но хочетъ съ ней сегодня же переговорить объ ея дѣлѣ.

Въ послѣднее время она видѣлась съ Башиловымъ мало, такъ онъ, ссылаясь на вечернія засѣданія, къ ней пріѣзжалъ рѣдко, къ нему же на домъ она отказывалась пріѣзжать; Башилова начинало сердить это упорство въ такой кроткой и слабовольной женщинѣ, и онъ рѣшилъ его сломить и опредѣлить отношенія съ ней въ желаемой для него формѣ. Экспромтомъ въ головѣ его родился планъ, который онъ немедленно привелъ въ исполненіе, какъ это дѣлалъ обыкновенно. Всѣ его замыслы и ихъ выполненіе отличались стремительностью, которую можно было бы назвать необдуманностью, если бы Владиміръ Ивановичъ ни обладалъ удивительной быстротой соображенія въ дѣлахъ выгоды. Срывался, впрочемъ, онъ не разъ, но только въ сферѣ не дѣлового характера.

Данцова, немного смущенная любопытными взглядами курьеровъ и писцовъ, прошла рядъ пріемныхъ и предъ ней почтительно распахнули дверь кабинета; Башиловъ съ самодовольной улыбкой польщеннаго въ своемъ самолюбіи человѣка намѣренно развязно всталъ ей навстрѣчу, подчеркивая передъ раскланивавшимся чиновникомъ свои дружескія отношенія съ элегантной и красивой женщиной. Когда дверь за чиновникомъ закрылась, Башиловъ взялъ руки Данцовой, снялъ перчатки и попеременно сталъ цѣловать то одну, то другую, подвинулъ кресло, усадилъ и зажегъ подлѣ нея электрическую лампу:

— Какая вы интересная, просто прелесть!

Данцова улыбалась и вся сіяла.

— У васъ хорошо тутъ, только ужъ очень офиціально.

— Что прикажете дѣлать, дѣловой кабинетъ! Такъ-съ... А я, кромѣ кое-какихъ дѣлъ, откровенно говоря, просто повидать васъ хотѣлъ — соскучился безъ васъ; не прогнѣвайтесь, что вызвать осмѣлился.

— Ну, что вы!.. я сама рада видѣть васъ...

— За это спасибо. Кромѣ того, хотѣлъ предложить вамъ вмѣстѣ въ театръ поѣхать на этихъ дняхъ, а оттуда заѣдемъ поужинать...

Евгенія Михайловна молчала.

— Что вы на это скажете? Не одобряете?

— Какъ вамъ сказать? Это будетъ не совсѣмъ удобно... у меня гибель знакомыхъ... разводъ не конченъ... увидятъ насъ вмѣстѣ... сплетни пойдутъ, тѣмъ болѣе, что я очень осторожна, терпѣть не могу рисковать...

— Пожалуй, вы правы... оставимъ театръ, а все-таки отобѣдаемъ гдѣ нибудь, чокнемся за нашу дружбу... Это разрѣшается?

— Владимиръ Ивановичъ, лучше безъ ресторана... такія эскапады не въ моемъ вкусѣ.

— Ну, полно, что за щепетильность: вамъ не пятнадцать лѣтъ.

— Вопросъ не въ лѣтахъ, а въ принципѣ, — нерѣшительно возразила Евгенія Михайловна.

— Преклоняюсь передъ вашей добродѣтелью, а все-таки разрѣшите заѣхать... можно?

Владимиръ Ивановичъ горячимъ взглядомъ упорно смотрѣлъ въ глаза Евгеніи Михайловны; она старалась подъ улыбкой скрыть смущеніе.

— Ну, пожалуй... я согласна...

— Евгенія Михайловна, сдѣлайте мнѣ небольшое одолженіе: съѣздите отъ себя къ вашей хиромантке Степановой; въ былое время она часто мнѣ по картамъ гадала и удивительно всегда вѣрно. Попросите ее погадать на меня... что она вамъ скажетъ? У меня кое-какія осложненія, заботы... скоро ли это все кончится?.. Я, знаете, съ ней повздорилъ по одному дѣлу; давно это было и съ тѣхъ поръ изъ виду ее потерялъ; а вы вотъ напомнили, и пришла въ голову фантазія. Такъ съѣздите?

— Извольте. А вы не боитесь, что секреты ваши выдастъ?

— Какіе у меня секреты, я человѣкъ прямой-съ; говорю, что думаю. Вотъ и вамъ сказалъ, что изволили меня очаровать, совсѣмъ завладѣли мной...

Черезъ полчаса Данцова простилась съ Башиловымъ. Проводивъ ее черезъ рядъ пріемныхъ, онъ вернулся въ свой кабинетъ и немедля позвонилъ по телефону.

— Да, это я... маленькое дѣло къ вамъ, голубчикъ. По-дружески окажите услугу. Вы нагадали что-то одной премиленькой женщинѣ; ну, а я, какъ знать изволите, съ благоговѣніемъ смотрю на красивыхъ женщинъ. Она собирается къ вамъ на дняхъ; пожалуй, и на меня гадать вздумаетъ, такъ вы ужъ короля червоннаго положите къ ея ногамъ, скажите, что весь въ ея власти... да оно такъ и есть... Что такое?.. не вѣрите?.. почему?.. неисправимъ?.. Да вы что?.. ревнуете?.. ну, то-то!.. Ей-Богу, заваленъ дѣлами... Ахъ, по-пріятельски поболтать... Некогда, голубчикъ... Такъ вотъ-съ... пожалуйста... Ну, разумѣется, не знаетъ... не для чего! Сказалъ, что знавалъ васъ давно... Да... да... Ну, до свиданія... Такъ обѣщаете?.. Заѣду... поблагодарю...

Вошелъ курьеръ.

— Ихъ превосходительство товарищъ министра просятъ къ себѣ.

Башиловъ захватилъ бумаги, и мгновенно у него отлетѣли всѣ мысли, которыми онъ былъ только что занятъ; въ данный моментъ его ничто не интересовало, кромѣ доклада, который былъ имъ составленъ сжато и толково.

Башиловъ года четыре тому назадъ встрѣтилъ однажды Анну Ивановну Степанову въ какомъ-то маскарадѣ. Она его ловко интриговала. Поѣхали ужинать. Она сняла маску и домино, и Владимиръ Ивановичъ съ удовольствіемъ обнялъ за талію довольно красивую голубоглазую блондинку съ пухлыми бѣлыми руками и пышной грудью. Тутъ же за ужиномъ она по линіямъ руки удивительно отчетливо разсказала все его прошлое и еще поразительнѣе всего ближайшее будущее... Владимиръ Ивановичъ полушутя увѣрялъ, что она его приколдовала. Умная, ловкая и очень лукавая, она три года была въ связи съ нимъ, и хотя эта связь не мѣшала ему пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы побѣждать сердца, однако порвать съ Анной Ивановной ему не удавалось, настолько она завладѣла имъ. Наконецъ она нашла себѣ болѣе удобнаго покровителя, такъ какъ Владимиръ Ивановичъ особенной щедростью не отличался, и они разошлись безъ тѣни вражды. Въ трудные моменты жизни онъ продолжалъ заѣзжать къ ней съ просьбою погадать, и не было случая, чтобы ея совѣты не оказались полезными. Въ благодарность отъ времени до времени онъ посылалъ ей пышные букеты алыхъ розъ, которые наполняли благоуханіемъ ея небольшую, очень хорошенькую пріемную.

Полъ Петербурга знало Анну Ивановну. Офиціально

она принимала только дамъ; у нея были часы, когда принимались и мужчины, но на другой квартирѣ, гдѣ она и жила сама. Съ мужчинъ она брала втрое дороже и связывала ихъ честнымъ словомъ сохранять въ тайнѣ визиты къ ней; такимъ образомъ мало-помалу въ рукахъ Анны Ивановны собирались нити многихъ семейныхъ драмъ, въ которыхъ она воочію знала всѣхъ участвующихѣ лицъ. Мужья приносили фотографіи женъ, жены — мужей и любовниковъ. Ѣздили къ ней люди высшаго разряда. Бывали зачастую и сановники, которымъ она безошибочно предсказывала повышенія и паденія, указывала враговъ и друзей, давала дѣльные совѣты. Никому и въ голову не приходило, что, имѣя въ рукахъ концы многихъ нитей, Анна Ивановна зачастую создавала желаемыя положенія, за что получала благодарность. Такъ, напримѣръ, былъ одинъ сановникъ, который щедро благодарилъ Анну Ивановну каждый разъ, какъ она направляла въ его кабинетъ хорошенькую просительницу... И не такія еще дѣла обдѣлывала умная и ловкая хиромантка!

На другой же день послѣ свиданія съ Башиловымъ въ его директорскомъ кабинетѣ Данцова поѣхала къ Степановой. Таинственно пріоткрылась дверь въ переднюю, сдерживаемая цѣпью.

— Вы записаны?—предложила горничная обычный вопросъ раньше, чѣмъ впустить. Маленькая пріемная была полна одуряющаго запаха гіацинтовъ и розъ, огромный кустъ которыхъ красовался на столѣ. Данцовой и въ голову не пришло, что эти цвѣты были изъ того же источника, что и въ ея будуарѣ, и что предназначеніе ихъ — заставить ее скользнуть въ ту пропасть, къ которой она не хотѣла близко подходить. Анна Ивановна съ первыхъ же словъ догада-

лась, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, такъ какъ Данцова заговорила первая о вѣрности ея предсказанія.

— Вы мнѣ нагадали одну роковую встрѣчу,—она произошла; но меня страшитъ будущее... Могу ли я вѣрить этому человѣку?

Анна Ивановна разложила карты. Ея проницательные голубые глаза словно читали въ душѣ довѣрчивой влюбленной женщины.

— Да... да... это правда... это такъ...—шептала Данцова.—Что же дальше будетъ? Я боюсь...

— Этотъ человѣкъ весь въ вашей власти... онъ очарованъ вами, полонъ мыслью о васъ... если связи нѣтъ—она будетъ... это неминуемо...

— Ахъ... не надо, не хочу!—вырвалось у Данцовой.

— Да... да... связь неминуема и затѣмъ кончится бракомъ... вы будете счастливы... Этотъ человѣкъ дастъ вамъ все, что надо вашему сердцу.

Данцова сидѣла взволнованная и испуганная. Слово «связь» навѣвало на нее что-то чуждое и враждебное ея честной и чистой природѣ.

— Пожалуйста, разложите карты на него... — попросила Данцова.

Степанова вложила въ душу робкой женщины полное довѣріе къ мало знакомому человѣку, усыпила ея страхъ и внушила ей, что «роковая» встрѣча—ея судьба, ея счастіе, къ которому она неминуемо придетъ путемъ связи. Когда Данцова уѣхала отъ хиромантки, то ей показалось, что ея воля отнынѣ парализована властью слѣпой судьбы, которую ей указала гадалка, и что теперь ей остается только итти навстрѣчу этой судьбѣ.

Въ назначенный вечеръ Данцова обѣдала съ Башиловымъ въ отдѣльномъ кабинетѣ «Медвѣдя». Она была очаровательна въ строгомъ черномъ платьѣ,

съ вздрагивавшими рѣсницами своихъ прекрасныхъ глазъ. Башиловъ обдавалъ ее потоками страстныхъ взглядовъ и словъ. У нея туманилась голова, а незамѣтно подливаемое въ бокалъ шампанское ослабляло мысль и волю.

Когда Башиловъ, внезапно поднявшись съ своего мѣста, запрокинулъ ей голову и началъ цѣловать ее въ губы, отчетливая мысль «предсказаніе сбудется» пронеслась у нея въ головѣ, и она почти безъ протеста согласилась послѣ обѣда ѣхать пить чай къ нему. Лакей оказался отпущеннымъ; Башиловъ открылъ входную дверь американскимъ ключемъ, изъ предосторожности повернулъ ключъ въ двери кабинета и, когда подошелъ къ безмолвно стоявшей Данцовой, она взглянула на него испуганнымъ и растеряннымъ взглядомъ и, тихо ахнувъ, закрыла руками поблѣднѣвшее лицо...

III.

У Елены Павловны Карцевой былъ пріемный день. Просторная и нарядная гостиная, убранная съ большимъ вкусомъ, была ярко освѣщена люстрой. На большомъ кругломъ столѣ былъ сервированъ чай. Хозяйка дома, высокая, хорошо сложенная шатенка, съ открытымъ, радостнымъ и энергичнымъ лицомъ, не столько красивая, какъ удивительно интересная оригинальностью своего типа и характера, входила въ гостиную въ ту минуту, какъ изъ передней лакей распахнулъ дверь передъ барономъ.

— Баронъ, я рада!

Елена Павловна протянула руку.

— А я въ восторгѣ, что мы одни... позвольте... покажите глаза.

Баронъ шутливо заглядывалъ ей въ лицо.

— Въ чемъ дѣло? Не понимаю.

— Изволили кутить вчера?.. Мнѣ все извѣстно.

— И не думала; вы ошиблись: отложено на сегодня. Поѣдемте въ компаніи!..

— Въ какой компаніи? Кто устраиваетъ?

— Конечно, я, всегда я... ѣдетъ Людомирова безъ мужа, Бергъ съ мужемъ, генералъ Орловъ, Женя, Жоржъ Юрьевъ, я и вы. Какъ разъ четыре пары. Въ двѣнадцать часовъ всѣ съѣзжаются у Кюба. Жоржъ распорядитель. Ну, что вы раздумываете? Я за васъ говорю—да.

— Да какой мнѣ интересъ ѣхать? Набрали своихъ поклонниковъ, а я что буду дѣлать? Людомирову я совсѣмъ не знаю, съ Бергъ два слова сказалъ...

— Обѣ преинтересныя женщины. Я васъ посажу съ Людомировой...

— И рядомъ съ собой?

— И рядомъ съ собой...

— Въ такомъ случаѣ, mon ange, я вамъ уступаю въ надеждѣ, что придетъ часъ, когда и вы мнѣ уступите...

— А вы сомнѣваетесь? — и Карцева звонко разсмѣялась.

— Кто васъ знаетъ? Въ святость вашу я не вѣрю, да и никто не вѣритъ, а подловить не удается...

— И не удастся...

— Посмотримъ... дѣлайте, что хотите, а я на стражѣ психологическаго момента...

— Кто знаетъ: можетъ, и дождетесь!

— Вы вѣдь знаете мои воззрѣнія: я безъ драмъ и безъ сентиментальностей... Наша amitié amoureuse должна наконецъ...

— Бросить меня въ ваши объятія?

— Ну, конечно...

— Посмотримъ... Я тоже безъ сентиментальностей и безъ драмъ.

Бошелъ высокій, курносый, гладко выбритый генералъ, церемонно раскланялся передъ Еленой и заговорилъ сладкимъ голосомъ, слушая собственную рѣчь и растягивая слова:

— Жена поѣхала къ madame Людомировой и непремѣнно собирается сегодня же быть у васъ; я же урвалъ минутку, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе и поцѣловать вашу ручку.

Фонъ-Бергъ, нѣмецъ по происхожденію, исполнительный, аккуратный, педантичный и крайне скучный, ждалъ назначенія генералъ-губернаторомъ и пріѣхалъ въ Петербургъ нажать всѣ винты для полученія освобождавшейся вакансіи. Кое-кто долженъ былъ замолвить о немъ въ высшихъ вліятельныхъ сферахъ, и такъ какъ Бергъ отличался особеннымъ умѣньемъ вовремя соглашаться, во-время негодовать и безапелляціонно слѣдовать начертаніямъ высшаго начальства, то шансы его для назначенія на отвѣтственный постъ были очень сильны.

Бергъ церемонно и чопорно сѣлъ на предложенный стулъ къ сервированному столу и, придерживая фуражку рукой, обтянутой въ безукоризненной бѣлизны перчатку, и глядя въ упоръ сквозь пенснэ не мигающими глазами, началъ монотоннымъ голосомъ какой-то длинный и скучный разсказъ, который былъ прерванъ приходомъ Данцовой. Черезъ часъ въ гостиной Елены было уже довольно многочисленное общество. Пріѣхала и жена Берга—Любовь Петровна, улыбающаяся, съ ямочками на щекахъ, начинающая полнѣть, рыжеватая, влюбленная въ себя. Среди изысканной обстановки Елениной гостиной и въ обще-

ствѣ женщинъ, туалеты которыхъ отличались элегантной простотой, Бергъ казалась немного провинціальной въ своей вычурной шляпкѣ, въ тяжеломъ, обшитомъ мѣхомъ платье. Съ замашками провинціальной губернаторши она попробовала импонировать Еленѣ своимъ положеніемъ, но въ первый же визитъ, услышавъ у нея нѣсколько звонкихъ именъ, увидя ея нарядную обстановку и узнавъ, что Елена обладаетъ крупными средствами, она сдѣлалась съ нею очень любезна и мила.

Любовь Петровна Бергъ была давнишней подругой Людомировой; послѣдняя съ нѣкоторыхъ поръ очень льнула къ Еленѣ и даже, вопреки Еленинымъ привычкамъ, заставила послѣднюю выпить съ ней на «ты» послѣ какого-то шумнаго ужина за веселымъ разговоромъ. Людомирова вела «grand train», но въ салонахъ ея роскошнаго особняка недоставало Еленинаго необъяснимаго обаянія, которому подвергались всѣ: Еленинъ живой умъ дѣлалъ ея гостиную крайне интересной. Людомирова въ глубинѣ души завидовала ей, открыто же направо и налѣво говорила о своей искренней дружбѣ съ нею.

Когда Елена, умѣла поддерживая общій разговоръ, разливая чай, и привѣтливо улыбаясь направо и налѣво, взглянула въ сторону Людомировой, то съ удивленіемъ замѣтила, что всегда молчаливый и туго знакомившійся баронъ стоялъ съ нею немного поодаль отъ стола и оживленно разговаривалъ, несмотря на то, что былъ ей представленъ лишь полчаса тому назадъ.

Людомирова была высокая блондинка, необыкновенно богато, эксцентрично, но стильно одѣтая, моложе среднихъ лѣтъ; ея лицо можно было бы назвать красивымъ, если бы оно не было повторе-

ніемъ безконечнаго количества такихъ же лицъ съ прямыми носами, голубыми мало-выразительными глазами, продолговатымъ оваломъ лица и, главное, слишкомъ обильнымъ употребленіемъ косметики. Полузакрывая лицо громадной соболевой муфтой, Людомирова, слушая барона, чему-то звонко смѣялась, изгибаясь слегка корпусомъ, и Елена, отлично знавшая всѣ ея замашки, поняла тотчасъ же, что она уже заинтересована барономъ.

Вокругъ стола оживленной темой былъ оккультизмъ. Елена просила высокаго, красиваго сенатора, изучившаго эту область, много видѣвшаго и прекраснаго говоруна, поддержать ея мнѣніе и защитить противъ нападокъ Берга. Монотонную, будто заученную рѣчь послѣдняго, въ которой онъ доказывалъ, что все нереальное—абсурдъ, вѣжливо прервалъ сенаторъ съ сѣдыми, на сторону расчесанными баками и разсказалъ нѣсколько эпизодовъ изъ своего посѣщенія всѣмъ извѣстнаго оккультиста въ Парижѣ. Петръ Михайловичъ Поповъ, всѣмъ извѣстный въ столицѣ сановникъ, обладалъ широкой эрудиціей; благодаря изумительной памяти, онъ умѣло пересыпалъ свою рѣчь цѣлыми цитатами изъ самыхъ разнородныхъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ; зная въ совершенствѣ языки, онъ пользовался ими съ той элегантностью, которая доступна очень немногимъ. Дамы высшаго свѣта, увлекающіяся заманчивыми тайнами спиритизма и оккультизма, осаждали извѣстнаго своими многосторонними въ этой области свѣдѣніями Попова безконечными просьбами разрѣшать ихъ сомнѣнія, пополнять скудныя знанія, объяснять непонятныя мѣста Апокалипсиса и зачастую такъ досаждали и докучали всегда занятому, погруженному въ дѣла и книги сановнику, что въ дамскомъ обществѣ

онъ избѣгалъ всякихъ разговоровъ на модныя темы объ аккультизмѣ, проникающемъ все глубже и глубже въ высшія сферы.

— Оккультизмъ, — заговорилъ Поповъ, красиво скандируя слова и умѣло пользуясь модуляціями своего низкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ яркаго голоса,—какъ и всякая наука, требуетъ очень серьезнаго и многосторонняго изученія, и только посвященный въ ея скрытыя, оккультныя тайны можетъ вполнѣ ее постичь. Перлы ея сокровищницы,—продолжалъ онъ,—хранятся въ устномъ преданіи и не довѣряются любопытной массѣ, могущей употребить во зло эту силу. Легкомысленно-насмѣшливый взглядъ на эту глубокую область изъ далекихъ временъ сохранившейся науки доказываетъ, какъ пренебрегали мы мудростью протекшихъ вѣковъ и насколько Востокъ всегда былъ глубже проникнуть сознаніемъ, что оккультная сторона нашей духовной жизни должна быть утонченно развита и играть первенствующее значеніе въ нашемъ бытіи. Сохранились данныя, что Спаситель провелъ многіе годы въ Индіи среди умудренныхъ наукой старцевъ.

— Петръ Михайловичъ лично знакомъ съ извѣстнымъ оккультистомъ С. и много интереснаго разсказываетъ мнѣ о немъ,—замѣтила хозяйка дома, желая поддержать и продлить интересующую всѣхъ тему разговора.

— Разскажите и намъ, это такъ интересно! — въ одинъ голосъ просили дамы.

Красивый сенаторъ не особенно охотно подчинился ихъ желанію: онъ не любилъ удовлетворять праздное любопытство ни во что серьезно не вѣрующей публики разсказами изъ области, которую онъ многосторонне изучилъ и потому зналъ многое, недоступное массѣ.

— Свидѣтелемъ одного изъ наиболѣе интересныхъ опытовъ г-на С. я былъ не такъ давно, когда въ многолюдномъ обществѣ на вязанку дровъ, принесенную лакеемъ и положенную тутъ же среди зала, послѣ непродолжительныхъ пассовъ, онъ извлекъ цѣлый снопъ огня изъ пространства, огонь спустился сверху, и дрова загорѣлись.

— Это просто невѣроятно! Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

— Этотъ, какъ и многіе другіе опыты, основанъ на принципѣ единства матеріи. Путемъ долгаго изученія оккультныхъ наукъ возможно проникнуть въ законы колебанія атомовъ и ихъ притягательной силы; волевымъ вліяніемъ человѣка возможно измѣнять эти законы и такимъ образомъ воздѣйствовать на матерію.

Всѣ слушали съ большимъ интересомъ, кромѣ барона, продолжавшаго тихій разгововъ съ Людомировой въ сторонѣ отъ общей группы. Бергъ отъ времени до времени бросалъ въ ихъ сторону никому не замѣтные взгляды. Когда Людомирова стала прощаться съ хозяйкой дома, Бергъ поднялся тоже и вышелъ вслѣдъ за ней. Баронъ на минуту подсѣлъ къ Данцовой.

— Какъ поживаете? Что вашъ флиртъ?

— У меня флирта нѣтъ.

— Тогда назовемъ это романомъ...

— Это еще менѣе удачно.

— Евгенія Михайловна, ну, что вы притворяетесь? Вѣдь я же могила,—вы это знаете. Какъ видите сами, я даже Еленѣ Павловнѣ ни слова не сказалъ... а вамъ, если позволите, посовѣтую все-таки быть осторожной съ этимъ не салоннымъ генераломъ вашимъ, такъ какъ слышалъ, что онъ невысокой пробы человѣкъ: на-

стоящій бабникъ, возится съ актрисами, большой нахалъ и въ службѣ пролаза.

Данцова слегка покраснѣла и сейчасъ же сдѣлала равнодушное лицо.

— Ну, что же... мнѣ это безразлично.

— Я говорю вамъ на всякій случай. Les amis de nos amis sont nos amis... только потому и позволилъ себѣ.

— Я очень цѣню ваше сердечное отношеніе, баронъ... и увѣрена, что всѣ ваши наблюденія по отношенію меня вы, конечно, оставляете при себѣ. А теперь о другомъ: вы ѣдете сегодня ужинать къ Кюба?... Вотъ отлично. Сознаюсь, я ѣду не очень охотно... я предпочитаю рано лечь и почитать въ кровати, чѣмъ кутить до утра въ ресторанѣ... Это Елена всѣхъ подбила по просьбѣ Людомировой, которой хочется повеселить пріѣзжую подругу madame Бергъ.

Когда баронъ прощался съ Еленой, она лукаво заглянула ему въ глаза:

— Теперь я, кажется, могу быть увѣрена, что вы не измѣните вашего рѣшенія быть вечеромъ у Кюба. Я отгадала?

— Отгадали... буду непремѣнно... хотя это меня сегодня и не особенно устраиваетъ.

— И знаю, съ кѣмъ васъ посадить...

— Да вы умница—это я давно зналъ.

Данцовой дѣйствительно не хотѣлось ѣхать въ ресторанъ; она была такъ захвачена нахлынувшимъ на нее потокомъ безконечной любви и преданности къ очаровавшему ее Башилову, который искусно сумѣлъ взобраться на пьедесталъ всевозможныхъ благородныхъ жизненныхъ основъ, что все то, что не соприкасалось съ нимъ, стало для нея чуждымъ

и неинтереснымъ. Всѣ его затѣи коммерческаго характера, въ которыхъ онъ принималъ якобы косвенное участіе, представлялись ей комбинаціями поразительной изобрѣтательности и энергіи; страсть къ наживѣ онъ ловко маскировалъ потребностью расходовать свои силы. Иногда онъ повѣрялъ ей свои дѣла и проекты, желая прозондировать ея умъ; Данцова, краснѣя и волнуясь, давала совѣты, и они были разумны и практичны, «генералъ» былъ доволенъ, цѣловалъ выхоленную ручку и мысленно укрѣплялся въ намѣреніи перемѣнить въ скоромъ будущемъ ея роль послушной любовницы на роль послушной же супруги, поклоняющейся высокимъ талантамъ своего властелина и мужа. Уѣзжая отъ Елены Павловны, она попробовала отговориться отъ поѣздки къ Кюба, но Елена горячо запротестовала.

— И безъ того тебя почти не видно... ты куда-то отъ меня прячешься; нѣтъ, Женичка, на этотъ разъ я не уступлю; не разстраивай компаніи. Ровно въ одинадцать съ половиною за тобою заѣдетъ Орловъ — будь готова.

Данцова сдалась. Пріѣхавъ домой, она по телефону увѣдомила Башилова, что вечеромъ ѣдетъ въ компаніи ужинать и что дѣлаетъ это очень неохотно. Заодно она пожаловалась, что очень соскучилась, не видя его цѣлую недѣлю, и просила назначить день свиданія. Башиловъ отвѣчалъ очень односложно, торопливо и вскорѣ извинился тѣмъ, что у него дѣловой визитъ, и что онъ обо всемъ переговоритъ завтра. Тонъ его голоса былъ почти офиціальный.

Данцова съ тоской повѣсила трубку — ей такъ хотѣлось хоть по телефону сказать и услышать нѣсколько ласковыхъ словъ. Если бы Данцова могла видѣть на разстояніи, то сердце ея болѣзненно сжа-

лось бы и забило тревогу: въ кабинетѣ Башилова сидѣла рыжеватая, улыбающаяся женщина съ ямочками на щекахъ, въ широкомъ платьѣ фасона empire безъ корсета, съ обнаженными выше локтя пухлыми руками; она, полулежа на оттоманкѣ, приводила въ порядокъ разсыпавшуюся прическу.

— Кто это говорилъ, Воля?

— Да все по поводу моихъ коммерческихъ предпріятій... надоѣли. Хоть трубку снимай... продолжай... я тебя слушаю.

— Говоритъ, что вчера трое его поздравили съ ближайшимъ назначеніемъ. Министръ очень долго говорилъ съ нимъ и былъ, какъ ему показалось, пріятно удивленъ, что онъ такъ хорошо знаетъ условія этого края... Дай-то Богъ, Воличка, чтобы надежды оправдались; вотъ ужъ скажу, что повезло...

— Что повезло, это вѣрно, а все же и я кое-чему помогъ; послѣ двухъ послѣднихъ ревизій столько наговорилъ объ его распорядительности, административныхъ способностяхъ и образцовомъ порядкѣ, что тогда же его замѣтили.

— Да, я помню, ты говорилъ мнѣ... теперь, значитъ, за мной чередъ; если только назначеніе состоится, то ручаюсь тебѣ за мѣсто губернатора.

— Если здѣсь не будетъ движенія впередъ, то, разумѣется, для меня это можетъ быть удобнымъ...

Башиловъ, заложивъ руки за спину, ходилъ вдоль кабинета грузной походкой, наклонивъ голову впередъ и минутами останавливаясь передъ Бергъ.

— Сегодня я была съ Маришей у Карцевой; слыхалъ про такую? Елена Павловна.

— Что-то припоминаю... красивая женщина?

— Мужчинамъ нравится, а я не нахожу... лицо какъ у вакханки.

— Что жъ, это хорошо... Кто жъ тамъ былъ?

— Много было; не помню фамилій... какой-то сенаторъ, прекрасно говорившій объ оккультизмѣ, Трубецкой-толстякъ, все время разсказывавшій анекдоты, какой-то баронъ, вѣроятно, слабость Мариши, двѣ-три дамы... одна изъ нихъ, кажется, на ты съ Карцевой; очень хорошенькая брюнетка съ великолѣпными томными глазами, фамиліи не помню, кажется, Евгенія Михайловна. Мариша Людомирова говорила, что она была очень несчастна съ мужемъ, который пропустилъ полсостоянія на женщинъ и кутежи, а теперь требуетъ развода и афишируетъ себя связью съ какой-то кокоткой. Вотъ ужъ дуракъ! Эта Евгенія Михайловна премиленькая женщина: что ему еще надо! Онъ, говорятъ, красавецъ, хорошо образованъ, но все общество на ея сторонѣ, и его перестали принимать.

— Такъ-съ...—Башиловъ не моргнулъ при упоминаніи знакомаго имени.—Сегодня, значитъ, ты кутишь?

— Да, въ этой же компаніи... жаль, что тебя не будетъ.

— Нѣтъ ужъ, голубчикъ, ты меня уволь... Никого я тамъ не знаю, кромѣ этой твоей Мариши, которую долженъ сознаться, терпѣть не могу: сплетница и дурища...

— Ну, это ужъ слишкомъ, ты ее вѣдь совсѣмъ не знаешь.

— Довольно было того разу, что вмѣстѣ ужинали... я такихъ женщинъ не люблю...

— Какихъ же ты любишь? Меня любишь?.. полушопотомъ спросила Бергъ, томно потягиваясь и откидывая голову на подушку оттоманки.

— Да какъ тебѣ сказать?—Башиловъ остановился

передъ ней, закладывая руки въ карманы.—Я собственно говоря никого не люблю, ни одну женщину... я могу быть увлеченъ, охваченъ... къ тебѣ я привыкъ за эти четыре года и, знаешь ли, привыкъ сильно; тебѣ этого мало?

— Мало, потому что я тебя люблю,

— Удивительный вы всѣ женщины народъ; вы никогда не хотите довольствоваться простыми чувствами, непремѣнно вамъ надо бурныя страсти...

— Ахъ, пожалуйста, Воля! Не воображаешь ли ты, что я цѣпляюсь за тебя? Это ужъ слишкомъ; я не такъ глупа и не такъ стара... повернусь и уйду...

Бергъ нервнымъ движеніемъ стала поправлять растрепавшуюся прическу и поднялась съ дивана.

— Ты что это—разсердилась?

— Конечно.

— Надолго?

— Могу и на всегда.

— Ну, этому я не вѣрю,—отъ добра добра не ищутъ.

— А ты увѣренъ, что мнѣ съ тобой такъ хорошо?

— Хорошо, и очень хорошо... ну, погляди... ну дай губы...

Башиловъ насильно привлекъ ее къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ. Бергъ закрыла глаза, стала совсѣмъ безвольной, опустилась опять на диванъ и вдругъ притихла и опечалилась.

— Воля, отчего мнѣ кажется, что ты меня обманываешь?

— Ужъ это я не знаю отчего. Чистъ передъ тобой, какъ хрусталь. Да и некогда мнѣ съ бабами возиться; занятъ я очень.

— Воля, я откажусь отъ сегодняшняго ужина; Мариша меня выгородитъ; поѣдемъ куда-нибудь

вдвоемъ; черезъ нѣсколько дней я опять уѣду; мы такъ мало видимся...

— Нѣтъ, голубчикъ, сегодня не могу никакъ; у меня засѣданіе, окончится поздно, а завтра надо рано встать; ужъ ты, пожалуйста, своихъ плановъ не измѣняй; завтра часа на два я вырвусь, пообѣдаемъ вмѣстѣ; и ты мнѣ разскажешь всѣ подробности сегодняшняго вечера. А теперь, голубчикъ, прощай; скоро сынъ пріѣдетъ, да и дѣла мнѣ надо кое-какія кончить.

Бергъ съ сожалѣніемъ поднялась и у простѣночнаго зеркала стала надѣвать шляпу. Въ зеркалѣ отражалось ея цвѣтущее, какъ у юной дѣвушки, лицо съ яркимъ румянцемъ, немного вздернутый хорошенькій носикъ и большіе черные глаза, которые составляли оригинальный контрастъ съ рыжими волосами.

Башиловъ издали наблюдалъ за ней и мысленно сравнивалъ ея расплывшуюся отъ непривычки къ корсету фигуру съ изящнымъ силуэтомъ воздушной Данцовой, и, конечно, сравненіе было не въ ея пользу. Когда Людомирова указывала ей на преждевременную полноту и совѣтовала принять мѣры и почаще ходить въ корсетѣ, Бергъ лѣнивымъ жестомъ закидывала руки за голову и потягивалась какъ кошка.

— Ахъ, Мариша, для чего я стану себя мучить, если мужчины и безъ того любятъ и сходятъ съ ума по мнѣ.

Влюбленная въ себя, она не отличала ухаживанія за ней, какъ за губернаторшей, отъ искренняго увлеченія, и ея женское тщеславіе часто раздувало въ пожаръ мимолетно брошенную искру.

Отъ Башилова Бергъ проѣхала прямо къ Людомировой, у которой онѣ сговорились вдвоемъ по-

обѣдать, такъ какъ оба супруга отсутствовали, и онѣ съ удовольствіемъ пользовались случаемъ побыть наединѣ и поболтать.

Обѣ подруги тотчасъ же прошли въ столовую. Въ громадной строгаго стиля Henri IV комнатѣ, завѣшанной фамильными портретами и гобеленами и ярко освѣщенной люстрой, на большомъ тяжеломъ столѣ сиротливо выдѣлялись два прибора. Говорили мало; Бергъ не щеголяла знаніемъ иностранныхъ языковъ, и интимная бесѣда была отложена на послѣ обѣда, когда присутствіе лакея не будетъ стѣснять. Перебирали впечатлѣнія дня; Людомирова язвила по адресу почти всѣхъ и подъ кажущейся сердечностью и сочувствіемъ скрывала немало ехидства и пошлаго любопытства. Кофе и ликеръ былъ поданъ въ маленькую голубую гостиную—настоящую игрушку Louis XV. Обѣ пріятельницы удобно расположились у камина другъ подлѣ друга. Бергъ, размякшая, усталая, глубоко забилась въ кресло, и полузакрывъ глаза, смотрѣла на яркій огонь камина: она переживала мысленно свиданіе съ Башиловымъ и не могла отдѣлаться отъ безотчетной грусти. Четырехлѣтняя связь глубоко укрѣпилась въ ея сердцѣ: она любила Башилова, вѣрила ему и годъ тому назадъ была почти готова разойтись съ мужемъ и выйти за Башилова. Почему-то это не состоялось. Бергъ не отдавала себѣ отчета, что не допустилъ до этого самъ же Башиловъ, хотя на словахъ увѣрялъ ее, что готовъ на бракъ съ ней, когда бы она этого ни пожелала. За послѣдній годъ Бергъ хотя и часто пріѣзжала въ Петербургъ, но все случалось какъ-то такъ, что она его видѣла мало; онъ говорилъ, что заваленъ службой по горло, вѣчныя засѣданія, комиссіи... Онъ какъ будто бы позволялъ лю-

бить себя, самъ же давалъ страшно мало, и Любовь Петровна, вспоминая минувшіе годы, задумывалась и страшилась развязки. Никто изъ воображаемыхъ ею безумно влюбленныхъ въ нее поклонниковъ не могъ замѣнить ей привычную связь, которую она очень ловко отъ всѣхъ скрывала, и даже Людомирова была въ заблужденіи относительно истиннаго положенія вещей.

— Я такъ устала, Мариша, что мнѣ совсѣмъ неохота ѣхать сегодня къ Кюба,—обратилать она къ Людомировой.

— Успѣешь отдохнуть... для тебя же я затѣяла эту поѣдку—ты должна ѣхать. Ты какъ будто бы не въ духѣ; случилось что-нибудь? поссорились?

— О, нѣтъ... и не думали. Влюбленъ попрежнему.

— Неужели ты думаешь, Люба, что онъ тебѣ не измѣняетъ?

— Ахъ, Мариша, ты не знаешь, что говоришь; онъ совершенно неспособенъ на это, онъ весь у моихъ ногъ...

— Ну, я бы на твоемъ мѣстѣ не была такъ довѣрчива. Разъ онъ могъ себѣ позволить такую штуку со мной...

— Какую штуку?

— Ты забыла исторію съ галошами, послѣ ужина у «Медвѣдя?..

— Ну, что за ерунда, Мариша! Ты все это преувеличиваешь... Скажи мнѣ, ты давно знакома съ Карцевой? Я отъ тебя не слыхала раньше ея имени. Кто она и что она?

— Я съ нею знакома сравнительно недавно—второй годъ; на «ты» мы съ ней совершенно случайно; какъ-то полушутя выпили за веселымъ ужиномъ. Интересная женщина. Чертовски умна, такъ и лѣ-

зетъ къ мужчинамъ въ душу. Она въ Петербургѣ живетъ лѣтъ пять — со времени своего вдовства. Массу выѣзжаетъ, много принимаетъ; про нее всякую всячину разсказываютъ; очень окружена, флиртъ направо и налѣво и въ тоже время, представь себѣ, что любовника у нея нѣтъ. Ужъ какъ тамъ ни хитри, а шила въ мѣшкѣ не утаишь... Или же одно остается предполагать, что имъ числа нѣтъ, что она ихъ мѣняетъ какъ перчатки... Но нѣтъ, это невѣроятно; сами мужчины выдали бы... Вообще, ловкая особа! Я предполагаю, что она должна быть очень развратна. Представь себѣ, что когда мы въ прошломъ году ѣздили съ мужемъ въ Парижъ, она предложила мнѣ сдѣлать списокъ всѣхъ самыхъ интересныхъ мѣстъ закулисной парижской жизни. Когда я этотъ списокъ показала одному знакомому въ Парижѣ,—онъ просто ахнулъ! Онъ вѣрить не хотѣлъ, что его дала Елена, и увѣрялъ, что онъ составленъ по наслышкѣ. Я ей это передала; она ничуть не смутилась и въ присутстіи нѣсколькихъ мужчинъ подтвердила, что нѣтъ уголка, котораго она бы не посѣтила въ свою бытность въ Парижѣ, то есть между 18-ю и 22-мя годами. Она тамъ жила совершенно самостоятельно; посѣщала университетъ, имѣла квартиру въ Картіе Латенъ, была на товарищеской ногѣ со студентами и изучала въ ихъ же обществѣ жизнь и нравы Парижа. Это будучи дѣвушкой! Ты можешь себѣ это представить? Тамъ же въ Парижѣ она встрѣтила своего мужа, который послѣ смерти оставилъ ей хорошее состояніе.

— Правда, что въ нее Орловъ влюбленъ?

— Товарищъ министра? Совсѣмъ погибаетъ бѣдный старикъ; и любитъ, и ненавидитъ—все вмѣстѣ.

— Ну, а этотъ Жоржъ Юрьевъ, морякъ, какую тамъ роль играетъ?

— Ну, что касается Юрьева, то я и сама не понимаю: или Елена дьявольски ловка, или... или онъ дуракъ.

— Мариша, а баронъ интересенъ!..—лукаво глядя на подругу и лѣниво потягиваясь, замѣтила Бергъ.

— Ты про барона Штадена? Да, у него, знаешь, есть что-то притягивающее. Должна тебѣ сказать, что я имъ нисколько не заинтересована; хочется подразнить Елену. Надо ее немного позлить и хорошенько увлечь его.

— Что за охота! Мнѣ всѣ эти мужчины такъ надоѣли, такъ надоѣли!.. отбою нѣтъ...

Подруги долго еще вели интимную бесѣду, въ которой пытались разоблачить закулисную жизнь и интересы окружающихъ, зорко оберегая свои собственные и даже прибѣгая ко лжи, лишь бы они оставались тайной одна для другой.

Разставаясь, онѣ нѣжно обняли другъ друга. Людомирова обѣщала къ двѣнадцати заѣхать за подругой въ собственномъ щегольскомъ моторѣ.

IV.

Было около половины одиннадцатаго, когда Жоржъ Юрьевъ, красивый морякъ, съ черными, какъ уголь, глазами, вьющимися густыми волосами и почти классической чистой линіей профиля, бодрый и веселый, сбросилъ на руки лакея пальто и вошелъ безъ доклада во вторую, болѣе интимную гостинную Елены Карцевой, зажегъ электрическую высокую лампу, опустился въ кресло, досталъ портсигаръ и, закуривъ

папироску, въ удобной позѣ, съ откинутой на спинку кресла головой, молча погрузился въ неподвижное и безразличное созерцаніе давно знакомыхъ, висящихъ напротивъ картинъ.

— Георгій Александровичъ — вы? — раздался изъ отдаленной комнаты звонкій голосъ Елены.

— Есть!—отозвался Юрьевъ.

— Если очень хотите чаю, то идите въ столовую и пейте, а если нѣтъ, то подождите минутъ десять; я скоро буду готова. Въ нашемъ распоряженіи еще цѣлый часъ.

— Слушаю-съ и ожидаю. Елена Павловна, можно велѣть подать краснаго вина? Я умираю отъ жажды.

— Разумѣется... Пейте вино и думайте обо мнѣ... или, нѣтъ, о Женичкѣ, или все равно, о комъ хотите.

— Елена Павловна,—шутливо-плаксивымъ голосомъ протянулъ Юрьевъ:—да одѣвайтесь же скорѣе...

Лакей подалъ вино, которое Юрьевъ, не измѣняя позы, пилъ медленными глотками, курилъ, морщился отъ дыма, перекладывалъ ногу на ногу и продолжалъ созерцать Айвазовскаго и Шишкина.

Шелестя шелкомъ, вошла Елена въ гладкомъ черномъ платьѣ, съ открытыми плечами и обнаженными руками, блистательная своеобразной красотой, стройная, гибкая, смѣющаяся и захватывающая, холодная и невыразимо привлекательная.

— Ой!.. сразили...—Юрьевъ сорвался съ кресла, пошатнулся и дурачливо упалъ на колѣни.

— Не вѣрю... напрасно...—Елена, улыбаясь, застегивала браслетъ; ей не удавалось, и она протянула руку Юрьеву. Пока тотъ, нагнувшись надъ ея рукой, старался справиться съ мудреной застежкой, Елена, загадочно улыбаясь, тихонько провела рукой по его

волосамъ, потомъ нагнулась и, едва прикасаясь къ нимъ губами, поцѣловала.

— Елена Павловна, не шалите... ей-Богу, не застегну.

— О, застегнете...—въ голосѣ прозвучала насмѣшливая нотка.

— Вы думаете?

— Увѣрена.

Прошли въ столовую.

— Ну, разскажите, что дѣлали сегодня?

— Былъ на службѣ, два визита сдѣлалъ, обѣдалъ съ товарищами у «Медвѣдя», а теперь предсталъ предъ ваши ясныя очи.

— А настроеніе?

— Сносное.. А вы какъ?

— Я все то же... Обликъ вакханки и сердце монахини.

— Славная вы, хорошая...

— Чѣмъ, Юрочка? чѣмъ, коварный лейтенантъ?

— Всѣмъ. Съ вами какъ-то удивительно тепло и уютно.

— Въ особенности если влить въ себя три стакана краснаго вина послѣ обѣда у «Медвѣдя» и передъ ужиномъ у Кюба.

— Это ужь зло, Елена Павловна.

Въ это время послышался въ сосѣдней комнатѣ звонъ шпоръ, и вошелъ генералъ Орловъ, высокій и сухощавый, съ маленькой, совершенно лысой головой, голубыми и проницательными глазами и сильно развитой нижней челюстью; прямой, бодрый, съ военной молодцоватой выправкой, онъ казался моложе своихъ шестидесяти лѣтъ. У Елены при входѣ его дрогнули уголки губъ. Она ласково протянула ему руку, которую тотъ крѣпко сжалъ, поднося къ гу-

бамъ. Съ Юрьевымъ онъ поздоровался сдержаннѣе обыкновеннаго и, не владѣя мимикой, съ насмѣшливымъ выраженіемъ лица сѣлъ къ столу.

— Михаилъ Михаиловичъ, если вы посѣтили меня мимоходомъ,—я очень рада; но если черезъ двадцать минутъ вы не поѣдете къ Женѣ, то я протестую...

— Слушаю-съ, Елена Павловна, но вѣдь было условлено, что я заѣзжаю за вами...

— Милый генералъ, опять вы перепутали... Это ужасно! Вы должны были заѣхать за Женей, и Георгій Михайловичъ за мной...

— Я тутъ—налицо...

— Позвольте, господа, это было говорено вчера, а сегодня, когда я откланивался вамъ въ шесть часовъ и сказалъ, что я заѣду къ вамъ, вы...

— Мнѣ и въ голову не пришло, что это обозначало перемѣну плановъ.

— Такъ я тутъ ни при чемъ... Въ такомъ случаѣ позвольте откланяться.

Орловъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ отодвинулъ стулъ, офиціально откланялся и вышелъ. Елена громко разсмѣялась и, догнавъ его въ гостиной, проговорила вполголоса, кладя ему руку на рукавъ:

— Послушайте, голубчикъ, вотъ вы и разобидѣлись. Вы не правы: не могу же я отправлять къ Женѣ Юрьева, разъ было условлено, что вы за ней пріѣдете — это вышло бы неудобно и по отношенію ея...

— Да, да, разумѣется... и вамъ удобнѣе, очевидно, пріѣхать съ Юрьевымъ.

— Неостроумно...

Орловъ еще разъ щелкнулъ шпорами, сухо поклонился и исчезъ за дверью. Елена вернулась въ столовую.

— Генералъ изволилъ разсердиться. Какъ бы мнѣ за ужиномъ не влетѣло.

— Не влетитъ. Я возьму васъ, Юрочка, подъ свою защиту. Добрый онъ человѣкъ, но бываетъ невыносимъ.

— Я не хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ: полюбить въ его годы—это пытка

— Во всякіе годы, Юрочка...

— А вы развѣ любили Елена Павловна? Ну, по правдѣ... хоть одинъ разъ?..

— Вѣроятнѣе всего, что нѣтъ, и не полюблю ни за что, ни за что. Это пытка и мука, а я не хочу страдать.

— Охъ, попадетесь, Елена Павловна... право, попадетесь.

— Ни за что!

— Вспомните меня... и если попадетесь, то ужъ во всю.

— Ну, Юрочка, мой коварный лейтенантъ, я вамъ даю честное слово, что если со мной случится такая бѣда, то я открою вамъ свою душу, и вы будете меня спасать. Хотите?

— Согласенъ.

— А мнѣ васъ спасать не надо, Юрочка? Все идетъ хорошо? Видитесь часто?

— Почти каждый день.

— Она благосклонна?

— О, да.

— И maman тоже?

— Съ этой стороны я спокоенъ...

— А въ меня вы больше не влюблены, ни-ни?

— Влюбленъ теперь? Нѣтъ. Я васъ люблю.

— Какъ друга, какъ сестру... Ахъ вы бѣдненькій. Мнѣ жаль васъ. Очевидно и вы попались, и вамъ

надо пройти весь путь иллюзій и мечтаній, чтобы черезъ нѣколько лѣтъ карта за картой началъ бы распадаться вашъ карточный домикъ. Клятвы, увѣренія, высокіе идеалы семейныхъ устоевъ—все подточится, и опять вы станете, Юрочка, пылкимъ, коварнымъ лейтенантомъ. Но это ничего не значитъ: каждому надо пройти одинъ и тотъ же путь; чередъ за вами—идите.

— Вы меня мало знаете; я сумѣю сохранить нетронутыми и ея, и свою любовь.

— Старая пѣсня, всѣми пѣтая... И все-таки это лучше одиночества...

Елена опустила подбородокъ на скрещенные пальцы и на минуту закрыла глаза.

— Вы одиноки?

— Ужасно!..

— Васъ тяготитъ?

— Минутами.

— Васъ такъ многіе любятъ.

— Что мнѣ до этого? Я никого не люблю и не хочу полюбить... да и некого. Однако пора собираться,—встрепенулась Елена.

Движеніемъ головы она какъ будто стряхнула грустныя думы, навѣянныя откровеннымъ разговоромъ; исчезла складка между темныхъ характерныхъ бровей, лицо оживилось, потухшіе на минуту глаза ожили и заискрились.

— Ѣдемъ же, а то ждать будутъ, и Орловъ будетъ язвить весь ужинъ.

Елена не ошиблась. Когда она вошла въ заранѣе заказанный отдѣльный кабинетъ, вся кампанія была въ сборѣ. Лакеи сервировали посреди комнаты большой столъ, уставляя его утонченными закусками и винами.

— Прибавьте свѣжей икорки... салатъ à la Parisienne... да раковыхъ шеекъ не забудь, голубчикъ...— суетился Юрьевъ подлѣ стола, взявшій на себя заботу составленія меню.

Изъ открытаго окна неслись звуки румынскаго оркестра; въ ярко освѣщенной комнатѣ съ поддѣльными большими гобеленами по стѣнамъ пахло духами; лица дамъ были оживлены; всѣ стояли отдѣльными группами, говорили не громко, смѣялись сдержанно, скользили улыбки, срывались полуслова. Подъема не было, но чувствовалось, что съ первымъ же бокаломъ шампанскаго, изъ окна, выходящаго въ общій залъ, гдѣ игралъ оркестръ, постепенно вольется атмосфера приподнятаго настроенія, съ откровеннымъ признаніемъ въ искрящихся глазахъ, съ шумною рѣчью, кокетливымъ смѣхомъ и мимолетными тайными рукопожатіями.

Поздоровавшись, Елена шаловливо обвела всѣхъ глазами.

— Господа, здѣсь чуется романъ... и продолжающійся, и зарождающійся... и очень опасный...

Ея взглядъ скользнулъ по лицу барона.

— Что жъ тутъ удивительнаго: гдѣ вы, тамъ и любовное настроеніе,—это нераздѣльно.

Орловъ подошелъ къ Еленѣ и съ упрекомъ посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Я не о себѣ говорю, ваше превосходительство...

— А я исключительно о васъ. Ловко меня спровадили... — вполголоса проговорилъ онъ, косясь на Юрьева.—Красивый мальчикъ. Давно у васъ въ плѣну?

— Какъ это скучно, Михаилъ Михайловичъ!

Елена пожала плечами и отошла къ группѣ барона, Людомировой и Бергъ, который, очевидно, чувствовалъ, что мѣшаетъ, и все-таки упорно оставался подлѣ.

Она взяла его подъ руку и, кокетливо смѣясь и болтая, отвела въ сторону, успѣвъ бросить лукавый взглядъ невозмутимому съ виду, почти апатичному барону.

Юрьевъ, руководившій ужиномъ, попросилъ всѣхъ къ столу, обильно уставленному всевозможными блюдами: свѣжая икра въ большомъ хрустальномъ боченкѣ, устрицы на серебряныхъ подносахъ, покрытыхъ льдомъ, лангуста, шо-фруа, балыкъ, осетрина, всевозможные салаты, свѣжіе огурцы, редиска — все было красиво подано, съ желаніемъ угодить изысканнымъ вкусамъ избалованныхъ гурмэ. Лакеи безшумно сновали взадъ и впередъ; дамы стягивали свои длинныя перчатки, мужчины потирали руки, освѣдомляясь о вкусахъ дамъ, звенѣли рюмки, ножи и вилки, пахло вкусными блюдами. Настроеніе постепенно поднималось, становилось шумно и весело. Людомирова послѣ нервыхъ же двухъ бокаловъ слегка опьянѣла. Ея продолговатые, сильно подведенные глаза краснорѣчивымъ взглядомъ отвѣчали на упорные взгляды невозмутимаго, очень корректнаго въ рѣчахъ и манерахъ барона.

Бергъ, сидѣвшій рядомъ по другую сторону, замѣтно волновался, тщетно пытаясь отвлечь вниманіе Людомировой отъ сосѣда. Орловъ, подъ вліяніемъ двухъ-трехъ ласковыхъ словъ Елены, успокоился и велъ тихій разговоръ о Еленѣ съ Евгеніей Михайловной, которая почти не пила и мысленно была далеко отъ шумной компаніи. Юрьевъ занималъ Любовь Петровну Бергъ, какъ мальчишка хохоталъ и дурачился и поминутно спрашивалъ шепотомъ, близко нагибаясь къ плечу Елены:

— Елена Павловна, я приличенъ? Дерните меня за рукавъ, если я не того...

Елена была очень оживлена. Она со всѣми смѣялась и кокетничала. Вино туманило голову; хотѣлось выкинуть какую-нибудь опасную шалость.

Лакеи незамѣтно подливали въ узкіе бокалы ледяную струю шампанскаго; въ окна, открытыя въ общій залъ, врывались безшабашные цыганскіе мотивы румынскаго оркестра; запахъ утонченной кухни, сигаръ и духовъ, сдержанный говоръ нарядной кутящей и веселящейся запоемъ до утренней зари публики, неожиданный веселый взрывъ женскаго смѣха— все это взвинчивало и безъ того приподнятое настроеніе собравшейся компаніи.

— Юрочка, — громко шептала Елена: — нагнитесь; ближе, ближе, я васъ умоляю, будьте молодцомъ и поцѣлуйте меня вотъ тутъ, подлѣ уха... Ну, что вамъ стоитъ?..

— Что вы говорите? Орловъ не спускаетъ глазъ... вы рискуете...

— Чѣмъ? Вотъ ерунда... Вы думаете, я не знаю, что про меня говорятъ? Мнѣ безразлично. Тутъ ничего нѣтъ дурного... Ну, Юрочка, не будьте же трусомъ... это такъ легко... нагнитесь и... я жду...

Елена заливалась громкимъ смѣхомъ. Юрьевъ колебался. Все время чьи-нибудь глаза были устремлены въ ихъ сторону. Елена наступила каблукомъ на носокъ Юрьева и настойчиво давила ему ногу, тотъ моршился, охалъ, хохоталъ и громко вскрикивалъ. «Утро туманное... утро сѣдое... страстныя рѣчи, такъ жадно ловимыя»... Лились изъ зала опьяняющіе звуки скрипки и зажигали неясныя желанія въ возбужденномъ и разгоряченномъ мозгу. Въ ту минуту, какъ Елена, перегнувшись мимо Юрьева черезъ уголъ стола, что-то разсказывала Любовь Петровнѣ, онѣ изловчился и быстро поцѣловалъ ея шею. Она ахнула

и, откинувшись на спинку стула, залилась звонкимъ смѣхомъ. Людомирова и ея подруга Бергъ переглянулись; очевидно, обѣ успѣли перехватить мимолетный поцѣлуй.

Было поздно. Пользуясь минутой разъѣзда, баронъ отвелъ Елену въ сторону:

— Дорогая моя, завтра въ часъ мы ѣдемъ завтракать въ Hôtel de France. Если вы не поѣдете, madame Людомирова ни за что не поѣдетъ. Я прошу васъ не откажите,—я скажу ей сейчасъ, что мы уже сговорились. Да?

Елена сощурилась и вызывающе посмотрѣла въ глаза барона.

— О, да! И съ большимъ удовольствіемъ.

Черезъ минуту возлѣ Елены стояла Людомирова; дѣлая видъ, что поправляетъ выбившійся локонъ, она, вся разгоряченная виномъ и усиленнымъ флиртомъ съ барономъ, съ затуманившимися, подведенными глазами, быстро зашептала на ухо подругѣ:

— Ради Бога, сдѣлай такъ, чтобы баронъ провожалъ тебя; я должна ѣхать съ Бергомъ, его жену твой морякъ провожаетъ...

— Что такое? Мой морякъ? — Елена звонко разсмѣялась.

— Тише, ради Бога. Если ты не отвлечешь барона, будетъ непріятность; Бергъ мнѣ очень нуженъ.

— Хорошо, Мариша... вѣдь я говорила тебѣ передъ ужиномъ, что готова быть добрымъ геніемъ... Баронъ, на минуту, пожалуйте сюда. Такъ какъ Маришу провожаетъ Бергъ и такъ какъ я остаюсь безъ кавалера, то прошу васъ сопровождать меня... тѣмъ болѣе, что у насъ есть кое о чемъ еще переговорить... Михаилъ Михайловичъ,—окликнула она Орлова, кончавшаго расчеты съ Юрьевымъ,—прошу васъ, доставьте

Женичку домой цѣлой и невредимой: мнѣ предлагаетъ свои услуги неотразимый баронъ...

Орловъ криво усмѣхнулся. Когда спускались съ лѣстницы, онъ подалъ ей руку.

— Я отлично все понимаю... Вы нарочно меня устраняете...

— Я ни при чемъ; такъ надо было сдѣлать.

— Было бы глупо съ моей стороны вамъ вѣрить, Елена Павловна. Я играю дурацкую роль и глубоко сожалѣю, что согласился принять участіе въ этомъ ужинѣ.

— Фу ты, Господи, какъ скучно!

Елена высвободила руку и прошла впередъ.

VI.

На другой день Людомирова подкатила къ подъѣзду Еленинаго дома около часу дня и, нетерпѣливо поглядывая изъ окна автомобиля, волновалась, смотрѣла на часы и начинала раздражаться, когда наконецъ распахнулась тяжелая дверь, и Елена, оживленная, свѣжая, безъ признаковъ утомленія, сошла со ступенекъ крыльца.

— Какъ ты задерживаешь, Елена. Скорѣе! мы и то опоздали. Баронъ ждетъ.

— Это не важно, можетъ и подождать.

— Дѣло не въ баронѣ, а я боюсь въ этотъ часъ натолкнуться на мужа или еще хуже на моего мучительнаго поклонника Берга. Вотъ ужъ не понимаю, чего онъ ждетъ отъ меня? Вѣдь онъ скученъ, какъ только можетъ быть скученъ влюбленный нѣмецъ. Я ему тысячу разъ повторяю, что ни на какія уступки я не пойду, что я цѣню его дружбу и только... Эти

мужчины понять не могутъ, что существуютъ честныя женщины, совершенно неспособныя унижать себя...

— И ѣздить на свиданіе съ барономъ Штаденомъ,—невозмутимо докончила Елена.

Людомирова вспылила.

— Я не способна ни на какія двусмысленныя свиданія; доказательствомъ служитъ то, что я категорически отказала ѣхать съ нимъ одна.

— Ты поступила предусмотрительно, такъ, какъ не знаешь барона; я его знаю давно и хорошо, и могу тебя впередъ освѣдомить, что это джентльменъ съ головы до ногъ, и если бы тебѣ вздумалось ѣхать сегодня одной, то повѣрь, что никто не узналъ бы объ этомъ, ни даже я, а вѣдь мы съ нимъ большіе друзья.

— Къ чему ты мнѣ это все говоришь? Баронъ нисколько меня не интересуетъ; онъ такъ умолялъ меня пріѣхать, что я просто изъ любопытства ѣду.

— Ахъ, Мариша, перестань ты меня морочить. Какое мнѣ дѣло до твоихъ отношеній къ Бергу и къ барону, и къ пятому, и десятому? Чего ты боишься? Передъ кѣмъ ты оправдываешься? Кому это нужно? Живи, какъ считаешь возможнымъ жить, имѣй хоть пять связей за разъ, но будь искренна и хоть себѣ не лги, считая себя непорочной въ то время, какъ тебѣ надо прятаться отъ мужа и еще отъ кого-то другого, чтобы ѣхать на свиданіе съ третьимъ.

Людомирова вспыхнула; ея глаза зло сверкнули.

— Если я такъ поступаю, то лишь изъ разумной предосторожности, чтобы изъ-за пустяка не нарушать чужого спокойствія; да и то я ѣду не одна. Не суди, пожалуйста, по себѣ. Ты связи допускаешь, и даже по нѣскольку сразу, а я на это смотрю иначе. Ты свободна, дѣлаешь, что хочешь, а у меня есть

мужъ, и я не могу слѣдовать твоимъ принципамъ, которые, впрочемъ, мало кто можетъ раздѣлять.

Людомирова приняла видъ оскорбленной въ своемъ достоинствѣ женщины.

— Ни о моихъ принципахъ, ни о моей жизни ты судить не можешь, такъ какъ ни того, ни другого не знаешь, — спокойно отвѣтила Елена, но въ душѣ ея шевельнулось чувство презрѣнія къ трусливой, лживой и показной морали, которой Людомирова хотѣла прикрыть свое поведеніе. Елена заранѣе была увѣрена, что баронъ безъ труда добьется ея благосклонности, и понимала, что пріятельница будетъ вести двойную игру по отношенію ея, такъ какъ ея дружба съ барономъ была извѣстна Людомировой, и она боялась, очевидно, сразу ему довѣриться. Елена предвидѣла для себя скучную роль посредницы и, бросая на Людомирову слегка насмѣшливый взглядъ, мысленно рѣшила содѣйствовать скорѣйшей развязкѣ. Обѣ молчали. Людомирова не могла успокоиться отъ задѣвшихъ ея самолюбіе замѣчаній Елены. Она достала изъ сумочки зеркальце и осталась собой очень довольна: волненіе вызвало на ея щеки яркій румянецъ, а глаза утратили утомленный видъ и блестѣли. Она ловко подправила краснымъ карандашомъ линію губъ, слегка напудрила лицо, подрисовала брови и съ волненіемъ выскочила изъ автомобиля, едва онъ остановился у подъѣзда Hôtel de France. Баронъ ждалъ ихъ въ вестибюлѣ и быстро провелъ въ ближайщій кабинетъ.

— Мои милые друзья, — заявила Елена, едва они сѣли за столъ и былъ поданъ завтракъ:—согласитесь сами, что я тутъ играю весьма глупую и неинтересную роль, а потому предупреждаю, что буду развлекаться, иначе мнѣ будетъ скучно.

— Что ты называешь—развлекаться?—Людомирова насторожила уши; она слегка побаивалась Елены, инстинктивно чувствуя въ ней какую-то силу и неуязвимость, противопоставить которой она ничего не имѣла.

— Я даю себѣ право говорить все, что мнѣ вздумается.

— По отношенію тебя самой — конечно; но я не даю тебѣ право говорить обо мнѣ.

— Я и не собираюсь, ты напрасно такъ испугалась. О себѣ же и о баронѣ я буду говорить, что хочу. Юрій Александровичъ, вы разрѣшаете?

— Наша дружба является полной для меня гарантіей, что вы не скажете ничего, что могло бы дискредитировать меня въ глазахъ Марины Константиновны.

— Браво, баронъ. Вы говорите мало, но всегда хорошо и выгодно для себя. Итакъ, чокнемся за тройственный союзъ и чтобы Мариша заразилась вашимъ къ ней чувствомъ...

— Елена, перестань, ты говоришь ерунду; баронъ можетъ Богъ знаетъ что подумать...

Елена отпивала шампанское маленькими глотками; оно ее почти не пьянило; Людомирова по обыкновенію легко пьянѣла, и ея глаза уже горѣли ненормально-сухимъ блескомъ. Баронъ чувствовалъ себя прекрасно. Не теряя давно вкоренившагося глубокаго чувства влюбленной дружбы къ Еленѣ, онъ отдавался неожиданному влеченію къ захватившей его Людомировой.

— Милый мой баронъ,—обратилась къ нему Елена, шаловливо придвигаясь къ нему и кладя ему руку на плечо.—Нашъ флиртъ оконченъ съ того момента какъ я оказалась вамъ нужной помощницей для свиданія съ другой женщиной; вы отошли отъ меня, не

дождавшись ни одного поцѣлуя... И теперь, когда ваши уста жаждутъ иныхъ устъ,—теперь мнѣ жаль, и я плачу объ его утратѣ.

— О, за чѣмъ же дѣло стало?—вдругъ сорвалась съ своего мѣста Людомирова. Ея продолговатые глаза метали искры; она была сильно возбуждена; слегка опьянѣвшая, подрисованная, вызывающе одѣтая, она смахивала на кокотку и была почти красива.—Если баронъ хочетъ выиграть въ моемъ мнѣніи, то онъ обязанъ поцѣловать тебя; послѣ такого вызова для мужчины нѣтъ другого исхода.

— Что же, баронъ, выбирайте: или цѣлуйте меня и подымайте свои акціи въ ея глазахъ, теряя въ моихъ, такъ какъ я буду знать, что мой поцѣлуй берется въ угоду Маришѣ, или же выигрывайте въ моихъ глазахъ и теряйте съ той стороны?

— Елена Павловна, вы не правы, такъ какъ вы прекрасно знаете, что я былъ бы счастливъ поцѣловать васъ такъ же, какъ и...

— Какъ и Маришу? Браво! Тогда я согласна.

— Я не согласна... съ какой стати!

— Какъ съ какой стати? Ты допускаашь возможнымъ цѣловать меня, почему же не тебя?

— Я не желаю...

— Юрій Александровичъ, если вы рѣшитесь поцѣловать меня, то за вашу храбрость васъ ждетъ награда; если же двѣ дразнящія васъ женщины уѣдутъ отсюда съ сознаніемъ, что вы трусъ... это дѣло ваше...

Елена не успѣла докончить фразы, какъ баронъ отставилъ бокалъ, быстро перегнулся и, охвативъ Елену за талію, крѣпко поцѣловалъ ее въ губы. Она, ничуть не смущаясь, приняла ожидаемый поцѣлуй. Людомирова ахнула и закрыла лицо салфеткой.

— Баронъ, если только вы посмѣете... если вы посмѣете только, то помните, что мы видимся въ послѣдній разъ, — неестественно испуганнымъ голосомъ лепетала Людомирова. Баронъ смутился. Елена гнѣвно поднялась со стула.

— Мариша, это нечестно.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу... я не позволю... второй разъ видимся и вдругъ... про меня можно будетъ Богъ знаетъ что подумать... баронъ не смѣйте, я запрещаю...

— А я приказываю... Вы слышите:—я при-ка-зы-ва-ю, иначе это оскорбленіе.

Баронъ взглянулъ на Елену и увидѣлъ такіе гнѣвные, негодующіе прекрасные глаза, такое надменное, слегка поблѣднѣвшее лицо, что немедленно поднялся съ своего мѣста, рѣшительно подошелъ къ Людомировой, отдернулъ салфетку и почти безъ сопротивленія прильнулъ къ ея губамъ. Поцѣлуй длился долѣе чѣмъ этого требовала Елена; она отвернулась и сдѣлала видъ, что поправляетъ у зеркала прическу. Послѣ завтрака Елена убѣдила Людомирову уступить ей впередъ свой автомобиль, чтобы не опоздать по какому-то дѣлу. Она распростилась съ влюбленной парой, едва сдерживая улыбку и очень довольная, что впредь уже не будетъ нужно ея вмѣшательства.

Но едва она сѣла въ автомобиль и осталась одна, какъ вся только что происшедшая сцена показалась ей до крайности противной. Она упрекнула себя, что сыграла въ ней пошлую роль, въ которой теперь раскаивалась.

VII.

Прошло нѣсколько дней. Елена Карцева, утомленная сутолокой, проводила вечеръ въ одиночествѣ за книгой въ маленькой любимой гостиной. Было довольно поздно, когда неожиданно, безъ доклада, шумно вошла Мариша Людомирова и вслѣдъ за ней генералъ Бергъ. Елена была удивлена позднему визиту въ особенности Берга, котораго знала сравнительно недавно. Съ ловкостью свѣтской женщины она скрыла свое удивленіе; Людомирова была очень оживлена и развязна; отъ нея пахло виномъ и духами, прическа казалась измятой подъ эксцентричной шляпой съ цѣлымъ каскадомъ сѣрыхъ перьевъ. Бергъ, заглядывая ей въ глаза, въ одной рукѣ держалъ ея сумочку, на другой было перекинуто длинное соболье боа.

— Мы къ тебѣ на часокъ, — выпить чашку чаю; Оттонъ Александровичъ стѣснялся, но я настояла... я обѣдала у нихъ; Люба экспромтомъ уѣхала въ театръ, а я рѣшила заѣхать къ тебѣ, тѣмъ болѣе, что вышла ужасная путаница... мы въ сущности собирались нагрянуть къ тебѣ обѣдать; я не успѣла предупредить мужа, что планъ разстроился... онъ на охоту поѣхалъ... по телефону узнала, что вернулся и, вѣроятно, сюда заѣдетъ... ты понимаешь?.. — скороговоркой бросала Людомирова, немного путаясь и не договаривая. Елена сейчасъ же поняла, что отъ нея требовалось не отрицать, что обѣдали у нея, если бы этотъ вопросъ былъ поднятъ Людомировымъ. Бергъ имѣлъ слегка смущенный видъ; притворно-слащавымъ голосомъ называлъ Людомирову «фазаночка», ловилъ каждый ея жестъ и взглядъ, угадывалъ мысли.

— Фазаночка была неумолима сегодня; я предлагалъ поѣхать въ театръ, предлагалъ наконецъ вамъ протелефонировать, чтобы поѣхать вмѣстѣ, но она закапризничала,—я не смѣлъ ослушаться и позволилъ себѣ явиться къ вамъ непрошеннымъ, — говорилъ Бергъ, претенціозно растягивая слова и не спуская восхищеннаго взгляда съ Людомировой, у которой, очевидно, еще кружилась голова отъ пережитого угара.

Черезъ полчаса явился и Людомировъ, свѣжій, здоровый брюнетъ съ живыми карими глазами, словоохотливый и добродушный, ограниченный и довѣрчивый. Онъ предоставлялъ женѣ дѣлать ему карьеру, вѣря въ ея умъ и способности завлекать на лукулловскіе обѣды въ ихъ особнякъ нужныхъ и вліятельныхъ особъ и расточать имъ плѣнительныя улыбки. Несмотря на то, что ему нужно было камергерство и видный постъ, его занимали всего болѣе передвижныя койки для раненыхъ собственнаго изобрѣтенія; разговоромъ на эту тему онъ занималъ каждаго, чье вниманіе ему удавалось привлечь къ себѣ. Людомирову эти койки бѣсили до того, что она не могла скрывать раздраженія, когда заходила объ нихъ рѣчь. Елена была довольна, что ей не пришлось лгать: Людомировъ много говорилъ объ охотѣ, не касаясь протекшаго дня.

— Скажи, пожалуйста, Елена, давно у твоей подруги съ лицомъ цѣломудренной мадонны романъ съ Башиловымъ? — спросила Людомирова, отведя Елену въ сторону.

— О комъ ты говоришь? О Женѣ?

— Ну, разумѣется.

— У нея романъ? Съ какимъ Башиловымъ? Первый разъ слышу... не можетъ этого быть.

— Она обѣдала съ нимъ въ ресторанѣ.

— Когда?

— Сегодня.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Это безразлично кто.

— Это ложь: я хорошо знаю Женю; она ни за что и ни съ кѣмъ не поѣдетъ.

— А я тебѣ повторяю, что ее видѣли сегодня выходящей съ нимъ изъ отдѣльнаго кабинета... и ясно было, что она боялась быть узнанной.

— Это кто же? Ты ее видѣла?

Людомирова покраснѣла и отвѣтила, что не она, но Елена поняла, что она солгала.

— Въ такомъ случаѣ это злая сплетня. Кто такой Башиловъ? Я его имени никогда не слыхала отъ Жени.

— А вотъ ты поразспроси ее и скажи ей, что Башиловъ занятъ; онъ давно у ногъ Любы Бергъ и, конечно, не порветъ съ ней для твоей мадонны; я его знаю немного и не считаю человѣкомъ порядочнымъ; пусть будетъ осторожна... клянется въ безумной любви одной, а самъ возится съ другой...

Елена была поражена: подозрѣвая въ Людомировой склонность къ интригамъ, она все же не могла допустить, чтобы все сказанное ею было сплошнымъ вымысломъ. Данцову, съ которой ее связывало чувство дружбы съ дѣтскихъ лѣтъ, она любила горячо; судьба ихъ разлучала и вновь соединяла, и отношенія неизмѣнно оставались тѣ же; Елена относилась къ ней, какъ къ младшей сестрѣ: оберегала, успокаивала, утѣшала и помогала мириться съ жизненными обидами. Онѣ были полной противоположностью, но это не мѣшало имъ понимать одна другую. Елена испугалась за свою робкую и дѣйстви-

тельно по натурѣ цѣломудренную подругу; если фактъ ресторана не былъ вымышленъ, то это доказывало, что въ жизни ея случилось нѣчто необычайное, что она скрыла даже отъ своей единственной подруги, съ которой была всегда откровенна. Елена вспомнила, что не такъ давно на ея мимолетный вопросъ, гдѣ она была весь вечеръ наканунѣ, Данцова почему-то густо покраснѣла. Потомъ ей припомнился букетъ алыхъ розъ, которымъ она залюбовалась, заѣхавъ какъ-то къ ней.

— Чудныя розы. Гдѣ ты ихъ купила? — спросила Елена.

Данцова назвала магазинъ и опять покраснѣла. Весь вечеръ Елена была занята мыслью о подругѣ и рѣшила завтра же вызвать ее на откровенность. Людомировой очень хотѣлось сообщить и Любови Петровнѣ Бергъ пикантный эпизодъ встрѣчи Башилова въ ресторанѣ съ Данцовой, но, обдумавъ, она рѣшила пока умолчать, такъ какъ для нея это оказывалось невыгоднымъ. Супруги Бергъ собирались черезъ нѣсколько дней уѣхать, что было для нея очень на руку, такъ какъ Бергъ ходилъ за ней по пятамъ, требовалъ свиданій, мѣшалъ ей ужасно и могъ испортить только что начавшійся и сильно захватившій ее романъ съ барономъ. Барону она очень ловко намекнула, что Бергъ ея давнишній и потерявшій надежду обожатель, что дружбой его, какъ человѣка, ей преданнаго, она дорожитъ, и что, кромѣ того, у него есть кое-какія связи, очень нужныя въ данный моментъ для полученія камергерства мужемъ, который пальцемъ не шевельнетъ, если она сама не похлопочетъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Людомирова знала, что Любовь Ивановна дорожила отношеніями съ Башиловымъ болѣе, чѣмъ это хотѣла показать, и

боялась, что сообщенная новость о Евгеніи Михайловнѣ можетъ встревожить подругу настолько, что она задержится въ Петербургѣ подъ первымъ попавшимся предлогомъ, а съ ней вмѣстѣ отсрочитъ отъѣздъ и ея мужъ. Сообразивъ все это, Людомирова предпочла пока молчать.

Елена на другой же день была у Данцовой; та собиралась выйти, но, радостно встрѣтивъ подругу, скинула шляпку и близко подсѣла къ ней.

— Женичка, какъ ты похорошѣла за это время; у тебя такой радостный видъ... Случилось, что-нибудь хорошее?

— О, ровно ничего. Все то же.

Елена помолчала. Потомъ рѣшительно взяла подругу за обѣ руки и пристально посмотрѣла ей въ глаза.

— Женя, я не хочу хитрить съ тобой и должна тебѣ сказать, что пріѣхала съ тобой переговорить. Я знаю, что въ твоей жизни совершается что-то особенное; ты за послѣднее время немного отстранилась отъ меня и стала менѣе откровенна.

Въ одно мгновеніе Данцова поняла, о чемъ будетъ говорить Елена. Признаться ей въ связи съ Башиловымъ она чувствовала себя не въ силахъ. Эта связь терзала и давила ея душу, несмотря на всю ея пылкую, безпредѣльную, рабскую любовь; она съ трепетомъ сердца ждала дня, когда наконецъ Башиловъ предложитъ ей узаконить эти отношенія, и съ каждымъ новымъ свиданіемъ надежда ея росла, такъ какъ Башиловъ былъ влюбленъ попрежнему, очень интересовался дѣломъ развода и торопилъ его, издалека намекая ей о готовности жениться. Данцова, несмотря на всю слабость характера, умѣла иногда не измѣнять разъ принятому рѣшенію. На

этотъ разъ она твердо рѣшила даже отъ Елены утаить свой романъ до тѣхъ поръ, пока Башиловъ опредѣленно не предложитъ ей руку; она не сомнѣвалась, что желанный день близокъ, и эта увѣренность придавала ей силу и выдержку.

— Кромѣ развода, ничего особеннаго; я не знаю, что ты подразумѣваешь?

— Женя, я знаю, что ты влюблена...

— Въ кого?—Данцова спокойно улыбнулась.

— Въ какого-то Башилова.

— Это кто же тебѣ сказалъ? Баронъ?

— Честное слово—нѣтъ. Развѣ ты не знаешь, что баронъ на способенъ на сплетни?

— Онъ однажды видѣлъ у меня Башилова и поддразнилъ меня имъ, но онъ ошибся: между нами, кромѣ дѣловыхъ отношеній, ничего нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ Башиловъ мнѣ совсѣмъ не нравится; онъ мнѣ нуженъ для дѣла развода,—вотъ и все.

— Тебя видѣли съ нимъ вчера, въ ресторанѣ... Это правда?

Данцова на секунду смутилась, но овладѣла собой и, спокойно улыбаясь, отвѣтила:

— Да, это правда.

— Какъ? Ты, ты была въ ресторанѣ въ отдѣльномъ кабинетѣ? Женя, я тебя не узнаю...

— Я была по дѣлу. Я поняла, что за бокаломъ шампанскаго скорѣе удастся добиться услуги отъ этого господина, и я поѣхала: онъ, пожалуй, и увлеченъ мною слегка, но я нисколько.

— Но въ такомъ случаѣ, Женя, вѣдь это же страшный рискъ. Тебя видѣла Людомирова въ ту минуту, какъ вы выходили изъ кабинета; ты ее не замѣтила,—она, вѣроятно, шла сзади; Мариша можетъ быть опасна: она не умѣетъ молчать...

— Да, это некстати...

— Женя, это совсѣмъ на тебя не похоже; я до сихъ поръ не знаю, вѣрить ли тебѣ.

— Мой повѣренный убѣдилъ меня, что если Башиловъ похлопочетъ, то дѣло будетъ окончено скоро и выгодно для меня; съ Башиловымъ я немного знакома; онъ человѣкъ серьезный и порядочный; дѣло свое вчера я, кажется, уладила; но скверно, что Людомирова меня видѣла. Ради Бога, Елена, поговори съ ней и разубѣди ее. Могу тебя увѣрить, что я совершенно равнодушна къ Башилову и между нами нѣтъ даже намека на флиртъ.

Данцова была такъ невозмутимо хладнокровна, что даже проницательная Елена повѣрила ея словамъ и у нея отлетѣла отъ сердца тревога за подругу. Въ передней, обнимая Данцову, Елена еще разъ вернулась къ тревожившему ее вопросу.

— Слава Богу, Женичка, что предположенія Мариши ошибочны. Я непремѣнно переговорю съ ней. Я даже испугалась за тебя, такъ какъ Мариша не очень хвалила этого господина, и главное, скажу тебѣ по секрету, что ея подруга Бергъ въ связи съ нимъ уже нѣсколько лѣтъ, для чего она и пріѣзжаетъ сюда; ты понимаешь, какъ это было бы ужасно для тебя. Ну, до свиданія. Ни скрывай отъ меня ничего, Женя; ты знаешь, какъ я люблю тебя и какъ могу понять все, что касается тебя.

Елена скрылась за дверью. Евгенія Михайловна, смертельно поблѣднѣвшая, прислонилась къ стѣнѣ. Такъ вотъ что значатъ всѣ дѣла и комиссіи, которыми Башиловъ все это время заваленъ до того, что они видятся урывками. Вотъ объясненія его недовольнаго тона, когда недавно ей вздумалось безъ предупрежденія заѣхать къ нему довольно поздно

вечеромъ; вотъ разгадка его непонятной озабоченности, его частыхъ отлучекъ изъ дому по вечерамъ. Когда бы она ни позвонила по телефону, испытывая непреодолимое желаніе хотя бы услышать его голосъ, его не оказывалось дома.

Данцовой показалось, что на нее надвинулась грозная туча, заполнившая все ея существованіе. Она почувствовала себя маленькой, слабой, обиженной, неспособной не только бороться, но даже безсильной что-либо предпринять для своего спасенія. Она провела весь день съ безумной тревогой въ сердцѣ, не отдавая себѣ отчета, что дѣлаетъ, о чемъ думаетъ. Образъ Башилова неотступно стоялъ передъ ней... она почти слышала его голосъ, видѣла его открытое, улыбающееся лицо. Она не могла допустить, чтобы этотъ сильный, смѣлый и прямой человѣкъ могъ быть способенъ на обманъ; это такъ не совмѣщалось съ представленіемъ о всей его личности, что, несмотря на всѣ мучительныя сомнѣнія, гдѣ-то далеко въ глубинѣ души у нея таилось убѣжденіе, что въ его поведеніи относительно нея кроется, вѣроятно, что-то невыясненное, что-то недоговоренное, о чемъ она должна имѣть храбрость заговорить первая, и она это сдѣлаетъ, какъ только съ нимъ увидится.

Было поздно, когда Евгенія Михайловна съ заплаканными глазами, измученная горькими сомнѣніями собиралась ложиться спать, какъ раздался звонокъ телефона, и она, вся похолодѣвъ отъ волненія, съ безумно бьющимся сердцемъ приблизила ухо къ трубкѣ. Говорилъ Башиловъ; какъ обыкновенно, онъ говорилъ съ ней въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ, не измѣняя разъ принятой на всю жизнь привычкѣ не давать ни одной женщинѣ всѣхъ

козырей на руки, сохраняя всегда путь къ отступленію; однако въ тонѣ его было много ласки, онъ сѣтовалъ, что не видалъ ее нѣсколько дней, обратилъ вниманіе на взволнованный голосъ, спросилъ, здорова ли, просилъ беречь себя и обѣщалъ черезъ дня два или три освободиться на весь вечеръ и провести его вмѣстѣ.

«Такъ лгать человѣкъ не можетъ», сказала себѣ Данцова и, слегка успокоенная лаской любимаго голоса, прошла въ свою спальню, опустилась на колѣни и долго и горячо молилась, прося простить ея грѣхъ.

Въ это же самое время поздней ночи въ отдѣльномъ и обширномъ кабинетѣ, обставленномъ съ утонченнымъ вкусомъ любителя и знатока, у большого письменнаго стола, озареннаго неяркимъ свѣтомъ лампы, сливался съ полумракомъ худощавый силуэтъ старика Орлова. Опершись локтемъ о край стола и опустивъ на руку голову, престарѣлый сановникъ давно сидѣлъ неподвижно, устремивъ глаза на стоявшій передъ нимъ портретъ женщины. Какія мысли роились въ головѣ его? Почему, изъ глазъ его скатилась слеза и расплылась на листкѣ продушеннаго, исписаннаго мелкимъ почеркомъ, письма? Который разъ перечитывалъ онъ сегодня это письмо и все-таки не находилъ словъ для отвѣта, не находилъ въ его строкахъ той желаемой теплоты, которой жаждало его еще полное жизненныхъ запросовъ сердце. За какія прегрѣшенія онъ наказанъ? Зачѣмъ этой мучительной страстью, этой ревнивой любовью полно все его существо? Онъ жалокъ самъ себѣ, онъ дѣлаетъ все, чтобы подавить роковое чувство: онъ уѣзжалъ, чтобы не видѣться, проклиналъ

день встрѣчи, хотѣлъ привязаться къ другой—все было тщетно. Чувство, захватившее его, было похоже на страшный шквалъ, который сметаетъ на пути своемъ все, что было пережито въ сердцѣ за всю долгую жизнь, и не оставлялъ въ немъ ни одного образа, ни одного воспоминанія о быломъ. И когда шквалъ пронесется, сердце его будетъ подобно пустынѣ, голой, мучительно безплодной пустынѣ. Съ такимъ сердцемъ, гдѣ сметено все прошлое и гдѣ унылая старость съ навязчиво-холоднымъ и насмѣшливымъ разсудкомъ не въ состояніи отразить ни одного свѣтлаго луча, ни одной горячей искры,—съ такимъ сердцемъ жить будетъ нельзя... Кругомъ встанутъ еще угрюмѣе призраки одинокой старости и ничего, ни одного цвѣтка изъ пройденнаго длиннаго пути, гдѣ было столько пышныхъ розъ, столько яркихъ лучей, столько солнца. Господи! Да гдѣ же, гдѣ же вся жизнь его? Одна эта женщина... и если исчезнетъ и она съ пути его—настанетъ глубокій мракъ ненужной и безцвѣтной жизни. О, пусть лучше муки ревности и вѣчныхъ сомнѣній, чѣмъ эта непроглядная ночь, погрузиться въ которую для него хуже, чѣмъ умереть, потому что умираютъ отжившіе, а онъ, несмотря на свои годы, полонъ жизненной энергіи и его сердце, какъ и въ молодые годы, тревожно бьется и ищетъ отвѣта на безразсудную страсть. Эта неустанная борьба съ самимъ собою, вѣчное напряженіе всего существа губительно отзываются на его здоровьи,—онъ проводитъ безсонныя ночи и губитъ послѣдній остатокъ силъ. Бываютъ минуты, что онъ ненавидитъ всей душой ту, передъ которой готовъ молиться, которая составляетъ весь смыслъ его жизни. Вѣдь она жестока и неблагодарна, она не понимаетъ, что

однимъ словомъ, однимъ движеніемъ глазъ она причиняетъ ему нестерпимыя муки или невыразимое счастье. Передъ нимъ встаетъ картина его первой встрѣчи съ Еленой Карцевой за границей годъ тому назадъ въ ресторанъ-вагонѣ, когда поѣздъ мчался среди ущелій, надъ обрывами и потоками Альпійскихъ горъ. Онъ уступилъ ей мѣсто свое у окна; съ благодарной и ласковой улыбкой она имъ воспользовалась, прильнула къ окну и, захваченная сказочной красотой панорамы съ изумруднымъ потокомъ, перекинутымъ черезъ него игрушечнымъ мостикомъ и старинной готической церковкой вдали на склонѣ горъ, восторженно обратилась къ нему:

— Какая волшебная сказка... точно забытая греза далекихъ мечтаній...

Его тогда же поразила вся ея внѣшность; въ ней было что-то удивительно мягкое, что то чарующее; матовый цвѣтъ лица, рѣзкій изгибъ темныхъ бровей, носъ съ небольшимъ горбикомъ, яркіе губы и громадные овальные глаза, загадочные и притягивающіе. Прекрасно одѣтая, стройная, она такъ завладѣла его воображеніемъ, что онъ всю дорогу былъ занятъ только ею. Въ разговорѣ нашли общихъ знакомыхъ и связи, онъ былъ доволенъ, что она охотно принимала всѣ его маленькія услуги и очень весело согласилась воспользоваться его предложеніемъ показать ей всѣ лучшіе уголки Тироля, куда, какъ оказалось, оба они направлялись.

Мало-по-малу онъ сдѣлался ея чичероне. Изъ Швейцаріи поѣхали въ Италію; она была тамъ впервые, онъ же зналъ Италію вдоль и поперекъ. Совмѣстныя прогулки, экскурсіи, посѣщенія музеевъ, дворцовъ и храмовъ, подъ его руководствомъ и при его широкомъ знаніи и умѣломъ толкованіи, сбли-

зили ихъ до такой степени, что она полушутя объявила, что если ему безразлично, то она ничего лучшаго не желаетъ, какъ то, чтобъ онъ сопутствовалъ ей въ ея дальнѣйшемъ путешествіи въ Испанію.

Въ угоду ей и влекомый еще непонятной ему самому силой, онъ измѣнилъ весь свой маршрутъ и три мѣсяца неотступно слѣдовалъ за ней, взявъ на себя всѣ заботы объ отеляхъ, багажѣ и билетахъ.

Съ широкимъ и многостороннимъ образованіемъ, умная, энергичная, живая, какъ ртуть, впечатлительная и отзывчивая, какъ эхо, она была незамѣнимой собесѣдницей и товарищемъ для путешествія.

Когда по истеченіи трехъ мѣсяцевъ они подъѣхали къ Петербургу, и онъ, усадивъ ее въ карету, распрощался, чтобы черезъ нѣсколько дней быть у нея, и пріѣхалъ въ эту самую свою квартиру, она показалась ему пустой и неуютной.

На другой же день онъ былъ у нея. Она встрѣтила его радостно,—протянула обѣ руки:

— Милый чичероне, я такъ привыкла къ вамъ и къ вашимъ бесѣдамъ, что мнѣ положительно васъ недостаетъ...

Онъ помнитъ съ какой силой забилось его сердце отъ этихъ словъ; въ эту минуту онъ понялъ, что вся его жизнь въ ея власти, что онъ ея рабъ, ея вѣрный и преданный рабъ... Ея свѣтлый смѣхъ наполнялъ его душу давно забытой радостью.

Онъ началъ бывать у нея все чаще и чаще. Она всѣмъ разсказывала съ воодушленіемъ и подробностями ихъ встрѣчу, ихъ совмѣстное путешествіе и свою эгоистическую эксплоатацію имъ какъ просвѣщеннымъ чичероне.

Онъ не сомнѣвался, что ей были понятны его чувства, и она ихъ не отгалкивала... Наконецъ онъ за-

говорилъ съ ней совершенно откровенно и, едва владѣя собой, сознался, что съ той минуты, какъ ее встрѣтилъ, онъ живетъ только для нея и что безъ нея жить не можетъ. Она серьезно выслушала его, заглянула глубоко въ глаза и призналась, что и ее влечетъ къ нему непонятная для нея сила, что подлѣ него ее охватываетъ состояніе глубокаго покоя души, какая-то увѣренность, что рядомъ съ нимъ ея не коснется ничто злое или печальное. На его просьбу соединить ихъ жизни, чтобы онъ имѣлъ законное право охранять ее и молиться ей съ благодарностью за дарованное ему на склонѣ лѣтъ счастье, она отвѣтила, что не говоритъ ему нѣтъ, но сейчасъ не хочетъ еще разстаться со своей полной свободой и что если рѣшится вторично выйти замужъ, то только за него,—пока же считаетъ каждаго изъ нихъ свободнымъ, ничѣмъ не связаннымъ, кромѣ взаимнаго чувства.

Оставленная надежда давала ему силы пережить несбывающуюся мечту. И съ тѣхъ поръ онъ былъ прикованъ къ ней. Къ ея ногамъ онъ сложилъ всѣ сокровища своей души, своего сердца, всѣ свои помыслы.

Прошелъ годъ, и какъ многое уже измѣнилось! Вотъ передъ нимъ портретъ, подаренный ему въ путешествіи. Она сидитъ, слегка откинувшись въ кресло, лѣвая рука свободно покоится на ручкѣ, нога закинута на ногу, улыбка скользитъ по губамъ... ея чарующая, слегка насмѣшливая улыбка, глаза что-то говорятъ... ему ли? или кому-нибудь другому? Нѣтъ, нѣтъ, она теперь не та, она измѣнилась, что-то въ ней ускользаетъ отъ него. Онъ видитъ ее попрежему часто, онъ слѣдилъ за ней съ мучительной ревностью и подозрѣніями... О эти глаза... эта улыбка... Или все это должно быть для него, или...

Орловъ схватился за голову и глухо застоналъ. Онъ не видѣлъ ея цѣлую недѣлю, нарочно избѣгалъ послѣ ужина у Кюба, когда она дважды задѣла его самолюбіе и вмѣсто того, чтобы успокоить и объясниться, вырвала руку и уѣхала съ этимъ барономъ, имя котораго вызываетъ въ немъ чувство вражды и злобы. Но она поняла, что онъ оскорбленъ; вотъ ея письмо... О, какъ она умѣетъ писать эти заманчивыя письма, гдѣ все есть и ничего нѣтъ... она зоветъ его къ себѣ завтра вечеромъ, «чтобы помириться», пишетъ она... Помириться? Что это значитъ? Опять будетъ она смотрѣть на него своими большими радостными глазами, будетъ успокаивать и увѣрять, что она все же та... Но что таится за этимъ взглядомъ? Какія мысли роятся за этимъ матовымъ красивымъ лбомъ? Для кого бьется ея сердце? Такая пылкая, порывистая, страстная въ рѣчахъ, во всемъ, что бы ни дѣлала, развѣ она можетъ жить безъ любви? Что таится въ ея прошломъ? Отчего она мало говоритъ о немъ? Нѣтъ ли въ этомъ прошломъ тайной любви, которую она оберегаетъ отъ всего міра? Съ ея умомъ и ловкостью это возможно. Что значатъ возлѣ нея эти поклонники, постоянные и смѣняющіеся? Сколько разъ онъ раньше слышалъ, что она принадлежитъ къ тѣмъ смѣлымъ женщинамъ, которыя дѣлаютъ, что хотятъ, и притомъ умѣютъ это дѣлать такъ, что имъ все прощается. Теперь при немъ о ней не говорятъ; его любовь ни для кого не тайна, и знаютъ, что за одно лишнее слово противъ нея онъ станетъ къ барьеру съ кѣмъ угодно.

За эту недѣлю, что онъ ее не видѣлъ, его душа совершенно измучилась безсильной борьбой съ самимъ собою, и вотъ передъ нимъ ея письмо, она зоветъ его, и онъ послушно придетъ, чтобы повѣрить ей и потомъ опять мучиться сомнѣніями...

Не отрывая глазъ отъ портрета, долго еще сидѣлъ этотъ человѣкъ подъ давленіемъ безотрадныхъ мыслей и никто не зналъ, что онъ, закаленный жизнью, суровый въ исполненіи своихъ обязанностей, съ непреклонной волей, доходящей до жестокости, могъ плакать и проводить безсонныя ночи передъ портретомъ любимой женщины.

XVIII.

На другой день, въ назначенный часъ Орловъ входилъ въ гостинную Елены. Лицо его было блѣдно, глаза смотрѣли строго и печально. Елена сразу замѣтила происшедшую въ немъ перемѣну, но промолчала.

— Вы желали меня видѣть, Елена Павловна?

— Да, Михаилъ Михайловичъ, намъ надо о многомъ переговорить, потому что, вы сами знаете, не въ моемъ характерѣ недомолвки и недоразумѣнія. Садитесь, мы можемъ спокойно говорить,—намъ никто не помѣшаетъ.

— Я очень радъ вашему рѣшенію выяснить нѣкоторые тягостные для меня вопросы; я не люблю ходить впотьмахъ.

— Михаилъ Михайловичъ, за что вы дуетесь? Отчего у васъ оскорбленный видъ?

— Гм... вы спрашиваете? Вы отлично сами знаете.

— Да, я догадываюсь, потому что за этотъ годъ хорошо васъ изучила; вы меня ко всѣмъ ревнуете, вы перестали довѣрять моимъ словамъ... я права?

— Отчасти...

— Нѣтъ, совсѣмъ. Мой дорогой другъ, что измѣнилось за этотъ годъ? Все то же самое. Я осталась

такъ же свободна и независима, живу, какъ жила раньше, и жизнь моя настолько открыта, что никакимъ подозрѣніямъ нѣтъ мѣста. Мы съ вами не связаны никакими обѣщаніями; почему же я должна измѣнить свою жизнь и свои привычки?

— Весь вопросъ въ томъ, что вы измѣнились ко мнѣ.

— Я измѣнила обращеніе съ вами за это послѣднее время потому, что въ васъ чувствуется ревнивое и безпокойное выслѣживаніе каждаго моего взгляда или жеста, раздраженное отношеніе ко всѣмъ, кто подлѣ меня, и какая-то болѣзненная подозрительность...

Орловъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ, сдерживая взрывъ раздраженія и ища мягкихъ и убѣдительныхъ словъ. Хотѣлось въ рѣзкихъ выраженіяхъ излить боль усталаго сердца, но онъ боялся вспышки со стороны вспыльчивой Елены, боялся, чтобы вмѣсто ожидаемаго примиренія не послѣдовалъ разрывъ. Елена ждала отвѣта. Онъ молчалъ.

— Михаилъ Михайловичъ, я придумала вотъ что: задавайте мнѣ вопросы; о чемъ бы вы меня ни спросили, я обязуюсь честнымъ словомъ отвѣтить вамъ правду. Можетъ быть, такимъ путемъ намъ будетъ легче объясниться.

— Я согласенъ. Вы даете мнѣ право касаться всѣхъ сторонъ вашей жизни?

— Да, Михаилъ Михайловичъ, я знаю, что по отношенію женщины вы рыцарь и довѣриться вамъ можно.

— Елена Павловна, какую роль въ вашей жизни играетъ баронъ Штаденъ, имя котораго, я не разъ самъ слышалъ, соединяютъ съ вашимъ?

— Мы съ нимъ два хорошихъ товарища, при-

чемъ онъ всегда былъ слегка влюбленъ въ меня и всегда желалъ и желаетъ меня; я это знаю, и меня немного занимаетъ его настойчивость; одно время и я интересовалась имъ, но не настолько, чтобы увлечься. Что бы ни случилось, мы всегда останемся съ нимъ друзьями... Такъ его имя соединяютъ съ моимъ? Ну, а имя Юрьева съ моимъ тоже соединяютъ?

— И вы скажете, что для этого нѣтъ основанія?

— Пища для злословія есть всегда, и меня это очень мало трогаетъ. Люди злословятъ отъ бездѣйствія и отъ глупости... Про Юрьева данныхъ къ злословію, пожалуй, больше, такъ какъ въ данный моментъ я имъ заинтересована больше, чѣмъ онъ мной...

— Позвольте, Елена Павловна, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ искалъ встрѣчъ съ вами; я не разъ перехватывалъ его взгляды...

— Это было когда? Мѣсяца два тому назадъ... Теперь многое измѣнилось... онъ интересуетъ меня, но я совсѣмъ не влюблена въ него, какъ и ни въ кого... я вамъ говорила, мой дорогой другъ, что на влюбленность я не способна. Я могу питать хорошія и прочныя чувства, но ни о какой страсти не можетъ быть и рѣчи...

— Елена Павловна, простите, но я этому не вѣрю, и никто не повѣритъ, кто хоть немного васъ знаетъ. Развѣ вы можете жить, безъ любви, безъ экзальтаціи? Вы съ первой же встрѣчи произвели на меня впечатлѣніе женщины, очень смѣло относящейся къ жизни. Кто знаетъ, моя дорогая, не таится ли въ вашемъ прошломъ то, чего я больше всего боюсь...

— Договаривайте...

— Отъ всѣхъ скрытая любовь.

Елена улыбнулась.

— Отъ кого же мнѣ надо ее скрывать? Вы забываете, что я свободна, какъ вѣтеръ, матеріально независима и могу дѣлать со своей жизнью все, что мнѣ угодно. Нѣтъ, дорогой другъ, вы ошиблись. Замѣтили ли вы, что если умная и ловкая женщина искренна и правдива, то никто не повѣритъ этой правдивости и въ ея прямотѣ ищутъ двойной игры. Такъ всѣ изолгались и такъ трусливы, что боятся сдѣлать лишній шагъ, боятся невинной смѣлой шутки, зная, что подобные же имъ трусы и лгуны закидаютъ ихъ злословіемъ и грязными подозрѣніями. Однѣ женщины боятся потерять своихъ мужей, другія — своихъ любовниковъ, третьи — боятся потерять матеріальное благосостояніе, соединенное съ однимъ или съ другимъ, нѣкоторыя же боятся злой молвы толпы, которую не уважаютъ, презираютъ и стремятся обмануть въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ; слишкомъ хорошо зная цѣну людской молвы, я не боюсь ея. Уважая сама себя, я заставляю и ее относиться ко мнѣ съ уваженіемъ. Открыто никто не посмѣетъ обо мнѣ сказать сквернаго, а если женщины и злословятъ на мой счетъ, то вѣдь ихъ злословія сводятся къ однѣмъ догадкамъ. Вы отлично и сами понимаете, что въ ихъ злословіи большая доза зависти къ смѣлости моихъ открытыхъ поступковъ. Теперь садитесь. Я рѣшила разсказать вамъ мое прошлое, о которомъ многіе судятъ вкривь и вкось и въ сущности никто ничего не знаетъ. Если я вамъ не разсказывала его раньше, то причиной этому было эгоистическое желаніе сохранить вашу идеализацію меня, какъ женщины. Я вамъ разскажу все безъ утайки. Хотите? Не боитесь?

— Елена Павловна, я готовъ ко всему; увѣренность лучше сомнѣній.

— Итакъ, до 16-ти лѣтъ я училась въ Лозаннѣ въ коллежѣ. Родителей я потеряла рано; отъ времени до времени меня навѣщалъ мой опекунъ, троюродный дядя, очень добрый, слабохарактерный bon vivant. Въ дѣлѣ воспитанія онъ понималъ мало, а потому исполнялъ все, что бы я ни пожелала. Къ счастью, я любила науку, и въ то время, какъ мои подруги мечтали о балахъ и побѣдахъ, я стремилась къ самообразованію. Въ шестнадцать лѣтъ я поступила въ женевскій университетъ, но Швейцарія съ ея меркантильностью мнѣ надоѣла, и я съ согласія дяди перешла въ парижскій университетъ; устроилась совершенно самостоятельно и принялась за науку. Вскорѣ у меня была цѣлая компанія товарищей-студентовъ всѣхъ сословій и состояній. Вы не можете себѣ представить, что такое студенческая среда и ея жизнь въ Парижѣ. Это нѣчто совершенно обособленное. Такъ какъ я пользовалась хорошими средствами, имѣла просторную квартиру и хорошій столъ, то мало-по-малу эта квартирка въ Латинскомъ кварталѣ обратилась въ нѣчто въ родѣ даровой столовой, гдѣ ежедневно товарищи-студены могли во всякое время утолить свой голодъ, а ночью если это было нужно кому-нибудь, то и переночевать. Меня страшно занимала эта новая, интересная жизнь. Я была недурна, интересна, хорошо одѣта, но слишкомъ товарищескія отношенія, общіе интересы и увлеченіе наукой исключали всякое ухаживаніе. Я не находила стѣснительнымъ или опаснымъ для себя предоставлять бѣдному или запоздалому товарищу свободную комнату на ночь, хотя бы рядомъ со своей спальней. Мы переговаривались, лежа въ кровати, припоминали курьезы дня, весело смѣялись, а на утро въ щелку двери я протягивала обнаженной рукой то

полотенце, то кусокъ мыла. Мой полъ былъ совершенно забытъ. Однажды, весело отужинавъ у меня, небольшая компанія студентовъ собралась провести ночь въ какомъ-то кабарэ съ очень двусмысленной репутаціей. Я сказала, что иду съ ними; ихъ очень забавила моя мысль, и мы отправились. Меня нисколько не поражало и не коробило все то, что я тамъ увидала. Кокотки пили вино стаканами, говорили вульгарныя слова, обнимали и цѣловали тѣхъ, кто ихъ угощалъ. Я пила очень мало, но мнѣ было весело. Подъ утро меня проводилъ домой самый безшабашный, талантливый, веселый, рѣдкаго ума, никогда не пьянѣющій и ни въ какихъ случаяхъ не теряющій голову Пьеръ Пакэнъ. Онъ обѣщалъ показать мнѣ всѣ скабрезные закоулки, которые можетъ знать только парижанинъ. Съ этого памятнаго для меня вечера я начала вести странную для моихъ юныхъ лѣтъ жизнь. Днемъ—наука, а ночью—кабарэ или даже притоны, поражавшіе мое неподготовленное знаніемъ жизни воображеніе.

Гдѣ только я ни была и чего только я ни видѣла! Самый утонченный развратъ испорченнаго цивилизаціей мозга проходилъ передъ моими глазами, и, какъ это ни странно, оставался для меня только интереснымъ объективнымъ явленіемъ, нисколько не смущая моего душевнаго равновѣсія и, что еще удивительнѣе, не возбуждая даже намека на чувство стыда. Я на это смотрѣла, какъ на невиданное, не совсѣмъ понятное для меня явленіе человѣческой природы, совершенно чуждое моей.

Въ одномъ притонѣ, гдѣ мы видѣли невѣроятную оргію, Пакэнъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ удалиться, если моя скромность и стыдъ страдаютъ отъ этихъ циничныхъ картинъ. «Ничуть,—отвѣтила

я:—это очень забавно, и я не испытываю ни малѣйшей неловкости».

Орловъ ахнулъ; съ жестомъ негодующаго отчаянія поднялъ руки къ небу и сорвался со своего мѣста. Елена, не обративъ на него вниманія, продолжала свой разсказъ:

— Между безстыдствомъ и цѣломудріемъ одинъ шагъ,—сказалъ Паканъ. — Мнѣ васъ жаль. Очевидно, ваша природа въ корнѣ лишена тѣхъ элементовъ, которые создаютъ половое влеченіе; вы безстрастны, а потому цѣломудренно-безстыдны. Онъ началъ за мной наблюдать, ища причины такого непонятнаго для него явленія, какъ отсутствіе стыда въ юной и неиспорченной натурѣ. Въ моей неиспорченности онъ сомнѣваться не могъ, такъ какъ мы были не только товарищи, но и друзья, и онъ хорошо зналъ мою жизнь. Желая во что бы то ни стало возбудить во мнѣ проявленіе стыдливости, онъ спускался со мной въ такіе притоны разврата, куда женщины не допускались, и я, ловко замаскированная юношей, рука объ руку, съ безпечной улыбкой наблюдателя опускалась въ омутъ человѣческой грязи.

Его слова запали мнѣ въ душу, и впервые у меня зашевелились мысли о полномъ отсутствіи сердечныхъ запросовъ въ моей жизни. Я была окружена молодежью, между которыми были люди очень интересные, умные и красивые; я знала, что всѣ они безъ исключенія любили женщинъ, что любовь и наука шли у нихъ рука объ руку; я бывала очень часто повѣреннымъ ихъ романическихъ исторій; когда не было денегъ на подарокъ или букетъ для какой-нибудь Jeanne, Marion или Louise, то деньги занимались у меня; я все это знала, и оставалась совершенно въ сторонѣ съ моей цвѣтущей юностью и инте-

реснымъ лицомъ, которымъ многіе любовались и восхищались. Такъ прошло четыре года. Я окончила университетъ. Мой опекунъ поселился въ Парижѣ, устроился на широкую ногу и предложилъ жить вмѣстѣ. Я охотно согласилась и скоро изъ Латинскаго квартала, Монмартра и студенческой компаніи попала въ высшій свѣтъ: опекунъ имѣлъ въ Парижѣ связи и съ гордостью вводилъ меня въ блестящіе салоны парижской аристократіи. Мнѣ было 22 года, когда я встрѣтила Карцева, служившаго въ дипломатическомъ корпусѣ. Умный, блестящій, очень симпатичный, но изжившійся преждевременно, онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, такъ какъ ему нужна была блестящая жена для дальнѣйшей карьеры. Опекунъ убѣдилъ меня, что партія вполнѣ подходящая. Карцевъ былъ мнѣ симпатиченъ, я не видѣла причинъ для отказа. Мы съ нимъ прожили четыре года и жаловаться на нихъ я не могу; я имѣла полную свободу и его довѣріе, которымъ не злоупотребляла, потому что мнѣ это было и не нужно. Онъ умеръ отъ разрыва сердца, оставивъ мнѣ свое состояніе, добрую память о себѣ и очень смутное понятіе о брачной жизни, такъ какъ на отношенія болѣе интимныя, чѣмъ дружескія, насъ обоихъ не влекло: меня—по странности моей натуры, его—благодаря использованной жизни черезъ край. Изъ Парижа я не уѣхала. Меня окружила блестящая толпа поклонниковъ, у меня была полная свобода и расцвѣтъ молодости. Въ сферѣ роскоши, бездѣйствія и отсутствія запросовъ интеллекта и духа люди жили исключительно чувственной жизнью. Кромѣ какъ о любви и утонченномъ развратѣ, никто ни о чемъ не думалъ и ни къ чему не стремился. У меня были пріятельницы; главной ихъ заботой было сохраненіе своей наруж-

ности ради любви; онѣ всегда были гонимы изъ объятій въ объятія, какимъ-то непонятнымъ для меня ураганомъ страсти; сцены ревности, коварства, измѣнъ, примиреній и драмъ калейдоскопомъ смѣнялись въ ихъ жизни, совершенно меня не затрагивая. Я стояла въ сторонѣ съ моими интересами высшаго порядка. Но однажды я вдругъ почувствовала скуку и зависть не только къ пріятельницамъ, но даже къ моей горничной, которая обманывала меня, чтобы убѣгать по ночамъ на свиданія, и въ зависимости отъ своихъ сердечныхъ дѣлъ бывала болтлива и весела, какъ умѣютъ быть парижанки, или же молчала, вздыхала и скрывала набѣгавшія слезы. Въ одинъ прекрасный день я рѣшила побороть свою природу и найти въ объятіяхъ любви то счастіе и смыслъ жизни, которымъ всѣ вокругъ меня были преисполнены. Мой первый и послѣдній опытъ былъ неудаченъ: я не испытала никакихъ упоеній, о которыхъ столько говорилось въ будуарахъ моихъ легкомысленныхъ пріятельницъ, и безъ всякаго стѣсненія прервала связь, такъ какъ оставалась совершенно безучастной ко всѣмъ стараніямъ моего партнера разбудить во мнѣ хоть искру страсти или желаній, и кончилось тѣмъ, что мы разошлись, не зная, на какой почвѣ поддерживать взаимныя отношенія, въ которыхъ я начинала испытывать скуку и разочарованіе, а мой партнеръ смущеніе и раздраженіе противъ меня. Для меня стало яснымъ, что я убила въ себѣ въ самомъ зародышѣ всѣ элементы любви: едва выйдя изъ дѣтскаго возраста, не понимая жизни ни въ ея красивыхъ проявленіяхъ въ формѣ истинной, глубокой любви, освящающей связь двухъ половъ, ни въ ея уродливыхъ и порочныхъ эксцессахъ, гдѣ люди оскверняютъ природой вложенный инстинктъ вле-

ченія, я атрофировала въ себѣ это влеченіе, когда первыя познанія о человѣческой природѣ черпала въ кабарэ и притонахъ, гдѣ порокъ беззастѣнчиво и цинично срывалъ всѣ покровы. Но не зная ничего о любви, объ ея положительныхъ красивыхъ сторонахъ, я не принимала и ея уродливыхъ, отрицательныхъ сторонъ и съ чувствомъ безстрастнаго зрителя наблюдала все, что проходило передъ моими глазами, не затрагивая моего «я», созданнаго въ этомъ отношеніи по какой-то необычайной мѣркѣ.

Послѣ смерти мужа, не стѣсняемая рамкой его служебнаго положенія и гарантированная кличкой «glaçon» отъ подозрѣній въ распущенности моихъ нравовъ, я усвоила себѣ настолько широкую свободу въ поступкахъ, что это граничило съ дерзкимъ вызовомъ по отношенію парижскаго общества, которое многіе напрасно считаютъ открыто распущеннымъ. Съ толпой молодежи, добивающейся благосклонности богатой, блестящей вдовы, я устраивала шумныя пирушки, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ поздней ночи.

Какъ сейчасъ помню одну затѣю: послѣ оперы небольшой компаніей мы поѣхали ужинать; былъ и Пьеръ Паканъ, выдвигавшійся уже въ научномъ мірѣ своими способностями и обширнымъ умомъ. Наука не мѣшала ему любить жизнь, и никто не умѣлъ предаваться такому непосредственному, заразительному веселью, какъ онъ, никто не умѣлъ быть лучшимъ компаньономъ во всѣхъ шумныхъ затѣяхъ, даже безчинствахъ. Было раннее утро; мы высыпали на улицу, возбужденные виномъ и весельемъ. Никому не хотѣлось спать.

«— Что же мы теперь предпримемъ? Мадамъ Элленъ, будьте изобрѣтательны,—обратился онъ ко мнѣ.

«— Ведите насъ въ такой уголокъ Парижа, котораго бы я еще не знала... что-нибудь особенное.

«— Извольте, но предупреждаю, что мы рискуемъ не только нашими карманами, часами и вашими драгоцѣнностямя, но даже и жизнью.

Мы отправились. Въ трущобной части Парижа, въ темномъ зданіи, пропитанномъ зловоніями нищеты, порока и преступленій, находилось нѣчто въ родѣ пріюта для голодной и преступной братіи, гдѣ за четыре су можно было получить нѣчто въ родѣ супа изъ лука, стаканъ отвратительнаго краснаго вина и всякую гадость, которую можетъ принимать въ свой желудокъ только голодающій по нѣсколько сутокъ человѣкъ. Столы, на которыхъ сало, жиръ и грязь лежали слоями, были всѣ заняты странными людьми; большая часть изъ нихъ были кандидаты на каторгу. Оборванные, грязные, посинѣвшіе отъ холода, истощенные апаши, сравнительно чисто одѣтые, блѣднолицые, озлобленные, цинично-грубые и нахальные «macs», убійцы, поджигатели, все это были люди, которые, какъ кроты, прятались отъ свѣта и выползали ночью, гонимые фуріями зла на совершеніе своихъ дикихъ и кровавыхъ замысловъ. Чуть начинающее брезжить утро сквозь маленькія стекла, продѣланныя подъ самымъ потолкомъ, заглядывало во внутренность этого «tripot» и казалось, что съ улицы глядятъ чьи-то мутные, безцвѣтные глаза остановившимся, застывшимъ въ испугѣ взглядомъ. Угаръ вина и веселья разомъ соскочилъ со всѣхъ насъ. Меня пробирала дрожь, и я невольно крѣпко схватилась за руку Пакэна.

«— Будьте хладнокровны, не имѣйте такого испуганнаго вида — здѣсь это очень опасно; мы должны держать себя на равной ногѣ съ ними. Меня здѣсь

хорошо знаютъ, и я надѣюсь, что мы выйдемъ невредимыми, — дѣлая безпечное и улыбающееся лицо, прошепталъ мнѣ Пакэнъ, отнимая руку и останавливаясь передъ незанятымъ столикомъ. Намъ подали грязные стаканы съ краснымъ виномъ; Пакэнъ, къ моему ужасу, велѣлъ подать себѣ супъ изъ лука и преспокойно его ѣлъ, запивая виномъ; кромѣ него, мы всѣ чувствовали себя такъ, какъ будто за спиной нашей кто-то крался съ ножомъ въ рукѣ. Наше появленіе не вызвало ни малѣйшей сенсаціи; циничные возгласы, угрожающіе жесты, дикій смѣхъ продолжали стоять въ воздухѣ, и въ нашу сторону едва-едва поворачивались лица, съ выраженіемъ презрительнаго любопытства или самодовольнымъ сознаніемъ своего превосходства и полной зависимости отъ ихъ минутнаго каприза нашей жизни или смерти. Я видѣла, какъ за отдаленнымъ столомъ молодой, красивый парень въ прорванныхъ на колѣняхъ панталонахъ, съ фуражкой, сбитой на затылокъ, заложивъ одну руку въ карманъ, въ небрежной позѣ, полной собственнаго достоинства, дѣлилъ, очевидно, краденую добычу въ небольшой группѣ своихъ испитыхъ и оборванныхъ «aminches». За другимъ столомъ, затаивъ дыханіе, сидѣли люди съ красными, напряженными лицами и со вниманіемъ слушали уродливаго старика, съ наружностью кретина; онъ говорилъ вполголоса, озирался, дико косилъ глаза, и въ его движеніяхъ и жестикуляціи было столько ужаснаго, преступнаго смысла, что, не слыша его, было ясно, что рѣчь идетъ о совершенномъ или намѣченномъ преступленіи. Вдругъ я почувствовала, что блѣднѣю и что руки мои дрожатъ; неподалеку отъ насъ, развалясь въ нахальной и вызывающей позѣ, опрятно одѣтый, съ щегольски закрученными усами, съ перст-

немъ на рукѣ, съ сигарой въ зубахъ, сидѣлъ довольно интересной наружности сильный брюнетъ и, не спуская съ меня глазъ и пересыпая свою рѣчь парижскимъ «argot», разговаривалъ съ сидящимъ рядомъ съ нимъ «aminches» настолько громко, что его слова долетѣли до меня:

«— Oh, oh, c'est de la haute! Relugue moi c'te gonzesse, elle est rudement bath, pige moi ces orifles. Tiens, j'vas me faire casquer mon quille par le gonze, et s'il ne marche pas, je lui fais sa toquante.

«— C'est peut être de la rousse?

«— Alors, mon colon, je sors ma lingue et je les descends. Son morlingue doit-être plein de braise et la colombe sera à la joie de me passer ses orifles. Nous l'inviterons à bambocher avec nous. Marches-tu? [1]).

Съ другого конца какой-то апашъ, не стѣсняясь, me faisait du plet [2]) такого циничнаго содержанія, что даже я краснѣла.

Какая-то «marmitte» подошла къ нашему столу, жалкая и безобразная, полупьяная, неряшливая и циничная, съ предложеніемъ de nous gasiller quelques goualantes (спѣть скабрёзныя пѣсни).

— Что за циничный языкъ! Какія отвратительныя, непонятныя слова.

Орловъ былъ въ негодованіи. Елена улыбнулась.

— Это парижскій «argot», я его отлично знаю.

---

[1]) — Ого, изъ важныхъ! Погляди-ка на эту женщину, она очень красива; взгляни на ея серьги. Я заставлю заплатить господина за мой стаканъ вина, а если онъ не согласится, я у него стащу часы.

— Можетъ быть, это тайная полиція?

— Тогда, товарищъ, я вынимаю мой ножъ, чтобы угостить. Его кошелекъ долженъ быть полонъ денегъ, и ихъ подруга испытаетъ радость подарить мнѣ свои серьги и кутнуть съ нами. Идетъ?

[2]) Говорилъ любезности.

— Ради Бога, не повторяйте, это омерзительно...

— Пакэнъ, между тѣмъ, кому-то пожалъ руку, съ кѣмъ-то весело раскланялся, тому одолжилъ сигаретку, другому далъ два франка. Не было притона, гдѣ бы его не знали; его веселый, добродушный нравъ и широкая идея равенства дѣлали изъ него добраго товариша среди людей всякаго сословія, потому что въ обликѣ человѣка онъ уважалъ живую душу, не отягощая своей совѣсти ролью учителя или судьи.

Было уже совсѣмъ утро, когда мы, наконецъ, покинули этотъ страшный притонъ. Я была потрясена, и долго еще меня преслѣдовали во снѣ кошмарныя видѣнія страшныхъ обликовъ, на которыхъ злоба преступленій наложила неизгладимую печать. Случалось, что внезапно на улицѣ меня охватывалъ страхъ встрѣчи съ человѣкомъ, глаза котораго загорѣлись жаднымъ огнемъ при видѣ моихъ жемчуговъ, и я, боясь итти пѣшкомъ, нанимала фіакръ. Несмотря на эти жуткія впечатлѣнія, я была благодарна Пакэну, что ему пришла въ голову мысль повести насъ въ тотъ притонъ; въ минуты раздумья эти люди вызываютъ не страхъ и отвращеніе, а глубокое состраданіе и упрекъ человѣчеству, несовершенный интеллектъ котораго породилъ озлобленіе, вырылъ глубочайшія пропасти между слоями общества, разъединилъ взаимные интересы и стремленія, создалъ аристократа и плебея, богача и нищаго...

— Дорогая моя, вы проповѣдуете утопію... Что за мысли?.. я глубоко потрясенъ; у меня кругомъ голова идетъ отъ всего, что я наслышался отъ васъ. Это чудовищно и невѣроятно. Сопоставить васъ и всю ту грязь и омутъ, въ который вы окунались чортъ знаетъ для чего!

Орловъ, схватившись за голову, бѣгалъ по ком-

натѣ, отмѣряя ее широкими военными шагами; его высокая, худая фигура, поблѣднѣвшее отъ волненія лицо, маленькая голова съ лысымъ черепомъ, сѣдые, длинные усы, жесты отчаянія и негодованія вызывали въ Еленѣ и сочувствіе, и смѣхъ. Какъ малое дитя, онъ готовъ былъ сердиться и плакать, что яркій мыльный пузырь лопнулъ, и осталась одна реальная жизнь, реальная женщина, съ непонятнымъ для него складомъ характера, а не безплотная, мечтательная фея, путь которой былъ усыпанъ бѣлыми, нѣжными лиліями и грезами лунной сказки.

— Вы поражены, мой бѣдный другъ; я это предвидѣла, но вы сами вызвали меня на излишнюю откровенность.

— Да, вы были жестоко откровенны, вы разбили вдребезги мою грезу, но такъ лучше. Зачѣмъ жить обманчивой мечтой. Я хотѣлъ быть вашимъ хранителемъ, хотѣлъ оберегать васъ отъ прозы жизненной, хотѣлъ изъ своей любви создать вамъ сказочный замокъ, въ который бы ни проникла никакая жизненная пошлость и грязь, а, оказывается, вы жизнь знаете лучше меня, и изъ какихъ источниковъ, въ какой компаніи! О, я увѣренъ, что вы мнѣ многое и не разсказали. Чего-чего вы не пережили за четыре года вашей отвратительной студенческой жизни и затѣмъ за годы вашего вдовства въ Парижѣ! Ужасно! невѣроятно! И это вы?—вы такая чистая и честная.. Да, лучше бы было и не встрѣчаться.

Орловъ опустился въ кресло и сидѣлъ нѣсколько минутъ, весь сгорбившись, закрывъ лицо руками.

— Какія же чувства вы питаете ко мнѣ? Послѣ всего слышаннаго я совершенно теряюсь...

— Я глубоко уважаю, цѣню и люблю васъ.

— Быть можетъ, какъ друга?

— Разумѣется, какъ самаго близкаго мнѣ друга.

— Благодарю васъ покорно за эти высокія чувства, но отъ любимой женщины я желалъ бы иныхъ...— рѣзко проговорилъ Орловъ.

Елена ласково дотронулась до его руки:

— Михаилъ Михайловичъ, я была съ вами откровенна, я вамъ сказала, что я не способна ни на какія страсти, я ихъ никогда не испытала и, навѣрно, не испытаю: вамъ я отдаю все, что у меня есть въ сердцѣ, и когда вы заговорили о бракѣ, то я не предполагала, что вы ищете пламенныхъ чувствъ; въ вашей жизни вы имѣли всего этого вдоволь; сердечныя отношенія и связь духовная прочнѣе и глубже.

— А-а! Вы считаете, что старику слишкомъ много и того, что вы удѣляете въ сердцѣ вашемъ въ то время, какъ за вами ухаживаетъ цѣлая серія вздыхателей.

— Что-жъ изъ этого? Вы отлично знаете, что ухаживанія ихъ ни къ чему не ведутъ.

— Найдется другой Пьеръ Пакэнъ, — чтобъ его чортъ побралъ! — который просвѣтитъ ваши чувства и...

— Михаилъ Михайловичъ, когда онъ найдется, то я вамъ скажу; зачѣмъ заглядывать впередъ?

— А я долженъ этого ожидать? Благодарю покорно: это не жизнь, а каторга.

— Такъ чего же вы хотите, Михаилъ Михайловичъ?

— Несмотря на страшный переворотъ въ душѣ моей, вызванный вашей жестокой исповѣдью, я не могу вырвать васъ изъ своей жизни; я знаю, что у васъ честная и прямая натура и вы неспособны на обманъ, несмотря на вашу испорченность....

— Испорченность? Въ чемъ же она выражается?

— Конечно, испорченность. Женщина, видавшая

такіе виды, какъ вы, неминуемо скатится въ глубокую пропасть при первомъ же шагѣ съ прямого пути. И для васъ такой шагъ будетъ, конечно, гибелью.

— Михаилъ Михайловичъ, вы меня не знаете.

— Моя дорогая, я останусь при своемъ убѣжденіи... и вотъ я еще разъ и, конечно, въ послѣдній, предлагаю вамъ свою руку, чтобъ любить, охранять и сдѣлать васъ счастливой. Я жду вашего отвѣта.

— Я отвѣчу то же, что и раньше: сейчасъ я не хочу лишать себя свободы; если же я выйду замужъ, то только за васъ.

Ни слова не говоря, Орловъ поднялся, сдѣлалъ офиціально-сухое лицо, поклонился и направился къ двери.

— Михаилъ Михайловичъ, вѣдь я говорю о временной отсрочкѣ?..

Орловъ въ отвѣтъ еще разъ поклонился и скрылся за дверью.

Елена сидѣла въ глубокой задумчивости; ей было жаль добраго и преданнаго друга, но, не провѣривъ себя, она боялась безповоротнаго рѣшенія и въ то же время ей было грустно и не хотѣлось терять рыцарски-преданное ей сердце.

Черезъ три дня она узнала, что Орловъ взялъ отпускъ на три мѣсяца и уѣхалъ за границу.

Берги тоже уѣхали изъ Петербурга. Любовь Петровна наканунѣ отъѣзда была у Елены и обѣщала въ слѣдующемъ мѣсяцѣ на два дня пріѣхать въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ продажѣ цвѣтовъ на благотворительномъ вечерѣ, который устраивала Елена.

IX.

Башиловъ въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ Любови Петровны былъ съ ней очень сердеченъ, и она уѣхала почти успокоенная въ своихъ предчувствіяхъ. Людомирова при первомъ же свиданіи съ Еленой заговорила о глупой довѣрчивости своей подруги Бергъ, которую она не предупредила о продѣлкахъ ея друга, якобы исключительно изъ чувства состраданія, изъ нежеланія разбитъ ея глубокое довѣріе и любовь къ Башилову, котораго она, Людомирова, терпѣть не можетъ и будетъ очень рада, если она попадется. Елена пустила въ ходъ все свое краснорѣчіе и ловкость, чтобы разубѣдить Людомирову относительно отношеній Башилова къ Данцовой. Людомирова засмѣялась:

— Ахъ, перестань, пожалуйста! Вѣрь мнѣ, что тамъ нечисто. Я Башилова знаю мало, но отгадала его сразу; это человѣкъ, способный вести не только двойную, но и тройную игру не хуже Рихтера, который стоитъ ему на пути и котораго онъ терпѣть не можетъ, но они одного поля ягоды. Башиловъ радъ бы развязаться съ Любой Бергъ, я это замѣтила, но его удерживаютъ какія-то комбинаціи чисто практическаго характера, а за твоей Данцовой онъ волочится отъ скуки, отъ привычки не пропускать ни одной юбки. Я тебѣ говорила, что этотъ человѣкъ способенъ вести интригу хоть съ двѣнадцатью женщинами.

— Башилова я не знаю, но съ Женей настолько дружна, что если бы съ ея стороны было малѣйшее увлеченіе, она бы мнѣ сказала.

— Твоя Женя, эта напуганная мадонна, попалась ему въ лапы и не смѣетъ пикнуть, если онъ ее про-

силъ сохранять въ тайнѣ ихъ отношенія. Онъ страшно властолюбивъ и можетъ импонировать и не такой слабовольной, какъ Евгенія Михайловна. Но въ концѣ концовъ я его накрою; онъ этого стоитъ.

— Ты, кажется, Мариша, противъ него зубъ имѣешь?

— Да, я его терпѣть не могу. Осенью мы какъ-то экспромтомъ поѣхали въ театръ: Люба съ мужемъ, я и онъ; это было первое наше съ нимъ знакомство. Въ ложѣ онъ все время за спиной Любы перегибался ко мнѣ, шепталъ всякую ерунду, пожималъ руку, такъ что становилось просто неприличнымъ, кончилось тѣмъ, что это замѣтилъ Оттонъ Александровичъ, сдѣлалъ кислое лицо и началъ дуться.

— А ему какое дѣло?

— Ахъ, Господи. Да непріятно же видѣть... ну, просто его это раздражало...

Людомирова слегка смутилась...

— Да, да, Мариша, я вѣдь забыла, что онъ безнадежно влюбленъ въ тебя, а ты его сурово отвергаешь.

Въ тонѣ Елены Людомирова не уловила насмѣшливой нотки.

— Послѣ театра поѣхали ужинать. Любочкинъ герой сперва занимался упорнымъ разглядываніемъ рядомъ сидѣвшихъ дамъ, потомъ началъ подливать мнѣ вино и подъ скатертью искать моей руки. Люба ровно ничего не замѣчала; я просто изъ силъ выбивалась, чтобы отвлечь ея вниманіе. При разъѣздѣ онъ отстранилъ лакея и самъ сталъ мнѣ одѣвать ботики; пользуясь, что тутъ же стояли Любочка и Оттонъ Александровичъ, и что я должна была промолчать, онъ позволилъ себѣ жать мнѣ ногу чуть не у самаго колѣна, точно онъ имѣлъ дѣло съ какой-нибудь кокоткой.

Елена разразилась громкимъ смѣхомъ.

— И что же ты на это?

— Какъ что? Очевидно, я должна была сдѣлать видъ, что не замѣчаю; но едва мы сѣли въ карету, какъ я это разсказала Любѣ и просила ему передать, что если онъ когда-либо позволитъ себѣ со мной что-нибудь подобное, то я его проучу и онъ будетъ знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. И представь себѣ, этотъ нахалъ не счелъ нужнымъ быть у меня съ визитомъ. Кстати, скажи пожалуйста, какое странное совпаденіе, что ты, ничего не зная, пригласила Любу продавать цвѣты въ одномъ кіоскѣ съ Евгеніей Михайловной.

— Я тебѣ повторяю, Мариша, что никакого тутъ совпаденія нѣтъ, одни дѣловыя отношенія.

— Да, какъ же! Будетъ онъ ради однихъ дѣлъ ѣздить къ «Медвѣдю» съ красивой женщиной. Я его хорошо раскусила. Навѣрно Люба настоитъ, чтобы онъ былъ на твоемъ вечерѣ, и я же изведу его этимъ кіоскомъ. Воображаетъ, что тонко ведетъ свои дѣла!

— Не понимаю, Мариша, что тебѣ за охота путаться въ чужія дѣла, да еще такого щекотливаго свойства.

— О, такихъ нахаловъ надо наказывать, пусть не воображаетъ...

Елена замолчала. Она знала, что если Людомировой хотѣлось кому-нибудь насолить, то никакіе доводы помочь не могли. Любовь къ интригѣ и чужимъ дѣламъ занимали большую часть ея личной жизни.

Послѣ отъѣзда Берговъ, въ первое же свиданіе Башилова съ Данцовой, она, волнуясь, путаясь въ словахъ, краснѣя и блѣднѣя, приступила къ объясненію. Башиловъ поднялъ брови, насторожился, заложилъ обѣ руки въ карманы, остановился передъ

чуть ни плачущей Данцовой и, пока она лепетала обвиненія и упреки, сдѣлалъ мысленный обзоръ своего довольно критическаго положенія. Принявъ во вниманіе безграничное къ себѣ довѣріе, безумную влюбленность Евгеніи Михайловны и полное ея безмолвіе, онъ рѣшилъ пока солгать; имѣя въ виду въ скоромъ времени сдѣлать ей предложеніе и надѣясь привести Бергъ къ разумному согласію на этотъ бракъ, онъ разсчитывалъ, такимъ образомъ, сохранить дружескія отношенія съ будущей генералъ-губернаторшей и продолжать, можетъ быть, нужно ему знакомство. Онъ придерживался разумнаго правила въ жизни—никогда съ женщинами не ссориться и имѣть въ ихъ лицѣ своихъ союзниковъ.

— Видишь ли, дружокъ мой, изъ всего, что ты мнѣ сказала, подтверждается, что подруга Любовь Петровны, эта ея Мариша, зловредная особа и круглая дура. Если бы даже и правда, что Любовь Петровна имѣла со мной связь, то изъ дружбы къ ней она могла бы воздержаться это распространять; разъ она такъ поступаетъ, грошъ ей цѣна, и довѣрять ей порядочный человѣкъ не будетъ. Она злится на меня, что я къ ней съ визитомъ не ѣду; но, ей-Богу, меня не занимаетъ ея общество! напыщенная дура и ничего больше. Удивляюсь, какъ можетъ съ ней дружить эта твоя Елена Карцева, о которой ты всегда отзываешься, какъ объ очень умной и порядочной женщинѣ.

— Елена знаетъ ей цѣну и только дѣлаетъ видъ, что принимаетъ дружбу, сама же ей не очень довѣряетъ.

Башилову безъ особеннаго труда удалось убѣдить Данцову, что, кромѣ дружескихъ отношеній, между Любовью Петровной и имъ никогда ничего не было,

что онъ цѣнитъ въ ней ея доброту, съ которой она не только баловала его сама, но даже не разъ выводила его, Башилова, изъ затруднительнато положенія; когда ему нужно было отлучаться на цѣлое лѣто въ командировки, она приглашала сына къ себѣ въ деревню и возилась съ нимъ; однажды, когда тотъ былъ боленъ въ его отсутствіи, она нарочно пріѣхала въ Петербургъ, навѣщала и ходила за нимъ, какъ родная. Можно ли не цѣнить такое сердечное отношеніе? И если иногда случается, что она надоѣдаетъ своей излишней заботливостью, приглашеніями на праздники или просьбами поѣхать лишній разъ съ нимъ въ театръ или въ ресторанъ, то у него языкъ не поворачивался отказывать. Вотъ картина ихъ отношеній, которую при желаніи сплетничать дура Людомирова исказила, чтобы сдѣлать ему какую-нибудь гадость въ отместку за его пренебреженіе къ ея салону. Ко всему сказанному Башиловъ прибавилъ еще, что супруги Бергъ живутъ очень дружно, что Людомирова цѣпляется къ Бергъ, который надъ ней просто насмѣхается и терпитъ ради жены; Людомирова же распускаетъ слухи объ его влюбленности, такъ какъ ей до смерти хочется слыть интересной женщиной, которую мужчины не могутъ равнодушно видѣть, чтобъ не упасть къ ея ногамъ.

— Ну, положимъ, я слыхала, что Людомирова очень многимъ нравится, и поклонники у нея есть,—вставила Данцова.

— Она что-то и про меня тамъ наболтала Любовь Петровнѣ; будто и я сраженъ ея чарами, — вскользь добавилъ Владимиръ Ивановичъ, желая, на всякій случай, и съ этой стороны предупредить Евгенію Михайловну.

Объ эпизодѣ съ надѣваніемъ галошъ и объ его

заигрываніяхъ Людомирова не лгала. Если она пожаловалась подругѣ, то только изъ трусливаго опасенія, чтобы самъ Башиловъ какъ-нибудь не разсказалъ этого ей самъ или, что еще хуже, Оттону Александровичу.

Данцова разсталась со своимъ другомъ еще болѣе влюбленная и вполнѣ счастливая и успокоенная.

X.

Была страшная метель; улицы такъ замѣтало снѣгомъ, что дворники не успѣвали расчищать. Карцеву томила непреодолимая тоска; ей никого не хотѣлось видѣть, и она весь день вплоть до вечера полулежала на кушеткѣ съ книгой въ рукахъ, которая не разъ выскальзывала и падала. Это былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда ее осаждали унылые вопросы о суетности и безполезности ея жизни, вопросы съ неразрѣшимой загадкой, которая таится въ душѣ каждаго человѣка и, какъ жало змѣи, наполненное ядомъ, отравляетъ желанія, парализуетъ энергію и туманитъ радость. Окидывая взглядомъ свое прошлое и настоящее, Елена не могла найти ни одной свѣтлой точки, которая хоть бы слабымъ свѣтомъ озаряла унылую и безсодержательную пустоту. Колесо ея жизни, пущенное по извѣстному пути, катилось неуклонно впередъ. Жизнь ей не давала ни страданій, ни особыхъ радостей, ни страстей, ни тихихъ привязанностей, ни преданности наукѣ или искусству. Ее окружали люди, жадно спѣшившіе взять отъ жизни какъ можно больше благъ и ощущавшіе въ своей погонѣ такую же, какъ и она, пустоту и неудовлетворенность. Зачѣмъ жить? Къ чему жить? Чтобы состарѣться никому не

нужной и одинокой, исчерпать свою жизнерадостность на балы, пикники и банкеты? Къ чему весь этотъ вихрь дней, яркихъ, какъ мыльные пузыри, и такихъ же пустыхъ и безцѣльныхъ? Къ чему она училась? Къ чему окончила университетъ? Помнится, были въ юности запросы другой жизни, другихъ стремленій,— и ничего отъ нихъ не осталось. Единственнаго друга, правда, отжившаго, мало ее понимающаго, но истиннаго и сердечнаго, и того она не сумѣла удержать. Пусто въ сердцѣ, пусто въ душѣ... Есть же люди, которые находятъ въ жизни неуловимый для нея смыслъ, черпаютъ силы изъ самихъ себя и идутъ впередъ навстрѣчу старости и смерти, торжественно спокойные, какъ боги... Такъ думала Елена, окутанная сумерками одинокой, нарядной комнаты, гдѣ протекала вереница шумныхъ вечеровъ со смѣхомъ, шумомъ, пустыми разговорами, нелѣпыми, на показъ высказанными мыслями, лишенными всякой искренности и сердечности. Кто сложилъ такъ уродливо всю эту жизнь, сдѣлавшуюся ея сферой? Отчего она не протестовала? Отчего, свободная и имущая, не сумѣла создать себѣ болѣе разумной жизни? Но какой же? Что надо сдѣлать, чтобы вложить смыслъ и разумъ? Уйти, уѣхать? Куда? Съ кѣмъ и для чего? Вездѣ все то же, все та же дикая погоня за благами, которыя, какъ дымъ, расплываясь въ прошедшемъ, ничего не оставляютъ для настоящаго... Тоска сдавила грудь Елены. Это случалось съ ней не впервые. За послѣдній годъ тоска стала чаще закрадываться въ толстыя штофныя портьеры, въ уютные и роскошные углы всей ея квартиры и непрошенная выползала оттуда, какъ сѣрое, неотвязчивое привидѣніе, и, заглядывая въ глаза Елены своими мутными слезящимися очами, туманила ихъ блескъ, покрывала блѣдностью щеки,

обрывала веселую рѣчь и звонкій смѣхъ. Въ квартирѣ становилось на нѣсколько дней и тихо, и пусто... Елена, ссылаясь на мигрень, никого не принимала, стараясь силою логики отогнать непрошенную гостью, которая уходила, чтобы спустя нѣкоторое время вернуться снова.

Въ этотъ вечеръ Еленѣ пришла мысль вызвать по телефону Юрьева; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые во всякое время и при всякомъ настроеніи умѣли не быть лишними. Съ нимъ не надо было насиловать своей воли, не надо было поддерживать разговоръ и стѣсняться молчаніемъ. Чѣмъ интимнѣе была обстановка, тѣмъ онъ былъ умнѣе.

На звонокъ Елены Юрьевъ отвѣтилъ, что второй день сидитъ дома съ ознобомъ во всемъ тѣлѣ и легкимъ недомоганіемъ. Елена съ тоской готовилась опустить трубку, какъ услышала нерѣшительную, странную просьбу:

— Елена Павловна, я одинъ и такъ же, какъ и вы, сегодня полонъ раздумья. Одѣньте густую вуаль, если боитесь, и пріѣзжайте ко мнѣ. Будемъ пить чай, разговаривать, молчать и, быть можетъ, вамъ удастся возстановить душевное равновѣсіе... Что же вы молчите?

Послѣ минутнаго раздумья Елена отвѣтила:

— Пріѣду черезъ часъ.

Пренебрегая осторожностью, она, не скрывая лица подъ вуалью, въ указанное время поѣхала къ Юрьеву, совершенно не считаясь ни съ общепринятыми правилами условности, ни съ могущими произойти случайностями; ни на минуту у нея не промелькнуло сомнѣнія въ порядочности Юрьева, къ которому ее влекла его выходящая изъ ряда простота въ отношеніяхъ съ людьми, безхитростность и добродушіе,

за которыя многіе его считали страннымъ, чуднымъ и недалекимъ.

На звонокъ Елены дверь открылъ лакей. Пока она снимала шубку, вышелъ Юрьевъ, красивый въ своей морской тужуркѣ.

— Вотъ добрая, славная, спасибо вамъ.

Прошли въ кабинетъ. Въ разставленной неумѣлой рукой мебели чувствовалось отсутствіе женщины. Груда журналовъ и книгъ была свалена въ углу прямо на полу. На столѣ передъ диваномъ стояла красивая лампа, тутъ же лежала щетка для чистки платьевъ, открытая коробка съ табакомъ, бутылка недопитаго краснаго вина, свернутыя въ комокъ, предназначенныя для чистки перчатки. На стѣнахъ двѣ-три картины. Во весь ростъ, почти въ настоящую величину, прекрасный портретъ масляными красками сильной брюнетки съ миловиднымъ и изящнымъ лицомъ, въ которой не трудно было узнать мать Юрьева: тѣ же глаза, носъ и овалъ лица. Небольшая тахта, два-три мягкихъ кресла, письменный столъ со множествомъ фотографическихъ карточекъ, нѣсколько листовъ исписанной бумаги. Елена съ любопытствомъ осматривала комнату.

— У васъ было бы уютно, милый лейтенантъ, если бы было немного больше порядку. Ну, зачѣмъ всѣ эти книги на полу? Переставьте этотъ столъ вотъ сюда, кресло сюда, лампу на этотъ маленькій столикъ сбоку подлѣ тахты... вотъ такъ... и сейчасъ будетъ уютнѣе. Это ваша сестра, которая умерла?.. Какое дивное лицо! Какая скорбь въ глазахъ. Бѣдная дѣвушка, какъ она много пережила за свою короткую жизнь. Впрочемъ, нѣтъ, она была счастливая, потому что много сдѣлала въ своей жизни. Да, теперь я припоминаю: ея имя часто упоминалось во время япон-

ской войны. Какъ могли ее арестовать и засадить въ тюрьму послѣ того, какъ она всецѣло принесла себя въ жертву людямъ... Вы говорите, что она умерла кроткая и спокойная; это понятно: ей не о чемъ было жалѣть, не въ чемъ раскаиваться; ея путь былъ широкъ и прямъ.

Елена долго не выпускала изъ рукъ рамки, изъ которой выглядывало печальное и красивое лицо молодой дѣвушки въ костюмѣ сестры милосердія.

— Послѣ чаю я вамъ прочту кое-что изъ рукописей моего брата. Вотъ уже больше года, какъ мы не знаемъ, гдѣ онъ. Послѣднія свѣдѣнія были изъ Саратовской губерніи. Сестра ѣздила его отыскивать но слѣдъ пропалъ.

— Юрочка, разскажите о вашемъ братѣ подробнѣе...

— Я самъ очень мало знаю о немъ; онъ лѣтъ на десять старше меня; бросилъ морскую службу безо всяко видимой причины; сперва уѣхалъ въ деревню и заперся тамъ, никого не видя и ни съ кѣмъ не желая имѣть никакихъ сношеній; даже съ нами не переписывался. А затѣмъ, говорятъ, пѣшкомъ, съ небольшой котомкой на плечахъ ушелъ изъ деревни и больше не возвращался. Черезъ годъ онъ прислалъ намъ короткую записочку съ Урала, что здоровъ и счастливъ, найдя въ общеніи съ бѣднымъ народомъ и природой тотъ смыслъ, котораго не находилъ и мучительно искалъ всю предыдущую жизнь. Два года тому назадъ его видѣла сестра, которая теперь въ Москвѣ; она говорила, что онъ неузнаваемъ; что и физически и морально это совсѣмъ другой человѣкъ; она преклонилась передъ нимъ. Сестра узнала, что, уходя изъ деревни, онъ не взялъ съ собой ни копейки; питался подаяніемъ и поденной работой въ деревняхъ, мимо которыхъ шелъ; пасъ стада, рабо-

талъ въ полѣ, спалъ въ лѣсу... Прямо не укладывается въ моемъ мозгу такое представленіе объ Александрѣ, котораго я помню одѣтаго всегда съ иголочки, изящнаго, замѣтнаго въ каждой гостиной. Онъ прислалъ мнѣ черезъ сестру, то есть два года тому назадъ, рукописи, изъ которыхъ я хочу вамъ кое-что прочесть.

— Юрочка, и онъ, и ваша сестра покойная, и та, что въ Москвѣ, про которую вы мнѣ говорили, у нихъ у всѣхъ тѣ же идеи и стремленія, — очевидно, это духовный складъ всей вашей семьи; одинъ вы стоите въ сторонѣ и безпечно берете жизнь съ ея радостями и забавами. Скажите мнѣ, вамъ понятно то, что произошло въ душѣ брата? Вамъ понятна его теперешняя жизнь? Вы преклоняетесь передъ его отрицаніемъ отъ всего, чѣмъ живемъ всѣ мы?

— Какъ вамъ сказать? Это мысли, которыя не разъ осаждаютъ меня, и окончательно разрѣшить ихъ мнѣ не удается... Это очень сложно. Поступокъ брата — есть ли это высшее смиреніе и простота, или не кроется ли въ немъ утонченная гордость и безсознательная рисовка? Зачѣмъ онъ порвалъ со всѣми? Зачѣмъ эта бродяжническая жизнь? Зачѣмъ это отрепанное платье? Не надѣлъ ли онъ, всегда гордый и самолюбивый, другой мундиръ, увѣшанный иными орденами отличія?..

— Что вы говорите, Юрочка! Развѣ жизнь его съ момента ухода не есть добровольный путь лишеній, къ которому ему было невыносимо трудно привыкать? Для человѣка избалованнаго обстановкой, спать гдѣ попало, зачастую въ грязи, ѣсть что попало, работать на ряду съ мужиками, подвергать себя, быть можетъ, грубому обращенію — вѣдь это такая ломка, для которой нуженъ громадный запасъ духовныхъ

силъ съ твердо намѣченной цѣлью высокой идеи. При чемъ тутъ гордость или неискренность, если онъ порвалъ съ міромъ, исчезъ изъ него и ушелъ такъ далеко въ свою идею, что даже родные потеряли его изъ виду и не знаютъ, ни гдѣ онъ, ни что съ нимъ. Нѣтъ, голубчикъ, я чувствую, что тутъ кроется исполинская сила возродившагося духа. Намъ, тонущимъ въ сферѣ мелочныхъ интересовъ, среди забавъ и роскоши нашей головокружительной обманчивой жизни, намъ трудно понять и оцѣнить такой поступокъ.

Оба умолкли. Елена задумчиво и машинально перелистывала альбомъ. Юрьевъ курилъ.

— А какъ вамъ кажется, Юрочка, вы бы могли сдѣлать то же, что и вашъ братъ и сестра?

— Н-не знаю... Быть можетъ, въ другой формѣ. Теперь я захваченъ жизнью, какъ никогда. То, что я считалъ поконченнымъ, безвозвратно ожило опять; я весь полонъ счастья и надеждъ и, сознаюсь, очень далекъ отъ мысли о жизни, которую себѣ создалъ братъ, но я знаю, что деньги, карьера и всѣ блага не имѣютъ для меня ровно никакого значенія. Я никогда не испытываю ни малѣйшаго раздраженія, ни даже легкаго неудовольствія, когда у меня въ кошелькѣ бываетъ пусто, когда я бываю принужденъ отказывать себѣ въ удовольствіяхъ. По натурѣ я крайне нетребователенъ; если я ищу чего-нибудь въ жизни, такъ это искренней и неизмѣнной привязанности. Меня тяготитъ холостая жизнь и одиночество... а васъ что тяготитъ, Елена Павловна? Отчего ваша тоска?..

— Бываютъ дни, вродѣ теперешнихъ, когда меня тяготитъ все, когда мнѣ ничего не нужно и въ то же время у меня недостаетъ чего-то главнаго.

— Вамъ недостаетъ привязанности; чтобъ вы сами полюбили.

— Ахъ, нѣтъ, для меня это не нужно; вы меня не знаете...

Послѣ чаю Юрьевъ, по просьбѣ Елены, принялся читать рукопись брата. Это были отдѣльные наброски, не имѣвшіе общей связи, писанные, очевидно, въ разбивку, подъ впечатлѣніемъ настроенія.

«Мой младшій братъ, мой дорогой Жоржъ, прости меня и ты, какъ пусть простятъ меня всѣ, кого я зналъ и кого не зналъ. Съ кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ, съ новымъ обликомъ души, пишу я тебѣ эти строки изъ моего мирнаго и тихаго уединенія, гдѣ вся жизнь моя проходитъ передъ моими духовными очами; жизнь, подобная выплеснутому безцѣльно драгоцѣнному напитку. Что сдѣлалъ я изъ нея для другихъ и для себя? Чѣмъ дальше я жилъ, тѣмъ глубже заблуждался. Отрекаясь отъ всей моей протекшей жизни, я хочу сказать тебѣ, дорогой братъ, то, до чего дошелъ годами горькаго и тяжелаго раздумья, часами покаянныхъ, орошенныхъ слезами молитвъ. Жоржъ, нѣтъ жизни, кромѣ жизни въ исканіи Бога, то есть добра, той великой мудрой силы, которую мы собственной слѣпой волей отталкиваемъ, оглушенные мірской суетой. Не страшись, Жоржъ, ни людской силы, ни злословія, ни ихъ могущества, ни ихъ кары — все это ничтожно, мелко и ложно, все это одно глубочайшее заблужденіе, внушающее жалость и страхъ за людей съ той минуты, какъ въ душу человѣческую проникнетъ лучъ смиренія и жажда непреложной правды. Нельзя передать словами ощущенія какого-либо чувства тому, кто этого чувства не испыталъ. Такъ и я не умѣю передать тебѣ, дорогой братъ, того чувства блаженной, какъ солнце,

яркой радости, которымъ исполнена душа моя съ тѣхъ поръ, какъ я отошелъ отъ жизни богатыхъ, великихъ, гордыхъ, честолюбивыхъ и самолюбивыхъ. Какъ далекій, охваченный заразой, окутанный туманомъ городъ, является въ воображеніи моемъ покинутая мною жизнь. Вы всѣ далекіе, милые мнѣ братья, скованные пудовыми цѣпями ложныхъ обязательствъ, ложныхъ клятвъ, ложныхъ вопросовъ чести, вы всѣ взяли на себя непосильную тяжесть, ибо душа наша, стремящаяся къ свѣту и добру, бьется ежечасно въ борьбѣ за свою свободу, и вы, не прислушиваясь къ ея воплямъ, не понимая ея зова, но чувствуя, какъ опускаются ея крылья, понять не можете унылой печали, идущей по пятамъ вашимъ и въ уединеніи, и въ собраніяхъ, и на попойкахъ, и на балахъ, и въ объятіяхъ любви. Жизнь кочевого труженика, рабочаго, пастуха, которую я добровольно и сознательно избралъ, является мнѣ жизнью спокойной и радостной, ибо не тяготѣютъ надо мной никакія заботы, кромѣ заботы о душѣ моей, никакія обязательства, кромѣ добровольнаго стремленія къ добру и милосердія къ моему ближнему, ко всему живому. Когда прояснилась душа моя, то я ужаснулся той бездны, въ которую бросаетъ насъ затемненный ложной цивилизаціей разумъ и идущая въ разрѣзъ съ сердцемъ культура. Когда намъ указываютъ на убійцу, намъ кажется, что весь обликъ его покрытъ тѣнью, что на челѣ его лежитъ печать злой силы; инстинктивно мы сторонимся его, и душа его намъ кажется темной, злой и скорбной, потому что слова заповѣди «не убій» являются естественнымъ крикомъ всякой живой души. Имя Каина, поднявшаго руку на брата своего, съ первыхъ временъ созданія міра и до сей поры передается изъ преданія въ преданіе, изъ народа въ на-

родъ, какъ содѣлавшаго уродливое, противоестественное злодѣяніе. Мы же, дорогой Жоржъ, гордые своей культурой, члены просвѣщенныхъ націй, которыя дарятъ человѣчеству великихъ поэтовъ, философовъ, художниковъ и теологовъ, мы не только идемъ стройными рядами убивать, рѣзать, колоть подобныхъ намъ, но мы еще насилуемъ волю меньшей братіи нашей, заставляя ее силой гнуснаго закона становиться въ ряды утонченныхъ убійцъ... и того, кто подымаетъ руку на бо̀льшее количество братьевъ своихъ, не сдѣлавшихъ ему никакого зла, того мы провозглашаемъ героемъ... и томится душа такого героя въ страшныхъ, кошмарныхъ воспоминаніяхъ пролитой крови неповиннаго брата своего, и молитва застываетъ на устахъ его, и въ глубокихъ тайникахъ души своей онъ испытываетъ жалость и великую скорбь, но не смѣетъ открыть людямъ этого чувства и насилуетъ себя, кичась именемъ убійцы. Повѣрь мнѣ, дорогой братъ, что только тѣ поступки наши достойны уваженія и не лягутъ бременемъ на душу нашу, въ которыхъ сердце играетъ главную роль. Сердце, озаренное лучомъ разума, безошибочно приведетъ насъ къ пути, который откроетъ намъ широкіе горизонты высшаго разума, яснаго пониманія истинной жизни...»

Юрьевъ, читавшій рукопись брата глубокимъ, задушевнымъ голосомъ, отложилъ ее на минуту и взглянулъ на Елену.

— Вамъ нравится?

— Очень... ахъ, очень, Юрочка. И это вашъ братъ, вашъ родной братъ? Вамъ не кажется, что онъ открылъ какую-то невѣдомую вамъ дверь и оттуда льются въ вашу комнату яркіе горячіе лучи? Они согрѣютъ васъ въ годину отчаянія и сомнѣній... вы позовете его, и онъ придетъ за вами и поведетъ

васъ туда, куда ушелъ одинокій, быть можетъ, непонятый, осмѣянный. Я завидую вамъ, что у васъ есть такой братъ. Это все равно, что имѣть мостъ, перекинутый черезъ глубокую пропасть.

— Но вѣренъ ли путь, который онъ избралъ? Нѣтъ ли здѣсь заблужденій экзальтаціи?

— Здѣсь нѣтъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. О какой экзальтаціи вы говорите? О той, которая пробудила его инертную волю, которая толкнула его на путь отреченія? Такъ вѣдь это же и есть та благодать высшей силы, которая породила великихъ подвижниковъ христіанства. Нѣтъ, Юрочка, заблужденій не можетъ быть тамъ, гдѣ человѣкъ отъ роскоши идетъ къ нищетѣ, отъ гордости къ смиренію, отъ самолюбія къ отреченію своего я.

— Развѣ нужно для этого уходить изъ міра? Отчего онъ не остался среди насъ проводить свои идеи добра и отреченія?

— Вы требуете невозможнаго. Чтобы человѣкъ, зараженный міровой болѣзнью, могъ излечиться, онъ долженъ изолировать себя, ежеминутно наблюдать за собой, неуклонно закалять свой организмъ противъ вкоренившейся болѣзни и только тогда можетъ вернуться въ зараженную среду, когда сильный и недоступный для заразы, сможетъ самъ врачевать больныхъ, указывая пройденный имъ путь исцѣленія. Нужно самому проникнуться смиреніемъ и состраданіемъ къ ближнему, чтобы люди внимали ему какъ проповѣднику, а не какъ болтуну. Знаете изрѣченіе: «вѣра безъ дѣлъ — мертва есть»... Прочтите еще что-нибудь. Меня это успокаиваетъ.

«... Невѣдомымъ странникомъ живу я среди низкихъ и бѣдныхъ, и въ душѣ моей тихо и торжественно, какъ въ храмѣ. Я ненавижу ложную красу и

мракъ покинутыхъ мною навсегда вашихъ городовъ, и ваши храмы, и ваши тюрьмы я отвергаю; ваша вѣра и знанія подобны грузу: душа томится и изнемогаетъ подъ ихъ тяжестью. И я бѣжалъ изъ тюрьмы къ свободѣ, къ моимъ роднымъ полямъ, покрытымъ ковромъ цвѣтовъ, къ изумруднымъ лугамъ, къ рощамъ, осѣненнымъ красою заходящихъ солнечныхъ лучей, къ лѣсамъ и горамъ, милымъ рѣчкамъ съ отлогими берегами, ко всѣмъ пташкамъ, къ звѣрямъ, ко всему, что создалъ Господь и что вы отвергли въ безуміи своемъ, и что отвергалъ и я, не зная истинной радости въ созерцаніи созданной Имъ красоты. Прекрасно лишь то, что не знаетъ своей красоты. Дорогой братъ мой, узнаешь ли ты меня невѣдомаго странника земли? Я иду днемъ и утромъ, и подъ вечеръ безъ котомки на плечахъ, безъ всякой заботы, съ пѣсней на устахъ, съ широко открытой душой и сердцемъ. Въ глухой деревушкѣ тихо раскрывается окно бѣдной избы, и блѣднолицая кроткая женщина подаетъ страннику ломоть хлѣба или зазываетъ его на ночлегъ. Мирно и убого въ курной избѣ. Тихо теплится и трещитъ лучина. Ото всѣхъ угловъ вѣетъ покорной нищетой, и набѣгаютъ слезы на глаза странника отъ горячей любви къ этимъ братьямъ, нищимъ духомъ и плотью, ибо ихъ есть Царствіе Небесное. Передъ глазами моими встаетъ вереница позорныхъ ночей, проведенныхъ мною въ залитомъ огнями и позоромъ Вавилонѣ, гдѣ вижу я тебя, мой братъ, и сердце сжимается тоской и скорбью, и съ умиленіемъ я преклоняюсь передъ нищетой этихъ, по-вашему темныхъ людей, никогда не знавшихъ нашего роскошнаго и позорнаго разврата. Я говорю съ ними, и они слушаютъ и понимаютъ меня, какъ понимаю и я ихъ,

ибо рѣчи ихъ разумны и просты, какъ ихъ жизнь. Они не знаютъ мудреныхъ словъ, и имъ невѣдомы наши науки, но мысли многихъ изъ нихъ близки къ той истинѣ, до которой вѣками додумывались ученые. Я отдыхаю среди нихъ, я снимаю съ души моей все бремя безумныхъ условностей, и сонъ мой спокоенъ и ясенъ, безъ тревогъ о завтрашнемъ днѣ, безъ ничтожныхъ печалей. На разсвѣтѣ я покидаю семью, благославляя ее, и, творя крестное знаменье, бодро иду навстрѣчу новому утру по росистой травѣ тропинки, которая ведетъ меня на широкій путь великаго торжества души моей...»

Долго читалъ Юрьевъ. Елена слушала, все слушала съ остановившимся взглядомъ, исполненнымъ глубокой задумчивости. Лицо ея стало блѣдно, между бровей легла морщинка. Было поздно, когда она поднялась съ дивана и протянула Юрьеву руку.

— Мнѣ пора домой. Никогда не забуду сегодняшняго вечера: какъ будто бы острый, тонкій лучъ далекаго, далекаго маяка проникъ въ темный уголъ моей жизни. Если бы вы знали, какъ мнѣ хочется встрѣтить когда-нибудь вашего брата! Дайте мнѣ дружеское честное слово, что если представится возможность, вы извѣстите меня, хотя бы я была на другомъ концѣ земного шара. Спасибо за сегодняшній вечеръ. Вы, Юрочка, добрый товарищъ. Прощайте.

Елена вернулась домой, настроенная совершенно на особый ладъ. Безформенныя, неопредѣленныя мысли, какъ далекая гряда невѣдомыхъ горъ на далекомъ горизонтѣ, стояли недвижно и упорно, заполняя своей гигантской тѣнью всѣ остальные помыслы и образы. Словно кто-то невѣдомый и неслышный безшумно подошелъ къ двери ея души и тихо, тихо постучался въ нее, остановился и, насторожившись, приложилъ ухо.

XI.

На другое утро, едва Елена вышла въ столовую, какъ лакей доложилъ ей, что былъ телефонъ отъ Юрьева, и что онъ просилъ ее позвонить къ нему, какъ только она встанетъ.

Юрьевъ сообщалъ ей слѣдующее: едва она уѣхала, какъ его лакей передалъ ему записку отъ Людомировой, въ которой она просила его сегодня къ обѣду, и затѣмъ приглашала въ ложу балета. Лакей сказалъ ему, что записка была принесена часа два тому назадъ, но что, исполняя его приказаніе не являться безъ зова, когда у него кто-нибудь есть, онъ не посмѣлъ его ослушаться и велѣлъ горничной обождать; что горничная не дождалась и ушла, прося Юрьева отвѣтъ сообщить по телефону. Такъ какъ лакей Юрьева хорошо зналъ Елену, къ которой его не разъ посылали съ порученіями, то Юрьевъ былъ увѣренъ, что въ долгой бесѣдѣ съ горничной онъ не преминулъ сообщить ей, что у барина находится барыня Карцева. Этого было достаточно, чтобы не сомнѣваться, что Людомировой извѣстно уже объ ея вчерашнемъ визитѣ, и онъ предупреждаетъ ее объ этомъ, боясь, чтобы не вышло какого-нибудь непріятнаго недоразумѣнія. Елена пожала плечами.

— Юрочка, благодарю васъ за тревогу обо мнѣ, но увѣряю васъ, что мой визитъ къ вамъ я не собиралась облекать тайной и Маришинъ языкъ мнѣ не страшенъ.

При первой же встрѣчѣ съ Еленой Людомирова, дѣлая равнодушное лицо, не преминула спросить, гдѣ она была въ субботу вечеромъ, что сколько разъ она къ ней ни звонила—отвѣта не было.

— Я провела вечеръ у Юрьева,—просто отвѣтила Елена, къ неописуемому удивленію Людомировой.

— Какъ у Юрьева? У него на квартирѣ?

— Да, на квартирѣ. Чему ты удивляешься?

— Твоей неосторожности. Если кто-нибудь случайно объ этомъ узнаетъ, вѣдь будутъ Богъ знаетъ что говорить.

Елена улыбнулась.

— Если я такъ открыто признаюсь тебѣ, то, очевидно, мнѣ не страшны сплетни.

Людомирова вспыхнула и наговорила Еленѣ массу колкостей, къ которымъ всегда прекрасно владѣвшая собой Елена отнеслась съ полнымъ равнодушіемъ.

— Сколько разъ я тебѣ повторяла, Мариша, что мнѣ нечего скрывать, что я съ юности привыкла къ полной свободѣ своихъ поступковъ и слишкомъ во мнѣ развито чувство уваженія къ себѣ самой, чтобы я считала нужнымъ скрывать ихъ; связи у меня нѣтъ ни съ кѣмъ, а если бы это и было, то и ее я открыто признавала бы. Ты забываешь, что мнѣ некого бояться, потому что некого обманывать.

Прошло немного времени, и многіе уже съ достовѣрностью утверждали, что Елена близка съ Юрьевымъ и водитъ его на веревочкѣ такъ же, какъ водитъ барона и этого бѣднягу Орлова, ошалѣвшаго отъ любви къ ней.

Между тѣмъ Башиловъ мысленно рѣшилъ къ веснѣ сдѣлать предложеніе Данцовой и назначить свадьбу къ осени. Онъ достаточно присмотрѣлся къ ней и понялъ, что болѣе послушной, разумной, влюбленной и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе подходящей жены онъ не найдетъ. Она принадлежала къ прекрасному обществу, ея репутація была безупречна, она нравилась ему какъ женщина, была изящна и

красива, а главное смотрѣла на него снизу вверхъ, съ чувствомъ дѣтскаго обожанія и восхищенія къ его уму и силѣ. Сколько разъ Башиловъ ни обдумывалъ этотъ серьезный шагъ, каждый разъ приходилъ къ рѣшенію не откладывать дольше весны и разстаться съ Данцовой на лѣто не иначе, какъ сдѣлавъ ей формальное предложеніе. Съ Любовью Петровной онъ осторожно и очень умѣло переходилъ на дружескій тонъ, подолгу не отвѣчалъ ей и избѣгалъ встрѣчи съ нею. Когда Бергъ пріѣхала въ Петербургъ для участія въ благотворительномъ вечерѣ Елены, то Башиловъ оказался въ кратковременномъ отпуску за границей по дѣлу, о чемъ она узнала отъ его сына, самъ же онъ такъ давно не писалъ ей, что уже не сомнѣніе закралось ей въ душу, а почти увѣренность въ неминуемомъ и близкомъ разрывѣ.

Наканунѣ благотворительнаго вечера Данцова написала записку, что чувствуетъ себя такъ скверно, что съ сожалѣніемъ отказывается принять участіе въ продажѣ цвѣтовъ. Елена была удивлена, поѣхала сама къ подругѣ, но, какъ ни упрашивала, та рѣшительно отказалась, ссылаясь на недомоганіе. Такимъ образомъ въ кіоскѣ съ цвѣтами Любовь Петровна оставалась безъ помощницы; Елена поѣхала просить Людомирову помочь ей найти кого-нибудь на мѣсто захворавшей подруги. Людомирова не повѣрила этой болѣзни; этотъ отказъ только подтверждалъ ея увѣренность, что между Башиловымъ и Данцовой существуютъ скрытыя отъ всѣхъ интимныя отношенія.

— Неужели, Елена, для тебя не ясно, что вся эта болѣзнь одна выдумка? Она не хочетъ сидѣть въ одномъ кіоскѣ съ Любой; это, разумѣется, было бы щекотливо для обѣихъ, и Башиловъ, не разсчитывая на тонкое чувство своей мадонны, заблаго-

временно скрылся за границу, чтобы его не потянула Люба на твой вечеръ. Очень жалѣю, что разстроился весь мой планъ. А я бы отъ души позабавилась на его счетъ.

Хотя и въ душу Елены закралось какое-то сомнѣніе насчетъ страннаго отказа подруги, но все же она была далека отъ той правды, въ которой Людомирова не сомнѣвалась. Вечеръ прошелъ блистательно, далъ громадный сборъ, и о немъ много говорили. Бергъ была сильно огорчена отсутствіемъ Башилова и не умѣла скрыть отъ проницательной ко всякимъ интригамъ подруги своего разстроеннаго состоянія. На всѣ разспросы она отвѣчала уклончиво, не сознавалась, что отношенія Башилова къ ней сильно измѣнились, что онъ сталъ рѣдко писать и что уѣхалъ за границу, даже не предупредивъ ее.

— Что жъ, онъ попрежнему влюбленъ въ тебя?— допрашивала Людомирова.

— Конечно... Онъ страшно сожалѣлъ, что не могъ быть на вечерѣ и раскупить у меня всѣ цвѣты.

— А-а-а! А онъ зналъ, что Евгенія Михайловна должна была продавать съ тобой въ одномъ кіоскѣ?

— Кажется, зналъ; я ему вскользь говорила. Почему ты мнѣ задаешь этотъ вопросъ?

— Тебѣ, значитъ, извѣстно объ его знакомствѣ съ ней?

— О какомъ знакомствѣ? Онъ съ ней встрѣчался, и то очень мало, по дѣлу.

— Ну, это онъ тебя надуваетъ. Я кое-что знаю объ ихъ отношеніяхъ; знаю, что онъ съ ней ѣздитъ въ отдѣльные кабинеты...

Бергъ сильно поблѣднѣла, углы губъ опустились, и она готова была заплакать.

— Мариша, если это одна догадка, то ради Бога будь осторожна...

— Хоть ты и скрываешь отъ меня свои чувства къ нему, но я, Люба, не такъ проста; я отлично все вижу и рѣшаюсь изъ чувства дружбы предупредить тебя, что, кажется, твой возлюбленный играетъ двойную игру.

Бергъ была въ отчаяніи. Сердце подсказывало ей, что въ жестокихъ словахъ подруги есть правда, и въ то же время ей не хотѣлось вѣрить, хотѣлось найти путь къ спасенію своей привязанности или же, если спасенія нѣтъ, то узнать правду. Она не сумѣла сладить съ собой и горько расплакалась. Людомирова утѣшала ее, совѣтовала вызвать Башилова на откровенность и лучше разомъ покончить, чѣмъ жить сомнѣніями. Но Любовь Петровна, какъ многія слабыя натуры, боялась итти навстрѣчу грозящей бѣдѣ и умоляла подругу найти какой-нибудь другой выходъ, чтобы разрѣшить сомнѣніе. Умъ Людомировой, изобрѣтательный на всякія комбинаціи съ фальшивой подкладкой, очень скоро ей помогъ.

— Изволь. Я придумала. Дождись его возвращенія и убѣди его въ необходимости сдѣлать мнѣ визитъ; это будетъ не трудно, если ты ему намекнешь, что у меня бываютъ нужные для его карьеры люди; укажи ему на Орлова, который очень друженъ съ его министромъ, на самого министра, который, какъ и всѣ они, бываетъ на всѣхъ моихъ большихъ балахъ, укажи на предсѣдателя государственной думы, на Рихтера, съ которымъ ему не мѣшаетъ сталкиваться въ салонахъ, чтобы поближе знать врага и его слабости, а вѣдь Рихтеръ ему можетъ стать поперекъ дороги. Словомъ, дай ему почувствовать, что мой салонъ ему можетъ быть полезенъ. Въ посту я тебѣ обѣщаю устроить грандіозный вечеръ со всѣми сильными міра сего; кстати это надо и въ видахъ службы

мужа. Башилову я пошлю приглашеніе, ты же заранѣе сообщи ему, что по какимъ-нибудь причинамъ на балъ не пріѣдешь. Разумѣется, Евгенія Михайловна будетъ, а тѣмъ болѣе, когда узнаетъ, что и онъ приглашенъ. Ты же явишься на балъ совершенно неожиданно, какъ будто бы экспромтомъ. За ужиномъ я берусь устроить такъ, чтобы онъ, ты, Евгенія Михайловна и я оказалась за отдѣльнымъ столомъ. Ты ему устроишь легкую сцену ревности, и, разумѣется, Евгенія Михайловна себя выдастъ; карты окажутся открытыми; многое будетъ зависѣть отъ твоей ловкости: важно, чтобы эта мадонна поняла, что ты имѣешь на него права и безъ борьбы его не уступишь; она пугливая размазня.

У Людомировой какъ будто выросли крылья при одной мысли о предстоящей интригѣ. Елена, разумѣется, не была посвящена въ этотъ планъ, и изъ осторожности Людомирова совершенно прекратила всякіе разговоры о Данцовой, чтобы Еленѣ не пришло въ голову отсовѣтовать подругѣ ѣхать на ея балъ.

Не прошло и десяти дней послѣ разговора Любови Петровны съ Людомировой, какъ въ одинъ изъ ея пріемныхъ четверговъ, щурясь близорукими глазами и отыскивая среди незнакомаго общества хозяйку дома, вошелъ въ ея гостиную Башиловъ.

— Любовь Петровна мнѣ говорила, что вы изволите на меня гнѣваться, а я, знаете, смерть какъ боюсь гнѣва хорошенькихъ женщинъ. Вы меня Христа ради простите, что до сихъ поръ не былъ: занятой я очень человѣкъ, никакъ не выберешь свободнаго дня,—съ видомъ добродушнаго и простого человѣка оправдывался Башиловъ передъ Людомировой, которая встрѣтила его очень любезно. Онъ попалъ на одинъ изъ ея наиболѣе интересныхъ по составу

общества четверговъ. Гостиная, въ которую вошелъ Башиловъ, была голубого цвѣта, съ тяжелой золоченой мебелью въ стилѣ Louis XVI съ примѣсью рококо и стильныхъ и нестильныхъ вещей, которыя придавали салону блескъ и говорили о привычкѣ къ роскоши. Стѣны были обтянуты голубымъ же штофомъ, на которомъ рѣзко выдѣлялись зеркала и нѣсколько картинъ; окна были густо завѣшаны; люстры и стѣнныя бра ярко озаряли продолговатую и не особенно высокую комнату, гдѣ казалось душно и чувствовался смѣшанный запахъ увядающихъ цвѣтовъ и всевозможныхъ духовъ, которые съ собой вносили одна за другой элегантныя посѣтительницы. На столикахъ были разставлены всевозможныя «канапэ» и «пети-фуръ», которыми Людомирова угощала дамъ, иногда мимоходомъ добавляя, что это тѣ самыя «пети-фуры», которыя такъ любитъ великая княгиня Марія Павловна. И дамы щурились въ лорнетъ, съ улыбкой, осторожно брали ихъ обтянутыми въ лайковыя бѣлыя перчатки пальчиками и непремѣнно, желая доставить удовольстіе хозяйкѣ, восхищались ими: «c'est exquis». Чай, сервированный на низенькомъ небольшомъ столѣ, стоялъ подъ рукой хозяйки дома; прекрасное старинное серебро артистической работы останавливало на себѣ вниманіе каждаго любителя и знатока старины. И чай, и вино, разлитое въ хрустальные графинчики, и «канапэ», и «пети-фуры», которыми хозяйка любезно потчевала гостей, подавались не для утоленія голода, а для уюта, для того, чтобы соединить иногда незнакомыхъ между собой посѣтителей... Общество разбилось на небольшія группы и повсюду шелъ оживленный разговоръ. Едва Башиловъ занялъ указанный ему подлѣ хозяйки стулъ, какъ въ гостиную усталой, колеблющейся походкой

вошла худая, некрасивая женщина. На мертвенно-блѣдномъ лицѣ рѣзко выдѣлялись ярко окрашенныя въ кровавый цвѣтъ губы и обрисованные темной чертой миндалевидные глаза. На плечи была накинута темнаго стального цвѣта атласная длинная мантилія; громадная черная бархатная шляпа надвинута совсѣмъ на лобъ. На слегка открытой шеѣ художественной работы «plaque» изъ брильянтовъ и черныхъ жемчуговъ Людомирова поднялась къ ней навстрѣчу, протянула обѣ руки и заговорила по-французски:

— Какъ я вамъ благодарна, что вы пріѣхали... садитесь.

Блѣдная дама, томно вскидывая глаза и грассируя, говорила чистымъ парижскимъ акцентомъ:

— Oh, combien je suis lasse... cette direction! On nous éreinte; j'ai si froid dans votre pays.

Башиловъ съ любопытствомъ разсматривалъ извѣстную артистку Михайловскаго театра madame Valmons, и его занимала и удивляла предупредительная любезность, съ которой Людомирова усаживала ее подлѣ себя. Valmons граціозно сѣла въ кресло и усталымъ жестомъ провела по глазамъ:

— Oh, j'ai les nerfs détraqués...

— Pauvre chérie, они васъ замучили... это невозможно; я должна вамъ помочь. Я хороша съ женой директора императорскихъ театровъ; она очень милая и добрая женщина; на дняхъ же заѣду къ ней и попрошу ее повліять на мужа, чтобы онъ поберегъ васъ; онъ долженъ это сдѣлать для всѣхъ насъ; не правда ли, mesdames и messieurs? мы всѣ почитатели вашего таланта и не хотимъ васъ видѣть такой усталой.

— Oh, madame, c'est bien géntil de vorte part!..

Разговоръ продолжался на французскомъ языкѣ. Людомирова ласкала взглядомъ и старалась очаро-

вать Valmons, которая была ей очень нужна. Нѣсколько дней тому назадъ, по совѣту Берга, она первая сдѣлала ей визитъ; ей надо было притянуть ее къ себѣ, сдѣлать своей союзницей, чтобы нѣсколько словъ, которыя ей въ скоромъ будущемъ бросить генералъ Бергъ, упали на подготовленную почву. Дѣло заключалось въ томъ, что Бергъ былъ знакомъ съ графомъ генераломъ Эвеномъ, занимавшимъ видный постъ въ министерствѣ двора; въ его власти было камергерство Людомирова; много разъ Бергъ принималъ участіе въ его кутежахъ и ужинахъ и зналъ о связи мадамъ Вальмонъ съ графомъ; несмотря на некрасивую наружность, она очаровала графа своей кошачьей граціей, своимъ парижскимъ шикомъ и громадными требованіями, на которыя у него часто недоставало денегъ, и онъ дѣлалъ долги, гдѣ только могъ. Бергъ зналъ, что Эвенъ лѣзъ изъ кожи, чтобы не потерять благосклонности капризной француженки, и посовѣтовалъ Людомировой приручить къ себѣ Valmons, которой онъ въ удобную минуту шепнетъ о желаемомъ камергерствѣ, а Эвену найти возможность въ изысканной формѣ поднести крупный кушъ, хотя бы, напримѣръ, въ видѣ устройства бенефиса для его возлюбленной.

— Вотъ вамъ идея, фазаночка; детали обдумайте сами; вы ловки и предпріимчивы и, конечно, сумѣете тонко провести это дѣло, я же въ свое время переговорю съ Вальмонъ.

Бергъ не ошибся. Людомирова очень ловко обдумала планъ, а Valmons сама помогла ей, невольно вызвавъ у Людомировой намѣреніе переговорить съ директоромъ театра и добиться у него льготъ для артистки; такимъ образомъ, она имѣла въ рукахъ лишній козырь—благодарность француженки.

Между тѣмъ Башиловъ, разговаривая съ сосѣдомъ, высокимъ красивымъ брюнетомъ, предводителемъ дворянства и богатымъ помѣщикомъ одной изъ центральныхъ губерній и членомъ государственной думы Борисовымъ, отошелъ съ нимъ въ сторону и присоединился къ небольшой группѣ мужчинъ, гдѣ разговоръ принималъ почти острую форму. Одинъ изъ высшихъ чиновъ министерства юстиціи, высокій, коренастый, симпатичный человѣкъ, широко разставивъ ноги, заложивъ руки за спину и глядя поверхъ пенснэ на собесѣдниковъ, на минуту прервалъ споръ, чтобы вѣжливо пожать руку Башилова, котораго онъ не узнавалъ, такъ какъ встрѣтилъ его гдѣ-то всего однажды, и то мелькомъ.

— Вчера съ трибуны было сказано,—продолжалъ онъ прерванный разговоръ вѣскимъ, хладнокровнымъ голосомъ, обращаясь къ одному изъ видныхъ членовъ думы: — что господинъ Михайловъ форменный взяточникъ; это доказано документальными данными, которыхъ опровергать невозможно; на подобныя дѣла мы обязаны проливать свѣтъ.

— Позвольте, позвольте. Чѣмъ это доказано? Мы не принимаемъ въ расчетъ сплетенъ... всѣ эти ваши документальныя данныя выѣденнаго яйца не стоятъ...— горячился тщедушный старичекъ, членъ государственнаго совѣта; у него былъ какъ будто сконфуженный видъ, и онъ забѣгалъ глазами въ сторону подошедшаго Башилова и Борисова, какъ бы ища ихъ поддержки. — Невозможно же, господа, допускать, чтобы на трибуну выносились всякія бабьи сплетни и тѣмъ самымъ роняли достоинство высокаго учрежденія. Это все равно, что самихъ себя обливать ушатомъ грязи...

— Задача нашего учрежденія проливать свѣтъ на грязныя дѣла, искоренять злоупотребленія.

— Но если съ трибуны будутъ забрасывать грязью поставленныхъ правительствомъ должностныхъ лицъ, то этимъ учрежденіе дискредитируетъ себя.

— А если эти лица мошенники?—съ ироніей вставилъ управляющій департаментомъ того министерства, которому имени еще не пріискали и которое уже неоднократно мѣняло и свое направленіе, и свое названіе.—Не можетъ же министръ покрывать своей властью людей, заподозрѣнныхъ во взяточничествѣ.

— Дума существуетъ не для того, чтобы съ ея трибуны, не разобравши дѣла, грязнили чортъ знаетъ кѣмъ и какъ заподозрѣнныхъ людей.

Старикъ покраснѣлъ, и въ его маленькихъ глазахъ вспыхнулъ злобный огонекъ.

— Нѣтъ ужъ, господа, въ моемъ присутствіи прошу не затрогивать и не ронять достоинства учрежденія.

Представитель юстиціи поверхъ очковъ выразительнымъ, тяжелымъ взглядомъ уставился на старика. Борисовъ, поглаживая выхоленную бородку, переводилъ красивые, черные, какъ у цыгана, глаза съ одного спорящаго на другого. Онъ былъ очень корректенъ, не любилъ острыхъ споровъ и искалъ удобнаго предлога отойти отъ группы, гдѣ споръ началъ принимать непріятный характеръ.

— А позвольте васъ спросить, почему министръ на запросѣ не былъ? скрывается?..—отчетливо донеслось въ другой конецъ гостиной до насторожившихся ушей хозяйки дома.

— Потому что считаетъ для себя неприличнымъ выслушивать всѣ сплетни, которыя ему бросаютъ въ лицо.

— Идіотское положеніе-съ!

— Мы, изволите ли видѣть, объясняемъ его отсутствіе невозможностью дать вѣскіе аргументы... Что и говорить: уменъ, смѣлъ... а самъ прячется.

— Вольно же вамъ такъ понимать! А кто сидѣлъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Графъ П.—круглая бездарность. Нарочно такихъ и подбираютъ, безъ колорита, безъ физіономіи; тоже вѣдь изъ родни,—недавно назначенъ.

— Сущее безобразіе эти назначенія! Невозможно ихъ не осуждать,—заговорилъ Башиловъ. — Къ намъ въ губернію назначенъ губернаторомъ одинъ баронъ. Премилый малый, но это юноша, которому надо еще многому научиться. Какой онъ можетъ быть губернаторъ! У насъ губернія трудная-съ; нуженъ и опытъ, и твердость; необходимо знаніе жизни земской губерніи, мѣстнаго строя и вопросовъ дворянскаго самоуправленія. Что онъ въ этомъ понимаетъ? Развѣ онъ можетъ импонировать губерніи? Губернаторство не забава-съ. Начнетъ блажить, попадетъ чего добраго подъ вліяніе лѣвыхъ партій, и получится сумбуръ, который потомъ же здѣсь расхлебывать придется... такихъ назначеній дѣлать не слѣдуетъ-съ.

— Въ этомъ назначеніи министра винить нельзя; онъ прекрасно разбираетъ и знаетъ толкъ въ людяхъ; здѣсь виновата его супруга: и властолюбива, и родни много.

— Позвольте васъ спросить, какое дѣло странѣ до до супруги министра? Отвѣтственнымъ передъ Россіей является только одинъ онъ.

Людомирова начинала сильно волноваться, она не хотѣла допустить, чтобы въ ея салонѣ такъ рѣзко спорили, и выжидала удобнаго момента, чтобы разъединить благородныхъ борцовъ за честь правительства и его учрежденій; она отлично знала, что въ глубинѣ души они оставались совершенно равнодушными и къ вопросамъ чести, и къ вопросамъ всевозможныхъ злоупотребленій, въ которыхъ бывали и сами замѣшаны, если не лично, то косвенно.

— Князь, голубчикъ, я васъ давно жду, чтобы познакомить съ очаровательной madame Valmons; полно спорить, господа, идите, поухаживайте за ней. Теперь мнѣ понятно увлеченіе милѣйшаго графа Эвена; говорятъ, онъ у ногъ этой прелестной женщины. Поговорите съ ней—она васъ очаруетъ...

Людомирова увела подъ руку распѣтушившагося старика и усадила его подлѣ Valmons.

Представитель министерства юстиціи посмотрѣлъ на часы и сталъ поспѣшно прощаться. Башиловъ тоже собрался уходить; Людомирова, замѣтившая его движеніе, встала съ своего мѣста и подошла къ нему:

— Нѣтъ, я васъ не пускаю; отложите шляпу. Я васъ сейчасъ познакомлю съ интересной женщиной.

— Помилуйте, Марія Константиновна, съ меня достаточно и хозяйки дома; этакъ чего добраго и голова закружится съ непривычки.

— Что такое? Съ непривычки? — Людомирова насмѣшливо посмотрѣла ему въ глаза и громко разсмѣялась.

— Напрасно вы меня высмѣиваете. Одинокій, занятой человѣкъ, я забылъ, какъ и разговаривать съ красивыми женщинами,—боюсь ихъ..

— Ну, да, разсказывайте! такъ я вамъ и повѣрю.

Людомирова подвела его къ Еленѣ, стоявшей поодаль съ барономъ Штаденомъ.

— Елена представляю тебѣ большого поклонника женщинъ—Владимира Ивановича Башилова.

Елена, о чемъ-то вполголоса разговаривавшая съ съ барономъ, быстро обернулась, услышавъ имя, о которомъ столько говорилось за эту зиму. Она протянула руку, зорко и съ нескрываемымъ любопытствомъ всматриваясь ему въ глаза.

— Такъ это вы—Владимиръ Ивановичъ Башиловъ

— Такъ точно-съ. Я, кажется, имѣю счастье возбуждать ваше любопытство?—проговорилъ Башиловъ и, не измѣняя своей обычной привычкѣ, принялся безъ стѣсненія оглядывать Елену съ головы до ногъ. Баронъ, холодно пожавшій ему руку, передернулъ плечомъ и хотѣлъ было продолжать съ Еленой прерванный разговоръ, но былъ отозванъ Людомировой, которая нарочно подвела Башилова къ Еленѣ, чтобы отвлечь барона: она ревновала его къ Еленѣ, несмотря на то, что баронъ былъ очень увлеченъ ею и изрѣдка даже подчинялся ея капризамъ и видѣлся съ Еленой рѣже обыкновеннаго; однако она не вполнѣ довѣряла ему, слѣдила за нимъ и страшно боялась Елены, которую считала злой кокеткой, способной отбить любимаго человѣка для минутной фантазіи. Она была убѣждена, что у барона были отношенія къ Еленѣ болѣе близкія, чѣмъ онъ увѣрялъ, и что въ ея власти вернуть ихъ.

— Да, мнѣ интересно познакомиться съ вами. Я много слыхала о васъ, — спокойно отвѣтила Елена, въ свою очередь, разглядывая Башилова.

— Хорошее или дурное?

— И то и другое.

— А вы не скажете, что именно?

— Нѣтъ не скажу... по крайней мѣрѣ теперь.

— Не заслужилъ, значитъ, довѣрія?

— Не заслужили.

Глаза Елены смѣялись. Въ ея короткомъ отвѣтѣ послышался Башилову какъ будто скрытый смыслъ.

— Могу ли надѣяться со временемъ заслужить это довѣріе?

— А вамъ это интересно?

— И очень-съ. — Башиловъ посмотрѣлъ въ лицо Еленѣ такимъ веселымъ, добродушнымъ, любующимся

взглядомъ, что и она улыбнулась ему въ отвѣтъ, и съ этой минуты оба почувствовали взаимную симпатію. Моментально Башиловъ сообразилъ, что не мѣшаетъ вскользь упомянуть о Данцовой, такъ какъ весьма вѣроятно, что отошедшій баронъ можетъ при случаѣ сказать Еленѣ, гдѣ именно они встрѣтились.

— И я слыхалъ о васъ и не хочу скрыть, что слыхалъ много хорошаго.

Завязался разговоръ. Башиловъ ловко упомянулъ не только имя Евгеніи Михайловны, но даже и Любови Петровны и говорилъ такъ просто и естественно объ этихъ двухъ женщинахъ, что Елена окончательно усомнилась въ правдивости словъ Людомировой. Елена была очень интересна, изящно и къ лицу одѣта и, какъ всегда, остроумно и умѣло вела бесѣду; Башилову она съ каждой минутой нравилась все больше и больше. Между тѣмъ Людомирова, увлекая барона подъ руку, направилась съ нимъ въ глубь гостиной, продолженіемъ которой былъ небольшой зимній садъ.

— Александръ Александровичъ, пожалуйте сюда, вы, кажется, любитель и знатокъ живописи; я вамъ покажу одинъ еще не доконченный, но прелестный этюдъ, — обратилась она мимоходомъ къ средняго роста, моложавому брюнету, щеголеватому во внѣшности и манерахъ, фатоватому, съ холоднымъ и слегка надменнымъ выраженіемъ лица.

Они подошли къ небольшому полотну, съ котораго живо и рельефно глядѣло еще не законченное лицо хозяйки дома.

— Талантливо, очень талантливо... Много простоты и искренности... Нѣтъ злоупотребленія сиреневыми тонами... отчетливо схватилъ выраженіе вашихъ глазъ...—слегка шепелявя и щурясь, съ видомъ знатока говорилъ Александръ Александровичъ Рихтеръ,

часто посѣщавшій салонъ Людомировой въ виду необходимыхъ для его карьеры встрѣчъ съ великими міра сего.

Рихтеръ былъ очень ловкій, обладающій государственнымъ умомъ, карьеристъ. У него было много свѣтскаго лоску, онъ зналъ языки, умѣлъ поддерживать оживленный разговоръ, умѣлъ острить, зналъ безконечное количество французскихъ шарадъ и petits jeux для дѣвицъ и для дамъ, былъ ловкимъ танцоромъ и потому въ гостиныхъ былъ принятъ очень охотно. Подъ наружнымъ свѣтскимъ лоскомъ и любезностью таилась глубоко эгоистичная холодная, расчетливая и черствая натура бездушнаго карьериста. Занимая довольно высокое положеніе, онъ расчищалъ себѣ дальнѣйшій путь и если отгадывалъ на этомъ пути людей талантливыхъ, способныхъ соперничать съ нимъ, хотя бы въ будущемъ,—онъ ловко и хладнокровно ихъ устранялъ; не было той жестокости, на которую не пошелъ бы Рихтеръ во имя достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Нѣсколько разъ онъ былъ на краю большого скачка впередъ, но каждый разъ ему кто-то подставлялъ ногу, и назначеніе откладывалось. Многимъ онъ былъ опасенъ, — боялись, какъ бы онъ не сѣлъ на головы тѣмъ, передъ которыми теперь изысканно вѣжливо склонялся. Опаснымъ соперникомъ съ нѣкоторыхъ поръ становился для него Башиловъ, быстро выдвигавшійся по службѣ и умѣвшій не хуже его пользоваться выгодными обстоятельствами, но Рихтера успокаивала мысль, что у его соперника недостаетъ важнаго преимущества, которымъ обладалъ онъ самъ: свѣтскости и обширнаго знакомства въ блестящихъ салонахъ. О Башиловѣ и его выдающихся способностяхъ говорили въ министерствахъ, въ комиссіяхъ,

его доклады становились замѣтными, на него указывали, какъ на дѣльнаго, неутомимаго и энергичнаго службиста, но въ салонахъ его имя было не извѣстно, онъ тамъ не бывалъ, и потому Рихтеръ былъ очень удивленъ, замѣтивъ его въ оживленной бесѣдѣ съ Карцевой, которая принадлежала къ высшему кругу и въ гостиной которой Рихтеръ любилъ бывать, встрѣчая у нея не только интересныхъ, но и нужныхъ людей.

— Баронъ, а ваше мнѣніе объ этомъ портретѣ?— обратилась Людомирова къ Штадену.

— Я не знатокъ въ живописи, но мнѣ нравится— много сходства.

— Удивительный человѣкъ! Вы знаете, Александръ Александровичъ, про что его ни спроси, онъ всегда отвѣчаетъ: я не знатокъ, я не компетентенъ... Въ концѣ концовъ что же вы любите, чѣмъ же вы увлекаетесь?

Штаденъ съ улыбкой пожалъ плечами.

— Очевидно, ничѣмъ.

— Я слыхалъ, что баронъ большой знатокъ и поклонникъ женщинъ.

— Знатокъ—можетъ быть, а поклонникъ—никогда въ жизни. Баронъ ничего больше, какъ себялюбивый эгоистъ.

— Madame, de vous j'accepte tout.

Штаденъ сдѣлалъ низкій и почтительный поклонъ.

— Я, кажется, имѣлъ удовольствіе встрѣчать васъ у барона Штадена, служащаго въ дипломатическомъ корпусѣ?—обратился Рихтеръ къ барону.

— Да, вѣроятно,—я тамъ бываю, это мой двоюродный братъ.

Между ними завязался разговоръ въ то время, какъ Людомирова поспѣшила навстрѣчу видной, еще

очень интересной женщинѣ—женѣ министра внутреннихъ дѣлъ; послѣдняя не особенно жаловала домъ Людомировой, куда ѣздили съ исключительной цѣлью—веселья или нужныхъ встрѣчъ.

— Какой чудесный день. Я вышла изъ кареты и съ набережной прошла къ вамъ пѣшкомъ,—обратилась она къ хозяйкѣ дома, принимая изъ ея рукъ чашку чая.

— Et moi qui grellotte dans mes fourrures,—томно закатывая глаза и поводя плечами, низкимъ выразительнымъ тембромъ проговорила Valmons, театрально-красиво поднялась со своего мѣста и, непринужденно раскланявшись со всѣми, удалилась той же усталой, слегка покачивающейся изъ стороны въ сторону походкой.

XII.

Когда Башиловъ уходилъ и Людомирова, обдавая его жеманными улыбками и вызывающими взглядами подведенныхъ глазъ, просила непремѣнно быть у нея на балу, назначенномъ черезъ двѣ недѣли, онъ очень охотно поспѣшилъ дать свое согласіе и мысленно рѣшилъ не упустить удобнаго случая встрѣтиться еще разъ съ Еленой. Въ этотъ же вечеръ онъ разсказалъ Данцовой объ ихъ знакомствѣ.

— Ну, какъ ты ее нашелъ?

— Сознаюсь тебѣ, она меня просто поразила: удивительно интересная женщина. Ты мнѣ никогда не говорила, что она такъ умна. Красивыхъ женщинъ, душа моя, много, а этакія умницы прямо наперечетъ. И ловка должно быть, кого угодно за поясъ заткнетъ. Молодецъ. Король-баба. Это я понимаю.

Башиловъ какъ будто бы забылъ, что излишняя

похвала другой женщинѣ можетъ отозваться болью въ сердцѣ Евгеніи Михайловны, и, заложивъ, по обыкновенію, руки въ карманы и тяжело шагая взадъ и впередъ по кабинету, восхищался каждымъ жестомъ, каждымъ словомъ Карцевой.

— Скажи пожалуйста, Женичка, а ты очень дружна съ ней?

— Очень, она хорошая и добрая.

— Слѣдовательно, наши отношенія для нея не секретъ?

— Я никогда ничего не скрывала отъ Елены, но это единственный случай, что я не только скрыла, но даже солгала ей и отреклась отъ всего, что ей наговорила Людомирова. Я не въ силахъ была посвятить ее въ мою тайну: ты знаешь, Володя, какъ мнѣ дороги наши отношенія и какъ я оберегаю ихъ отъ людей.

Башиловъ испыталъ почти радостное чувство, что Елена не посвящена въ его отношенія къ Данцовой. Почему?—онъ не задавался этой мыслью, но поспѣшилъ замаскировать передъ Евгеніей Михайловной это чувство удовлетворенія.

— Что-жъ, это умно съ твоей стороны. Зачѣмъ посвящать людей въ свои дѣла, тѣмъ болѣе, что твоя Елена, какъ видно, достаточно умна и деликатна, чтобы не злоупотреблять своей дружбой; быть можетъ, она и догадывается, но изъ деликатности не вызываетъ тебя на откровенность; и умно!

Въ этотъ вечеръ Башиловъ, незамѣтно для Данцовой, не разъ переводилъ разговоръ на Елену и мало-по-малу узналъ о ней многое, что его интересовало. Онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы всѣ поклонники Елены были только ея друзьями, и, какъ Данцова ни увѣряла его, что жизнь Елены ей извѣстна

до мельчайшихъ подробностей, онъ настаивалъ на своемъ:

— Ну, это она тебѣ очки втираетъ; я съ нею всего полчаса поговорилъ и скажу тебѣ, что она очень опытная и бывалая и если за ней хорошенько пріударить, то...

— То и останешься съ носомъ,—засмѣялась Евгенія Михайловна.

— И ты въ этомъ такъ увѣрена?

— Увѣрена, потому что знаю Елену.

— А хочешь я попробую? Но предупреждаю тебя, что съ полдороги сворачивать не люблю.

— Если бы вопросъ былъ не объ Еленѣ, то я сказала бы: «не хочу», но въ этомъ случаѣ я совершенно спокойна; ты потерпишь полное фіаско; Елена живетъ, не зная страстей.

— Что-жъ она—святоша или уродъ?

— Ни то, ни другое. Познакомься съ ней и убѣдишься, что съ флирта перейдешь на товарищескія отношенія.

— Признаюсь, со мной этого не случалось.

Когда они разставались, Башиловъ спросилъ полушутя:

— Такъ что-жъ, Женичка, разрѣшаешь пріударить за твоей подругой? Я это на твоихъ глазахъ попробую у Людомировой на балу. Только ужъ ты не выдавай меня, а то если предупредишь, то, конечно, она такую броню надѣнетъ, что и не подступишься.

Данцова напомнила ему, что Елена не предполагаетъ, что они могутъ вести подобные разговоры.

Башиловъ, во всемъ пунктуальный и предусмотрительный, отмѣтилъ на передвижномъ календарѣ день бала у Людомировой; возможность встрѣтить на томъ же балу Бергъ его не особенно смущала: рѣшивъ пріі-

ударить за Еленой, онъ имѣлъ въ виду доставить удовольствіе себѣ и обезпечить спокойствіе обѣихъ соперницъ, такъ какъ каждой изъ нихъ онъ объяснитъ этотъ поступокъ желаніемъ отвлечь вниманіе любопытныхъ глазъ и злыхъ языковъ отъ той, которая его дѣйствительно интересуетъ; къ тому же Евгенія Михайловна уже предупреждена, хотя и въ шутливой формѣ, и съ ея стороны не только никакой обиды быть не можетъ, но она еще убѣдится, что по отношенію Бергъ у него нѣтъ никакихъ обязательствъ, и онъ свободенъ ухаживать за кѣмъ ему вздумается.

Башиловъ имѣлъ громадный навыкъ въ отношеніяхъ съ женщинами и, какъ опытный рулевой, умѣлъ такъ осторожно вести свой корабль между подводныхъ скалъ и мелей, что никогда еще не терпѣлъ аварій. Зачастую его занимали трудность и рискъ положенія, и съ его осторожностью и присутствіемъ духа онъ всегда выходилъ сухъ изъ воды.

Данцова время отъ времени заѣзжала къ Степановой, и гадалка въ концѣ концовъ сама повѣрила въ то, что гадала, такъ какъ Башиловъ однажды, какъ въ былое время, былъ у нея, засидѣлся за чашкой чая и намекнулъ на свой проектъ женитьбы.

— Конечно, почему бы вамъ на ней не жениться? Очень она вамъ подходящая и ужъ любитъ васъ безъ ума. Начну раскладывать ей карты — она и блѣднѣетъ, и краснѣетъ... такъ и вопьется въ меня глазами, какъ стану о червонномъ королѣ говорить. Всю душу вамъ отдала... А и подлецы же вы всѣ мужчины! Стоите ли вы этакой любви? Ей-Богу, иной разъ языкъ такъ и чешется сказать ей, что такая любовь ровно ни къ чему; насмѣетесь, плюнете и все тутъ... Да ужъ, если бы не моя дружба къ вамъ,

я бы ее поостерегла отъ этого червоннаго короля; онъ, пожалуй, еще почище многихъ.

— Ну, полно, полно... Это вы ужъ слишкомъ на меня напали, Анна Ивановна.

— Напала? — Анна Ивановна подперла ладонью подбородокъ и, покачивая головой, смотрѣла на него умными, проницательными глазами.—Я-то напала? А хотите вотъ сейчасъ карты разложу, такъ и докажу вамъ, что моя правда. Эхъ, милый вы мой. Мало ли слезъ-то я изъ-за васъ пролила за тѣ три года, что ко мнѣ чай пить по вечерамъ жаловали? Мало ли ночей не спала въ то время, какъ вы ужинали то съ той, то съ другой? Многое я знала, хотя и не все говорила. Думаете, про вашу эту артистку чернобровую не знала? И посейчасъ съ ней иногда часы проводите... Все знаю. Всѣ вы на одинъ ладъ—подлецы; и дуры тѣ, которыя вамъ душу свою отдаютъ: только наплачутся. Откровенно скажу вамъ, что эту вашу даму мнѣ отъ души жаль; у нея, что называется, вся душа на ладони. Пора бы вамъ угомониться: женились бы на ней; будетъ добрая и хорошая жена и красива къ тому же, чего вамъ еще искать?

— Ишь вы какой адвокатъ... а руки все такія же бѣлыя и сдобныя... русская красавица...

Башиловъ по старой памяти принялся гладить и пожимать выше локтя обнаженныя пухлыя, дебелыя руки, притянулъ ихъ къ себѣ, положилъ на плечи и, быстрымъ жестомъ обхвативъ шею Анны Ивановны, жаднымъ поцѣлуемъ впился въ губы.

Оставалось нѣсколько дней до бала, и Людомирова была въ такихъ хлопотахъ, что едва успѣвала обѣдать и завтракать. Но зато эта суета давала ей возможность безконтрольно отдавать по нѣсколько

часовъ въ день на свиданіе съ барономъ, которымъ она была увлечена очень серьезно. Его сдержанность, корректность, полная уравновѣшенность и отсутствіе пылкости хотя и вызывали досаду, тѣмъ не менѣе разжигали еще сильнѣй ея чувство къ нему настолько, что она становилась неосторожной, нелогичной, требовательной и подозрительвой. Мужа своего она побаивалась, такъ какъ, не взирая на все свое добродушіе, онъ принадлежалъ къ тѣмъ типамъ, добродушіе которыхъ имѣло свою границу; если бы до него дошли какіе-нибудь слухи, онъ попросту отколотилъ бы ее, и даже пребольно. Людомировой приходилось очень лавировать, а въ особенности въ тѣ дни, когда пріѣзжалъ Бергъ, такъ какъ послѣдній былъ далекъ отъ хладнокровнаго ухаживанія барона, избалованнаго успѣхами у женщинъ. Какъ ни хитрила Людомирова, однако баронъ уже начиналъ кое-что подмѣчать; съ присущей ему выдержкой, онъ только вскользь намекнулъ ей, что не привыкъ къ соперникамъ, не предложилъ ей ни одного нескромнаго вопроса и не измѣнилъ своихъ отношеній, но Людомирова знала отъ Елены, что если барону что-нибудь не нравилось въ отношеніяхъ съ женщинами или задѣвало его самолюбіе, онъ безъ упрековъ и сценъ уходилъ и дѣлалъ это такъ холодно и безповоротно, что вернуть его не было возможности. Людомирова, всегда крайне осторожная и скрытная, мало-по-малу, сама того не замѣчая, посвящала Елену въ свою тайну. Сперва она сговаривалась съ барономъ и, какъ бы невзначай, встрѣчалась съ нимъ у Елены; въ послѣднее время, она въ минуты раздраженія жаловалась на него Еленѣ, даже спрашивала совѣтовъ, со слезами на глазахъ называла эгоистомъ, холоднымъ, неспособ-

нымъ понять женское сердце... потомъ, спохватывалась, что, быть можетъ, сказала лишнее.

— Ты понимаешь, Елена, что вѣдь не могу же я оставаться къ нему равнодушной послѣ всѣхъ его увѣреній любви и обожанія ко мнѣ. Признаюсь, что я могла бы и сама его полюбить, если бы дала себѣ волю, но я не хочу. Представь себѣ, вчера у меня отъ двѣнадцати до часу съ половиной утра, благодаря хлопотамъ о балѣ, была возможность удрать отъ домашняго завтрака; я ему телефонирую, что ровно въ двѣнадцать буду у Лѣтняго сада, что поѣдемъ завтракать куда-нибудь, а онъ мнѣ отвѣчаетъ, что можетъ дать мнѣ всего полчаса, такъ какъ въ двѣнадцать съ половиной долженъ завтракать у матери. Разумѣется, я взбѣсилась, и мы поссорились. Такъ не отвѣчаютъ любимой женщинѣ; точно онъ не можетъ другой разъ позавтракать у матери? Это ничего болѣе, какъ холодный эгоизмъ, нежеланіе ни на іоту измѣнить своимъ привычкамъ.

— Нѣтъ, Мариша, ты не права. Штаденъ изъ ряду выдающійся нѣжный сынъ. Онъ обожаетъ мать и, зная ея обожаніе къ себѣ, скорѣе поссорится съ кѣмъ угодно, чѣмъ опоздаетъ хоть на минуту, если она его ждетъ. Тутъ, Мариша, совсѣмъ особенный и очень симпатичный міръ глубочайшей сыновней любви, уваженія и преданности. Его мать—очаровательная, умная старуха, и онъ правъ, что не нарушаетъ гармоніи своихъ отношеній съ ней ради каприза женщинъ, съ которыми флиртуетъ.

— Тутъ не флиртъ... ты не знаешь, что онъ мнѣ говоритъ!..

— Ни на какую безумную любовь Штаденъ не способенъ; я его знаю давно, и о многомъ мы съ нимъ говорили; я его очень люблю, но ты права, на-

зывая его эгоистомъ; онъ страшно избалованъ и женщинъ любитъ для себя, для своего удовольствія. а не ради жертвъ.

— Ну, для этого онъ можетъ искать другую... ты ему, пожалуйста, это передай...

— И не воображаю. Съ чего это ты вздумала, Мариша. Собственно говоря, я не понимаю, для чего ты съ нимъ ссоришься, если онъ тебѣ нравится? Бери его, каковъ онъ есть, и не дѣлай изъ любви драмы.

— Я тебѣ повторяю, что это невыносимый эгоистъ.

Людомирова, взволнованная, подурнѣвшая отъ слезъ, обмахивала разгоряченное лицо платкомъ и пудрила покраснѣвшій кончикъ носа. Уходя, она просила Елену «отъ себя» поговорить съ барономъ. Такимъ образомъ, Елена не разъ налаживала ихъ отношенія, стараясь обѣ стороны выставить въ выгодномъ свѣтѣ. Дѣлала она это потому, что Мариша плакала, и она ее жалѣла, но въ душѣ роль посредницы ей не нравилась, и она неохотно выслушивала Штадена, когда онъ въ отвѣтъ на заступничество, негодуя, разсказывалъ о странныхъ отношеніяхъ Людомировой къ Бергу. Елена отмалчивалась, но однажды предупредила Людомирову, что если ей дороги отношенія къ барону, то чтобы она была осторожнѣе съ Бергомъ. Людомирова не сумѣла оцѣнить добраго отношенія къ себѣ Елены и затаила противъ нея мелкую злобу за то, что ей оказались извѣстными тѣ несимпатичныя стороны ея жизни, которыя она считала ловко скрытыми, и тѣ слабости женскаго сердца, которыя громогласно съ большимъ паѳосомъ называла «непорядочностью для честной женщины».

Она давала волю своему злословію и посвящала барона во всѣ детали, правдивыя и лживыя, кото-

рыя ей удавалось узнать насчетъ Евгеніи Михайловны, Башилова и Любови Петровны. Такимъ образомъ, онъ былъ въ курсѣ сердечныхъ дѣлъ подруги Елены, но хранилъ глубокое молчаніе и ни однимъ жестомъ не выдалъ себя, когда однажды Елена заговорила съ нимъ о Башиловѣ и о той якобы сплетнѣ, которую пустили насчетъ его и Евгеніи Михайловны. Баронъ зналъ кое-что и помимо разсказовъ Людомировой, такъ какъ кто-то случайно видѣлъ раза два Евгенію Михайловну, когда она входила или выходила изъ служебнаго кабинета Башилова. Она была достаточно элегантна и красива, чтобы заинтересовать собой, и довольно скоро служащіе въ отдѣлѣ Башилова уже знали ея фамилію. Объ этихъ посѣщеніяхъ узналъ и Штаденъ и, вспомнивъ смущенный и радостный видъ Данцовой въ тотъ день, когда онъ впервые встрѣтилъ у нея Башилова, и сопоставивъ все слышанное отъ Людомировой, онъ уже не сомнѣвался въ своихъ догадкахъ; но онъ молчалъ и уже не поддразнивалъ Евгенію Михайловну, однако не могъ воздержаться отъ нѣкоторой критики, когда Елена отозвалась о Башиловѣ, какъ о человѣкѣ интересномъ и симпатичномъ.

— Удивляюсь вашему вкусу. Чѣмъ онъ интересенъ? Вульгаренъ и не достаточно воспитанъ.

— Да совсѣмъ нѣтъ. Онъ очень милый; пожалуй, немного слишкомъ смѣлъ, но это ничего.

— Онъ долженъ быть большой нахалъ съ женщинами.

— Съ чего вы это взяли? Вамъ, кажется, не понравилось, что онъ у Людомировой довольно безцеремонно разсматривалъ меня? Сознайтесь, вы приревновали? Оттого онъ вамъ и не нравится.

Баронъ не счелъ нужнымъ разсказывать Еленѣ, что такимъ же взглядомъ, возмутившимъ его, Башиловъ оглядывалъ и Евгенію Михайловну. Штаденъ всегда отличался громадной выдержкой и деликатностью по отношенію чужихъ дѣлъ; онъ зналъ многое, много ему довѣряли, но никогда никто не слыхалъ, чтобъ онъ что-нибудь передавалъ или разспрашивалъ. Еленѣ хотѣлось, шутя, подразнить барона.

— Такъ какъ мой поклонникъ и кавалеръ, Михаилъ Михайловичъ Орловъ, отсутствуетъ, а вы мнѣ измѣнили и промѣняли меня на Маришу, то въ наказаніе вамъ я завербую Башилова себѣ въ поклонники и на балу у Мариши буду съ нимъ кокетничать и даже скажу ему, что онъ мнѣ очень нравится.

— Не совѣтую вамъ этого дѣлать,—серьезно проговорилъ баронъ, предвидя, какую боль можетъ нанести Елена сердцу Евгеніи Михайловны.

— Почему, позвольте узнать?..

— Мнѣ это будетъ непріятно, какъ другу, потому что Башиловъ мнѣ несимпатиченъ.

— Однакоже вы избаловались, мой добрый другъ! мало ли что вамъ непріятно... А, можетъ быть, и мнѣ не нравилась ваша влюбленность въ Маришу, а я, какъ добрый товарищъ, еще и помогала вамъ.

— Если вы думаете, что ваша помощь мнѣ была пріятна, то вы глубоко ошиблись: этой помощью вы доказали полное безразличіе ко мнѣ.

— Разъ я увидѣла, что вы увлеклись Маришей...

-- А вы и обрадовались?

— Ну, ужъ какъ бы тамъ ни было, но теперь вашъ чередъ помогать мнѣ, если и я влюблюсь, а не протестовать и не мѣшать.

— Если въ Башилова, то буду и протестовать, и мѣшать...

— Ахъ, вотъ какъ! Посмотримъ, кто сильнѣе...

Елена смѣялась и, думая, что дразнитъ барона, долго еще увѣряла его, что Башиловъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе и что она рада будетъ встрѣтиться съ нимъ на балу.

Уходя отъ Елены и нѣжно цѣлуя ея руку, баронъ еще разъ вернулся къ этому разговору.

— А все-таки, mon ange, прошу васъ оставить этого accrchecoeur'а въ покоѣ; предоставьте его кому-нибудь другому,—мало ли у васъ болѣе интересныхъ поклонниковъ.

XIII.

Двухъэтажный особнякъ Людомировыхъ былъ залитъ сверху донизу электричествомъ; кареты и автомобили тѣсными рядами стояли по обѣ стороны улицы. Къ подъѣзду, обтянутому полосатой парусиной, несмотря на поздній часъ, все еще подъѣзжали экипажи, распахивались дверцы, и изъ-подъ высоко подобранныхъ шелковыхъ волановъ быстро мелькали стройныя дамскія ножки въ свѣтлыхъ чулкахъ и туфелькахъ, или не менѣе элегантнаго покроя лакированные и нелакированные ботинки штатскихъ, моряковъ, гвардейскихъ офицеровъ, генераловъ, сановниковъ и министровъ. Въ просторномъ, крытомъ яркимъ сукномъ вестибюлѣ на руки ливрейныхъ лакеевъ сбрасывались отороченныя мѣхами нарядныя шубки, шелковыя, подбитыя плюшемъ и мѣхомъ манто, газовые всѣхъ цвѣтовъ и тѣней шарфы и длинныя боа; мимоходомъ заглядывали въ громадныя простѣночныя зеркала нарядныя женщины съ обнаженными плечами и руками, благоухающія и загадочныя въ своихъ воздушныхъ нарядахъ. Кругомъ все сверкало:

зеркала отражали блескъ мундировъ, орденовъ и драгоцѣнностей; сверкали глаза, сверкали улыбки, сверкала бѣлизна открытыхъ плечъ; мраморная широкая лѣстница, покрытая алымъ ковромъ, сверкала холоднымъ блескомъ; плафонъ вычурной, изящной работы, сверкалъ безконечнымъ количествомъ огней, преломляющихся въ хрусталѣ люстръ. На верхней площадкѣ лѣстницы стояли два негра, неподвижные, точно окаменѣвшіе, безучастные къ проходящей мимо ихъ нарядной толпѣ. При взглядѣ на ихъ обожженныя зноемъ лица рождалась мимолетная иллюзія далекихъ и горячихъ лучей тропическаго солнца. Громадные гобелены матовыми полутонами смягчали переливы блеска и огней. Въ бѣломъ овальномъ залѣ, гдѣ на хорахъ игралъ оркестръ, плавно скользила пара за парой подъ темпъ мелодичнаго вальса. Людомирова, въ бѣломъ, затканномъ серебромъ роскошномъ платьѣ, вся блистающая брильянтами, сильно декольтированная, съ замѣтно подведенными линіями бровей и слишкомъ яркими губами, привѣтливо встрѣчала у входа въ залъ все еще прибывающую публику. Ея голубые и продолговатые глаза горѣли оживленнымъ блескомъ; она была довольна: балъ вполнѣ удался. Ея домъ былъ извѣстенъ Петербургу; знали, что шампанское и веселье здѣсь льются рѣкой, дѣвицъ сюда не возили, но замужнія женщины и мужчины ѣздили на обѣды и на балы Людомировой съ большой охотой. Правда, нѣкоторыя изъ дамъ считали нужнымъ маскировать это удовольствіе, увѣряя, что ѣдутъ только изъ любопытства къ этому «cabaret aristocratique». Лакеи ловко лавировали между танцующими парами и стоящими группами, разнося на громадныхъ серебряныхъ подносахъ мороженое, крюшонъ и конфекты. Вслѣдъ за танцовальнымъ за-

ломъ шла анфилада комнатъ, каждая въ особомъ стилѣ. Всюду стоялъ гулъ голосовъ, вырывались отдѣльныя фразы, мѣшалась русская рѣчь съ французской, чувствовалось непринужденное оживленіе; не было и помина о той бальной чопорности, граничащей со скукой, которую петербургское общество испытываетъ почти на всѣхъ великосвѣтскихъ балахъ. Здѣсь всѣ чувствовали себя весело, развязно, слышались раскаты звонкаго смѣха, шептались на ухо вольныя рѣчи, въ уютныхъ уголкахъ за тропическими растеніями мелькали пары. Артистки, актрисы и даже цыганки, приглашенныя исполнять сольные номера, придавали какой-то особенный тонъ не то клубнаго, не то курзальнаго характера. Хозяинъ дома, радушный и оживленный, легкой, эластичной походкой поспѣвалъ во всѣ комнаты своего наряднаго праздничнаго дома. То онъ почтительно, съ чувствомъ собственнаго достоинства шелъ навстрѣчу сѣдому сановнику и, потирая бѣлыя, выхоленныя, пахнувшія одеколономъ руки, предлагалъ провести его къ карточнымъ столамъ, приготовленнымъ въ большомъ отдаленномъ залѣ библіотеки, то дружелюбно угощалъ шампанскимъ щеголеватаго, подтянутаго лицеиста и тутъ же, круто поворачиваясь, предлагалъ туръ вальса очутившейся безъ кавалера дамѣ; бросалъ нѣсколько словъ запыхавшемуся картавящему дирижеру и черезъ минуту былъ уже въ другой комнатѣ, подходя то къ одной, то къ другой группѣ гостей. Онъ чувствовалъ себя радушнымъ, богатымъ хозяиномъ, у котораго гостямъ весело, и отъ этого сознанія ему самому становилось еще веселѣе и еще радушнѣе сіяла улыбка на его свѣжемъ, здоровомъ лицѣ съ яркимъ румянцемъ и искрилась въ карихъ, полныхъ жизни глазахъ. Женѣ онъ предоставлялъ

вести дипломатію и расточать любезности нужнымъ людямъ, будучи совершенно увѣренъ, что она безраздѣльно принадлежитъ домашнему очагу, и всѣ ея улыбки, маленькія вольности и поклонники—не болѣе, какъ свѣтскій мундиръ. Самъ онъ относился добродушно-безразлично къ ея стремленіямъ завоевать ему видное положеніе и званіе камергера; онъ довольствовался сознаніемъ своей полной независимости, благодаря крупному состоянію, и пользовался жизнью широко, но не безразсудно; про него говорили, что пороху онъ не выдумаетъ, но добрый малый.

Было поздно, когда въ дверяхъ появилась Бергъ въ бѣломъ кружевномъ платьѣ съ яркими цвѣтами крупнаго мака въ рыжеватыхъ волосахъ. Людомирова увидала ее съ другого конца и, подойдя къ ней и зорко оглядывая ея туалетъ, взяла подъ руку и на минуту остановилась.

— Я уже думала, что съ тобой что-нибудь случилось. Ты хорошо одѣта и къ лицу... Башилова я видѣла мелькомъ; очень интересенъ сегодня... Подожди, я сейчасъ позову мужа, и ты съ нимъ пройди къ буфету, вѣроятно, онъ тамъ гдѣ-нибудь. Главное, пусть улыбка не сходитъ у тебя съ лица... Наша мадонна, я тебѣ скажу, просто очаровательна сегодня; она пріѣхала минутъ пять тому назадъ... кажется, не танцуетъ... такъ ты иди, я васъ найду.

Бергъ съ немного дѣланной улыбкой и ямочками на розовыхъ щекахъ, поддерживая одной рукой тренъ и опираясь другой на руку Людомирова, разсѣянно раскланиваясь со знакомыми, проходила анфиладу пышныхъ комнатъ, отыскивая Башилова среди нарядной толпы; замѣтивъ Данцову въ небольшой группѣ мужчинъ, она вздрогнула, всмотрѣлась, но между ними не нашла его и прошла дальше.

— Куда же мы собственно идемъ?—спросилъ Людомировъ.

— Покажите мнѣ всѣ комнаты; я ихъ совершенно не узнаю; вы сдѣлали полную перетасовку. Прелестно! Великолѣпно!

— Въ такомъ случаѣ пройдемте еще, я вамъ покажу Маришину затѣю, очень удачную.

Въ самомъ концѣ парадныхъ комнатъ былъ устроенъ настоящій café concert. Небольшіе столики, за которыми сидѣла нарядная и шумная публика, были ярко освѣщены электрическими лампами съ яркими разноцвѣтными абажурами; прекрасный цимбалистъ игралъ бьющую по нервамъ мелодію; публика стояла у дверей, такъ какъ внутри было полно. Людомировъ осторожно провелъ Бергъ впередъ, и она сразу узнала Башилова, стоящаго съ бокаломъ въ рукѣ въ противоположномъ концѣ комнаты. Подлѣ него въ гладкомъ шелковомъ платьѣ золотого цвѣта сидѣла на высокомъ табуретѣ Елена; облокотясь одной рукой о прилавокъ, въ другой она держала живую розу и, медленно вдыхая ея ароматъ, слушала цимбалиста и то, что ей говорилъ Башиловъ. Къ ея матовой кожѣ очень шелъ этотъ яркій золотой шелкъ обтянутаго, какъ перчатка, платья. Пышные каштановые волосы оттѣняли бѣлизну правильнаго лба; почти черные глаза, слегка прищуренные, горѣли ровнымъ и спокойнымъ блескомъ. Башиловъ, не отрываясь, разсматривалъ ея гибкую фигуру, ея интересное, умное и энергичное лицо и чѣмъ больше всматривался, тѣмъ больше находилъ въ ней какую-то скрытую прелесть.

— Да-съ, въ жизни я признаю только одинъ трудъ, трудъ завоевателя, чтобъ каждый день былъ движеніемъ впередъ; только тогда я спокойно сплю и бодро просыпаюсь. Я, изволите ли видѣть, не люблю такъ

называемыхъ широкихъ натуръ, которыя могутъ сдѣлать все, въ которыя вложены сѣмена всѣхъ талантовъ, но онѣ всю свою жизнь раскидываютъ на мелочи, сгораютъ въ огнѣ экстаза и въ итогѣ ничего не дѣлаютъ и остаются за штатомъ; я стою за систему. Я труженикъ и люблю трудъ ради самаго труда. Ни почести, ни богатства для меня не имѣютъ цѣны, если они не добыты собственнымъ трудомъ.

— Да, вы правы,—задумчиво проговорила Елена.

— Этой праздной жизни, этого хроническаго бездѣлья большей части людей я понять не могу. Въ трудѣ они видятъ обузу, а не радость, средство, а не цѣль; они изнашиваются и старѣются преждевременно, потому что праздный умъ изобрѣтаетъ излишества, отъ которыхъ гибнутъ и тѣло и душа. Въ мои сорокъ пять лѣтъ, увѣряю васъ, я здоровѣе вонъ того юнца, тратящаго свои ночи на безпутное, уже надоѣвшее ему веселье, а дни—на нездоровый и ненормальный сонъ... Такъ вотъ-съ, очаровательная Елена Павловна, какъ видите, вы ошиблись и совсѣмъ меня не разгадали. Очень я далекъ-съ отъ того типа, который вы во мнѣ предполагали.

— Я очень рада, что ошиблась. Цѣльныхъ натуръ такъ мало, такъ отрадно встрѣтить человѣка мыслящаго, со здоровой индивидуальностью.

— А я думаю, что васъ мнѣ удалось разгадать и думаю, что безошибочно съ перваго же раза.

— Что же вы обо мнѣ думаете?—Елена вскинула на него улыбающіеся глаза.

Только что Башиловъ собирался заговорить, какъ Людомировъ подвелъ къ нимъ Бергъ, ожидавшую прочесть на лицѣ Башилова удивленіе при видѣ ея, такъ какъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, она вскользь упоминала, что ни ея мужъ, ни она, къ сожалѣнію,

не могутъ пріѣхать на этотъ балъ. Башиловъ очень радушно, безъ тѣни удивленія, поцѣловалъ протянутую руку, придвинувъ табуретъ и предложилъ бокалъ шампанскаго.

— Mesdames, вы танцуете? — обратился хозяинъ дома къ Бергъ и Карцевой.

— Я, кажется, не хочу танцовать,—вопросительно глядя на Башилова, отвѣтила Бергъ.

— А я танцую котильонъ съ Рихтеромъ; пожалуйста, направьте его сюда, если увидите; иначе онъ, пожалуй, не отыщетъ меня,—проговорила Елена.

Людомировъ перекинулся еще двумя-тремя словами и исчезъ.

— Вы удивлены, что видите меня здѣсь?—обратилась Бергъ къ Башилову, желая въ отвѣтѣ разгадать его настроеніе.

— Нисколько. Было бы очень жаль пропустить такой интересный балъ. Хотя Оттонъ Александровичъ писалъ мнѣ, что ни онъ, ни вы быть не можете, но я былъ увѣренъ, что вы побѣдите препятствія.

Ни въ словахъ, ни въ тонѣ голоса Бергъ не уловила ни намека на раздраженіе, ни намека на радость. Онъ былъ такъ естественнъ и простъ, что Елена съ любопытствомъ и удовольствіемъ наблюдала за нимъ, припоминая все, что ей разсказывала Людомирова объ его давнишней связи съ Бергъ, въ которой она сейчасъ же уловила что-то безпокойное, какое-то напряженіе въ не совсѣмъ искренней улыбкѣ и едва замѣтную дрожь въ уголкахъ пухлаго рта.

— Что же, Владимиръ Ивановичъ, я жду отъ васъ обѣщанной характеристики, я очень заинтересована, насколько вы проницательны.

— Нѣтъ, ужъ увольте-съ. Я не люблю публичныхъ экзаменовъ; если вы мнѣ разрѣшите, то я къ вамъ пріѣду и съ глазу на глазъ буду исповѣдываться.

— Я буду очень рада видѣть васъ у себя.

— У васъ секреты... я помѣшала, кажется...

— Помилуйте, Любовь Петровна... это я изъ чувства самосохраненія. Боюсь, что Елена Павловна поставитъ мнѣ скверный баллъ за психологію и въ ея глазахъ я не выиграю, и въ вашихъ, чего добраго, проиграю; нападете на меня вдвоемъ, а я хоть съ характеромъ, а если попадусь между двухъ интересныхъ женщинъ, то сильно трушу и теряюсь... Вотъ вы меня не первый годъ знаете; скажите, развѣ я не тихій, не миролюбивый человѣкъ? Здѣсь, передъ вашимъ приходомъ, Елена Павловна наградила меня всѣми пороками... заступитесь за меня.

— Пожалуйста, Любовь Петровна, не вѣрьте ему, онъ страшно преувеличиваетъ.

— Кому же мнѣ вѣрить, вамъ или ему?

— Конечно, мнѣ. Могутъ ли быть сомнѣнія,—шутилъ Башиловъ.

— Кто знаетъ, не слишкомъ ли я много довѣряю вамъ.

— Ого! — подумала про себя Елена: — тутъ что-то есть.

Башиловъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ намека, и непринужденно разсмѣялся.

Бергъ его начинала раздражать. Онъ сразу почувствовалъ ея нервно-враждебное настроеніе и спрашивалъ себя, кому онъ обязанъ ея очевидному желанію сдѣлать ему «сцену». Эта мысль его бѣсила до того, что онъ почувствовалъ, что стоитъ Бергъ сказать ему первое непріятное слово, какъ онъ безъ жалости тутъ же сообщитъ ей о своемъ рѣшеніи ликвидировать ихъ отношенія и свое намѣреніе жениться. Онъ не выносилъ сценъ: становился без-

жалостнымъ, холоднымъ, почти грубымъ. Внезапное появленіе Бергъ, на которое онъ не разсчитывалъ, его сильно раздосадовало, и чѣмъ онъ казался любезнѣе и привѣтливѣе, тѣмъ недружелюбнѣе вспыхивалъ минутами огонекъ въ его близорукихъ глазахъ. Въ то время, какъ къ Бергъ подошелъ маленькій сѣденькій генералъ и, цѣлуя ея руку, принялся подробно разсказывать о внезапной болѣзни своей дочери, Башиловъ предложилъ Еленѣ пройтись къ танцовальному залу. Въ ту минуту, какъ они протискивались къ дверямъ сквозь толпу, Башилова обдало запахомъ тонкихъ Елененыхъ духовъ, ея плечо коснулось его плеча и ему неудержимо захотѣлось шепнуть ей на ухо что-нибудь ласковое, но онъ благоразумно воздержался и только положилъ на ея пальцы, опиравшіеся на его руку, свою широкую, всегда горячую ладонь, слегка сжалъ ихъ и проговорилъ добродушнымъ, дружескимъ тономъ, глядя ей прямо въ глаза:

— Удивительная вы женщина: съ вами поговоришь и не хочется отходить, кажется скучно съ другими женщинами. Признаться, я не охотникъ на балы ѣздить; не танцую, въ карты не играю и за женщинами ухаживать въ такой сутолокѣ не люблю. Если бы меня не смущала соблазнительная мысль встрѣтить васъ, я бы ни за что сюда не пріѣхалъ.

— Владимиръ Ивановичъ, если вамъ приходитъ въ голову говорить мнѣ комплименты, такъ это напрасно потраченное время: я имъ не вѣрю и не люблю ихъ.

— Я прекрасно вижу, съ кѣмъ имѣю дѣло: вы слишкомъ умны, избалованы и требовательны, чтобы васъ могли занять пошлыя любезности; я очень далекъ отъ желанія дискредитировать себя въ вашихъ

глазахъ такими избитыми пріемами, но я привыкъ говорить то, что думаю. Меня поразилъ и плѣнилъ вашъ блестящій, острый и удивительно тонкій умъ, и я ѣхалъ сюда съ исключительнымъ желаніемъ еще разъ поговорить съ вами и просить вашего разрѣшенія быть у васъ и...

— И зачислиться въ ряды моихъ поклонниковъ?— съ легкой ироніей докончила за него Елева.

— Никакъ нѣтъ-съ. Поклонниковъ у васъ, вѣрно, очень много, а я не люблю сливаться съ толпой, потому что не люблю ея. Толпу я признаю только какъ средство для достиженія...

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я на нее смотрю глазами коршуна и жду того момента, когда она станетъ моей добычей, сперва повинуясь мнѣ, какъ послушное стадо барановъ, а затѣмъ, обратясь въ стихійную силу, однимъ мощнымъ крикомъ вознесетъ меня на колесницу побѣдителя, и я, колѣнопреклоненный и умиленный, склоню предъ ней свое чело, чтобы ею же быть увѣнчаннымъ вѣнцомъ побѣдителя.

— Вы такъ честолюбивы?

— Безумно.

Елена посмотрѣла ему въ лицо; оно дышало силой, отвагой и энергіей.

— Право, мнѣ это нравится. Мысленно жму вашу руку.

— А я мысленно крѣпко цѣлую обѣ ваши.

— Женя, я тебя не узнала. Здравствуй.

Елена тронула вѣеромъ обнаженное плечо Данцовой.

— Я тебя нѣсколько разъ искала, гдѣ ты была?

— Мы пили шампанское и слушали цимбалиста въ барѣ; Владимиръ Ивановичъ очень милый собесѣд-

никъ; я жалѣю, что онъ не танцуетъ, и я должна его скоро покинуть.

— Я сожалѣю вдвойнѣ, такъ какъ рискую не найти васъ послѣ котильона.

— Да, слишкомъ много публики, я не люблю этого.

— Елена, постой, я хотѣла просить тебя подвезти меня домой послѣ ужина.

— Прекрасно, но для этого будемъ ужинать за однимъ столикомъ, а то потеряемся.

— Mesdames, разрѣшите мнѣ предложить вамъ свои услуги; у меня четырехмѣстный автомобиль.

— Отлично. Въ такомъ случаѣ возьмите на себя трудъ не потерять насъ обѣихъ изъ виду и быть вмѣстѣ за ужиномъ... Александръ Александровичъ, остановитесь: я здѣсь и жду васъ. Вы знакомы? Башиловъ, Рихтеръ.

— Какъ же-съ. Въ одномъ министерствѣ служимъ,—отвѣтилъ Башиловъ, пожимая руку Рихтера.

— Позвольте васъ увлечь. Уже всѣ на мѣстахъ.

Завладѣвъ рукой Елены, Рихтеръ заговорилъ по-французски:

— А вы, Евгенія Михайловна, развѣ не танцуете? Если разрѣшите, я вамъ сейчасъ кавалера найду... да вотъ Владимиръ Ивановичъ.

— Никакъ-съ нѣтъ, я не танцую, — отвѣтилъ Башиловъ по-русски.

«Онъ не знаетъ французскаго языка—это жаль», мелькнуло въ умѣ Елены.

— Мерси, Александръ Александровичъ, не хлопочите, я не расположена танцовать.

Данцовой хотѣлось побыть съ Башиловымъ, и она съ удовольствіемъ отказывалась отъ танцевъ, но, вспомнивъ его намѣреніе пріударить за подругой, предложила пройти въ танцовальный залъ, гдѣ они

усѣлись подлѣ стѣны, за стульями танцующихъ, причемъ каждый разъ, какъ Еленѣ не хотѣлось участвовать въ какой-нибудь фигурѣ, они вели вчетверомъ оживленный разговоръ. Пробираясь между танцующими парами, раскраснѣвшаяся, оживленная, съ блестящими глазами, къ нимъ подошла Людомирова.

— Сидите, сидите, Владимиръ Ивановичъ, я на одну минуту. Сейчасъ будетъ полонезъ, и парами всѣ пройдутъ къ ужину; вы предложите руку Евгеніи Михайловнѣ, и мы небольшой компаніей займемъ столикъ, чтобы безъ церемоніи повеселиться, посмѣяться. M-me Бергъ я уже предупредила — она съ нами; вы согласны, Евгенія Михайловна?

— Разумѣется. Я очень рада.

— Въ такомъ случаѣ наша компанія увеличивается, — замѣтилъ Башиловъ: — мы уже сговорились съ Еленой Павловной занять общій столикъ, а такъ какъ она танцуетъ съ Рихтеромъ, то, вѣроятно, и онъ...

— Ну, нѣтъ! Александръ Александровичъ очень милый человѣкъ, но сегодня онъ можетъ намъ помѣшать; вы сами видите, у насъ образовался свой тѣсный кружокъ, и мы не будемъ стѣсняться болтать всякій вздоръ.

— Но позвольте, Марія Константиновна, это выходитъ я одинъ на три дамы? Не берусь...

— Съ нами баронъ. Я отвѣчаю за то, что скучно не будетъ... Рихтера я уже пристроила, онъ мнѣ будетъ благодаренъ; тутъ есть его пассія, и онъ долженъ ужинать съ ней; пусть Елена это ему передастъ, она знаетъ, о комъ рѣчь. Такъ, господа, занимайте второй столикъ отъ окна, я распорядилась, и онъ оставленъ для насъ, а пока убѣгаю...

Сверкнувъ глазами въ сторону Башилова, Людомирова кивнула привѣтливо Евгеніи Михайловнѣ и, расчищая себѣ дорогу вѣеромъ, которымъ шаловливо хлопала по плечамъ и спинамъ кавалеровъ, сверкая брильянтами на слишкомъ обнаженной груди, высоко приподнявъ тренъ роскошнаго платья, она быстро направилась въ противоположный конецъ зала, гдѣ ее ожидалъ баронъ, которому было поручено разыскать Бергъ, чтобы вмѣстѣ сойтись къ ужину. Ему не нравилась затѣя Людомировой, такъ какъ онъ не симпатизировалъ Башилову, отношенія котораго къ Бергъ и Евгеніи Михайловнѣ зналъ отъ нея же, и находилъ неосторожнымъ соединять ихъ за общимъ столомъ; Людомирова, зная корректность и исключительную порядочность барона, конечно, остереглась объяснить ему подкладку этой затѣи.

— Елена ужинаетъ съ нами; оказывается, она уже раньше сговорилась съ Башиловымъ.

— Очень радъ. Въ случаѣ чего она и выручитъ.

— А ты ожидаешь конфликта?

Людомирова разсмѣялась.

— Будьте осторожны, не говорите «ты»... Со стороны Евгеніи Михайловны, — конечно, нѣтъ; у нея громадная выдержка, а m-me Бергъ я вѣдь мало знаю. Во всякомъ случаѣ вы поступили неудобно... къ чему это?

— Не извольте ворчать. Я забочусь объ общемъ весельи: и одной, и другой хочется быть съ Башиловымъ, и я его посажу между ними, мнѣ хочется быть съ моими пріятельницами, имъ, вѣроятно, со мной, а вамъ хочется быть со мной и съ Еленой... ну, вотъ всѣ и будутъ довольны. Вѣдь я и о васъ позаботилась, такъ какъ посажу между собой и Еленой и не буду вамъ мѣшать шептаться.

— Неостроумно,—пожалъ плечами баронъ.

XIV.

Когда Елена послѣ продолжительнаго grand rond вернулась на свое мѣсто, и Евгенія Михайловна передала ей о новомъ составѣ компаніи для ужина, Елена на секуду недовольно наморщила брови.

— Марина дуритъ. Я вижу, что она затѣяла. Пожалуйста, не безпокойся. Владимиръ Ивановичъ,— обратилась она къ Башилову,—ради Бога подзовите ко мнѣ вонъ того моряка, онъ мнѣ нуженъ, я забыла мое обѣщаніе взять его ужинать за нашимъ столикомъ.

Черезъ минуту Юрьевъ, почти красавецъ въ своемъ морскомъ мундирѣ, безпечно, по-мальчишески веселый, скользя по блестящему паркету лакированными ботинками, съ расмаху подлетѣлъ къ Еленѣ, едва удерживаясь на ногахъ, и остановился, приложивъ руку какъ подъ козырекъ:

— Есть.

— Георгій Михайловичъ, вы ужинаете въ нашей компаніи; второй столъ отъ окна. Сейчасъ же послѣ полонеза мчитесь сюда, такъ какъ Александра Александровича будетъ ждать его дама, чтобъ вести ее къ ужину.

— Есть.—Юрьевъ дурачливо вытаращилъ глаза.

— Cavalliers, à vos places!—раздался картавый голосъ дирижера; Юрьевъ сорвался съ мѣста и черезъ весь залъ, скользя, какъ по льду, помчался къ своему мѣсту.

— Какой красавецъ!—громко произнесъ Башиловъ. «Молодецъ», подумалъ онъ про себя, смѣющимися глазами окидывая всю стройную фигуру Елену, которая, положивъ руку на плечо Рихтера, готова была

начать туръ вальса. Башиловъ, конечно, понялъ, что у Людомировой была какая-то затаенная мысль въ желаніи свести его за однимъ столомъ съ двумя соперницами, и если бы не присутствіе Елены, онъ отказался бы отъ ужина и уѣхалъ, не изъ страха, а изъ желанія показать Людомировой, что онъ понялъ ее; но присутствіе Елены его настраивало на особый весело-миролюбивый ладъ, и вмѣсто гнѣва Людомирова возбудила въ немъ чувство задорнаго любопытства узнать, какъ же разыграется задуманный ею, а, можетъ быть, и Бергъ планъ поставить его въ неловкое положеніе. За себя онъ былъ спокоенъ. Ему было весело, и чувствовалъ онъ себя очень увѣренно. Онъ сейчасъ же сообразилъ, что Елена тоже кое-что поняла и что Юрьева зоветъ на зло Людомировой и, вѣроятно, въ защиту Данцовой. «Молодецъ!» мысленно повторилъ онъ, слѣдя за ней и разсѣянно слушая Данцову, слова которой заглушались звуками оркестра. Ею онъ былъ вполнѣ доволенъ: она была крайне осторожна и безъ малѣйшей натяжки держала себя съ нимъ какъ съ мало знакомымъ, сдѣлавшимъ ей одолженіе человѣкомъ: просто и любезно.

Подъ звуки полонеза нарядныя пары красивой, волнообразной линіей направились черезъ длинную анфиладу комнатъ къ ужину. Въ обширной столовой и сосѣдней комнатѣ были красиво сервированы небольшіе столы, убранные букетами благоухающихъ цвѣтовъ. У одного изъ нихъ Людомирова, баронъ и Любовь Петровна высматривали въ проходящихъ мимо парахъ остальную часть своей компаніи.

Елена, съ громаднымъ букетомъ роскошныхъ цвѣтовъ-премій котильона, подъ руку съ Башиловымъ, оживленно присоединилась къ нимъ.

— А гдѣ же Евгенія Михайловна? — озабоченно спросила Людомирова.

— Сейчасъ придетъ съ Юрьевымъ; онъ ужинаетъ съ нами.

Башиловъ осторожно укладывалъ на подоконникѣ рядомъ со столомъ Еленины цвѣты.

— Что же мы стоимъ? Люба, ты здѣсь, Владимиръ Ивановичъ ваше мѣсто подлѣ, съ другой стороны сядетъ Евгенія Михайловна.

— Pardon, chère amie, я протестую: возлѣ Владимира Ивановича сажусь я и никому моего мѣста не уступаю.

Елена взялась за стулъ, который Башиловъ почтительно ей отодвинулъ.

— Нѣтъ ужъ, Елена, ты не путай, пожалуйста...

— Я вѣдь сказала тебѣ, что никому моего сосѣда не уступлю. Объявляю во всеуслышаніе, что Владимиръ Ивановичъ мнѣ очень нравится, и на сегодняшній вечеръ я его завербовала въ свои кавалеры.

Съ этими словами Елена рѣшительно заняла мѣсто рядомъ съ Башиловымъ; поймавъ укоризненный взглядъ барона, быстрымъ жестомъ сдернула длинныя, какъ чулокъ, бѣлыя перчатки, свернула ихъ въ маленькій комочекъ и бросила въ бокалъ, стоявшій передъ приборомъ Башилова. Подошли Юрьевъ, Евгенія Михайловна, и всѣ разсѣлись. Въ столовой было шумно, ослѣпительно свѣтло и весело. Оркестръ, помѣщенный рядомъ, заглушалъ звонъ бокаловъ и серебра. Оживленіе нарастало. Одно за другимъ подавались утонченныя блюда, бокалы наполнялись шампанскимъ, которое своей холодной янтарной влагой начинало туманить умы, развязывать языки. Слышались взрывы смѣха, возгласы, смѣлыя фразы... За однимъ изъ столиковъ шумная компанія подхватила

цыганскую мелодію, исполнявшуюся оркестромъ, сперва вполголоса, потомъ громче; выдѣлился чей-то контральтовый голосъ, кто-то крикнулъ «браво», кто-то провозгласилъ тостъ за хозяйку дома, мужчины поднялись со своихъ мѣстъ, шумно отодвигая стулья. Людомирова бросала направо и налѣво привѣтливыя улыбки, сверкала брильянтами, и глаза ея начинали горѣть возбужденнымъ огонькомъ съ каждымъ лишнимъ бокаломъ. Ей становилось неудержимо весело, хотѣлось хохотать и болтать всякій вздоръ, но она еще сдерживала себя, руководимая сознаніемъ, что завтра же объ ея балѣ будетъ много разговоровъ и не слѣдуетъ допускать никакихъ шероховатостей, тѣмъ болѣе со стороны ея самой, какъ хозяйки дома. Баронъ былъ мало разговорчивъ; онъ слѣдилъ за Еленой; она кокетливо и вызывающе все время о чемъ-то говорила съ Башиловымъ, вниманіе котораго исключительно было сосредоточено на ней. Данцова ласково и сдержанно отвѣчала на шутки Юрьева; тотъ такъ же, какъ и Людомирова, легко пьянѣлъ и становился шумно-веселымъ. Бергъ перебрасывалась отдѣльными фразами съ Людомировой и казалась совершенно сбитой съ толку. Она приготовилась дать отпоръ соперницѣ въ лицѣ Евгеніи Михайловны, которая спокойно смѣялась и шутила съ Юрьевымъ, совершенно безучастная къ ухаживанію Башилова. Бергъ отлично изучила Башилова за эти четыре года и по тону его голоса, по смѣху, по невольно вырывавшимся горячимъ ноткамъ, для нея было ясно, что онъ комедіи не играетъ и совершенно искренно увлекается разговоромъ съ Еленой. Всѣ приготовленныя въ мучительныя безсонныя ночи язвительныя полуслова, намеки, которыми она хотѣла сразить соперницу, оказались совершенно излишними. Кто же

соперница? Да и существуетъ ли она? Отъ Людомировой Бергъ знала, что съ Карцевой онъ едва знакомъ. Поймавъ взглядъ подруги, она осторожно повела глазами въ сторону Башилова.

— Ровно ничего не понимаю...

— Нечего и понимать: комедія.

— Ошибаешься. Никакой.

— Посмотримъ... Баронъ,—вдругъ сразу обернулась Людомирова къ Штадену:—какой вы невыносимый, право. Хоть бы разъ вы сбросили съ себя скучнѣйшую корректность... точно замороженный. Извольте пить шампанское и говорить глупости, надоѣло слушать одни умныя слова; что же вы не пьете? Я хочу, чтобы вы выпили залпомъ. Ну я васъ прошу... ну, милый... ну, хорошій... ну, дорогой...

— Тише, тише, Марія Константиновна... извольте, я выпью, но съ условіемъ, что вы не сдѣлаете больше ни одного глотка.

— Вотъ еще что за глупости! Господа, за веселье! Людомирова высоко подняла свой бокалъ и осушила его залпомъ. Баронъ пожалъ плечами и нехотя отпилъ глотокъ изъ своего бокала.—Господа, теперь каждый изъ васъ долженъ провозгласить тостъ. Георгій Михайловичъ, начинайте.

— Wein, Weib und Gesang! Ура!—Юрьевъ чокнулся съ Данцовой, залпомъ выпилъ шампанское и, быстро обернувшись, поймалъ за рукавъ мимо бѣгущаго лакея съ бутылкой, обернутой въ салфетку.

— Браво, Юрочка. Я и не знала, что вы такъ хорошо владѣете нѣмецкимъ языкомъ,—разсмѣялась Елена.

— Баронъ, ждемъ вашего тоста, сейчасъ, сію минуту.

— Я за выдержку и за хладнокровіе, — спокойно проговорилъ баронъ.

— Фу, какая гадость! Не желаю пить...

— А я съ удовольствіемъ. Вы напрасно, Марія Константиновна, забраковали тостъ барона; позвольте чокнуться.

Башиловъ протянулъ свой бокалъ Штадену, который холодно до него дотронулся.

— Вы что-то не въ духѣ, mon ange?—насмѣшливо глядя въ глаза барону, проговорила Елена.

— А вотъ пересядь сюда рядомъ,—еще разъ попыталась Людомирова, но Елена отрицательно кивнула головой.

— Владимиръ Ивановичъ, ждемъ вашего тоста.

— За обаятельныхъ и умныхъ женщинъ. — Башиловъ выразительно и въ упоръ взглянулъ на Елену и протянулъ къ ней первой свой бокалъ.

— Однако, Владимиръ Ивановичъ, я что-то замѣчаю. Ты его тостамъ не вѣрь, Елена: онъ коваренъ; способенъ протягивать бокалъ одной, а думать о другой.

— Это правда?—глаза Елены смѣялись.

— Ей Богу-же нѣтъ. Во всеуслышаніе исповѣдуюсь, что, подымая бокалъ, думалъ только о васъ.

— Ну, однако! Люба, что же ты молчишь? Я бы на твоемъ мѣстѣ обидѣлась. Сидитъ между двухъ дамъ, а пьетъ за одну.

— Это ужъ вина ваша-съ, я предупреждалъ, что меня можетъ достать только на одну даму, да и то голова съ непривычки кружится.

— Я пью за постоянство въ любви,—напряженно улыбаясь, проговорила Бергъ.

— Ура! Ура! Я постояненъ въ любви къ Бахусу.— Юрьевъ хохоталъ до упаду и смѣшилъ Евгенію Михайловну, которая очень искренно веселилась.

— Елена Павловна, почему вы игнорируете тостъ? Развѣ вы его не раздѣляете?—спросилъ Башиловъ.

— Если бы говорилось о постоянствѣ въ дружбѣ, конечно, и я присоединилась бы, но въ любви я ровно ничего не смыслю.

— Это что же—своего рода кокетство?

— Спросите Женю, она меня хорошо знаетъ.

— Помилуйте-съ, смѣю ли я провѣрять.

Становилось такъ шумно, что общій разговоръ вести было невозможно, и Людомирова, видя, что ея планъ, благодаря непредвидѣнной случайности рушился, предалась бурному веселью, вовлекая въ него своихъ сосѣдей. Она такъ много пила вина, что баронъ шепнулъ ей, что если она еще разъ наполнитъ свой бокалъ, то онъ сейчасъ же послѣ ужина уѣдетъ.

Было очень поздно. Елена взглянула въ окно. Надъ пустынной улицей чуть начинало свѣтлѣть блѣдно-голубое небо, и въ рѣдѣющей тьмѣ расплывающимися пятнами тянулись по обѣимъ сторонамъ улицы линіи мерцающихъ фонарей. Громады безмолвныхъ, будто дремлющихъ, домовъ и небо были окутаны какимъ-то неопредѣленнымъ свѣтло-сиреневымъ тономъ, который заглядывалъ черезъ окно и, тутъ же сливаясь съ яркимъ блескомъ электричества, давалъ впечатлѣніе странной, декадентской картины. Фіалки, блѣдныя, пахучія розы, упругія, свѣжія лиліи и левкои, разсыпавшіяся на подоконникѣ, еще болѣе вовлекали внезапно захваченную этой картиной фантазію Елены въ чуждый этого шума и смѣха міръ, погружали въ исканіе какой-то идеи, неслышно налетѣвшей и безмолвно ставшей на порогѣ шумнаго веселья и молчаливыхъ неуловимыхъ настроеній.

— Отчего вы замолкли? На что вы смотрите?—намѣренно слишкомъ близко наклоняясь къ плечу Елены, спросилъ Башиловъ.

— Взгляните на подоконникъ, на цвѣты... Какой на нихъ странный таинственный колоритъ... Они лежатъ на грани двухъ міровъ: безшабашнаго, всепоглощающаго дурмана веселья и задумчиваго, неподвижнаго покоя. Яркій блескъ огней съ одной стороны и предутренняя голубоватая полутьма съ другой—слились, окутали ихъ и придали имъ тревожащій душу колоритъ... Я не могу оторваться, глядя на нихъ... Вы знаете, это моя эмблема, это моя душа, стоящая на порогѣ двухъ граней...

— О, да вы поэтесса! Я открываю въ васъ все новыя и новыя достоинства. Какъ вы удивительно впечатлительны, какъ красива ваша фантазія! Какъ тѣ цвѣты тревожатъ вашу душу, такъ вся вы тревожите мою... Я хочу пить за ваше здоровье, за нашу первую встрѣчу... Елена Павловна, вы слышите?

— Слышу и не придаю особеннаго значенія вашимъ словамъ.

— Вѣрьте мнѣ, я искрененъ.

— Въ данную минуту, да. Это вопросъ настроенія и обстановки. Вы поглядите на Юрочку, онъ сейчасъ будетъ стоять на колѣняхъ передъ кѣмъ угодно... Юрочка, вы совсѣмъ ошалѣли! Женя, угомони его.

— Это вашъ родственникъ?

— Кто? Юрочка? Нисколько.

— Почему же такая интимность?

— Задушевный онъ человѣкъ, вотъ почему.

— Ну, это не резонъ-съ.

Елена медленно повернулась всѣмъ корпусомъ въ сторону Башилова и широко открыла удивленные глаза.

— Что вы на меня такъ смотрите? Что осмѣлился мнѣніе высказать.

— Въ вашемъ мнѣніи звучитъ осужденіе.

— А если бы и такъ?

— Слишкомъ смѣло, Владимиръ Ивановичъ.

— Я всегда говорю, что думаю.

— Ну, такъ думайте до конца—это интересно.

— Если вамъ угодно! Когда съ молодымъ и красивымъ мужчиной не менѣе молодая и красивая женщина усваиваетъ шаловливо-интимный тонъ, то это даетъ всегда поводъ къ подозрѣнію...

— Чего? Ну, чего же?

— Какъ бы это выразится... да... просто влюбленныхъ отношеній-съ.

— И что же изъ этого? Почему же это не «резонъ»?

— Да къ чему же афишировать?

— А отъ кого скрывать?

— Однако вы, Елена Павловна, смѣлая! Это вы такъ, для шутки, или по убѣжденію?

— А вы какъ думаете?

— Да я сбитъ съ толку. То говорите: въ любви ничего не смыслю, то вдругъ «Юрочка».

— А по-вашему, если «Юрочка», то, несомнѣнно, и любовь?

Въ это время Людомирова шумно отодвинула свой стулъ, оркестръ замолкъ, и гости въ приподнятомъ настроеніи, съ отуманенными слегка головами, медленно стали подвигаться къ танцовальному залу. Многіе уѣзжали. Въ залѣ было прохладно и пусто. Оркестръ заигралъ вальсъ. Valmons своей волнообразной походкой направилась къ Людомировой; очень изящный стильный туалетъ дѣлалъ ее похожей на декадентскія фигуры тѣхъ женщинъ, которыхъ рисуютъ съ длинными лиліями, простирающими тонкія руки навстрѣчу блѣднымъ лучамъ луны.

— Chére madame, votre bal a été ravissant!..

Она томно полузакрыла глаза и протянула Людомировой руку.

— Какъ! вы хотите уѣзжать? Ни за что! Я не пущу васъ. Мы еще повеселимся. Я непремѣнно хочу, чтобы вы остались dans le petit cercle intime. Я еще не успѣла переговорить съ вами относительно вашего бенефиса. Нѣтъ, нѣтъ, ma grande chérie, я васъ не отпускаю. Вотъ и графъ Эвенъ. Графъ, прошу васъ тоже не уѣзжать, j'ai à vous parler. Наша очаровательная madame Valmons не захочетъ меня огорчить своимъ исчезновеніемъ.

Въ эту минуту передъ Людомировой склонился въ почтительной позѣ молодой, брызжущій здоровьемъ и весельемъ гвардеецъ, блондинъ съ голубыми глазами, приглашая ее на туръ вальса.

— Vous êtes épatante ce soir.

Отъ него сильно пахло виномъ, голубые жизнерадостные глаза скользили по обнаженнымъ плечамъ Людомировой, и онъ, крѣпко обхвативъ ея станъ, изо всей силы прижималъ къ себѣ.

— Вы меня задушите... сумасшедшій!

Людомирова смѣялась и въ то же время пожимала его руку. Вальсируя, они поровнялись съ Людомировымъ, который нѣсколько минутъ тщетно отыскивалъ глазами жену.

Къ концу ужина до него не разъ долеталъ ея слишкомъ задорный смѣхъ, и онъ боялся, чтобы она не перешла границы въ своемъ весельи, какъ это случалось иногда съ ней; тогда она скрывалась, забывала должныя рамки, нарушала установленный въ своемъ салонѣ тонъ, обнажала свою необузданную и искусственно дисциплинированную натуру и давала поводъ говорить склоннымъ къ злословію людямъ о

себѣ и о своемъ салонѣ съ оттѣнкомъ пренебреженія и недоброй критики.

Людомировъ зналъ, что два-три лишнихъ бокала шампанскаго туманили ей настолько голову, что она становилась способной на безтактныя и даже шокирующія выходки. Онъ искалъ возможности подойти къ ней и шепнуть свое предостереженіе.

Многіе уѣхали, такъ какъ было очень поздно, но въ залѣ еще носились танцующія пары и чувствовалось послѣднее и самое сильное напряженіе всеобщаго веселья послѣ хорошаго ужина съ обильнымъ количествомъ вина. Составлялся кадриль, въ который вовлекались солидные, уже больше не танцующіе кавалеры. Въ немного опустѣломъ залѣ звуки оркестра казались болѣе полными. Рихтеру съ трудомъ удалось водворить порядокъ. Хозяйка дома просила его продирижировать, и онъ охотно согласился. Съ нимъ въ первой парѣ танцовала худощавая, стройная блондинка среднихъ лѣтъ. Ея волосы цвѣта льна и блѣдность лица составляли странную особенность и привлекали вниманіе. Пенснэ, которое она никогда не снимала, придавало нѣкоторую сухость, педантичность ея выраженію. Изящная въ туалетѣ и манерахъ, подвижная, очень умная и сердечная, она пользовалась всеобщей любовью, и самые злые языки не находили возможности сказать о ней что-нибудь нехорошее или набросить на нее тѣнь. Она безпредѣльно любила своего мужа, красавца Борисова, въ угоду ему вела свѣтскій образъ жизни и въ обществѣ молодыхъ и стариковъ была желанной.

Рихтеръ, всегда осторожный въ выборѣ дамъ, оказывалъ много вниманія Борисовой, подмѣтивъ, что ея общества искали всѣ тѣ люди, передъ которыми ему слѣдовало улыбаться и расточать свои любез-

ности. Его широкій умъ могъ мельчаться и раздробляться на какія угодно наблюденія и комбинаціи почти пошлаго характера. Ихъ vis-à-vis была Людомирова съ графомъ Эвеномъ, еще не старымъ, очень виднымъ, высокаго роста генераломъ, имѣющимъ большой вѣсъ при дворѣ и вѣчно озабоченнымъ поисками денегъ, которыя незамѣтно какъ-то испарялись изъ его бумажника, превращаясь въ собольи мѣха, ящики серебра, кольца и браслеты для Valmons и на прихоти вкоренившихся въ немъ и въ семьѣ привычекъ къ широкой жизни. Графъ Эвенъ никогда не отличался умомъ, но умѣлъ во всѣхъ случаяхъ жизни быть корректнымъ, полнымъ чувства собственнаго достоинства и въ то же время удобнымъ для начальства. Въ молодости былъ красавцемъ и его иначе не называли, какъ «le beau comte». Но время коснулось своей неумолимой рукой его красоты. Отъ обаятельной, не покидавшей устъ улыбки осталась одна гримаса; вмѣсто густыхъ, пышно обрамлявшихъ лобъ, черныхъ волосъ—жидкія подкрашенныя прядки вокругъ значительно лысѣющаго черепа. Неизмѣнными осталась привычка къ утонченной элегантности и къ француженкамъ.

— Я непремѣнно хочу, дорогой графъ, чтобы бенефисъ нашей очаровательной madame Valmons былъ выдающимся изо всего сезона...—говорила Людомирова графу въ промежуткахъ между фигурами кадриля.— Устройство всего этого требуетъ и большихъ хлопотъ, и главное—большого умѣнія. Я знаю, что никто лучше васъ не сумѣетъ организовать такой вечеръ...

— Я къ вашимъ услугамъ, Марія Константиновна, приказывайте.

— Элегантный подарокъ, ужинъ, цвѣты... все, все, дорогой графъ, возьмите на себя, а мы будемъ ап-

плодировать и веселится. Я съ восторгомъ передамъ въ ваше неограниченное распоряженіе нужную сумму и буду счастлива, если вы избавите меня отъ всѣхъ хлопотъ и счетовъ.

— Charmé madame, de vous être agréable!

— Ну, вотъ отлично... Значитъ, я могу быть покойна?—Людомирова остановила на его всегда улыбающемся лицѣ вопросительный, какъ будто что-то подразумѣвающій взглядъ.

— Марія Константиновна, я весь къ вашимъ услугамъ.

Эвенъ любезно склонился, цѣлуя ея руку.

«Надо написать поскорѣе Оттону Александровичу, чтобы пріѣзжалъ переговорить съ Valmons», думала про себя Людомирова, съ безпечной улыбкой дѣлая chassé-croisé со своимъ vis-a-vis.

Valmons, не покидая разъ навсегда усвоеннаго устало-томнаго вида, танцовала рядомъ и снисходительно выслушивала острые комплименты, которые подносилъ ей на прекрасномъ французскомъ языкѣ очень высокій титулованный камеръ-пажъ съ яркими, явно подкрашенными губами на замѣтно припудренномъ лицѣ. Въ этомъ кадрилѣ дамы высшаго свѣта и актрисы сливались въ одну пеструю, безшабашно-веселую и нарядную группу.

— Quel mélange! On sa croirait derriere les coulisses...—вполголоса проговорилъ Рихтеръ, заканчивая фигуру и усаживаясь на мѣсто.

— Oui, on s'amuse beaucoup,—уклончиво отвѣтила Борисова, не любившая злословія.

Башиловъ въ ожиданіи своихъ танцующихъ дамъ прошелъ въ роскошный кабинетъ хозяина, гдѣ нѣсколько мужчинъ пили ликеры и курили и съ интересомъ сталъ прислушиваться къ разговору высоко-

поставленнаго сановника и члена государственнаго совѣта Кршановскаго, высокаго старика съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, принадлежащаго къ партіи коло.

— Хоть ваша партія и стремится маскировать свои окольные пути, но политика ваша намъ ясна,— попыхивая сигарой, громко говорилъ генералъ, сидя на кожаномъ стулѣ и положивъ оба локтя на его массивную рѣзнаго орѣха спинку:—цѣль вашей партіи добиться отвѣтственности министровъ; добиться вамъ этого дѣло нелегкое, такъ какъ мы не беззащитны, имѣя противъ васъ законъ, ограждающій насъ. Кромѣ того, у насъ есть твердое убѣжденіе, что введеніе вашего принципа у насъ въ Россіи абсолютно немыслимо.

Кршановскій, стоя спиной къ тяжелому круглому столу, скрестивъ длинныя худыя ноги и опираясь ладонями объ его бортъ, отвѣчалъ мягкимъ, слегка вкрадчивымъ голосомъ, склонивъ голову на бокъ и дѣлая невѣрныя ударенія.

— Но я говорю, мы знаемъ Францію, тамъ дѣлались отвѣтственности и ежели сдѣлано вотумъ съ недовѣріемъ къ министерству, то министерство моментально падало.

— Этого-то примѣра я и ждалъ отъ васъ, и болѣе яркаго вы не могли привести. Франція милая, но гибнущая, до мозга костей продажная страна. Не только ея министры подкупны, но и депутаты взяточники; ни для кого не тайна, что они погрязли въ лихоимствѣ и продажности на срамъ и позоръ своей родинѣ, а вы хотите того же и для Россіи. По счастію, мы далеки отъ этой заразы; у насъ не существуетъ этихъ позорныхъ подкуповъ при выборахъ, этихъ уплатъ за проведеніе дѣла. Мы чище по натурѣ и, если хотите, мы даже наивнѣе.

— Если разрѣшите быть откровеннымъ, ваше высокопревосходительство, то эту наивность я бы назвалъ некультурностью.

— Назовите, какъ хотите. Этотъ эпитетъ насъ не обижаетъ—мы къ нему давно успѣли привыкнуть, но мы себя считаемъ все же достаточно безупречными, чтобы относиться съ улыбкой снисхожденія ко всякаго рода эпитетамъ, и надѣемся и дальше удержаться на высотѣ этой безупречности. Мы идемъ по пути либеральнаго, je maintiens l'expression, либеральнаго прогресса, указаннаго нашимъ обожаемымъ монархомъ.

Едва окончился кадриль, какъ по настоятельной просьбѣ хозяйки, которая чуть не насильно его подвела, сѣлъ за рояль молодой итальянецъ, блондинъ съ необыкновенно симпатичной, располагающей къ себѣ наружностью. Нерѣшительно проводя пальцами по клавишамъ, слегка смущенный, онъ, видимо, не зналъ, какой музыкой можетъ угодить хозяйкѣ и гостямъ въ этотъ поздній часъ всеобщаго взвинченнаго настроенія.

— Ma canta qualche canzona napolitana,—посовѣтовалъ ему неподалеку стоящій итальянецъ, извѣстный мандолинистъ.

Синьоръ Чеки взялъ нѣсколько красивыхъ тихихъ аккордовъ; его взглядъ устремился куда-то вдаль, и ласкающіе, чарующіе звуки полились изъ груди пѣвца: «Oh sole, sole mio», пѣлъ кому-то его страстный голосъ, и казалось, что вся тайна души, вся красота ея вылилась въ звукахъ, которые, трепеща и замирая, порождали въ фантазіи присутствующихъ неясныя грезы.

Большой серебряный жбанъ съ крюшономъ и ликеры незамѣтно появились на небольшомъ столѣ и

не давали угаснуть настроенію. Послѣ долгихъ упрашиваній Valmons согласилась декламировать. Ставъ въ пластичную позу и положивъ одну руку, унизанную кольцами, на спинку стула, она нѣсколько разъ вздохнула, обвела присутствующихъ томнымъ взглядомъ темныхъ миндалевидныхъ глазъ и очень изящно продекламировала два стихотворенія легкаго жанра. Ей апплодировали съ энтузіазмомъ; хозяйка дома пожимала ей обѣ руки, называла «ma ravissante grande chérie», пили за ея здоровье. Въ это время подлѣ рояля уже сидѣлъ извѣстный мандолинистъ, полный брюнетъ съ живыми, слегка нахальными глазами и перебиралъ струны своей мандолины.

— Bravo, bravo! Quelle surprise! Monsieur Маріучи, сперва вы будете играть solo, это восхительно, а потомъ мы попросимъ нашу очаровательную Анну Михайловну спѣть намъ подъ вашу мандолину цыганскіе романсы.

Небольшая компанія оставшихся гостей съ удовольствіемъ приготовилась слушать синьора Маріучи. Аккомпанировалъ Чеки, и оба итальянца своей страстной игрой еще болѣе пьянили ослабѣвшія головки дамъ. Людомирова тяжело дышала, ея глаза все время устремлялись въ сторону барона, сидѣвшаго поодаль въ спокойно-слушающей позѣ, и были такъ краснорѣчивы, что баронъ былъ шокированъ и осторожно нѣсколько разъ указалъ ей въ сторону мужа.

Анна Михайловна Дальская, артистка частнаго драматическаго театра, очень красивая, вызывающая въ манерахъ и рѣчахъ блондинка, эффектно одѣтая, съ бокаломъ въ рукахъ подошла къ роялю и послѣ короткихъ, вполголоса, переговоровъ съ Маріучи запѣла подъ его аккомпаниментъ извѣстный и модный романсъ съ настоящимъ цыганскимъ пошибомъ. У

Людомировой начинали трепетать всѣ нервы. Эти носовые звуки красиваго низкаго голоса пѣвицы, эта страстная, по нервамъ бьющая мелодія точно обжигала ея кровь и туманила голову, и безъ того ослабѣвшую отъ излишне выпитаго вина. Ей вдругъ захотѣлось дикаго, безшабашнаго, страстнаго веселья; хотѣлось разбить всѣ цѣпи соціальныхъ условностей и окунуться въ оргію звуковъ, ощущеній и чувствъ.

— Еще, еще! Умоляю васъ, еще! Восхительно!— Она подошла къ роялю, ея губы невольно шептали слова пѣсни, а глаза метали искры, которыхъ ея супругъ начиналъ страшиться, зная, что еще мгновеніе, и она сорвется, не сдержитъ себя и выкинетъ какую-нибудь штуку, о которой завтра же сама будетъ сожалѣть.

«Жизнь на радость намъ дана!»—выкрикнула пѣвица, и Людомирова, какъ эхо, повторяя за ней слова пѣсни, высоко подняла свой бокалъ, передергивая обнаженными плечами.

— Браво, браво!

Кругомъ шумѣли и апплодировали. И вдругъ среди этого шума и возгласовъ изъ-подъ искусныхъ пальцевъ великолѣпнаго піаниста Чеки, полнаго рѣдкаго темперамента, вызывающе нахально вырвались звуки матчиша. Людомирова, не помня себя, поддаваясь порыву, сдѣлала первое движеніе танца, но, опомнясь, мгновенно остановилась; въ ту же секунду ее обступили нѣсколько мужчинъ и Valmons и стали умолять протанцовать матчишъ, который она «навѣрное такъ дивно танцуетъ». Чеки, задорно улыбаясь, точно подливалъ масло въ огонь, нарочно разжигая своей музыкой ея страстность, и она, граціозно подобравъ трэнъ и приподнявъ подолъ рос-

кошнаго платья, передъ удивленными взорами своихъ гостей дала полную иллюзію опытной кафешантанной актрисы въ исполненіи скабрезнаго танца.

— Вотъ вамъ и политическій salon!—обратился къ своему сосѣду Кршановскій, высоко и многозначительно подымая брови. Многія дамы, стараясь скрыть за вѣеромъ ядовитыя улыбки, насмѣшливо переглядывались. Борисова слышала, какъ Valmons за ея спиной обратилась къ графу Эвену.

— Elle danse crânament... on se croirait dans un cabaret de Paris.

Ей было и обидно и жаль Людомирову, такъ какъ она предвидѣла, сколько сплетенъ, сколько пересудовъ вызовегъ этотъ финалъ бала и какъ зло и безжалостно будутъ язвить насчетъ Людомировой всѣ тѣ, которые сейчасъ апплодируютъ ей, пожимаютъ и цѣлуютъ руки, которые широко пользуются ея гостепріимствомъ, веселятся и будутъ еще веселиться и пить, и ѣсть въ ея домѣ.

Когда Людомирова, запыхавшаяся, раскраснѣвшаяся, со смѣхомъ безсильно упала на подставленный ей стулъ, ее окружила масса мужчинъ, ей апплодировали, говорили комплименты, восхищались ея граціей. Кое-кто изъ дамъ были настолько шокированы, что, незамѣтно сдѣлавъ знакъ мужьямъ, удалились. Людомировъ былъ внѣ себя: онъ нервно кусалъ губы, потиралъ руки и, боясь какой-нибудь новой выходки жены, упросилъ Чеки спѣть еще что-нибудь, надѣясь, быть можетъ, сгладить скверное впечатлѣніе. Борисова, наблюдавшая за всѣмъ, что вокругъ нея происходило, была слегка раздосадована двуличнымъ поведеніемъ многихъ изъ гостей. Отъ нея не ускользнули ни злыя замѣчанія, ни ехидныя полуулыбки тѣхъ, которые сами же подбивали

Людомирову и упрашивали протанцовать, а теперь разсыпались въ восторженныхъ похвалахъ. Подмѣтивъ волненіе и безпокойство хозяина дома, она встала съ своего мѣста и вмѣсто того, чтобы ѣхать домой, подошла къ Людомировой, придвинула стулъ поближе къ ней и рѣшила отвлечь ее и, насколько возможно, охладить ее постороннимъ разговоромъ. Чеки пѣлъ еще, мандолинистъ игралъ, артистка мелодекламировала. Людомирова искала глазами барона, но его уже давно не было; шокированный ея выходкой, онъ незамѣтно скрылся, не пожелавъ даже проститься съ ней.

Было совсѣмъ утро и звонили къ ранней обѣднѣ, когда утомленные лакеи захлопнули за послѣдними гостями тяжелую дверь подъѣзда.

XV.

Башилову очень хотѣлось застать Елену одну, и онъ пріѣхалъ въ три часа, зная, что свѣтское петербургское общество рѣдко начинаетъ свои визиты такъ рано. Но онъ ошибся. Когда онъ вошелъ въ ея гостиную, подлѣ большого круглаго стола, гдѣ былъ сервированъ чай, сидѣлъ, слегка отвалясь въ креслѣ и заложивъ ногу на ногу, красивый сѣдой старикъ съ длинными, какъ серебро, бѣлыми бакенбардами, очень благороднымъ профилемъ матоваго лица и добрыми глазами.

— Справедливости нѣтъ, честности нѣтъ,—горячо продолжалъ онъ прерванный приходомъ Башилова разговоръ.

— Переходное состояніе—броженіе умовъ, Анатолій Михайловичъ.

— Какое тамъ движеніе умовъ, Елена Павловна! Что вы мнѣ говорите. Религія упала, въ Бога мало вѣрятъ, потому и жизнь человѣческая стала ни по чемъ. Не доворю о временныхъ смутахъ, — дыбомъ волосы становились, читая, съ одной стороны, террористическіе акты озлобленныхъ людей, а съ другой— массовыя разстрѣливанія, повѣшенія... Братъ на брата... И до сихъ поръ то и дѣло попадается въ газетахъ: того повѣсили, того разстрѣляли, тотъ самъ застрѣлился. Гдѣ же тутъ устои морали христіанской? Безбожіе и мерзость!

— А я полагаю, что причины этихъ крайнихъ карательныхъ мѣръ надо искать въ распущенности дисциплины и въ миндальничаніи съ народомъ,—вставилъ Башиловъ.

— Ищите причины въ темнотѣ и дикости, въ которой до сихъ поръ пребываетъ нашъ народъ. Высшія сферы нарочно поддерживали это состояніе тьмы, отлично понимая, что просвѣщеніе откроетъ народу глаза, и онъ возмутится состоянію своей подавленности... Что же касается миндальничанья, какъ вы изволили выразиться, то не угодно ли вамъ просмотрѣть отчетъ тюремнаго управленія: за послѣднія пять лѣтъ населеніе тюремъ удвоилось и къ этому году достигло огромной цифры въ 175.008 человѣкъ. Страшно взглянуть въ подсчеты всѣхъ несчастныхъ жертвъ нашего правосудія, лишенныхъ свѣта жизни. А вы обвинять изволите въ миндальничаньи!

— Насъ не должны запугивать цифры. Чтобы выполоть гряду и сохранить овощъ, неминуемо уничтожается большое количество сорной травы. Когда надо спасти идею государственнаго строя, правительство не имѣетъ права отступать изъ страха количества жертвъ. Смерть за смерть, терроръ за терроръ.

— По праву старика позвольте замѣтить, что рѣчь ваша недостойна истиннаго христіанина. Государство, основанное на исключительныхъ интересахъ высшаго сословія и управляемое антихристіанской идеей жестокости и мести, не можетъ достигнуть кульминаціонной точки благосостоянія и культуры. Культурной страной можно назвать лишь ту, гдѣ массой руководитъ средній уровень морали, а не угроза кары. Народъ, въ которомъ есть сознаніе чувства долга, можетъ вынести на своихъ плечахъ что угодно. Если невѣжество и низкія страсти дискредитируютъ народную мораль, то надо сознаться, что наше культурное общество страдаетъ болѣзнью полнаго къ ней безразличія. Мы склонны итти къ упадку, потому что интеллектъ и совѣсть, аристократія ума и грубый народъ идутъ у насъ разными путями. Наша русская цивилизація изобилуетъ эпикурейцами, нигилистами, порнографистами, декадентами, террористами и, преумножая ихъ, ведетъ къ химическому разложенію общества на элементы. Все отрицающіе и извѣрившіеся умы, подъ видомъ утонченныхъ и глубокихъ мыслителей, не болѣе, какъ эгоисты и безбожники; они безучастны и безразличны къ постигающимъ страну смутамъ и несчастьямъ. Умныхъ людей въ Россіи не занимать стать, а вы укажите мнѣ на людей добрыхъ, на людей гуманныхъ, для которыхъ правосудіе, уваженіе къ личности и любовь къ ближнему не были бы понятіями, отошедшими въ преданіе.

— Разумѣется, я не берусь оспаривать высокую гуманность вашихъ идей, но кодексъ чистаго христіанства не всегда совмѣстимъ съ указаніями государственнаго строя и политической экономіи.

— Извините-съ, для разумнаго, добраго и честнаго человѣка они совмѣстимы, а для тѣхъ, кто и узако-

ненія государственнаго строя, и всевозможныя политическія экономіи стремится перетолковать въ сторону личныхъ, а не общественныхъ интересовъ, не интересовъ своей страны, для того, конечно, заповѣди Христа—узкая мораль. А я вамъ скажу, что репрессіями, беззаконіями и жестокостью мы оттачиваемъ оружіе, направленное на насъ. Карайте, но будьте милостивы и человѣколюбивы. А у насъ что творится? Развѣ нѣтъ насилія? Развѣ нѣтъ злобной жестокости? Изволили слышать, что творится на Амурской желѣзной дорогѣ? О телеграммѣ въ Петербургъ изволили слышать? Позоръ! Я, знаете, служилъ честно моему царю, но и передъ Богомъ и своею совѣстью былъ чистъ. Куда ни погляди—лѣзутъ другъ на друга, готовы оклеветать самого Бога въ угоду властямъ и для полученія чина; кого угодно сотрутъ съ лица земли, если поперекъ дороги станетъ. Алчность къ наживѣ, къ почестямъ, мелкая зависть... Чортъ съ ними со всѣми! Смотрѣть и слушать омерзительно.

— Анатолій Михайловичъ, дорогой мой, ну, полно волноваться; вѣдь не исправите людей. Всегда это было и будетъ... Для того и Моисей, и Магометъ, и Будда, и Спаситель приходили на землю, чтобы поднимать нравственность и напоминать о существованіи идей добра и правды. Конечно, грустно все это...

— Настолько грустно и противно, что, несмотря на желаніе не тревожить себя и не заводить разговоровъ на эту тему, вотъ, какъ видите, нѣтъ-нѣтъ, а прорвется. Моя хата теперь съ краю. Не желаю служить въ шайкѣ господъ, грабящихъ Россію и позорящихъ имя благороднаго и добраго Государя. Однако... четыре часа... я засидѣлся.

— Ну, нѣтъ, въ кои вѣки пришли ко мнѣ и такъ скоро уходите.

— Я не виноватъ, что у васъ, когда не придешь, все великосвѣтскіе пріемы, которыхъ я терпѣть не могу. Да и далеко мнѣ. Пока доберусь при помощи трамвая до дому, едва поспѣю къ обѣду.

— А вы на извозчикѣ.

— Благодарю покорно! Чтобъ онъ меня вывернулъ! Распустила полиція этихъ мерзавцевъ до того, что они очертя голову лѣзутъ подъ трамвай. Я не охотникъ себѣ шею ломать. Ну-съ, мое почтеніе. Не забывайте же меня, старика... вѣдь вотъ еще какой зналъ,—добродушно обратился онъ къ Башилову:— подъ столомъ ходила, въ коротенькихъ юбочкахъ... шалунья была, а сердце доброе, такое и осталось; только вотъ плохо, что выѣзжаетъ много и замужъ не выходитъ! А? Не повѣрю, чтобы жениховъ не было; отчего замужъ не выходите?

— Довольно одного раза, Анатолій Михайловичъ, мнѣ и такъ хорошо.

— Вѣрно, вѣрно, умница! Я пошутилъ. И свободна, и спокойна. Молитесь Богу, не забывайте бѣдныхъ, и вѣкъ свой хорошо доживете. Всего хорошаго.

Старикъ распрощался. Елена вышла проводить его въ переднюю.

— Славный старикъ, не правда ли? — обратилась она къ Башилову. — Старинный другъ моей семьи. Высокочестный и добрый, но слишкомъ прямолинейный, къ жизни мало приспособленъ.

— Да, видно, что убѣжденный, но служить съ нимъ не желалъ бы.

— Почему?

— Изволите ли видѣть.—съ такими типами трудно сговориться-съ. Вы ему будете приводить статью закона, а онъ вамъ о христіанской любви къ ближнему.

— Ничего не значитъ, умный человѣкъ все совмѣ-

ститъ. Поговоримъ теперь о другомъ. Разскажите мнѣ ваши впечатлѣнія послѣ бала.

— Послѣ бала у меня на другой день голова болѣла, и я былъ золъ, такъ какъ терпѣть не могу вмѣсто ночи ложиться утромъ. Самое радужное впечатлѣніе изъ всего этого вечера—разговоръ съ вами и самое несимпатичное — финалъ въ видѣ танцевъ хозяйки дома. Я бы на мѣстѣ мужа по головкѣ за это не погладилъ.

— И вы тоже? Бѣдная Мариша! Вы не повѣрите, сколько ей достается за эту глупую и въ сущности невинную выходку. Только и разговоровъ теперь объ этомъ. Чешутъ, чешутъ языки, а сами же и подбивали. Я сколько разъ повторяла ей, чтобы она на своихъ пріемахъ воздерживалась отъ шампанскаго, которое ее страшно скоро пьянитъ, и тогда ей море по колѣно.

— То-то и бѣда, что выдержки нѣтъ; въ жизни безъ выдержки недалеко уѣдешь. А вы, Елена Павловна, съ выдержкой?

— Я вамъ ничего не скажу, такъ какъ жду отъ васъ своей характеристики, которую вы отложили на день вашего визита.

— Извольте-съ. Постараюсь быть краткимъ и точнымъ. Вы очень умны, наблюдательны, добры и снисходительны. Послѣднія три качества я имѣлъ случай подмѣтить на балу. Вы энергичны и, вѣроятно, честолюбивы. Думаю, въ жизни вы можете быть опаснымъ противникомъ. Какъ женщина, вы обаятельны и, конечно, сразили не мало жертвъ. Вѣроятно, вы очень страстны и много въ вашей жизни любили. Въ васъ есть что-то самобытное, очень оригинальное, и притягивающее. Вы unica, обаятельная unica... Ну, вотъ-съ я и кончилъ. Вѣрна моя характеристика?

— Есть пункты полнаго заблужденія, совершенно противоположные моей натурѣ.

— Какіе-съ?

— Этого я не скажу. Но есть и очень вѣрно подмѣченныя черты.

— Вотъ видите-съ, а мнѣ вы изволили преподнести такую характеристику, въ которой я совсѣмъ потерялся; и самое забавное, что я бабникъ. Въ чемъ, въ чемъ, а ужъ по этому пункту очень мало грѣшенъ. Сознаюсь, что общество женщинъ я очень люблю и зачастую предпочитаю его мужскому, но на увлеченія не падокъ, отчасти по натурѣ, отчасти въ силу того, что я человѣкъ очень занятой, сильно привязанный къ своему труду и некогда мнѣ тратить драгоцѣнное время на амуры. Имѣть умную, энергичную и красивую подругу-товарища для борьбы съ жизнью, конечно, желалъ бы и я, но долженъ признаться, что мнѣ не повезло и до сихъ поръ я такой не встрѣчалъ. Изволите ли видѣть, я способенъ полюбить только ту женщину, съ которой меня соединила бы общность идей, общность стремленій, обоюдное завоеваніе жизни, общій трудъ, общая ежедневная борьба къ достиженію цѣли. Да, такой женщинѣ-товарищу я былъ бы способенъ открыть всѣ тайники души моей. Быть заговорщиками, обсуждать всѣ планы, провѣрять свои рѣшенія и вмѣстѣ торжествовать—это счастье. Но, очевидно, это не для меня; до сихъ поръ, повторяю, не встрѣчалъ, а если бы и встрѣтилъ, могъ ли бы надѣяться, что она захочетъ меня?

— Значитъ, вы никого не любили въ вашей жизни?

— Никого-съ.

— Никѣмъ не увлекались?

— Искренно... никѣмъ,—отвѣтилъ Башиловъ, не моргнувъ глазомъ, безъ тѣни колебанія.

— Ну, что вы разсказываете! Я вамъ не вѣрю. Елена разсмѣялась.

— Позвольте спросить, почему? Развѣ я похожъ на человѣка, не внушающаго довѣрія?

— Нѣтъ, не потому. Напротивъ, вы должны быть очень положительны. Но... но—неужели у васъ никогда не было связи? Наконецъ, вѣдь вы же были женаты.

— Извольте, я буду откровененъ, мнѣ хочется имъ быть; съ вами говорится, какъ съ добрымъ товарищемъ. Женился я рано; ухаживалъ какъ будто бы за одной, а предложеніе сдѣлалъ совершенно неожиданно для самого себя другой. Вышло это какъ-то глупо и по-мальчишески. Однако жениться пришлось. Родился сынъ, котораго мы оба обожали, и онъ былъ между нами связущимъ звеномъ, такъ какъ, признаюсь, жену я любилъ мало, но жили мы прилично, основывая наши чувства на взаимномъ уваженіи. Прожили около десяти лѣтъ. Жена влюбилась, просила разводъ. Я ей его далъ и все, что при этомъ полагается. Я лично былъ противъ развода, жаль было гнѣздо разорять и разставаться съ сыномъ, который до четырнадцати лѣтъ долженъ былъ жить съ ней. Пріѣхалъ я въ Петербургъ, имѣя три рубля въ карманѣ и золотые часы, которые съ мѣста же и заложилъ. Кидался во всѣ стороны и, когда получилъ мѣсто, засѣлъ за работу и пять лѣтъ трудился, какъ чернорабочій, не позволяя себѣ ни на іоту отступить отъ начертаннаго плана. Очень бывало тяжело. И одиночество меня давило, и жажда жизни предъявляла свои права; однако я вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы и горжусь теперь

тѣмъ, что и средства, и генеральскій чинъ, и кое-какія связи добыты личнымъ трудомъ, безо всякихъ протекцій и вспомогательныхъ средствъ. Отъ женщинъ я тогда прямо-таки отвыкъ и вотъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи въ поѣздкѣ по ревизіи, встрѣтился съ одной дамой. Очень живая, миленькая, добрая женщина. По службѣ долженъ былъ около двухъ недѣль пробыть въ томъ городѣ; вечера проводилъ у нихъ; какъ это всегда бываетъ въ провинціи, меня немножко фетировали, какъ петебургскаго чиновника; театры, ужины, всякіе разговоры; я слегка приволокнулся, цѣловалъ ручки... Ничего, все это очень хорошо было и чинно и весело. Вернулся въ Петербургъ и, какъ обѣщано было, написалъ письмо; увлекся настроеніемъ, не разсудилъ и попросту, солгалъ: написалъ, что очень огорченъ разлукой и тоскую, а у самого дѣлъ было по горло; затѣвалъ, знаете, крупный рискъ—такъ былъ занятъ, что и вспомнить ее некогда было. И поплатился за ложь. Хотѣла меня утѣшить и недѣли черезъ двѣ сюда прикатила. А тамъ мѣсяца черезъ два опять пріѣхала. Зачѣмъ было ее огорчать?—она мнѣ не мѣшала. Такъ и затянулась связь. Съ ея стороны много любви и самопожертвованія, а...

— А съ вашей—много снисхожденія?—улыбнулась Елена.

— Пожалуй, что и такъ. Но этотъ случай заставилъ меня разъ навсегда дать себѣ слово не писать женщинамъ чувствительныхъ писемъ и никогда не говорить имъ о любви. Да я и не понимаю этого слова, но буду очень обязанъ той женщинѣ, которая заставитъ меня понять его смыслъ.

— А для чего вамъ это?

— Да какъ же-съ? Все-таки хотѣлось бы испытать чувство, присущее всѣмъ.

— Во-первыхъ, далеко не всѣмъ, а, во вторыхъ, для чего искать того, безъ чего вы отлично прожили и что можетъ быть помѣхой. Мнѣ кажется, что по натурѣ вы неспособны на бурныя чувства, потому что вы человѣкъ разсудка, воли и неуклонно принятыхъ рѣшеній.

— Такъ-съ. Это вѣрно. Если любовь можетъ быть помѣхой, то значитъ, я правъ, что не ищу ея, но, съ другой стороны, почему не предположить, что любимая женщина, подруга-вдохновительница можетъ быть помощницей въ борьбѣ за жизнь, а не помѣхой?

— Потому что очень мало женщинъ съ мужскимъ складомъ ума и если такая попадется вамъ на пути, вы же первый начнете ее сторониться, изъ страха, чтобы она не развѣнчала ваши доблести, не подмѣтила бы всѣ ваши маленькія слабости и чтобы не стала смотрѣть на васъ, какъ на равнаго себѣ; вѣдь мужчины ужасно любятъ, чтобы женщины поклонялись ихъ уму и всякимъ тамъ качествамъ, хотя бы и не существующимъ. Всѣ эти разговоры о женщинѣ-товарищѣ только на словахъ, а на дѣлѣ выходитъ иное—все это ложь.

— А что же на дѣлѣ-съ? Женщина-раба, послушная и безотвѣтная раба?

— Разумѣется. Оно и удобнѣе и менѣе хлопотливо.

— Елена Павловна, искренно и восторженно преклоняюсь передъ вашимъ умомъ и потому буду льстить себя надеждой, что быть можетъ, вы захотите узнать меня поближе и тогда выдѣлите изъ общей массы мужчинъ, которыхъ я глубоко всегда порицаю именно за эту черту характера, вкоренившуюся путемъ атавизма. Вы правы, женщинъ съ мужскимъ складомъ ума мало, можно прожить цѣлую жизнь и

не встрѣтить, но онѣ все-таки есть и притомъ сохранившія всю прелесть женственности; предъ ними я склоняюсь до земли...

Башиловъ всталъ и низко склонился предъ Еленой, дотрогиваясь котелкомъ, который онъ держалъ въ рукахъ, до самаго пола.

— Ого, Владимиръ Ивановичъ! Браво, браво!

Начали прибывать новые посѣтители, и Башиловъ, просидѣвъ изъ приличія еще нѣсколько минутъ, поднялся съ своего мѣста.

— Мнѣ говорила моя пріятельница Евгенія Михайловна, что вы приняли участіе въ ея дѣлахъ и много ей помогли... это очень мило съ вашей стороны,— сказала Елена, пожимая ему руку и отходя съ нимъ нѣсколько шаговъ въ сторону.

— Помилуйте, о чемъ тутъ говорить! Я всегда готовъ быть полезнымъ, кто бы меня ни попросилъ, если это въ моихъ силахъ, а тѣмъ болѣе такая симпатичная личность, какъ Евгенія Михайловна. Очень радъ, если угодилъ ей.

— Вы сдѣлали все самое главное. Я ее очень люблю и потому очень благодарю васъ.

— Ваша благодарность дѣлаетъ меня счастливымъ Прошу васъ передать Евгеніи Михайловнѣ мое глубокое почтеніе.

Башиловъ съ чувствомъ, но вполнѣ корректно, поцѣловалъ руку Елены и уѣхалъ.

XVI.

Прошелъ постъ. Приближалась весна. Почти незамѣтно для участвующихъ лицъ обстоятельства начали видоизмѣняться. Башиловъ, со свойственной ему осторожностью, рѣшилъ, что ничего не измѣнится,

если онъ сдѣлаетъ Евгеніи Михайловнѣ предложеніе осенью, такъ какъ лѣтомъ ему предстоятъ служебныя поѣздки и все равно они видѣться не могутъ, да и разводъ долженъ былъ кончиться не ранѣе лѣта. Съ ней онъ былъ попрежнему очень нѣженъ, но сдержанъ и крайне остороженъ; взвѣшивалъ каждое слово и избѣгалъ всякихъ разговоровъ о будущемъ. У Елены бывалъ онъ время отъ времени, всегда былъ очень выдерженъ, но не скрывалъ своего восхищенія, когда оставались съ глазу на глазъ. Постепенно онъ изучилъ ея характеръ, ея жизнь, ея умѣнье и ловкость въ общеніи съ людьми, и въ его умѣ начинала складываться какая-то туманная, еще не опредѣленная картина будущаго, надъ которой онъ пока мало задумывался.

Генералъ Орловъ, вернувшійся послѣ Пасхи изъ своего путешествія за границу, въ первые же дни встрѣтилъ Елену, которая съ чувствомъ теплой ласки протянула ему руку, и онъ опять не выдержалъ борьбы и началъ бывать у нея, затаивъ въ душѣ щемящее чувство обиды. Онъ пересталъ напоминать ей о своемъ чувствѣ, но оно свѣтилось въ глазахъ, прорывалось въ тонѣ голоса.

Отношенія барона начинали принимать тяжелую для Людомировой форму, такъ какъ послѣ исторіи съ танцами на балу, она сразу потеряла въ его глазахъ свое обаяніе, и онъ, хоть и въ очень корректной формѣ, далъ ей это понять. Людомирова вспылила, наговорила массу колкостей, обвинила его же въ легкомысленномъ отношеніи къ женщинамъ и разсталась съ твердымъ желаніемъ покончить всякія отношенія, но не прошло и недѣли, какъ зазвонилъ телефонъ и посыпались записки. Примиреніе состоялось, но со стороны барона Людомирова чувствовала

охлажденіе, съ которымъ не могла примириться, такъ какъ онъ нравился ей все болѣе и болѣе. Какъ противовѣсъ ея безпокойной, безпорядочной натурѣ, его строгая систематически сдержанность и цѣльность принципіальныхъ убѣжденій ее и плѣняла, и сердила. Она никогда и никакими способами не могла добраться до его души, зорко оберегаемой отъ вторженія дамъ, съ которыми часто имѣлъ дѣло, но относился къ нимъ всегда критически и въ глубинѣ души осуждалъ за легкомысліе. Людомирова чувствовала, что несмотря на ихъ отношенія, онъ гораздо ближе и откровеннѣе съ Еленой. Постепенно нарастающее ревнивое чувство начинало достигать крайнихъ предѣловъ. У Людомировой затаилась глухая вражда противъ Елены; но она старалась до поры до времени ее тщательно скрывать. Баронъ замѣчалъ эти враждебныя отношенія, и они еще болѣе унижали ее въ его глазахъ и возвышали Елену, которая не разъ хотѣла вызвать Людомирову на откровенность, чтобы успокоить ея подозрѣнія и убѣдить, что, кромѣ дружбы, она ничего не питаетъ къ Штадену; но Людомирова избѣгала всякихъ объясненій, хитрила и была неестественно любезна. Зато съ Valmons ихъ связывала, казалось, тѣсная дружба. Людомирова много шумѣла и раздувала ея успѣхъ на сценѣ и среди мужчинъ, безпрестанно брала ложу на ея спектакли, предшествуемая графомъ Эвеномъ, бѣгала къ ней въ уборную, называла «ma pauvre chérie», зазывала въ свою компанію на ужины, въ рестораны, выхлопотала ей кое-какія льготы у дирекціи театра и, наконецъ, принявъ дѣятельное участіе въ ея бенефисѣ, на празднованіе котораго она безконтрольно передала Эвену очень крупную сумму, она добилась того, что Valmons была отъ нея въ восторгѣ, а графъ цѣло-

валъ ей ручки и считалъ себя у нея въ долгу. Людомирова могла быть спокойна, что дѣло съ камергерствомъ мужа было ею улажено очень ловко и безповоротно.

Назначеніе Берга на постъ генералъ-губернатора состоялось, и его слово въ глазахъ Valmons и того же Эвена имѣло уже нѣкоторый вѣсъ. Бергъ съ назначеніемъ мужа почувствовала себя на высотѣ величія. Вокругъ ея начали лебезить всѣ приближенные мужа и у нея совсѣмъ закружилась голова; теперь она была увѣрена въ своей неотразимости, и сплетня Людомировой, когда-то такъ встревожившая ея сердце, давно потонула въ полномъ убѣжденіи, что Башиловъ не такъ глупъ, чтобы порвать съ ней теперь, когда она можетъ быть ему полезной. Новизна положенія, устройство по мѣсту новаго жительства пышной квартиры, визиты, пріемы и новыя обязанности генералъ-губернаторши какъ будто слегка охладили ее къ Башилову; несмотря на то, что пріѣзды въ Петербургъ стали теперь для нея болѣе затруднительными, она рѣже писала ему и не такъ надоѣдала упреками въ отсутствіи вѣстей. Такое положеніе дѣлъ было ему очень на руку и давало возможность комбинировать свою жизнь съ наименьшимъ количествомъ лжи, которую онъ въ принципѣ не одобрялъ, какъ невыгодный компромиссъ, могущій дискредитировать обаяніе силы и смѣлости.

Данцова любила, мучилась, молчала и покорно ждала завѣтнаго дня, когда ей не надо будетъ надѣвать густую вуаль, краснѣть и прятать свое взволнованное лицо отъ пытливыхъ глазъ своей горничной или съ бьющимся сердцемъ незамѣтно проскальзывать мимо швейцара, не переводя дыханіе взбѣгать на третій этажъ и, нервно озираясь на лѣстницу,

звонить условныхъ три звонка у двери Башилова. Ихъ отношенія все больше и больше увеличивали въ ней чувство обиды и оскорбленія женской гордости за эти жертвы самолюбія въ глазахъ челяди, но она любила и потому молчала и терпѣливо ждала.

Юрьевъ со свойственной ему пылкостью весь отдался чувству влюбленности къ юной дѣвушкѣ, которою онъ былъ уже увлеченъ года два тому назадъ, дѣлалъ ей предложеніе и получилъ отказъ; не такъ давно она вновь его призвала, и его любовь сильнѣе разгорѣлась; она, польщенная его постоянствомъ, ласково ему улыбалась, позволяла застегивать перчатки, душила своими духами, кокетничала и какъ будто бы держала его про запасъ. Юрьевъ же, глядя на нее, мечталъ о семейномъ гнѣздѣ, о тихой скромной и уютной квартиркѣ, о долгихъ зимнихъ вечерахъ, проводимыхъ съ глазу на глазъ съ любимой женой, мечталъ о всемъ томъ, о чемъ мечтаетъ не испорченный воображеніемъ человѣкъ, съ простодушнымъ сердцемъ, со скромными стремленіями къ тихой и конечной пристани. Едва онъ просыпался, какъ уже ждалъ завѣтнаго телефона, призывающаго его то на катокъ, то на скетингъ, на прогулку по набережной, на тройкѣ за городъ, на скачки, на авіацію, въ Павловскъ на музыку; шумной и веселой компаніей возвращались домой, поздно обѣдали, поздно ужинали... Дни мелкали, какъ радостные сны, вносившіе въ довѣрчивую, простую душу Юрьева яркіе лучи надежды на приближающееся счастіе.

Къ Еленѣ онъ сталъ ѣздить очень рѣдко, урывками; всегда сіяющій, шумный и веселый, онъ вносилъ какую-то безпорядочность въ ея сосредоточенно-задумчивое настроеніе. Послѣ вечера, проведеннаго у него за чтеніемъ записокъ его брата, прибавилось

что-то смутное въ переживаніи Елениной души. Эти «памятки» направили ея мысли къ критическому, болѣе строгому и глубокому отношенію и къ самой себѣ, и къ окружающимъ, и состояніе унылой тоски стало посѣщать ее чаще прежняго. Раза два она попробовала сходить ко всенощной и молилась давно забытыми словами дѣтскихъ молитвъ, которыя она когда-то любила сама сочинять; онѣ согрѣвали ея душу; успокаивали, слегка отодвигая отъ суетности окружающей среды. Юрьевъ былъ единственный человѣкъ, съ которымъ она могла подѣлиться состояніемъ своей души, но онъ такъ былъ захваченъ своимъ счастіемъ, что не могъ вмѣстить и понять теперь ничьихъ иныхъ настроеній. Яркой, выпуклой личностью, интересной своей смѣлой энергіей и удивительной жизнерадостностью, былъ Башиловъ, выдѣляющійся между всѣми ее окружающими людьми. Она видѣла въ немъ интересный и новый для нея типъ смѣло идущаго къ своей цѣли человѣка, увѣреннаго въ себѣ и своихъ способностяхъ и прокладывающаго дорогу самостоятельнымъ трудомъ и смѣлостью своей мысли.

— Я смѣлъ до наглости,—говаривалъ онъ не разъ Еленѣ, и, всматриваясь въ его глаза, она этому легко вѣрила.—Или я пущусь на крупнѣйшія аферы, чтобы пріобрѣсть громадное состояніе и стать во главѣ всевозможныхъ нововведеній, сдѣлаться организаторомъ самыхъ смѣлыхъ предпріятій, вносить съ собой повсюду свѣтъ и движеніе, или же я долженъ достигнуть высшихъ ступеней служебной карьеры, чтобы чувствовать себя рычагомъ громадной машины, главной двигательной силой; во мнѣ живетъ душа борца и завоевателя.

Елена вглядывалась въ Башилова, прислушивалась къ его рѣчамъ и интересовалась имъ все больше и больше. Она видѣла какъ была его жизнь полна захватывающаго интереса, сколько было въ немъ любви къ труду, сколько увѣренности въ пользѣ, которую этотъ трудъ приноситъ вокругъ себя. Не было сомнѣній, все было опредѣленно, ясно, и потому отъ этого человѣка вѣяло бодростью духа и отчетливостью мысли, которой Елена не встрѣчала въ окружающихъ. Встрѣчи съ нимъ ее бодрили, встряхивали, порождали въ ней желаніе знать подробнѣе его дѣла, его проекты, его удачи; она изучала его и, сама того не замѣчая, понемногу втягивалась въ его интересы служебныхъ и частныхъ дѣлъ.

Когда Башиловъ долго не заѣзжалъ къ ней, она иногда вызывала его къ себѣ по телефону.

— Заѣзжайте почаще поболтать со мной; вы съ вашей кипучей дѣятельностью вливаете струю бодрости и интереса въ мою ненужную жизнь,—сказала она ему какъ-то.

— Елена Павловна, вы даете мнѣ гораздо больше, чѣмъ берете сами, — отвѣтилъ онъ и, ожидая съ ея стороны неминуемаго вопроса, приготовилъ смѣлый отвѣтъ, но Елена взглянула на него удивленными глазами и промолчала.

«Да, это не Евгенія Михайловна», подумалъ онъ про себя. Узнавъ, что Елена собирается уѣхать къ себѣ въ подмосковное имѣніе, Башиловъ пріѣхалъ къ ней проститься; онъ засталъ ее въ гостиной за укладкой книгъ, которыя она отбирала и готовила къ отправкѣ.

— Я вамъ помѣшалъ?

— Нисколько... я всегда вамъ рада. Садитесь, я сейчасъ окончу.

— Куда вамъ такая кипа книгъ?

— Надо же намъ что-нибудь читать въ деревнѣ.

— Кому это намъ? Развѣ вы не одна ѣдете?

— Ко мнѣ ѣдетъ гостить на все лѣто Евгенія Михайловна, я очень рада, что удалось уговорить ее.

— Вотъ какъ.

Башиловъ сдѣлалъ видъ, что впервые это слышитъ, тогда какъ Данцова совѣтовалась съ нимъ на этотъ счетъ, и онъ же уговорилъ ее ѣхать къ Еленѣ, а не оставаться подъ Петербургомъ, какъ она этого хотѣла изъ желанія не разставаться съ нимъ до начала іюля, то есть до его отъѣзда въ командировку.

— Вы любите Шопенгауэра?—спросила Елена, перелистывая томъ и укладывая его въ ящикъ, стоящій передъ нею на полу.

— Нѣтъ, не люблю. Ни Шопенгауэра, внушающаго пессимистическое отношеніе къ жизни, ни другихъ философовъ. Я люблю реальную жизнь, а не математическія выкладки о ней, идущія всегда вразрѣзъ съ практическими вопросами и здравымъ стремленіемъ впередъ. Философія есть неограниченная свобода разума и потому не совмѣщаемая съ идеями политическими, соціальными и религіозными. Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, что цѣль моя: завоеваніе жизни, а для этого необходима строгая система, отчетливое опредѣленіе своихъ вѣрованій, своихъ направленій, своей принадлежности къ тому или иному политическому лагерю. Философія же сбиваетъ насъ съ толку, такъ какъ по своему существу она не можетъ быть ни христіанской, ни языческой, ни демократической, ни монархической, ни либеральной, ни консервативной, ни соціальной, ни индивидуальной. Чтобы увлекаться и раздѣлять философскія умозрѣнія, необходимо, по моему мнѣнію, отрѣшиться отъ

своего «я» и смотрѣть на жизнь съ птичьяго полета, быть только зрителемъ, а не актеромъ.

— Да, актеромъ, и трагикомъ, и комедіантомъ...— серьезно глядя на Башилова, проговорила Елена.

— Да, именно вы правы: и трагикомъ, и комедіантомъ... Какъ это вы тонко опредѣлили.

— Послушайте. Владимиръ Ивановичъ, а вы увѣрены, что въ васъ сидитъ такой артистъ? Вы увѣрены, что такъ или иначе, а вы заставите склоняться передъ собой не толпу,—съ толпой дѣло имѣть легче!—а отдѣльныхъ лицъ?

Елена отложила книги, пересѣла въ кресло и, облокотясь о столъ, смотрѣла въ лицо Башилова такимъ испытующимъ, серьезнымъ взглядомъ, что ея лицо приняло новое для Башилова выраженіе сосредоточенной и упорной мысли.

— Вотъ-съ, Елена Павловна, вы коснулись моей больной струны, которая страшно всегда диссонируетъ и, я чувствую, мѣшаетъ мнѣ. Скажу вамъ такъ: если бы я не былъ порядочнымъ человѣкомъ, то я могъ бы желать, чтобы случилась крупная политическая катастрофа, чтобы всѣ растеряли головы и озвѣрѣвшая толпа разбушевалась бы; повѣрьте мнѣ, что такой моментъ былъ бы моимъ тріумфомъ. Я чувствую въ себѣ силы укротителя и повелителя. Я вышелъ бы передъ толпой безъ тѣни страха или волненія и былъ бы артистомъ, достойнымъ своей роли; я бы внушилъ этой многоголовой гидрѣ свою волю, заставилъ бы ее силой моего слова повиноваться мнѣ и даже любить меня. Тамъ гдѣ нужна рѣшимость и натискъ, тамъ я побѣдитель. Но у меня есть немало враговъ. Передъ толпой—я актеръ, для отдѣльныхъ же личностей—я противникъ и, сознаюсь съ горечью, противникъ, хоть и опасный, но мало искусный въ

дѣлѣ интриги и притворства. Иной разъ вѣдь отлично знаю, что надо промолчать, пропустить мимо ушей, а меня будто бы кто дернетъ, ни за что не спущу, отщелкаю, по всѣмъ пунктамъ разобью и наживу врага-съ...

— Вѣроятно, вы вспыльчивы и заносчивы.

— Вы угадали; мнѣ это очень вредитъ.

— Да, съ людьми надо умѣть ладить. Можно и отщелкать иной разъ и вспылить, а все-таки не создавать себѣ враговъ, потому что зачастую давно забытый, иногда ничтожный врагъ неожиданно становится намъ поперекъ дороги въ самый критическій моментъ.

— И самъ себѣ я это не разъ говорю, да вѣдь не передѣлать себя въ корень въ сорокъ пять лѣтъ, зато и ломаешь иной разъ голову надъ брошеннымъ жребіемъ, какъ говорится, до одури. Вотъ хоть бы и сейчасъ: надо поскорѣе рѣшить сложный вопросъ, у меня голова какъ въ туманѣ.

— Вы такъ озабочены?

— Да, очень.

— Я не въ силахъ вамъ помочь?

— Кто знаетъ... вѣдь вы умница.

— Ну, попробуйте разскажите, въ чемъ дѣло, и вѣрьте, что и серьезные, и несерьезные секреты я умѣю хранить.

— Дѣло, видите ли, въ томъ, что циркулируетъ упорный слухъ, будто бы Рихтеръ назначается товарищемъ нашего министра. Для меня его назначеніе— зарѣзъ, такъ какъ я ему крайне неудобенъ. Рихтера я знаю-съ; съ его назначеніемъ онъ мнѣ преградитъ всѣ пути къ большой карьерѣ. Одновременно съ этимъ назначеніемъ одно общество мнѣ предлагаетъ стать во главѣ очень крупнаго предпріятія, въ которомъ

я могу нажить сотни тысячъ; если назначеніе Рихтера вопросъ рѣшенный, то благоразуміе подсказываетъ, что я не долженъ отказываться отъ предлагаемаго дѣла, которое съ годами разрастется настолько, что вся моя энергія будетъ исчерпываться туда, служба же займетъ второстепенное мѣсто, а можетъ быть окажется и помѣхой. Если назначеніе Рихтера не состоится, то я долженъ отказаться отъ предпріятія и ѣхать въ іюлѣ на два мѣсяца въ командировку, которая даетъ мнѣ громадные козыри въ руки, такъ какъ, объѣхавъ мало знакомый край, я буду имѣть всѣ свѣдѣнія... да, впрочемъ, вамъ и не интересны и мало понятны всѣ эти детали...

— Напрасно вы такъ думаете. Очень интересны и вполнѣ понятны. Такъ какъ я имѣю много друзей среди мужчинъ, то и знаю гораздо больше, чѣмъ вы предполагаете. Очевидно, вы говорите о Сибири. Ваша ревизія при назначеніи новаго генералъ-губернатора, конечно, можетъ дать вамъ громадные плюсы. Въ концѣ концовъ васъ, очевидно, смущаетъ только одинъ вопросъ о назначеніи Рихтера?

— Совершенно вѣрно-съ

— Владимиръ Ивановичъ, отказывайтесь отъ вашего предпріятія и спокойно поѣзжайте въ командировку, потому что Александра Александровича назначеніе не состоится.

— Откуда вы знаете? Я слышалъ, что объ этомъ уже было доложено.

— А вчера было передоложено.

— По какой причинѣ?

Елена засмѣялась и пожала плечами.

Башиловъ съ трудомъ скрывалъ волненіе.

— Елена Павловна, вы увѣрены въ этомъ? Тутъ не можетъ быть ошибки?

— Мы обсуждаемъ слишкомъ серьезный для васъ вопросъ, чтобы я рѣшилась говорить то, въ чемъ не увѣрена. Повторяю вамъ: Рихтеру подставили ногу.

— Вашимъ сообщеніемъ вы оказали мнѣ громадную услугу; позволите поцѣловать вашу ручку. Конечно, вы, прелестная «уника», можете быть спокойны, что я умѣю молчать и никогда не передаю того, что мнѣ говорятъ.

— Я вамъ вѣрю. Вы изъ тѣхъ положительныхъ личностей, которыя легко и, вѣроятно, небезосновательно внушаютъ къ себѣ глубокое довѣріе.

— Могу ли я быть нескромнымъ просить васъ объяснить мнѣ причину передоклада?

Елена на минуту задумалась. Она, какъ и баронъ Штаденъ, никогда не передавала того, что при ней о комъ-нибудь разсказывали, а тѣмъ болѣе ей не хотѣлось говорить о Рихтерѣ, къ которому Башиловъ относился какъ къ несимпатичному противнику.

— Я чувствую, что вамъ хочется провѣрить справедливость моихъ словъ; я васъ понимаю: вы слишкомъ заинтересованы. Хорошо, я вамъ разскажу, въ чемъ дѣло, но...

— Елена Павловна, вотъ вамъ моя рука. Заключимте союзъ взаимнаго довѣрія.

— Такъ вотъ въ короткихъ словахъ исторія Рихтера. Слухъ объ его назначеніи очень испугалъ одного господина, — имя я вамъ не стану называть, — которому Рихтеръ садился на голову. Этотъ господинъ, будучи другомъ дома семьи, гдѣ находится одна преинтересная барышня, за которой Рихтеръ негласно ухаживалъ, узналъ, что если назначеніе состоится, то барышня не замедлитъ дать согласіе на бракъ. Объ этомъ обстоятельствѣ онъ сумѣлъ освѣдомить одну особу, находящуюся уже въ «опасномъ

возрастѣ», какъ пишетъ Михаэлисъ. Сердце ея до сихъ поръ пылаетъ любовью къ Александру Александровичу и, несмотря на многолѣтнюю съ нимъ дружбу остыть не можетъ. У нея громадныя связи. Ударъ былъ ей нанесенъ мѣтко. Она немедленно нажала всѣ нужныя пружины, которыми — удивительно всегда ловко владѣетъ, и очень быстро было доказано, что назначеніе Рихтера преждевременно, такъ какъ онъ нуженъ въ министерствѣ и на его дѣло нѣтъ подходящаго замѣстителя и такъ далѣе. Словомъ, Александръ Александровичъ останется на своемъ мѣстѣ; mademoiselle Z. не дастъ ему своего согласія, madame X. не будетъ страдать и проводить безсонныхъ ночей, а Владимиръ Ивановичъ Башиловъ спокойно поѣдетъ въ командировку и силой своей энергіи со временемъ добьется портфеля министра, чему Елена Павловна Карцева очень рада, такъ какъ она видитъ въ Башиловѣ честную, хорошую натуру, ясный умъ, доброе сердце и симпатизируетъ ему больше, чѣмъ Рихтеру.

Уходя, Башиловъ съ признательностью нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку.

— Всего хорошаго, прелестная «уника». Долго я васъ не увижу. Пожалуй, вы забудете меня, такъ уже разрѣшите осенью заѣхать къ вамъ, чтобы о себѣ напомнить.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Жаркій сентябрьскій день клонился къ вечеру. У самой рѣшетки террасы гостиницы «Россія» въ Ялтѣ за небольшимъ столикомъ былъ сервированъ обѣдъ. Прекрасный букетъ розъ красовался среди приборовъ и графинчиковъ и придавалъ неизъяснимо праздничный, ликующій колоритъ всему столу и небольшой, оживленной группѣ обѣдающихъ лицъ. Море, тихое, почти неподвижное, чуть замѣтной рябью набѣгало къ берегамъ. Вдали бѣлѣлъ одинокій парусъ на синемъ фонѣ водъ Чернаго моря. Радостный, яркій закатъ, посылающій землѣ прощальные лучи, и мягкій колоритъ невысокихъ горъ, и кипарисы, неподвижные, окаймляющіе часть терресы, и задушевная, простая мелодія небольшого оркестра, помѣщеннаго тутъ же подлѣ обѣдающей публики, — все настраивало душу и мысли къ покойному созерцанію и любви къ природѣ.

— Кого-кого, но встрѣтить здѣсь васъ я никакъ не ожидала,—говорила Елена, слегка щурясь отъ лучей солнца, которые скользили мимо нея, играя въ прядяхъ ея каштановыхъ волосъ, и окрашивали ихъ въ яркій золотистый, почти рыжеватый оттѣнокъ.

— Почему же представленіе о моей личности не совмѣщается съ красотами крымскихъ береговъ? — спросилъ Башиловъ.

— Въ моемъ воображеніи я всегда васъ вижу такимъ занятымъ, захваченнымъ всякими неотложными дѣлами, что мнѣ и въ голову не могло прійти встрѣтиться здѣсь съ вами. Какъ бы то ни было, мы съ Женей этому очень довольны, такъ какъ кое-кто изъ знакомыхъ уже уѣхалъ, и мы остались безъ кавалера.

— Да и я не надолго. Отдохну недѣльки двѣ да и въ Питеръ. Усталъ, заработался. Изъ командировки урвалъ этотъ отпускъ. Такъ вотъ какъ-съ! И я не ожидалъ съ вами встрѣтиться. Пріятный сюрпризъ. Надѣюсь, Евгенія Михайловна, что вы изволили получить мой обстоятельный вамъ докладъ о ходѣ развода? Помнится, я его препроводилъ вамъ въ концѣ іюня; а затѣмъ я уѣхалъ и Дорманъ, обѣщалъ мнѣ своевременно обо всемъ васъ увѣдомлять.

— Благодарю васъ. Дѣла мои кончены,—краснѣя и смущаясь, отвѣтила Данцова.

Башиловъ, не любившій переписки съ женщинами, которую онъ считалъ и рискованной, и налагающей какія-то обязательства, за все лѣто написалъ Данцовой только два раза, отъ нея же имѣлъ частыя письма; изъ нихъ онъ узналъ объ ихъ пребываніи въ Ялтѣ, и желаніе повидать не Данцову, а Елену была такъ велико и такъ удачно совпало съ возможностью отпуска, что Башиловъ на этотъ разъ, какъ всегда, немедленно привелъ въ исполненіе настойчиво овладѣвшую имъ мысль, собрался въ однѣ сутки и удивилъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ обѣихъ подругъ. Онъ остановился въ «Россіи», предполагая встрѣтить ихъ тамъ, и не ошибся. Когда

онъ десять минутъ тому назадъ появился на террасѣ, ища свободнаго столика, Данцова радостнымъ крикомъ и охватившимъ ее волненіемъ чуть было не выдала себя. Все существо ея ликовало. «Пріѣхалъ, для меня, хорошій... добрый». Ея глубокіе темные глаза окутывали его лаской, и если бы Еленѣ пришло въ голову пристальнѣе посмотрѣть на свою подругу, она была бы удивлена, съ какимъ сдержаннымъ волненіемъ вздрагивали ея длинныя рѣсницы, и какія искорки внезапно вырывались изъ-подъ ихъ густой тѣни. Но Данцова, тихая, кроткая и покорная, умѣла владѣть собой, какъ никто. Улыбка, лукавая и нѣжная, трепетала въ уголкахъ ея красиваго небольшого рта, смущеннымъ взглядомъ, на видъ спокойная и безмятежная, она просматривала меню обѣда въ то время, какъ Елена разспрашивала, смѣялась, вкратцѣ разсказывала о жизни въ деревни, о неожиданномъ рѣшеніи провести сентябрь въ Ялтѣ. Башиловъ мысленно отдавалъ Данцовой должную похвалу за ея выдержку и любовался ею, какъ выдающейся красивой женщиной; въ умѣ его мелькали воспоминанія свиданій съ ней, но присутствіе Елены его положительно начинало волновать. Надъ Евгеніей Михайловной онъ чувствовалъ свою неограниченную власть, зналъ, что при каждомъ взглядѣ, который онъ украдкой ей броситъ, ея сердце забьется и вѣки глазъ съ длинными рѣсницами задрожатъ, какъ крылья бабочекъ, тогда какъ Елена, живая, смѣющаяся, смѣлая, была для него загадкой, и онъ не могъ уловить ни одной ея мысли, ни одного желанія. Вотъ она сидитъ, щурится красивыми умными глазами, взглядъ скользитъ мимо него въ безконечную голубую даль, яркія губы слегка полуоткрыты и улыбаются. Она его влечетъ, какъ будто бы дразнитъ,

и въ то же время кажется совершенно чуждой его желаніямъ, замкнутой въ сферѣ невѣдомыхъ ему мыслей и настроеній. Онъ желалъ, чтобъ она могла открыто ему обрадоваться, чтобъ ея глаза не такъ смѣло смотрѣли на него, въ рѣчахъ была бы хоть тѣнь какой-нибудь скрытой мысли. Она такъ проста съ нимъ и въ то же время такъ далека. О чемъ она думаетъ сейчасъ?

— Елена Павловна, о чемъ вы изволили задуматься?—окликнулъ онъ ее и въ то же время почувствовалъ, какъ трепетные пальцы Данцовой украдкой подъ скатертью скользнули съ робкой лаской по его загорѣвшей сильной рукѣ. Онъ поймалъ ихъ и на мгновеніе крѣпко сжалъ.

— А вотъ смотрю на далекій бѣлѣющій парусъ и думаю: «а онъ, мятежный, ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой». И мнѣ кажется, что это вы.

— Никакъ нѣтъ-съ. Я ищу тихой пристани; не страшусь бури, но и не ищу ея.

Вечеромъ пошли въ городской садъ слушать симфоническій оркестръ. И Елена, и Данцова въ изящныхъ своей строгой простотой бѣлыхъ костюмахъ, въ громадныхъ шляпахъ съ перьями выдѣлялись красотой среди многолюдной и нарядной публики, и Башиловъ съ удовольствіемъ сопровождалъ ихъ. Елена была тонкимъ знатокомъ и очень любила музыку. Башиловъ серьезной музыки совершенно не понималъ и не любилъ. Елена это сейчасъ же замѣтила. Припомнивъ его пробѣлы въ знаніи французскаго языка, она начала въ своемъ умѣ рѣшать, къ какой категоріи людей по своему происхожденію могъ бы онъ принадлежать. Въ то время, какъ Елена вся отдавалась настроенію, вызванному красотой мелодій, которая съ отдаленнымъ прибоемъ волнъ по-

рождала фантастическіе образы и мечтанія, Башиловъ довольно открыто разсматривалъ публику и изрѣдка о чемъ-то переговаривался съ Данцовой. Боясь нарушать тишину, она отвѣчала ему едва уловимымъ шопотомъ.

Съ пріѣздомъ Башилова и благодаря великолѣпной погодѣ, дни замелькали веселой и разнообразной чередой. Каждый день предпринимали экскурсіи на пароходѣ или въ экипажѣ, и всѣмъ было очень весело. Евгенія Михайловна наслаждалась близостью Башилова, и каждая его мимолетная ласка въ видѣ пожатія руки наполняла ея благодарное сердце радостью и вознаграждало за цѣлое лѣто разлуки и за отсутствіе вѣстей. Елена наслаждалась природой, движеніемъ, обществомъ симпатичныхъ ей людей и разговаривала съ Башиловымъ, наблюдательный и острый умъ котораго дѣлалъ его очень интереснымъ компаньономъ, а Башиловъ, очень признательный Данцовой за ея необыкновенную выдержку, испытывалъ истинное удовольствіе въ обществѣ этихъ двухъ красивыхъ женщинъ, изъ которыхъ одна безгранично его любила и готова была съ какими угодно жертвами исполнять его малѣйшіе капризы, другая же его волновала и дразнила; очевидно, она ему симпатизировала, но было ли у нея въ душѣ что-нибудь больше, чѣмъ открыто выражаемая симпатія, онъ отгадать не могъ и не находилъ ни возможности, ни случая провѣрить это, такъ какъ Елена, будучи съ нимъ очень любезна и проста, умѣла держаться на разстояніи, сократить которое ему ни за что не удавалось. Не было ли это пріемомъ утонченнаго кокетства?—спрашивалъ себя Башиловъ и отвѣта не находилъ. Было рѣшено съ утра ѣхать въ Суукъ-су, съ тѣмъ, чтобы тамъ отобѣдать и при

лунѣ возвращаться обратно. Экипажъ наканунѣ былъ заказанъ, и Башиловъ, проснувшись утромъ, съ удовольствіемъ думалъ о перспективѣ провести весь день въ обществѣ Елены, которая зачастую послѣ завтрака сидѣла на своемъ балконѣ, занятая корреспонденціей или чтеніемъ и выходила только къ обѣду, какъ всегда, свѣжая, нарядная и оживленная. Спустившись къ утреннему кофе на террасу, онъ засталъ тамъ Евгенію Михайловну.

— Въ нашей сегодняшней экскурсіи будетъ маленькая перемѣна, — обратилась она къ Башилову, едва онъ сѣлъ къ столу, за которымъ она съ книгой въ рукахъ допивала свой кофе:—перемѣна очень пріятная для меня: Елена только что прислала мнѣ сказать, что она будетъ сопровождать насъ верхомъ. Я рада, Володя, мы будемъ одни въ экипажѣ...— чуть слышно добавила она, перелистывая книгу съ невозмутимо-спокойнымъ для посторонняго зрителя лицомъ.—Дорога дивная... будемъ возвращаться при лунѣ... я такъ благодарна Еленѣ за эту выдумку, но, можешь быть спокоенъ, я не выдала себя и сказала ей, что меня не занимаетъ и очень стѣсняетъ эта прогулка tête-à-tête съ тобой.

— Она такая любительница верховой ѣзды?

— Да, она часто здѣсь ѣздила.

— Съ проводникомъ?

— И съ проводникомъ.

— Рискованно. Развѣ Елена Павловна не знаетъ репутаціи здѣшнихъ проводниковъ?

— Видно, что ты мало ее знаешь. Ни проводниковъ, ни людскихъ пересудовъ она не боится. Помнишь нашъ разговоръ объ Еленѣ? Что жъ, права я или нѣтъ?

— Пожалуй, что права: въ ней слишкомъ много товарищескаго отношенія и потому, какъ женщина, она проигрываетъ. Думаю, что, дѣйствительно, ею увлечься трудно.

Вскорѣ былъ поданъ экипажъ; верховую лошадь для Елены привелъ высокій, стройный проводникъ-татаринъ въ круглой шапочкѣ, прекрасный типъ вымирающаго крымскаго поколѣнія, красивый, мрачный и величавый тѣмъ неподражаемымъ величіемъ и сознаніемъ своего достоинства, какимъ полонъ только крымскій татаринъ, будь онъ хоть самый захудалый продавецъ фруктовъ.

Елена была уже на лошади, стройная и интересная въ синей амазонкѣ, когда спустился изъ своей комнаты Башиловъ въ панамѣ, съ перекинутымъ на руку пальто.

— Здравствуйте, Владимиръ Ивановичъ,—перегибаясь на сѣдлѣ, Елена протянула ему руку:—надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ небольшого измѣненія въ нашей поѣздкѣ? Встрѣтила вчера вечеромъ Ахмеда, и онъ соблазнилъ меня: давно не ѣздила.

— Мое дѣло повиноваться и молчать.

— Скажите пожалуйста, что за кротость!

— Такъ вѣдь меня и не спрашивали.

— А если бы я спросила, развѣ вы запротестовали бы?

— Возможно-съ.

— Вы говорите серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Что же вы сказали бы?

— Я бы сказалъ, что не считаю себя польщеннымъ, что вы предпочли общество этого черномазаго татарина моему... потомъ я бы сказалъ, что гораздо для васъ приличнѣе сидѣть въ коляскѣ съ

благонравной кампаніей, чѣмъ гарцовать съ татарчукомъ, который пренахально на васъ смотритъ.

— При-лично... не-при-лично... Это вы мнѣ говорите?! Даже забавно слушать. Если я ѣду, значитъ, я это считаю приличнымъ, а какъ это кажется другимъ—я давно отвыкла заботиться... У меня сегодня такая потребность движенія, свѣта, воздуха, что никакія силы не заставили бы меня встать сейчасъ съ лошади.

— А если бы я хорошо попросилъ? такъ ласково, сердечно попросилъ бы?

— Ахъ, ради Бога, не пробуйте... лучше я уѣду... Вотъ и Женя идетъ... Ахмедъ!.. Впередъ... ну, Владимиръ Ивановичъ, догоняйте...

Елена тронула хлыстомъ лошадь и, смѣясь и поддразнивая Башилова, выѣхала на набережную, гдѣ сейчасъ же и остановилась, чтобъ не заставить Данцову ѣхать по людной набережной одной съ Башиловымъ; она повѣрила, что неожиданное tête-a-tête смущало подругу; та попрежнему говорила о Башиловѣ, какъ о человѣкѣ ей симпатичномъ, къ которому она относится съ благодарностью за любезное участіе въ ея дѣлѣ, и только.

Черезъ нѣсколько минутъ показался экипажъ, и Елена до самаго поворота въ гору ѣхала рядомъ съ ними, громко переговариваясь съ Данцовой. Публика съ интересомъ разсматривала красивую, ловко сидящую амазонку. Когда выѣхали за городъ на ровную дорогу вдоль высокаго берега моря, Елена опередила экипажъ. Проводникъ Ахмедъ, слегка нагнувшись впередъ, пустилъ своего скакуна вскачь, догналъ Елену, поровнялся съ ней, ударилъ ея лошадь хлыстомъ, и они понеслись навстрѣчу горамъ и ослѣпительно блиставшему солнцу и морю.

— А она сидитъ молодцомъ, — любуясь Еленой, проговорилъ Башиловъ.

— Она на лошади, какъ и въ жизни,—смѣлая и безстрашная, ей все нипочемъ.

— Дай Богъ, чтобъ шею не сломила.

— Гдѣ? Въ жизни или на лошади?

— И тамъ, и тамъ.

— Не думаю. Елена умна.

— А что умна, такъ это вѣрно.

Елена далеко уѣхала впередъ, и такъ какъ дорога все время заворачивала, то Башиловъ потерялъ ее изъ виду и почувствовалъ легкое раздраженіе. Ему было непріятно сознавать, что она, свободная, смѣлая и красивая, мчится одна съ какимъ-то проходимцемъ-татариномъ, такимъ же смѣлымъ и красивымъ, какъ и она, и что, конечно, въ эту минуту, среди роскошной опьяняющей природы, залитые блескомъ солнца, вдали отъ условностей и объединенные одинаковыми ощущеніями быстрой скачки, этотъ Ахмедъ-татаринъ ей и ближе, и нужнѣе, и, пожалуй, интереснѣе, чѣмъ онъ.

— А проводникъ—красавецъ!—проговорилъ онъ, продолжая вслухъ теченіе своихъ мыслей.

— А ты замѣтилъ его глаза? Поразительной красоты!

— Ну, что касается глазъ, такъ я замѣтилъ, что онъ очень нахально смотритъ... Чортъ знаетъ, что за безобразіе! Этакій хамъ, татарва, и смѣетъ такъ смотрѣть! Я слышалъ, ѣхавши на пароходѣ, что они тутъ чортъ знаетъ что продѣлываютъ съ дамами.

— И мы тоже слышали. Ну, что жъ, если эти дамы сами позволяютъ.

— Разумѣется. Дураки были бы, если бы не пользовались. Можетъ быть, и тебѣ хочется верхомъ ѣздить?

— Что за глупости!.. я ни съ проводникомъ, ни безъ проводника не ѣзжу. Не люблю, потому что трушу.

— Ну, а твоя подруга, какъ любитъ—съ проводникомъ?

— Володя, это зло...

— А, ты думаешь, что этотъ Ахмедъ ни при чемъ... Пожалуй, тутъ не совсѣмъ чисто...

— Ну, ужъ задала бъ тебѣ Елена, если бы услышала.

— А что, развѣ она сердитая?

— Нѣтъ, но она, можетъ быть, очень острая на языкъ. А, впрочемъ, иногда и вспыльчива, но рѣдко.

Башиловъ, спохватившись, что онъ слишкомъ много говоритъ объ Еленѣ, умолкъ, почувствовалъ себя не въ духѣ, разсѣянно сталъ слушать оживленную болтовню Данцовой и, чтобы оправдать свое настроеніе, сказалъ, что продолжительная ѣзда въ экипажѣ его слегка укачиваетъ.

— Бѣдненькій!

Данцова ласково просунула свою руку ему подъ локоть и на секунду нѣжно прижалась къ нему. Вслѣдъ за крутымъ поворотомъ экипажъ остановился, такъ какъ лошади Елены и проводника стояли на мѣстѣ и преграждали довольно узкую дорогу.

Елена, пустивъ поводъ, поправляла слегка растрепавшуюся прическу, Ахмедъ, подъѣхавъ вплотную, держалъ ея лошадь за луку сѣдла и, весь перегнувшись въ ея сторону, что-то весело разсказывалъ, смѣясь и блистая ослѣпительной бѣлизной красивыхъ ровныхъ зубовъ.

Башилова передернуло. Въ свободной позѣ татарина, слишкомъ близко нагнувшагося къ стройной фигурѣ Елены, ему почуялась какая-то непозволительная вольность, почти интимность.

— Что случилось? — крикнулъ онъ.

— Волосы растрепались.

— Чтожъ такъ скоро?

— Скверно подколола.

— Прикажете помочь?

— Благодарю васъ... Я уже поправила.

Башилову очень хотѣлось сказать Еленѣ что-нибудь непріятное и насмѣшливое, но онъ сдержалъ себя.

— Да вы поѣзжайте впередъ, мы васъ догонимъ,— говорила Елена, натягивая краги.

— Разрѣшите намъ ѣхать вмѣстѣ... мы подождемъ васъ, спѣшить вѣдь некуда.

Данцова и Башиловъ пріѣхали въ Суукъ-Су слегка утомленные, Елена же бодро и весело соскочила съ сѣдла, ласково потрепала по шеѣ низкорослаго послушнаго иноходца и, не слыша зова Евгеніи Михайловны, на минуту задержалась подлѣ лошадей, продолжая разговоръ съ проводникомъ.

— Позвольте вашу руку, — неожиданно раздался подлѣ нея голосъ Башилова.—Мы съ Евгеніей Михайловной совершенно забыты вами и тщетно васъ зовемъ и ждемъ, чтобы итти въ курзалъ обѣдать.

— Дѣйствительно, я не слыхала вашего зова.

— Кажется, и вы отдаете должную дань красотѣ татарскаго племени... У вашего проводника такіе огненные взоры...

— Ахмедъ очень красивъ. Поразительно благородный типъ.

— Что же, Елена Павловна, можетъ быть, и вы слѣдуете крымскимъ правиламъ?

— Я васъ не понимаю.

— Ну, ужъ будто бы? Что жъ, Ахмедъ—красавецъ, и природа здѣсь такая опьяняющая, что...

— Владимиръ Ивановичъ, еще одно слово, и я не поручуть, что этотъ хлыстъ не опустится на васъ.

— Ну, виноватъ. Простите, коль ошибся.

— Если будете такъ ошибаться, то вѣдь мы можемъ и поссориться.

Обѣдали въ небольшомъ нарядномъ курзалѣ. Оркестръ, расположенный на ярко освѣщенной эстрадѣ, такъ громко игралъ, что заглушалъ разговоры. Послѣ обѣда пошли на пляжъ, прокатились на лодкѣ къ Пушкинскому гроту, любовались заходомъ солнца и, когда изъ тихихъ водъ, подернутыхъ первой дымкой сумерекъ, стала медленно всплывать луна, тронулись въ обратный путь.

— Отправьте вашу лошадь съ проводникомъ и садитесь-ка лучше съ нами; что за охота въ темнотѣ ѣхать,—направляясь къ экипажу, посовѣтовалъ Еленѣ Башиловъ. Ему хотѣлось смотрѣть на ея лицо, озаренное луной, чувствовать ея близость и слышать низкія ноты ея красиваго мягкаго голоса.

— Нѣтъ, Владимиръ Ивановичъ, я не могу отказать себѣ въ наслажденіи проѣхаться верхомъ при лунѣ. Вы увидите, что будетъ за красота.

Башиловъ не умѣлъ владѣть собою; если что-нибудь дѣлалось противъ его желанія, онъ становился молчаливъ и угрюмъ. До сихъ поръ жизнь его складывалась такъ, что женщины не только уступали ему, но зачастую шли навстрѣчу его желаніямъ, подчиняясь его властному вліянію; въ Еленѣ онъ встрѣтилъ первую, которая, казалось, не замѣчала его осторожныхъ, но достаточно ясныхъ шаговъ къ ней навстрѣчу и оставалась безразлична къ выраженнымъ съ его стороны желаніямъ, какъ, напримѣръ, сейчасъ; за эти пять-шесть дней, что онъ былъ здѣсь, онъ ни разу не подмѣтилъ въ ней желанія побыть съ нимъ

наединѣ. Его это сердило и дразнило, такъ какъ онъ не терпѣлъ загадокъ, а тѣмъ болѣе въ отношеніяхъ съ женщинами, гдѣ привыкъ быстро побѣждать и подчинять своей волѣ.

— Ты, кажется, не въ духѣ?—робко спросила Данцова, послѣ продолжительнаго молчанія.

— Закачиваетъ... Ко сну клонитъ,—неохотно отвѣтилъ Башиловъ.

— Только, ради Бога, не спи. Такія дивныя картины, мнѣ будетъ обидно, если ты не увидишь.

Башиловъ съ трудомъ пересилилъ себя, чтобы поддерживать разговоръ. Елена сильно отстала, онъ внутренно досадовалъ на нее и сердился на себя, что не сумѣлъ съ первыхъ же шаговъ «прибрать ее въ руки» и теперь долженъ изощряться и искать удобныхъ моментовъ, чтобы притянуть ее къ себѣ и подчинить своему вліянію.

II.

Хоть онъ слышалъ отъ Данцовой о неуязвимости Еленинаго сердца, но, разумѣется, ни минуту этому не вѣрилъ, и мысль, что проводникъ-татаринъ можетъ въ видѣ пикантнаго эпизода войти въ ея жизнь, не казалась ему неправдоподобной; онъ вполнѣ ее допускалъ въ примѣненіи къ какой-угодно женщинѣ, не исключая и Елены. Башиловъ къ женщинамъ относился очень снисходительно, потому что удѣлялъ имъ только часы отдыха и искалъ въ ихъ обществѣ забаву и удовольствіе, но не питалъ къ нимъ ни на іоту уваженія и никогда не думалъ о нихъ съ чистыми помыслами. И теперь, покачиваясь на мягкихъ рессорахъ коляски и думая объ Еленѣ, онъ чувство-

валъ себя недовольнымъ, не столько отъ того, что лишенъ ея общества, сколько отъ мысли, что, быть можетъ, татаринъ Ахмедъ обнимаетъ гибкій станъ, который ему самому хочется обнять, и цѣлуетъ уста, которыя волнуютъ его своею, конечно, кажущейся для него, недоступностью. Подъѣхали къ «Россіи» и вышли изъ экипажа; такъ какъ Елены все еще не было, то Данцова просила Башилова обождать Елену внизу и передать ей, что она сильно устала, отказывается отъ чая, на музыку въ садъ не пойдетъ, какъ было условлено, а сейчасъ же подымается къ себѣ въ комнату и ложится спать. Минутъ черезъ двадцать Башиловъ заслышалъ съ террасы топотъ коней по опустѣлой набережной и пошелъ къ крыльцу, чтобы встрѣтить Елену.

— Очень жаль, что Женя такъ устала; я совсѣмъ не утомлена и разсчитывала пройтись, чтобы размять ноги.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Въ такомъ случаѣ, заказывайте чай, я сейчасъ переодѣнусь, и мы выйдемъ.

Неожиданно сама судьба давала Башилову возможность прозондировать почву и дать мыслямъ Елены желаемое направленіе.

— Вотъ и я. Ахъ, какой божественный вечеръ! Что за красота! да вы оглянитесь на море...

— Сперва будемте чай пить. Извольте садиться. Неужели не устали? Вотъ молодецъ!

Башиловъ сѣлъ противъ нея. Освѣщенная яркимъ электрическимъ свѣтомъ, Елена была очень интересна въ небольшой сѣрой шляпкѣ и такомъ же длинномъ шелковомъ pardessus.

Въ эту минуту Башиловъ нашелъ, что ея лицо съ не совсѣмъ правильными чертами интереснѣе клас-

сической красоты Евгеніи Михайловны. Послѣ чаю онъ поднялся первый.

На набережной, освѣщенной голубымъ сіяніемъ луны, было тихо и пусто. Стройная фигура Елены выдѣлялась легкимъ силуэтомъ рядомъ съ грузной, плотной и широкоплечей фигурой Башилова.

Елена молча наслаждалась необъятной картиной морского простора.

— Вы любите природу?—прервала она молчаніе.

— Люблю-съ.

— Отчего я этого въ васъ не чувствую?

— Вѣроятно, потому, что въ любви къ природѣ, какъ и во всемъ остальномъ, я очень уравновѣшенъ и не кричу о своихъ восторгахъ.

Они шли нѣсколько минутъ молча. Башиловъ не находилъ предлога, чтобы завязать разговоръ на желаемую тему.

— Очень жаль, что Женички съ нами нѣтъ: такая феерическая ночь!

— Что касается меня, то я совершенно удовлетворенъ вашимъ обществомъ и радъ мирно и наединѣ побесѣдовать съ вами.

— На этотъ разъ я, кажется, буду плохой собесѣдницей: меня захватываетъ вся эта красота и не хочется говорить о прозѣ.

— Попробуйте говорить о поэзіи.

— Думаю, что съ вами это плохо выйдетъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Вы мнѣ представляетесь человѣкомъ очень реальнаго направленія.

— Въ этомъ вы не ошиблись, но зачѣмъ же исключать во мнѣ любовь къ поэзіи и поэтическому настроенію, которымъ именно въ эту минуту я охваченъ болѣе, чѣмъ когда-либо...

Опять Елена умолкла; ни слова не говоря, дошли до конца Александровскаго сквера, спустились къ пляжу и сѣли на скамейку близъ самаго моря. Елена, облокотясь о спинку скамьи, сидѣла вполоборота къ Башилову и, повинуясь приливу благоговѣйнаго поклоненія природѣ, не хотѣла нарушать молчанія. Башиловъ протеръ пенснэ, снялъ котелокъ, положилъ его рядомъ на скамью и, опираясь ладонями на набалдашникъ трости, сталъ смотрѣть на Елену смѣющимися глазами.

— Прибавьте къ моимъ недостаткамъ, которыми вы такъ щедро изволите меня награждать, еще одинъ— настойчивость. Вамъ угодно молчать, а я хочу съ вами говорить именно сейчасъ и потому вопреки желанію нарушу ваше созерцательное настроеніе. Скажите мнѣ, отчего вы такъ упрямы?

— Я упряма? Когда же вы это замѣтили?

— Сегодня. Отчего вы не захотѣли сѣсть съ нами въ экипажъ, когда я просилъ васъ?

— Во-первыхъ, вы не просили, а предложили, а, во-вторыхъ, я же вамъ говорила, что мнѣ хотѣлось проѣхаться при лунѣ.

— Елена Павловна, вы не искренни...

Башилову хотѣлось допытаться, не было ли у Елены скрытаго желанія доставить подругѣ удовольствіе прокатиться наединѣ съ нимъ, и не была ли вся эта верховая ѣзда придумана съ этой цѣлью? Ему не разъ приходило въ голову, что Данцова ошибается, воображая, что она обманываетъ Елену, которая изъ деликатности и любви къ подругѣ хитритъ и притворяется, что ничего не знаетъ и не замѣчаетъ.

— Владиміръ Ивановичъ, да что съ вами? Почему я могла быть не искренней? Даю вамъ честное слово, вы слышите—честное! что я думала только о своемъ

удовольствіи, когда отклонила ваше предложеніе. Я никогда не хитрю, это не въ моемъ характерѣ. Помнится, весной вы протянули мнѣ руку съ предложеніемъ союза взаимнаго довѣрія, и первый же его нарушаете; вотъ и вѣрь вамъ послѣ этого!

Въ тонѣ Еленинаго голоса было столько искренности, что Башилову стало ясно, что его предположеніе ошибочно. «Тѣмъ лучше»,—подумалъ онъ про себя, и его обычное хорошее настроеніе вернулось сразу.

— Виноватъ, очень виноватъ передъ вами, каюсь, прошу прощенія. Значитъ, миръ?

— Миръ... я неспособна враждовать въ такую ночь.

Башиловъ набралъ горсть камешковъ и сталъ бросать ихъ въ море; вода при каждомъ паденіи всплескивала искрящимися брызгами, и небольшіе, постепенно вдаль расширяющіеся круги переливались и серебрили почти неподвижную поверхность морской глади. Море, казалось, тихо, дремотно дышало; чуть слышный плескъ набѣгавшей къ берегу теплой волны, лаская, перебиралъ мелкіе камешки и, влажные, они блестѣли подъ лучами луны, пока издалека, изъ глубокихъ лонъ не прибѣгала, точно крадучись, новая и новая волна и, орошая ихъ своей соленой влагой, то увлекала за собой, то убѣгала отъ нихъ.

— Мнѣ вспомнились слова красиваго романса, вы знаете его? «Былъ теплый вечеръ, мы вдвоемъ на берегу сидѣли...»

— Еще бы... «Луна и звѣзды и весь міръ въ блаженствѣ потонули», вполголоса запѣла Елена.

«Я помню, какъ рука твоя моей руки коснулась...» чуть слышно продекламировалъ Башиловъ, положивъ свою руку на руку Елены, тихонько сжалъ ее и сейчасъ же оставилъ.

— Если бы я здѣсь сидѣлъ не съ вами, прелестная и строгая «уника», то романсъ этотъ не пришелъ бы мнѣ въ голову.

— Не говорите необдуманныхъ словъ, Владиміръ Ивановичъ, потому что у меня прекрасная память, и я могу ихъ не забыть. Помните, вы разсказывали мнѣ объ одной дамѣ?...

— Да, я это помню и, кажется, докладывалъ вамъ, что съ тѣхъ поръ сталъ очень остороженъ и никогда не говорю того, чего не испытываю, а если и говорю, то, во избѣжаніе ошибки, гораздо менѣе, чѣмъ хотѣлъ бы сказать.

— Какъ, однажды, на балу, такъ и теперь я вамъ повторяю, что вы легко поддаетесь настроенію.

— Не настроенію, а обаянію, и не только на балу и теперь, но даже и на разстояніи это обаяніе меня не покидало; въ далекой утомительной командировкѣ я былъ подъ его властью. Такое состояніе души для меня ново; волнуетъ и даже пугаетъ меня...

— Владиміръ Ивановичъ, — вдругъ перебила его Елена: — помнится, я кое-что разсказала вамъ изъ интимной жизни Александра Александровича Рихтера? Такъ вотъ я сдѣлаю еще добавленіе: въ то время, какъ онъ продолжалъ свою многолѣтнюю связь съ вліятельной дамой въ опасномъ возрастѣ (которая и поставила его на рельсы) и подъ сурдинку, но очень упорно ухаживалъ за одной состоятельной и пикантной барышней, добиваясь ея руки, въ то же время онъ очень искренно увлекался актрисой и дарилъ ей немало своего свободнаго времени. Представьте себѣ, что каждая изъ этихъ трехъ женщинъ воображала, что онъ исключительно и всецѣло принадлежитъ ей. Когда я еще съ вами не была знакома, то одна дама, какъ-то вскользь упомянувъ вашу фамилію, добавила,

что подобно Рихтеру вы способны вести игру съ тремя и хоть съ десятью женщинами. Скажите, это вѣрно?

— Однажды я былъ съ вами очень откровененъ, Елена Павловна, и разсказывалъ вамъ мою жизнь, въ которой женщины занимали всегда очень мало мѣста. Позвольте теперь и мнѣ напомнить вамъ о нашемъ союзѣ, основанномъ на взаимномъ довѣріи. Кто эта дама, снабдившая васъ такими дикими свѣдѣніями,—я не знаю, но языкъ у нея зловредный. «Эта дурища Людомирова и тутъ постаралась»,—въ то же время подумалъ онъ про себя.

— Вы разсердились? — спросила Елена послѣ воцарившагося молчанія.

— Нѣтъ, но услышать это отъ васъ мнѣ было очень больно. Я чувствую, что вы стали въ какую-то оппозицію противъ меня. Нѣтъ человѣка, Елена Павловна, про котораго не говорили бы скверно, отъ этого не убережешься; я не особенно и протестую, но очень благодаренъ, что вы захотѣли провѣрить эти толки, откровенно ихъ мнѣ пересказавъ. Я, видите ли, никогда не лгу и никогда не ухаживаю за женщинами исподтишка, по той простой причинѣ, что никогда ничего имъ не обѣщаю и потому не даю на себя никакихъ правъ. Если бы мнѣ вчера нравилась одна, а сегодня другая, то я не вижу причины дѣлать изъ этого секретъ. Вы, конечно, понимаете, что о связяхъ не говорятъ, потому что это тайна женщины. Но связей у меня и не бывало, кромѣ одной, о которой я вамъ упоминалъ.

— Не будемъ больше говорить на эту тему, Владимиръ Ивановичъ, я совсѣмъ не хочу, чтобъ вы подумали, что я позволяю себѣ проникать въ вашу интимную жизнь.

— Ну, вотъ опять! На каждый шагъ, что я дѣлаю къ вамъ, вы, прелестная уника, сейчасъ же дѣлаете два назадъ, какъ будто бы хотите увеличить разстояніе, насъ отдѣляющее.

— Вѣрьте мнѣ, что это происходитъ случайно и безъ всякой предвзятой съ моей стороны мысли.

— Спасибо вамъ за эти слова. Я такъ хотѣлъ бы, Елена Павловна, чтобъ это разстояніе постепенно сокращалось.

— Для чего?

— Чтобы я могъ, наконецъ, совсѣмъ близко привлечь васъ къ себѣ.

— Это что же такое? Признаніе?... Елена посмотрѣла въ глаза Башилова.

— Называйте, какъ вамъ угодно. Я не влюбленъ въ васъ—это слишкомъ мелкое чувство и для васъ, и для меня; назвать его любовью слишкомъ рано, но меня влечетъ къ вамъ все больше и больше, и въ вашей власти придать моимъ чувствамъ для васъ желаемую форму. Вдумайтесь, Елена Павловна, не тотъ ли я человѣкъ, который сможетъ вложить въ вашу, какъ вы однажды выразились, пустую и ненужную жизнь смыслъ и цѣль; вы ловки, умны и красивы; въ васъ есть все, чтобы сдѣлаться подругой человѣка, который съ поднятымъ забраломъ смѣло идетъ завоевывать свое счастье. Въ женщинѣ мнѣ нуженъ другъ и товарищъ, совѣтникъ и заговорщикъ. Не сочтите цѣль моей жизни эгоистичной и мелкой. Я стремлюсь достигнуть высшихъ ступеней карьеры не для того, чтобы злоупотреблять своей властью, какъ это указывалъ весной вашъ убѣжденный знакомый, а съ исключительной свѣтлой цѣлью освѣтить темные углы нашихъ законодательныхъ пробѣловъ, чтобы силой власти и слова поднять престижъ пра-

вительственнаго авторитета, чтобы силой моей энергіи поддержать прогрессъ либерально-гуманнаго направленія, а не тормозить его. Повѣрьте мнѣ, что власть и почва подъ ногами окрылятъ мою мысль, а не опьянятъ.

Башиловъ такъ вдохновился красотой высказываемыхъ идей, что твердо вѣрилъ тому, что говорилъ, забывъ всю силу своего жестокаго эгоизма, своей ненависти къ тѣмъ, кто не раздѣлялъ его убѣжденій, забывъ, что властолюбіе и заносчивость составляли отличительныя черты его характера. Машинально онъ всталъ со скамьи, подошелъ къ морю такъ близко что набѣжавшая волна тихонько лизала край его ботинокъ, и, бросивъ камешекъ въ море, указалъ на расплывающіеся круги.

— Это моя воля. Видите, какъ постепенно расширяются круги и захватываютъ спокойную гладь.

Неожиданно для самой себя, подхваченная и наэлектризованная сильной рѣчью Башилова, Елена встала тоже, подняла горсть крупныхъ камней и, съ силой далеко забросивъ ихъ въ море, посмотрѣла на Башилова.

— А это моя воля...

Морская гладь испещрилась отчетливыми, колеблющимися, быстро разрастающимися кругами, которые расплывались все дальше и дальше, захватывая и поглощая круги отъ раньше брошеннаго камня. И отъ Елены вѣяло силой скрытой несомнѣнной воли. Мгновенно то разстояніе, о которомъ онъ говорилъ нѣсколько минутъ тому назадъ, сократилось настолько, что Башилову казалось возможнымъ сейчасъ же, сію минуту протянуть руки и прижать ее къ своей груди, и опять онъ поборолъ себя, инстинктивно сознавая, что завоевать Елену можно выдержкой, а не порывомъ.

— Такъ вы вотъ какая, Елена Павловна!—воскликнулъ онъ, и въ этомъ возгласѣ звучало восхищеніе.—Теперь вамъ должно быть понятно мое вамъ поклоненіе: сила влечетъ силу.

— Да, да, въ этомъ вы правы; я тоже люблю силу...

На другой день, проснувшись рано и распахнувъ дверь террасы, Елена была удивлена видомъ помутившагося неспокойнаго моря и затуманившагося неба; утро было сѣрое; надъ головами низко рѣяли облака. Вскорѣ вошла Данцова, и было рѣшено не предпринимать никакой экскурсіи въ виду возможности дождя. Данцова вскользь освѣдомилась, была ли Елена вчера, по своемъ возвращеніи въ городскомъ саду на музыкѣ, или же послѣдовала ея примѣру. Елена пожалѣла вслухъ, что ея подруга не вышла вмѣстѣ съ ними полюбоваться на освѣщенное луной море.

— Странныя у тебя фантазіи, Елена: то ты отказываешься ѣхать съ нимъ въ экипажѣ, то идешь ночью съ нимъ же гулять.

Въ словахъ подруги звучала острая нота раздраженія, и Елена въ удивленіи смотрѣла на нее, не находя возраженія.

— Что ты на меня такъ смотришь? Развѣ я не права? Данцова криво усмѣхалась.

— Я не знала, Женя, что моя прогулка можетъ быть тебѣ непріятной, иначе я не пошла бы.

— Я говорю не о себѣ, а о тебѣ; съ чего ты взяла, что мнѣ непріятно? Совершенно безразлично... И Евгенія Михайловна быстро перемѣнила тему разговора. У Елены закралось подозрѣніе, что Евгенія Михайловна не совсѣмъ равнодушна къ Башилову и ей припомнились подтверждающія это слова Людомировой. Она рѣшила при первомъ же удобномъ случаѣ вызвать пріятельницу на откровенность. По привычкѣ

ли къ выдержкѣ, или изъ чувства деликатности по отношенію Башилова она не передала ей о своемъ разговорѣ съ нимъ, который оставилъ въ ней какое-то необъяснимое чувство безпокойства не то за себя, не то за нарушенную гармонію простыхъ отношеній. Вчера она была такъ утомлена, что, вернувшись въ комнату, немедленно легла въ кровать и тотчасъ же заснула, не успѣвъ разобраться въ томъ, что она неожиданно услышала отъ него, и тѣмъ сильнѣе, едва она проснулась сегодня, охватило ее воспоминаніе всего имъ наканунѣ сказаннаго. Она чувствовала потребность ясно опредѣлить и свои отношенія къ Башилову, и то впечатлѣніе, которое вызывали въ ней его слова. Она не хотѣла его видѣть раньше, чѣмъ сама не разберется въ хаосѣ неожиданныхъ впечатлѣній, и потому съ радостью остановилась на пришедшей ей въ голову мысли опять ѣхать верхомъ, и тѣмъ болѣе, что эта поѣздка не нарушала ничьихъ плановъ. Не прошло и часу, какъ передъ подъѣздомъ стояла верховая лошадь и красавецъ Ахмедъ одергивалъ и тщательно расправлялъ Еленину амазонку. Ахмедъ былъ гордый татаринъ, привыкшій къ поклоненію пріѣзжихъ дамъ, и его удивляло отношеніе Елены, которая не разъ ѣздила съ нимъ въ одиночку, что, сообразно крымскимъ нравамъ, должно было обозначать желаніе его общества; однако она держалась съ нимъ хоть и просто, но строго, не замѣчала пламени его черныхъ очей, не восхищалась его красотой и не заводила съ нимъ безконечныхъ разговоровъ; когда они выѣхали въ горы, Елена, все время молчавшая, обратилась къ проводнику:

— Ахмедъ, поѣзжай сзади, я хочу быть одна,—и, ударивъ лошадь хлыстомъ, почти всю дорогу до Гурзуфа ѣхала въ одиночествѣ. Ахмедъ обидѣлся и презрительно повелъ плечами.

— Поэзжай хоть на Читыръ-Дагъ одна, мэнэ все равно.

Башиловъ, спустившись на террасу и узнавъ отъ лакея, что Елена уѣхала верхомъ, мгновенно почувствовалъ приливъ такого раздраженія и даже гнѣва, что поспѣшилъ уйти одинъ на набережную, чтобы совладать съ собой и не встрѣчаться съ Евгеніей Михайловной, съ которой ему не хотѣлось ни видѣться сейчасъ, ни разговаривать. Онъ долго и безцѣльно бродилъ. Наконецъ, усѣвшись въ павильонѣ надъ моремъ, велѣлъ подать себѣ завтракъ, развернулъ газету и долго просидѣлъ въ одиночествѣ надъ разволновавшимся моремъ.

Пошелъ дождь. Башиловъ неохотно вернулся въ гостиницу. Обѣдали въ столовой «Россіи», не дождавшись Елены.

— Бѣдная Елена, она, навѣрное, пережидаетъ дождь въ Гурзуфѣ. Напрасно такъ далеко поѣхала, я ей говорила, что поѣздка сегодня рискованна.

— Умная женщина, а шалая.

Раздраженіе Башилова росло съ каждымъ часомъ; онъ не владѣлъ собой и потому тотчасъ же послѣ обѣда удалился въ читальню подъ предлогомъ написать нѣсколько дѣловыхъ писемъ.

— Дождикъ пересталъ, я иду гулять; передай Еленѣ ея корреспонденцію и приходи съ ней въ садъ на музыку, я буду тамъ васъ ожидать.

Данцова положила подлѣ Башилова нѣсколько писемъ для Елены и, пользуясь тѣмъ, что читальня была пуста, быстро наклонилась и поцѣловала его въ голову.

— Хорошо приду, когда письма окончу, а твою Елену дожидаться рискованно: кто ее знаетъ, когда вернется и куда заѣхала со своимъ Ахмедомъ!

Данцова разсмѣялась.

— Чего добраго,—пошутила она.

Башиловъ съ сердцемъ отбросилъ перо и вскочилъ со стула, едва Евгенія Михайловна скрылась за дверью.

— Чортъ знаетъ что такое!.. Заложивъ руки за спину, онъ сталъ грузно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Если она изъ тѣхъ дамъ, которыя наполняютъ свою безцѣльную жизнь пошлыми эпизодами съ крымскими проводниками, то что ему за дѣло до ея ума и ловкости; значитъ, пустая бабенка и тратить на нее время нѣтъ смысла... А кажется и серьезной, и разумной... Чортъ ихъ знаетъ, этихъ бабъ! И чего ради онъ волнуется и портитъ себѣ кровь?!.. Мало ли женщинъ?! Только захотѣть... А жаль, жаль, если она не такая, какъ ему казалось. Можно было бы приручить и, кто знаетъ, недюжинная по уму, она была бы разумной подругой и поддержкой въ трудной борьбѣ... Башиловъ посмотрѣлъ на часы: восемь часовъ... одна съ татариномъ гдѣ-то по горамъ носится... очень эмансипированная особа, если только не жрица свободной демократической любви... А ловка! Вѣдь до сихъ поръ не разгадалъ, съ кѣмъ дѣло имѣю... Ухъ, прибралъ бы къ рукамъ!.. Дерзка... Власти надъ собой не испытала!..

Только что Башиловъ хотѣлъ взяться за перо, какъ въ дверяхъ показалась Елена. Подхвативъ амазонку и держа хлыстъ лѣвой рукой, она подошла къ Башилову и привѣтливо протянула ему правую руку. Лицо ея разгорѣлось, волосы слегка выбивались короткими завитками изъ-подъ котелка, глаза, оживленные и блестящіе, смотрѣли смѣло и весело.

— Здравствуйте, Владимиръ Ивановичъ. А гдѣ же Женя? Не знаете?

— Ждетъ насъ на музыкѣ,—отвѣтилъ Башиловъ, пристальнымъ взглядомъ разсматривая Елену.

— Фу, устала!.. Ноги болятъ...

Елена опустилась рядомъ на кресло и вся вытянулась, опершись головой о спинку.

— А, что это? Кажется, мои письма?.. Что же вы молчите?

— Виноватъ, забылъ-съ... Евгенія Михайловна поручила передать.

— А-а, есть и отъ Юрьева... простите, Владиміръ Ивановичъ, я наскоро пробѣгу: интересно, что съ нимъ творится.

Елена вскрыла конвертъ, надписанный крупнымъ сжатымъ почеркомъ, и стала читать. Вдругъ Башилову вспомнилось, какъ еще весной Данцова передавала ему, что Людомирова, добиваясь вывѣдать отъ нея, нѣтъ ли у Елены серьезнаго романа съ Юрьевымъ, разсказывала, что Елена проводитъ у него вечера.

— Смѣшно слушать эту ерунду,—добавила тогда Евгенія Михайловна,—какъ ни странно, но, положительно, Елена состарится и въ жизни у нея не бубудетъ ни одного романа.

— А замужъ какъ же вышла?—спросилъ онъ Евгенію Михайловну.

— И замужемъ была безъ романической подкладки, это я знаю навѣрное.

Теперь Башилову вспомнился этотъ разговоръ и, видя въ рукахъ Елены письмо отъ Юрьева, онъ съ ироніей подумалъ о недальновидности Данцовой. «Хоть Людомирова и сплетница, а въ этихъ дѣлахъ, видно, опытна: пронюхала вѣдь про меня и Евгенію Михайловну, и про Юрьева, вѣрно, на спроста болтаетъ», думалъ про себя Башиловъ, глядя на Елену

сквозь пенсне недружелюбнымъ и тяжелымъ взглядомъ.

— Что вы на меня такъ смотрите, Владимиръ Ивановичъ?—внезапно спросила Елена, поймавъ его взглядъ.

— А вы зачѣмъ же опять изволили съ Ахмедомъ уѣхать? Это какъ же прикажете понимать? Какъ отвѣтъ на мои вчерашнія слова?..—неожиданно для него самого сорвалось съ устъ Башилова, и въ тонѣ голоса звучало столько раздраженія, что Елена машинально отложила письмо и посмотрѣла на него глазами, полными удивленія.

— Опять Ахмедъ? При чемъ тутъ Ахмедъ?

— Да, ужъ чего краснорѣчивѣе, Елена Павловна! Вашей сегодняшней поѣздкой вамъ какъ будто бы угодно было подчеркнуть, что мои вчерашніе полушутливые намеки насчетъ проводника имѣютъ...

— Замолчите!.. Не смѣйте забываться!..—Елена вспылила, выпрямилась и гнѣвно ударила хлыстомъ по столу.

— Бросьте вашъ хлыстъ!.. Башиловъ въ то же мгновеніе протянулъ руку и злобно отшвырнулъ его въ сторону.

— Владиміръ Ивановичъ, да вы съ ума сошли! Какое вы имѣете право?

— Какія тутъ права?! Скажите слово, и завтра же уѣду и никогда не встрѣтимся; поступокъ вашъ—равносиленъ насмѣшкѣ. Отчего вы не сказали вчера же, что...

— Да вотъ именно: чего я не сказала вчера? Что я сегодня верхомъ поѣду? Такъ я и сама этого не знала. Поѣхала, чтобы одной побыть и подумать обо всемъ, что отъ васъ же вчера слышала. Я никакъ не ожидала, что вы такъ несдержаны. Что съ вами?

— Елена Павловна, сядьте.

— Не хочу.

— Елена Павловна, не злите меня. Долженъ вамъ сознаться, что, когда на меня нахлынетъ горячая волна гнѣва, вотъ какъ сейчасъ, я теряю волю и могу чортъ знаетъ что натворить. Не злите же. Сядьте и поговоримте.

И дѣйствительно, поблѣднѣвшее лицо Башилова съ глазами, принявшими стальной блескъ, показалось Еленѣ неестественно возбужденнымъ и, опасаясь бурнаго столкновенія, она, овладѣвъ собой, съ кажущимся спокойствіемъ снова опустилась въ кресло.

— Елена Павловна, поняли ли вы мои вчерашнія слова и подумали ли о томъ, что я желалъ бы услышать на нихъ хоть какой-нибудь отвѣтъ?

— Очень серьезнаго значенія я имъ не придала, но, повторяю вамъ, уѣхала, чтобы подумать наединѣ, и сегодня же вечеромъ хотѣла возобновить нашъ разговоръ, но ваши циничныя подозрѣнія отбили у меня всякую охоту говорить съ вами.

— Циничныя?! А вамъ не угодно было подумать, Елена Павловна, о томъ, что публика судитъ по наружнымъ фактамъ и ваши поѣздки à deux съ красавцемъ-татариномъ вызываютъ циничные толки; вамъ хорошо извѣстно, что, благодаря распущенности здѣшнихъ нравовъ, достаточно одной поѣздки съ проводникомъ, чтобы начались чортъ знаетъ какія догадки; вы же изволили съ нимъ кататься слишкомъ часто...

— Никакого мнѣ нѣтъ дѣла, Владимиръ Ивановичъ, ни до нравовъ Крыма, ни до глупыхъ толковъ всей публики.

— Такъ-съ! Ну, а мнѣ есть дѣло, потому что эти толки касаются васъ, да, кромѣ того, поймите же и

меня. Вѣдь я васъ не настолько знаю, чтобы быть увѣреннымъ, что эти кавалькады...

— Такъ вы по крайней мѣрѣ хоть бы молчали, если въ васъ нѣтъ достаточно чутья, чтобы распознать, съ кѣмъ вы имѣете дѣло.

— Никакъ нѣтъ-съ, Елена Павловна, я всегда предпочитаю знать дѣло на чистоту, чѣмъ молчать. Я люблю прямые пути—они ближе къ цѣли, и потому прошу васъ выяснить мнѣ положеніе, которое я занимаю по отношенію къ вамъ, принявъ во вниманіе все, что я вамъ вчера сказалъ. Намъ другъ друга бояться нечего; мы оба достаточно смѣлы-съ.

Наступило молчаніе. Башиловъ нетерпѣливо ждалъ отвѣта; Елена, совершенно справившись съ минутной вспышкой гнѣва, спокойно обдумывала свой отвѣтъ, и легкая улыбка скользнула у нея по губамъ, когда она наконецъ заговорила:

— Помнится, вы уже однажды сказали мнѣ, что я очень смѣла, и вы не ошиблись. Я буквально ничего и никого не боюсь, и въ силу этого, если бы Ахмедъ дѣйствительно сумѣлъ завладѣть моимъ сердцемъ, то ни одной минуты я не сочла бы нужнымъ скрываться и не боялась бы ни скандала, ни злословій; но тогда онъ ужъ не могъ бы быть проводникомъ, и я не заставляла бы его въ роли лакея приводить ко мнѣ лошадей, скакать позади меня и два часа ожидать на дождѣ, пока я въ курзалѣ обѣдаю и слушаю музыку. И довольно! Этотъ вопросъ исчерпанъ. Я свободна, очень свободна, гораздо больше, чѣмъ вы предполагаете; не даромъ же я провела четыре года въ студенческой средѣ, изъ которой выдѣлилось не мало передовыхъ умовъ, и имѣю полное право любить кого мнѣ угодно и какъ мнѣ угодно, не считаясь со вкусами и іезуитскими

условностями общества, но... я ровно никого не люблю, и сердце мое свободно и пусто. Я никогда не любила, и никогда не испытывала страсти и желаній; моей натурѣ это чуждо, и я далека отъ мысли искать ихъ.

— Какъ! вашей натурѣ чужды страсти?—Башиловъ разсмѣялся.—Довольно на васъ посмотрѣть, поговорить съ вами, чтобы вывести противоположное заключеніе... Если вы говорите правду, то, значитъ, не нашлось подходящаго партнера, чтобъ разбудить васъ. Ну, а если бъ нашелся?.. Вы отъ него не убѣжали бы?

— Нѣтъ, навѣрное, нѣтъ.

— Такъ вотъ видите-съ, Елена Павловна, на повѣрку выходитъ, что мы съ вами въ очень схожихъ положеніяхъ: отрекаться и кривить душой, будто бы страсти и мнѣ невѣдомы, не стану; конечно, я подпадалъ, и даже не разъ, подъ ихъ власть, любви же до сихъ поръ не зналъ и не искалъ. Но вотъ на горизонтѣ моемъ появилась женщина, во власти которой, думается мнѣ, можетъ быть все мое сердце, умъ и всѣ помыслы. Эта женщина мнѣ представляется тѣмъ идеаломъ подруги и товарища, котораго до сихъ поръ я тщетно искалъ на своемъ пути. Объ руку съ ней никакой дремучій лѣсъ не покажется непроходимымъ и темнымъ...

— Владиміръ Ивановичъ, среди всѣхъ моихъ знакомыхъ и друзей вы выдѣлились смѣлостью, умомъ, энергіей въ соединеніи, какъ мнѣ кажется, съ добрымъ сердцемъ. Только что я узнала, что вы можете быть вспыльчивы и несдержаны, но это ничего... Вы захватываете меня своей смѣлостью, вы интересны, съ вами мнѣ какъ-то бодро и весело, но... сердце мое спитъ.

— А разбудить его можно?

— Попробуйте... я буду вамъ очень благодарна.

— Такъ-съ. Значитъ, какое же резюмэ нашего разговора?

— Предадимъ его забвенію и будемъ слѣдовать по тому пути, который намъ судьба укажетъ. Я— свободна и ничѣмъ не связана, а вы?.. Елена пытливо посмотрѣла ему въ глаза.

— Абсолютно свободенъ, иначе, разумѣется, и не говорилъ бы такъ съ вами.

Башиловъ крѣпко пожалъ руку Елены, повернувъ ладонью кверху, прильнулъ къ ней губами и чуть-чуть притянулъ къ себѣ, но почувствовавъ легкое сопротивленіе, сейчасъ же отпустилъ и добродушно улыбнулся:

— Простите, я забылъ, что вы спящая царевна.

Несмотря на то, что ничего не было обѣщано и никакихъ взаимныхъ обязательствъ дано не было, однако произошла какая-то едва уловимая перемѣна въ отношеніяхъ между Еленой и Башиловымъ. Онъ, попрежнему очень осторожный и сдержанный, не разъ устремлялъ на нее взоръ, въ которомъ мелькала имъ однимъ понятная тайная мысль о возможномъ будущемъ. Хоть онъ и рѣдко выражалъ какую-нибудь просьбу, относящуюся непосредственно къ Еленѣ, но если это случалось, то она ее старалась исполнить, за что Башиловъ тихонько пожималъ ей руку. Нѣжнымъ, по натурѣ своей, онъ быть не умѣлъ, но Елена чувствовала много теплоты и добраго къ себѣ отношенія. Ни на одну минуту Башилова не потревожила и не смутила мысль о трудной роли, въ которую онъ поставилъ себя, отдавъ свое сердце тремъ женщинамъ за разъ. О Любови Петровнѣ онъ совсѣмъ забылъ и думать, рѣшивъ при первомъ же

ея пріѣздѣ въ Петербургъ, какъ онъ выражался, «ликвидировать съ ней свои дѣла». Объ Евгеніи Михайловнѣ онъ тоже мало тревожился, предоставляя судьбѣ, не разъ вывозившей его изъ рискованныхъ положеній, помочь и въ этомъ случаѣ. Никакими обѣщаніями онъ себя съ ней не связывалъ, а если туманно и намекалъ на возможность брака, то вѣдь чего въ жизни не случается? Она не дѣвочка, онъ ее не неволилъ; коли жила съ нимъ, значитъ, нравилось; ну, а вѣдь сердце не въ нашей власти: вчера любилъ, сегодня разлюбилъ. «Поплачетъ и утѣшится, найдетъ другого...»—думалъ Башиловъ объ Евгеніи Михайловнѣ, влюбленность которой ему все еще нравилась; съ ея осторожностью онъ ровно ничѣмъ не рисковалъ, а ея красота нѣтъ-нѣтъ, а влекла къ себѣ, тѣмъ болѣе, что была вполнѣ доступна. Башиловъ чувствовалъ, что Елена принадлежитъ къ очень сдержаннымъ и неболтливымъ натурамъ, и ни одной минуты не опасался могущаго произойти между подругами объясненія. А если бы даже оно произошло случайно, онъ не видѣлъ причинъ пугаться: возьметъ такъ ловко удающійся ему тонъ безхитростнаго добродушія и будетъ передъ Данцовой чистосердечно исповѣдываться, что да... виноватъ... казните... что дѣлать, увлекся вами, поддался страсти, а встрѣтилъ Елену, и все перевернулось... но вскорѣ онъ вполнѣ успокоился, убѣдившись, что несмотря на глубокую и взаимную дружбу, въ вопросахъ сердца обѣ женщины хранили молчаніе.

«Значитъ, молчать умѣютъ обѣ—умницы!» подумалъ Башиловъ, и въ награду у обѣихъ подругъ смѣнялись въ комнатѣ громадные букеты розъ съ опьяняющимъ сладкимъ и влажнымъ благоуханіемъ.

Елена много задумывалась надъ тѣмъ, что случи-

лось, и, умѣя разбираться въ своихъ чувствахъ, поняла, что происшедшее между ними объясненіе сильно ихъ сблизило; рушилась стѣна, позади которой каждый казался чужимъ, еще мало знакомымъ одинъ другому. Даже вспыльчивость и рѣзкость, съ которой Башиловъ позволилъ себѣ во время объясненія вырвать у нея хлыстъ, не повредили ему, а скорѣй послужили въ его пользу, такъ какъ явились выраженіемъ накопившагося чувства обиды и ревности. Еленѣ, никогда самой не испытавшей никакихъ страстей, нравилось подмѣчать ихъ въ другихъ, въ особенности, если причиной, вызвавшей ихъ, была она сама. Борьба съ людьми и препятствіями для достиженія намѣченной цѣли пробуждала ея сильную, но дремавшую энергію, мысли о возможности примѣнить на благо общества свои высокія чувства, путемъ совѣта и добраго вліянія на человѣка, стремящагося къ завоеванію власти и силы,—открывали ей новые горизонты въ жизни, указывали на разумную цѣль, на тотъ смыслъ, безъ котораго вся жизнь казалась ей пустой, ненужной забавой, яркимъ, безцѣльно пущеннымъ въ пространство мыльнымъ пузыремъ. Хотя честолюбіе и не было чувствомъ, вполнѣ чуждымъ ея натурѣ, однако не картины власти и почестей плѣняли ея воображеніе, а исключительная мысль о той радости, съ какой оба они, сильные и волей, и духомъ, достигнутъ общими силами желаемой цѣли и будутъ служить на пользу общественнымъ нуждамъ. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, она завела съ Евгеніей Михайловной разговоръ о Башиловѣ:

— А знаешь, Женичка, Башиловъ начинаетъ мнѣ положительно нравиться. Что ты на это скажешь?

— Скажу, что онъ этого вполнѣ заслуживаетъ: онъ очень милый человѣкъ.

— И если бы слова Людомировой оправдались, и я бы узнала, что ты увлечена имъ—я бы нашла это вполнѣ естественнымъ...

— Ахъ, Елена! Ну что ты пристала ко мнѣ съ Башиловымъ... Который разъ я тебѣ повторяю, что я имъ не увлечена. Это становится скучнымъ! Въ концѣ концовъ я подумаю, что Людомирова, подозрѣвая меня, проглядѣла тебя.

— Ну, это было бы слишкомъ большимъ преувеличеніемъ моихъ чувствъ симпатіи къ твоему герою. Елена весело расхохоталась, но сейчасъ же ея смѣхъ оборвался: Евгенія Михайловна поднялась съ мѣста и быстро направилась къ двери съ сильно поблѣднѣвшимъ, измѣнившимся лицомъ.

— Женя, ради Бога... что съ тобой?!..

— Оставь меня... я не дала тебѣ права такъ говорить... такъ насмѣхаться...

— Да вѣдь это же шутка, простая шутка, Женичка... Ну, прости меня... я безъ всякой задней мысли такъ сказала...

Но Евгенія Михайловна, не слушая ее, ушла въ свою комнату. Черезъ минуту Елена, раздосадованная неожиданной ссорой, вошла въ комнату подруги и застала ее въ слезахъ. Данцова плакала отъ смутнаго чувства закравшейся ревности, отъ обиды, отъ страха за свое счастіе. Елена обнимала подругу и увѣряла ее, что какъ бы Башиловъ ни былъ симпатиченъ, но все же онъ не стоитъ того, чтобы изъ-за него между ними происходили размолвки. Чувство ревности и самолюбія удерживало Данцову открыть подругѣ свое сердце и еще разъ она скрыла отъ нея истину.

— Что за манера такъ выражаться... — говорила она сквозь слезы,—онъ такой же твой герой, какъ и мой... я не гуляю съ нимъ по ночамъ, а ты гуляешь.

— Ну хорошо, Женичка, ну пусть онъ будетъ мой герой, но только не плачь и не сердись на меня, сдерживая улыбку ласково говорила Елена. Онѣ помирились и все осталось по старому.

Несмотря на любовь къ риску и запутаннымъ положеніямъ, Башиловъ былъ доволенъ, когда пришелъ конецъ его короткаго отпуска и ему необходимо было возвращаться въ столицу. Елена собиралась провести мѣсяцъ за границей и звала съ собой Евгенію Михайловну, но она категорично отказалась: мысль о новой разлукѣ съ Башиловымъ казалась ей слишкомъ тягостной. Онъ уѣхалъ въ яркое и теплое утро; море блестѣло и тихо колыхалось, легкій бодрящій вѣтерокъ гналъ по ясному небу живописныя облачка; на душѣ у Башилова было легко, и море представлялось ему эмблемой его свѣтлаго широкаго будущаго. Данцова, вставшая раньше обыкновеннаго, пила чай на террасѣ и поджидала, когда онъ спустится внизъ, чтобы еще разъ почувствовать пожатіе его руки и сказать ему, что и она не замедлитъ скоро вернуться въ Петербургъ. Когда Башиловъ садился въ экипажъ и официантъ укладывалъ на козлы его элегантный желтой кожи чемоданчикъ, во второмъ этажѣ распахнулась дверь на балконъ и Елена, въ бѣломъ кашемировомъ капотѣ, въ утренней прическѣ, дѣлавшей ея лицо гораздо моложе, перегнулась черезъ перила и окликнула его:

— Владимиръ Ивановичъ, до свиданія! Хотѣла спуститься внизъ, чтобы попрощаться, да вотъ и проспала. Bon voyage! въ ноябрѣ буду дома...

Башиловъ всталъ на подножку, широкимъ жестомъ снялъ панаму и, закинувъ голову кверху, весело улыбнулся.

— Не засиживайтесь, возвращайтесь скорѣе, а то ваши друзья затоскуютъ... и меня не забывайте...

Вѣрившій въ предчувствія и предзнаменованія, онъ уносилъ въ душѣ своей почти увѣренность, что дни, протекшіе на живописномъ берегу Чернаго моря, легли прочнымъ фундаментомъ его свѣтлаго будущаго, въ которомъ Евгеніи Михайновнѣ суждено стушеваться, чтобы уступить свое мѣсто яркому и энергичному образу Елены. Когда пароходъ собирался отчаливать, кто-то бросившій съ пристани букетъ цвѣтовъ попалъ имъ прямо въ Башилова; онъ передалъ цвѣты по назначенію, но въ этомъ пустомъ фактѣ ему почудилось счастливое предзнаменованіе, и никогда за всю свою жизнь онъ не испытывалъ большей бодрости духа и увѣренности въ себѣ, какъ въ это памятное для него блистательное утро.

III.

Занавѣсъ опустился. Ослѣпительный свѣтъ электрическихъ люстръ залилъ зрительный залъ балета, и нарядная публика зашевелилась; многіе поднялись со своихъ мѣстъ, лорнируя ложи и партеръ; двери ложъ открывались, и въ нихъ любезно расшаркивались или щелкали шпорами и прикладывались къ надушеннымъ ручкамъ нарядныхъ дамъ входившіе мужчины, говорили любезности, улыбались, на лету острили, сообщали новости, восхищались искуснымъ пируэтомъ балерины и, въ душѣ полуравнодушные ко всему, что не касалось ихъ жизни, опять цѣловали ручки, повторяли однѣ и тѣ же, какъ по шаблону заученныя, фразы, улыбались однѣми и тѣми же привѣтливо искусственными улыбками и шли въ

другія ложи или на свои мѣста, разсѣянно скучающіе, мало чѣмъ интересующіеся, безъ того жизненнаго импульса, которымъ въ нашъ бѣдный вѣкъ обладаютъ только избранныя натуры.

Эти всѣ скучающіе, лѣнивые, боящіеся малѣйшаго шага внѣ общепринятаго шаблона люди кажутся жалкими, нищими волей и мыслью, манекенами. Живое слово ихъ пугаетъ, новая мысль ихъ безпокоитъ. Если смѣлыя мысли борцовъ, ищущихъ свѣта и истины, грозятъ нарушить издавна привычно установленный строй жизни, исполненный мелко-эгоистическихъ интересовъ, то они со страхомъ и сомнѣніемъ оглядываются вокругъ себя, спѣша прочесть на лицахъ себѣ подобныхъ такой же страхъ или недоумѣнье, лепечутъ слова протеста и даже умѣютъ сердиться, быть злыми и говорить громкія рѣчи, исполненныя благороднаго негодованія; на минуту ихъ даже можно принять за людей убѣжденныхъ.

Въ ложѣ бельэтажа, опершись о бархатный барьеръ, кокетливо играя вѣеромъ и поминутно вскидывая выразительный влюбленный взглядъ въ сторону стоящаго въ глубинѣ ложи барона, сидѣла спиной къ зрительному залу Людомирова и, смѣясь, угощая конфетами, слушала высокаго, массивнаго господина, который, присѣвъ на край стула и слегка покачиваясь, увѣрялъ ее, что стоитъ ему видѣть очень откровенно декольтированную женщину, чтобы по видимымъ даннымъ онъ могъ опредѣлить не только складъ ея характера, но даже и прошедшее; если же ему удается видѣть всю ея ногу до колѣна, то онъ почти безошибочно предсказываетъ и будущее.

— И многимъ дамамъ вамъ удалось предсказать судьбу?—смѣясь и играя глазами съ неестественной темной дугой подъ рѣсницами, спрашивала Людомирова.

— Ce que je dis, madame, est tout à fait serieux... Тѣ дамы, которыя вѣрили мнѣ, остались вполнѣ довольны...

— О, не сомнѣваюсь!.. Ужъ не повѣрить ли и мнѣ?!..

Людомирова кинула кокетливый взглядъ въ сторону барона, но онъ былъ занятъ разговоромъ съ Еленой и не обращалъ вниманія на даму своего сердца, которая, вопреки его ожиданію, совсѣмъ не остыла за время лѣтней разлуки и едва вернулась въ столицу, какъ сейчасъ же предъявила свои права и оказалась попрежнему влюбленной. Барону эта связь начинала надоѣдать, но онъ всегда предоставлялъ женщинѣ первый шагъ разрыва и, не измѣняя и здѣсь привычки къ джентльменству, терпѣливо ожидалъ, будучи увѣренъ, что Людомировой надоѣстъ его холодность и она не замедлитъ найти другого, болѣе пылкаго поклонника...

— Отчего вы не дали мнѣ знать сегодня, что вернулись изъ-за границы? Я бы заѣхалъ къ вамъ днемъ хоть на часокъ?—спрашивалъ баронъ Елену, съ которой онъ стоялъ въ глубинѣ ложи.

— Я вчера только вернулась. Мариша случайно узнала и сегодня же утромъ пригласила меня по телефону къ ней въ ложу и между прочимъ сообщила, что и вы будете съ ней. Я хотѣла вамъ сдѣлать сюрпризъ.

— Вы знаете, mon ange, что я предпочелъ бы васъ видѣть наединѣ...—шутливо проговорилъ баронъ, но въ шуткѣ звучала доля правды.

— Ну, такъ пріѣзжайте завтра къ завтраку. Повѣдаете мнѣ всѣ ваши тайны, если онѣ есть... Я вижу, что вы, cher baron, стали поразительно постоянны...— Елена скользнула взглядомъ въ сторону Людомировой.

— Ахъ, нѣтъ, оставьте... Объ этомъ не будемъ говорить!—сильно понижая голосъ, проговорилъ баронъ.

— А-а-а... Понимаю. Такъ вамъ и надо. Судьба вамъ отплатила за измѣну мнѣ.

— Вѣдь я ничего не сказалъ... но вамъ не измѣнялъ. Я только ждалъ и продолжаю ждать.

— Чего? психологическаго момента? Помните, вы, кажется, такъ выражались?

— Да, именно такъ.

— Такъ имѣйте въ виду, что онъ, кажется, скоро наступитъ.

— Что-о-о? Въ такомъ случаѣ я буду еще болѣе наблюдателенъ. А что вызываетъ у васъ такое предположеніе? Какія данныя?

— Онѣ такъ неуловимы, что для нихъ нѣтъ словъ... un je ne sais quoi...

Занавѣсъ взвился; на сценѣ, при лунномъ освѣщеніи феерической декораціи, какъ воздушныя, неуловимыя видѣнія, гибкія и колеблющіяся медленно подымались изъ чашечекъ гигантскихъ лилій очаровательныя, какъ сновидѣніе, балерины и, сладострастно изгибаясь, чуть касаясь земли, медленно скользили по сценѣ или длинной вереницей, безшумной толпой разбѣгались въ разныя стороны и, насторожившись, приложивъ палецъ къ губамъ, перегнувшись всѣмъ станомъ впередъ, съ откинутой ножкой, прислушивались къ сладкой мелодіи далекой арфы. Елена страшно любила балетъ. И чарующая музыка, и пластика движеній, и страстность танцевъ ее пьянили иногда до того, что она иной разъ спрашивала себя, не есть ли это то же чувство экстаза, погоней за которымъ были охвачены ея пріятельницы парижскихъ и петербургскихъ салоновъ, и тогда, какъ онъ

охватывалъ Елену въ полумракѣ потонувшаго въ молчаливое созерцаніе театра, онѣ его испытывали не иначе, какъ въ объятіяхъ кратковременной смѣняющейся любви. Откинувшись на спинку стула, съ приподнятымъ слегка подбородкомъ, она вся устремилась на сцену и упивалась зрѣніемъ и слухомъ; Людомирова же, не увлекавшаяся никакимъ искусствомъ и ничего не любившая, кромѣ благъ жизни, и ѣздившая въ балетъ потому, что у нея былъ свой абонементъ, и потому, что въ балетѣ бывали всѣ поминутно оборачивалась назадъ и шепталась съ барономъ, сидѣвшимъ за ея спиной и не спускавшимъ взгляда съ красивыхъ, слегка покатыхъ плечъ Елены и ея гибкой длинной шеи. Тихонько скрипнула дверь; вошелъ Людомировъ, какъ всегда, съ привѣтливой улыбкой на губахъ и веселымъ, добродушнымъ выраженіемъ глазъ. Онъ поцѣловалъ руку жены и Елены, вполголоса сказалъ ей нѣсколько привѣтливыхъ словъ и, крѣпко сжавъ руку барона, которому искренно симпатизировалъ, придвинулъ свой стулъ къ нему и на ухо сталъ разсказывать какую-то новость, совершенно игнорируя то, что дѣлалось на сценѣ. Людомирова дотронулась до плеча Елены.

— Правда, что Юрьевъ женится?—продолжала она послѣ минутной паузы.

— Не слыхала... не знаю, — шопотомъ отвѣтила Елена, не открывая глазъ отъ сцены.

— Когда увидишь его — узнай. Интересно знать, на комъ?.. На дняхъ отсюда уѣхала Люба Бергъ въ ужасномъ состояніи... прилетѣла ко мнѣ и разразилась такой истерикой, что я хотѣла за докторомъ послать... у нея произошелъ разрывъ съ этимъ Башиловымъ... Я, знаешь, никакъ не думала, чтобы она была такъ привязана къ нему...

Елена отвела глаза отъ сцены и съ интересомъ стала слушать новости, которыми Людомирова спѣшила съ ней подѣлиться.

— Съ чего жъ это онъ?

— Кто его знаетъ! Съ нимъ вѣдь дѣло имѣть нелегко. Не даромъ я его считала жестокимъ эгоистомъ. Хоть бы подготовилъ! Люба ужасно потрясена. Мнѣ даже ее, бѣдную, жаль стало. Объявилъ ей, что подумываетъ о женитьбѣ, что даже есть кто-то на примѣтѣ. Ужъ не твоя ли мадонна, Евгенія Михайловна? Онъ способенъ провести все это дѣло шито-крыто и поразить всѣхъ приглашеніемъ на свадьбу.

— Женя тутъ ни при чемъ. Мы обѣ столкнулись съ нимъ въ Ялтѣ, безпрестанно видѣлись, и, повторяю тебѣ, Женя къ нему совершенно равнодушна.

— А чего же ради его въ Ялту понесло?

— Говорилъ, что усталъ и пріѣхалъ освѣжиться.

— Ну, дорогая моя, пусть это онъ разсказываетъ вамъ, а я ни за что не повѣрю. Это человѣкъ, неспособный шагу ступить, не имѣя какой-нибудь скрытой эгоистической цѣли... Не въ его духѣ ѣздить въ Ялту на отдыхъ и тратить попустому время, которымъ онъ дорожитъ на вѣсъ золота. Говорю тебѣ, что оба скрываютъ связь, и онъ намѣренъ на ней жениться. Ужасная дрянь! Такъ мерзко поступить съ Любой.

— И ты тоже неправа, Мариша. Если онъ имѣетъ въ виду женитьбу, то, очевидно, не можетъ же онъ поступить иначе... Ты на него нападаешь.

— А ты судишь пристрастно. Онъ, вѣроятно, прикидывается передъ тобой добродушнымъ и прямымъ— это ему недурно удается. Онъ обязанъ былъ Любу подготовить, а не ѣздить съ ней по ресторанамъ и цѣловаться чуть ли не за день до преподнесенія

отставки. Не только не джентльменъ, а даже и не порядочный господинъ.

— Возможно, что не совсѣмъ такъ и дѣло было... Любовь Петровна въ своемъ раздраженіи могла и преувеличить... Башилова я, конечно, совсѣмъ мало знаю, но онъ на меня производитъ впечатлѣніе гораздо болѣе симпатичное, чѣмъ ты о немъ отзываешься.

Людомирова тихимъ шопотомъ принялась разсказывать Еленѣ тѣ подробности разрыва, что она слышала отъ своей подруги, конечно, подъ честнымъ словомъ глубокой тайны. Однако, что бы ни разсказывала Людомирова про Башилова, это не вліяло на впечатлѣніе, которое Елена вынесла отъ встрѣчъ съ нимъ, и на составленное о немъ мнѣніе. Она и раньше догадывалась, что дама, о связи съ которой онъ разсказывалъ ей весной въ минуту откровенности, не кто иная, какъ Любовь Петровна Бергъ, и новость, только что услышанная отъ Людомировой о происшедшемъ разрывѣ, произвела на нее пріятное впечатлѣніе и выставила Башилова въ очень рельефномъ видѣ цѣльной и безхитростной натуры. Несмотря на то, что Елена ничего положительнаго и опредѣленнаго ему не обѣщала, онъ, говорившій ей о своемъ чувствѣ, счелъ нужнымъ порвать связь, которая, строго говоря, могла бы быть ей и неизвѣстна. Въ этомъ поступкѣ чувствуется привычка къ чистоплотности чувствъ, къ прямымъ и рѣшительнымъ путямъ... Такъ думала Елена въ то время, какъ Людомирова бранила Башилова и возмущалась его отношеніемъ къ своей подругѣ Бергъ, которая, по ея словамъ, никогда не примирится съ этимъ ударомъ. Елена не вполнѣ довѣряла словамъ своей пріятельницы еще и потому, что изъ ея памяти не изгладн-

лось воспоминаніе сдержанной холодности, почти безразличія, съ которыми онъ относился къ теперешней генералъ-губернаторшѣ на балу у Людомировой же. Она помнила дѣланную улыбку Бергъ и ея раздраженіе въ спорѣ и недружелюбный огонекъ въ глазахъ Башилова; его ухаживаніе за ней на глазахъ же Любовь Петровны развѣ не было вызывомъ, не было подготовкой къ могущему произойти разрыву? Всего этого Елена, конечно, не высказала Людомировой, но мысленно упрекнула Бергъ въ несправедливомъ отношеніи къ человѣку, который исподволь готовилъ ее къ тому, что она должна была сама предвидѣть.

Послѣ балета Людомировой хотѣлось ужинать въ ресторанѣ, и она убѣдила Елену ѣхать вмѣстѣ. Такъ какъ компанія была небольшая и Людомирова предвидѣла невозможность вести съ барономъ интимную бесѣду, то изъ театра же она подговорила мужа протелефонировать Юрьеву и Орлову и вызвать ихъ къ Кюба, пообѣщавъ интересную встрѣчу. Юрьева не оказалось дома; Орловъ, не любившій ресторановъ, сперва отказался наотрѣзъ, ссылаясь на усталость и желаніе лечь спать пораньше, но когда Людомировъ сказалъ, что онъ встрѣтитъ Елену, то Орловъ моментально измѣнилъ тонъ, и объявилъ, что ѣдетъ. Елена не была довольна этой затѣей: ей не хотѣлось встрѣчаться съ Орловымъ, не обдумавъ, въ какую форму должны вылиться теперь ея къ нему отношенія; она не хотѣла себя обманывать и сознавала, что если дѣйствительно ей суждено было выйти замужъ, то не Орловъ можетъ стать ея мужемъ. Онъ отодвинулся на задній планъ и представлялся ей теперь и мало интереснымъ, и отсталымъ въ своихъ сужденіяхъ, и не достаточно развитымъ, безъ энергіи, воли и всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя ее влекли

къ Башилову. Даже его настойчивая влюбленность казалась ей теперь слегка смѣшной и даже ограниченной. Ей хотѣлось мало-по-малу отучить его отъ мысли, что она можетъ быть ему близка, и осторожно увеличивать разстояніе, уже раздѣляющее ихъ послѣ послѣдняго объясненія. Она не имѣла еще достаточныхъ данныхъ, чтобы открывать Орлову переломъ въ своей душѣ; она была заинтересована Башиловымъ, чувствовала какую-то связь, но о любви не могло быть еще и рѣчи. Имѣла ли она право на основаніи смутныхъ, какъ тѣни, очертаній будущаго безжалостнымъ признаніемъ смертельно ранить сердце человѣка, беззавѣтно ей преданнаго? и она рѣшила пока молчать, ждать и осторожной рукой отводить Орлова со своего жизненнаго пути. Онъ не замедлилъ явиться въ кабинетъ ресторана. За почти полугодовую разлуку Елена нашла его слегка постарѣвшимъ. Хоть онъ и держался попрежнему прямо и бодро, но сѣдыя брови больше нависли надъ глазами, щеки впали, появился тикъ легкаго подергиванія правымъ плечомъ. Онъ вошелъ очень непринужденно, съ обычной галантностью, былъ одинаково любезенъ съ обѣими дамами, но Елена отгадывала страшную напряженность всей его нервной системы; казалось онъ ощупывалъ почву, хотѣлъ проникнуть въ тайники Елениной души и прочесть въ нихъ чувства, съ которыми она пріѣхала послѣ долгой разлуки. Елена встрѣтила его безыскусственно сердечно, говорила съ нимъ какъ съ хорошимъ добрымъ другомъ, но чуткой натурой Орловъ быстро уловилъ происшедшую новую перемѣну въ ея тонѣ и обращеніи. Онъ почувствовалъ въ ея обращеніи какъ бы жалость къ человѣку, котораго не хотятъ обидѣть, и онъ весь ушелъ въ свою скорлупу, замкнулся,

сталъ холоденъ, почти офиціаленъ и въ то же время грустенъ. Минутами, среди общаго разговора и смѣха, онъ забывался, и изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей глядѣли печальные глаза, полные укора и затаенной обиды. Еленѣ было тяжело на него смотрѣть, и она была рада, когда ужинъ окончился и Людомирова предложила завезти ее домой въ своемъ автомобилѣ.

— Надѣюсь на дняхъ же видѣть васъ у себя, Михаилъ Михайловичъ,—обратилась Елена къ Орлову, протягивая ему на прощаніе руку.

— Сочту своимъ долгомъ, отвѣтилъ онъ, прикасаясь губами къ пальцамъ Елены, и, какъ бы избѣгая дальнѣйшаго приглашенія, быстро раскланялся, предоставляя барону заботу усадить дамъ въ автомобиль, и уѣхалъ, вскочивъ на стоящаго рядомъ извозчика.

Одинъ за другимъ Елену посѣщали ея друзья и знакомые, узнавшіе объ ея возращеніи. Однимъ изъ первыхъ пріѣхалъ Юрьевъ. Елена застала его въ своей гостиной, вернувшись передъ обѣдомъ съ прогулки. По обыкновенію, онъ сидѣлъ въ ожиданіи ея съ вытянуми на коверъ ногами и сосредоточенно пускалъ кольца табачнаго дыма, закинувъ курчавую голову на спинку кресла. Елена, узнавъ отъ лакея, что онъ давно ее ожидаетъ, радостными, спѣшными шагами вошла въ гостинную.

— Юрочка, милый, какъ я рада васъ видѣть! Вотъ умница, что подождали! Будемте вмѣстѣ обѣдать и говорить, говорить безъ конца. Да что вы такой тихій стали? Гдѣ ваша шумная радость? Вы здоровы?

— Такъ точно и здоровъ, и веселъ.

— Почему вы на Востокъ не поѣхали? Вѣдь вы мнѣ писали, что собираетесь.

— Дѣло такъ сложилось...

— Ну, хорошо... Сперва пойдемте обѣдать, а потомъ будемте съ вами по душѣ обо всемъ говорить.

За обѣдомъ Елена внимательно разглядывала Юрьева, и онъ показался ей менѣе жизнерадостнымъ, чѣмъ она его оставила: глаза не такъ блестѣли, и мальчишеская беззаботность исчезла. Онъ много пилъ, былъ очень разговорчивъ, потомъ задумался и попросилъ Елену перейти скорѣе въ гостиную, чтобы уютно поболтать.

— Хорошо у васъ, Елена Павловна, чувствуешь себя, какъ дома; вы умѣете отогрѣть и приласкать.

— А развѣ вы замерзли здѣсь безъ меня?

— Не то, чтобы замерзъ, а такъ... поговорить, посовѣтоваться не съ кѣмъ.

— Юрочка, я начну нашъ разговоръ съ самаго главнаго: я слышала будто бы вы женитесь.

— Хочу этого и добиваюсь, но до сихъ поръ ничего опредѣленнаго не выяснилось.

— До сихъ поръ! Юрочка, что же это значитъ? Вы говорили съ ея матерью?

— Да... то-есть нѣтъ... видите ли, дѣло въ томъ, что она проситъ меня пока еще не говорить съ матерью и подождать, пока она окончательно рѣшитъ...

Юрьевъ запнулся, замолчалъ, нервно взъерошилъ свои волосы, и опершись локтями о колѣни, склонилъ голову на руки и задумался.

Елена покачала головой, протянула со своего мѣста руку и тихо провела ею по головѣ Юрьева.

— Бѣдный! Вы страдаете отъ неопредѣленности вашего положенія...

— Да, именно, вы угадали. Я усталъ томиться.

— Георгій Васильевичъ, вы не мальчикъ, и я буду съ вами говорить откровенно. Вы согласны? Ну, такъ вотъ, я хочу повторить вамъ то же, что сказала

однажды весной: la soupe rechauffée ne vaut rien... Я не особенно довѣряла вашему счастію, когда узнала, что васъ призвали вновь. Теперь я убѣждена, что ваша пассія не считается ни съ вашимъ сердцемъ, ни съ вашимъ самолюбіемъ... Она васъ держитъ въ резервѣ или же вашей влюбленностью подхлестываетъ и разжигаетъ чье-нибудь ей нужное чувство... Эта скверная игра не рекомендуетъ ее. Зачѣмъ она держитъ васъ подлѣ себя на привязи и въ то же время оттягиваетъ развязку. Юрочка, сознайтесь, что и на Востокъ вы изъ-за нея не поѣхали? Это она просила васъ не ѣхать? Я отгадала?

— Да, отгадали,—чуть слышно, не подымая головы, прошепталъ Юрьевъ.

— И вы обрадовались этой просьбѣ и не поѣхали, вмѣсто того, чтобы поставить ей условіе: или вы дѣлаете формальное предложеніе, или же уѣзжаете... вѣдь ваша служба страдаетъ... вы должны были хлопотать.

— Да, конечно...

— Вы ей это говорили?

— Говорилъ.

— И она допустила?

— Она просила, но не настаивала...

— Нехорошо, очень нехорошо. И хуже всего, что вы боитесь поставить вопросъ ребромъ, боитесь потерять надежду.

— Да, да, да... я не допускаю мысли объ отказѣ, это было бы чудовищно и въ то же время, вы правы, я боюсь.

— Однако, другъ мой, такъ длиться не можетъ. Вы должны взять себя въ руки и подумать о своемъ самолюбіи. А что если въ одинъ прекрасный день она вамъ объявитъ, что она выходитъ замужъ?! Въ какомъ положеніи будете вы тогда?

— Ахъ, ради Бога... что вы говорите?! Елена Павловна, дорогая, поймите же, что я люблю ее! Или она, или никто... Я пущу себѣ пулю въ лобъ... Я чортъ знаетъ, что натворю.

— Ну, это вы говорите ерунду. Если изъ-за любви стрѣляться, то мало кто и въ живыхъ бы остался.

— Что мнѣ дѣлать? Я чувствую, что куда-то увязъ и теряю подъ ногами почву.

— Вы и теперь тамъ часто бываете?

— Почти ежедневно... На дняхъ большой компаніей на Иматру ѣздили...

— Ну, конечно, все тѣ же пикники, скачки, тройки... Воображаю, что вамъ все это стоитъ. Сознайтесь...

— Сижу безъ денегъ...—улыбнулся Юрьевъ:—да чортъ съ ними, не въ этомъ дѣло.

— Нѣтъ, извините, и въ этомъ. И долго это будетъ такъ продолжаться?

— Не знаю...

— Ну, вотъ что, мой дорогой, встряхнитесь, возьмите себя въ руки, взгляните жизни прямо въ глаза, поймите, что чему быть, того не миновать, и лучше самому итти смѣло навстрѣчу судьбѣ, чѣмъ прятать отъ нея голову, какъ страусъ. Успокойте себя и рѣшительно и безповоротно переговорите съ ней. Если она васъ любитъ, то не захочетъ потерять. Если не суждено, то перестрадаете, переболитъ и заживетъ, а такъ тянуть, это терять въ ея же глазахъ, имѣть видъ какой-то тряпки.

— Вѣрно, Елена Павловна, вы встряхнули меня. Довольно: или да, или нѣтъ. Середины быть не можетъ... Но что будетъ... что будетъ, если она скажетъ... нѣтъ...

— Если она это скажетъ, то вы же разумный человѣкъ и должны будете тогда понять, что, зна-

читъ, у нея былъ какой-нибудь расчетъ, что она безсердечна и что счастія быть бы не могло.

— Да, да, все это такъ, но я не могу вырвать ее изъ своего сердца. Ахъ, Елена Павловна, если вы сами не любили никогда, то вамъ и не понятно слѣпое чувство любви, не покоряющееся ни логикѣ, ни доводамъ собственнаго разсудка, ни очевидности... Нѣтъ, я увѣренъ, что она славная, хорошая дѣвушка и что я буду счастливъ. Вы какъ думаете?

Елена въ отвѣтъ улыбнулась. Она предвидѣла, что вся эта исторія кончится для Юрьева глубокимъ разочарованіемъ, и хотѣла закрѣпить съ нимъ дружбу, чтобы поддержать и утѣшить его въ минуту невзгоды. Юрьевъ просидѣлъ у Елены до полуночи, и, о чемъ бы ни говорили, разговоръ незамѣтно переходилъ на тему его любви. Онъ уѣхалъ отъ нея немного пріободренный, съ твердою рѣшимостью на дняхъ же переговорить окончательно съ любимой дѣвушкой и, такъ или иначе, добиться категорическаго отвѣта.

Прошло нѣсколько дней. Елена, поджидавшая Юрьева, слегка безпокоилась и его отсутствіемъ, и его молчаніемъ. Наконецъ онъ какъ-то заѣхалъ передъ вечеромъ, очень спѣшилъ и, на вопросъ Елены, какъ же обстоятъ дѣла, слегка смущенный, отвѣтилъ, что до Рождества онъ все-таки ничего опредѣленнаго знать не можетъ, что, несмотря на всю его настойчивость, ему отвѣтили, что замужество такой серьезный шагъ, что на него нельзя быстро рѣшиться, но подъ честнымъ словомъ ему обѣщали черезъ два мѣсяца дать категорическій отвѣтъ. Что ждетъ его впереди—неизвѣстно, но пока онъ все-таки счастливъ жить хотя бы надеждой, видѣть ее ежедневно, слышать ея смѣхъ, вращаться въ одной съ ней сферѣ.

Юрьевъ производилъ на Елену жалкое впечатлѣніе. Казалось, что онъ заглушалъ въ себѣ сознаніе непрочности своего счастія и радовался отсрочкѣ катастрофы, которую и самъ предвидѣлъ.

— Ужъ вы не сердитесь на меня, моя хорошая, что я рѣдко ѣзжу къ вамъ. Сами видите, голову потерялъ. Но знайте, что я вашъ другъ, вѣрный другъ... Помните, какъ мы съ вами памятки брата читали? Хорошій тогда вечеръ провели! Кстати о братѣ: вскорѣ послѣ вашего отъѣзда пріѣзжалъ сюда одинъ господинъ изъ того же лагеря, что и Александръ, я видѣлъ его и узналъ, что братъ въ Саратовѣ; написалъ ему и не такъ давно въ отвѣтъ получилъ нѣсколько строкъ... назидательныхъ, теплыхъ, но въ томъ состояніи, какъ я теперь нахожусь, чуждыхъ и моей душѣ, и моимъ помысламъ.

Юрьевъ сердечно распростился съ Еленой, попросилъ ее поцѣловать его по-братски и, какой-то нервно возбужденный, уѣхалъ отъ нея, обѣщая заглядывать къ ней или хоть по телефону переговариваться; но Елена понимала, что, несмортя на искренность и сердечность его дружбы, всѣ и все стушевалось и ушло для него на задній планъ, пока не окончится ненормальность его выжидательнаго положенія.

Съ Данцовой Елена видѣлась часто; иногда подруга казалась ей задумчивой, какъ будто слегка чѣмъ-то озабоченной, но на ея вопросы улыбалась своей тихой, мягкой улыбкой и увѣряла, что заботъ у нея особенныхъ нѣтъ, все идетъ по-старому, а такъ — скучно иногда бываетъ.

— Влюбись и выходи замужъ,—совѣтовала Елена.

— Да не въ кого влюбиться и не тянетъ. Пусть ужъ лучше будетъ скучновато, да спокойно. Вотъ

вѣдь и ты замужъ не выходишь, а навѣрное могла бы, и не разъ.

— Я, Женичка, другое дѣло; я сильнѣе тебя, а къ старости, пожалуй, и мнѣ будетъ невесело.

— Пожалуйста, не подумай, что я фантазирую, Елена,—сказала какъ-то Евгенія Михайловна:—но я положительно не вижу своей старости. Я, понимаешь ли, не чувствую ея въ будущемъ... Мнѣ кажется, что я не доживу до нея, и меня это радуетъ.

— Пустое, Женя, отчего тебѣ не дожить? Организмъ у тебя здоровый, заботъ особенныхъ нѣтъ... отлично доживешь, и замужъ еще выйдешь и птенцовъ выведешь.

— Нѣтъ... не доживу... я не чувствую нити своей жизни — задумчиво отвѣтила Данцова, и въ эту минуту въ темнотѣ и полумракѣ надвигающихся сумерекъ слова, произнесенныя вполголоса, прозвучали, какъ вѣщее предсказаніе, и сдавили сердце Елены унылою тоской.

— Перестань, Женя! Ну, что за фантазія настраивать себя на печальныя мысли. Одѣвайся, поѣдемъ ко мнѣ; пообѣдаешь у меня, вечеромъ у меня кое-кто будетъ, поболтаемъ, посмѣемся, и отъ твоихъ мыслей и слѣда не останется.

Евгенія Михайловна отказалась. Вечеромъ у нея долженъ былъ пить чай Башиловъ, и она сказала Еленѣ, что уже отозвана къ знакомымъ и отказаться не можетъ.

— Ну, и поѣзжай; только одна не сиди съ такими грустными мыслями.

IV.

Вечеромъ въ небольшой, уютной столовой Данцовой сидѣлъ Башиловъ и, грузно опершись обоими локтями о столъ, отпивалъ медленными глотками чай изъ стакана въ серебряномъ подстаканникѣ, который подавался только ему; онъ разсказывалъ Данцовой объ удачахъ сегодняшняго дня со всѣми подробностями служебныхъ дѣлъ. Она слушала, не спуская съ него глазъ, въ которыхъ Башиловъ читалъ прежнюю любовь и восхищеніе.

— А я тебѣ не говорилъ, что отъ генерала Берга письмо на дняхъ было. Пишетъ, что вскорѣ предвидится у нихъ вакансія губернатора, такъ что, если бы тутъ кое-какія пружины нажать, то онъ берется это дѣло устроить. Оно, конечно, было бы недурно, но я, вѣроятно, откажусь.

— Отчего, Володя?

— Да видишь ли, другъ мой, не люблю я этихъ мѣстъ по протекціи; начнутъ болтать, что генералъ-губернаторъ своего товарища посадилъ, еще, пожалуй, по просьбѣ супруги, а здѣсь изволь ѣздить да кланяться, да пороги обивать. Я привыкъ, чтобы другіе на меня указывали, какъ на нужнаго и полезнаго служаку, а самому о себѣ говорить—это ронять себя. Мои акціи стоятъ и здѣсь высоко, и я жду въ скоромъ будущемъ движенія впередъ... Однако одиннадцать часовъ, мнѣ пора; дома еще много бумагъ ждетъ не просмотрѣнныхъ.

— Какъ? уже? Володя, ты и безъ того не балуешь меня свиданіями; я такъ мечтала провести съ тобой весь вечеръ, а ты опять куда-то спѣшишь.

— Что дѣлать, голубчикъ! Отъ дѣлъ не убѣжишь. Ну, изволь, полчаса посижу.

Они прошли въ голубой будуаръ, гдѣ лампа подъ широкимъ шелковымъ абажуромъ освѣщала симпатичную, изящную комнатку блѣднымъ матовымъ свѣтомъ. Башиловъ сѣлъ на низенькій диванчикъ и, притянувъ къ себѣ Данцову, посадилъ рядомъ съ собой и обнялъ за талію.

— Въ корсетѣ? Знаешь, вѣдь, что не люблю...

— Володя, ты же забываешь, что есть горничная.

— Ну, что же изъ этого?.. надѣла бы свой голубой пеньюаръ; не станешь же прислугѣ отчетъ отдавать.

— Что ты говоришь: точно она и сама не пойметъ, что въ пеньюарѣ гостей не принимаютъ.

— Ну, такъ давай губы... нѣтъ, такъ неудобно, садись на колѣни.

— Нѣтъ, нѣтъ, Володя, ради Бога только не у меня... я боюсь... прислуга любопытна... милый, ну, поѣдемъ къ тебѣ, если хочешь, но тутъ я боюсь...

Евгенія Михайловна вся вспыхнула, сорвалась съ мѣста и, отбѣжавъ въ сторону, смотрѣла на Башилова умоляющимъ взглядомъ.

— Ну, ужъ это глупо, Женька. Ты дуришь; иди сюда... я хочу тебя цѣловать... ты слышишь?

— Володя, но развѣ ты не понимаешь, что для меня ты не долженъ такъ рисковать. Мало ли что: горничная можетъ за чѣмъ-нибудь войти...

— Иди сюда.

— Володя, перестань... я не хочу...

— А я хочу!..

Съ этими словами Башиловъ быстро поднялся со своего мѣста и, охвативъ станъ Евгеніи Михайловны, довольно грубо, съ силой посадилъ себѣ на колѣни и долго цѣловалъ ее въ губы.

— Ну, вотъ, а теперь и довольно. Можешь смирно сидѣть подлѣ меня и благонравно разговаривать.

Но Данцова, глотая подступившія слезы, молчала, стараясь совладѣть съ охватившимъ ее чувствомъ обиды. Въ этомъ поступкѣ ей почудилось что-то новое, непріятное въ отношеніяхъ Башилова къ себѣ. Ничего подобнаго онъ не позволялъ себѣ прошлую зиму. Въ его тонѣ звучала какая-то нотка безцеремонности собственника, слишкомъ увѣреннаго и уже мало оберегающаго хрупкость любовныхъ отношеній. Онъ никогда раньше не называлъ ее «Женька», никогда не проявлялъ свою силу такимъ грубымъ образомъ.

— Ты разобидѣлась, Женичка?

— Да, почти...

— Ну, въ такомъ случаѣ прости.

Онъ протянулъ ей руку, которую она слабо пожала. Чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе, Башиловъ опять принялся разсказывать ей о своихъ проектахъ. Она слушала молча, охваченная тоской. Наконецъ, отдаваясь нахлынувшему настроенію, она вдругъ прижалась головой къ его плечу сжала его руку и тихо заплакала.

— Что съ тобой, голубчикъ?.. Слезы!.. Ну, вотъ этого я ужъ не переношу; ради Бога не плачь... Все, что хочешь, но не слезы.

— Тоска, Володя, тоска...

— Съ чего жъ это у тебя тоска?

— Володя, ты не тотъ... ты съ осени не тотъ...

— Какой же я сталъ? Ей-Богу, все тотъ же самый.

— Володя, я ѣхала сюда изъ Крыма такая счастливая, такая радостная. Думала, что опять все будетъ попрежнему; надѣялась, что видѣться будемъ чаще, никого изъ знакомыхъ еще не было, было

меньше риска, и вдругъ оказалось все иное: мы видимся мало, ты все спѣшишь, ты какъ будто не радъ меня видѣть, у тебя иной тонъ... Ахъ, Володя, дорогой мой, я ничего не прошу и не требую; я давно ничего не желаю, кромѣ любви твоей; я вся въ плѣну этого ужаснаго, непреодолимаго чувства...

— Да ты сперва, голубчикъ мой, успокойся и тогда поговоримъ резонно.

Данцова вытерла тоненькимъ надушеннымъ платкомъ крупныя неудержимыя слезы и, кусая губы, подавляла подступившія рыданія.

— Такъ, значитъ, я, по-твоему, не тотъ? Вотъ и ты, Женичка, какъ всѣ женщины, страхъ какъ любишь разводить любовную антимонію. А любовь для каждаго серьезнаго, занятого мужчины—дѣло побочное. Есть свободная минута, ну, и любишь; а если дѣломъ захваченъ, то забываешь, что и женщина существуетъ. Пусть женщина становится въ роль товарища, помощника, чтобы общность мысли и труда была; тогда, кромѣ любви, будетъ и интересъ къ ней, а вмѣстѣ съ нимъ и новое звено. Была у меня одна такая связь, много лѣтъ тому назадъ... Эта женщина чуть ли не лучше меня самого мои дѣла знала, и видѣлись мы съ ней по дѣламъ почти ежедневно, а выходило такъ, что какъ начнемъ цѣловаться, будто Богъ знаетъ сколько времени не видались. Прожили мы съ ней долго, и если бы замужъ не вышла, и еще бы жили. Во всѣхъ моихъ остальныхъ связяхъ, а было ихъ много на моемъ вѣку, всегда кончалось тѣмъ, что не пройдетъ и году, какъ женщины начинали плакать и жаловаться, что мало видимся, что я холоденъ, что я мало люблю. А я и совсѣмъ, пожалуй, любить не умѣю. Что такое любовь? Есть привычка, есть дружба...

— Къ чему ты мнѣ все это говоришь, Володя? Прошлую зиму я слыхала отъ тебя не о привычкѣ и дружбѣ, а о чувствѣ любви. Но не въ этомъ дѣло. Я не хочу насиловать никакихъ твоихъ чувствъ, но прошу тебя, дай мнѣ слово, что ты честно и откровенно, не жалѣя меня, скажешь мнѣ, когда твое чувство ко мнѣ угаснетъ. Это будетъ для меня роковой день, но я не хочу выпрашивать любви твоей, какъ милостыни, я слишкомъ люблю тебя, чтобы мириться съ твоимъ охлажденіемъ.

— Изволь, скажу... я тебѣ это обѣщаю. А пока не сказалъ, зачѣмъ же слезы и всѣ эти печали?!..

— Тебѣ, милый Володя, видно, очень мало понятно женское сердце.

— Да какъ тебѣ сказать... Съ женщинами я дѣла имѣлъ не мало: и я ихъ любилъ, и онѣ меня любили, въ общемъ всегда ладилъ съ ними, но чтобы заниматься разработкой психологіи и ихъ сердца, на это, признаюсь, времени у меня недоставало. Такъ-съ! Хоть мнѣ и грустно оставлять тебя въ такомъ невеселомъ настроеніи, однако мнѣ все-таки пора ѣхать домой, а ты послѣзавтра протелефонируй мнѣ; кажется, я буду свободенъ, и ты сможешь провести вечеръ у меня. Ну, до свиданія. Ты настоящая mater dolorosa съ этими заплаканными глазами...

Когда Башиловъ уѣхалъ, Данцова долго еще сидѣла въ застывшей позѣ на томъ же диванчикѣ и старалась успокоить себя и оправдать, быть можетъ, кажущуюся перемѣну въ отношеніяхъ къ себѣ Башилова. Она убѣждала себя, что онъ слишкомъ занятой, слишкомъ погруженный въ дѣловыя комбинаціи человѣкъ, чтобы всегда быть ровнымъ и отзывчивымъ въ дѣлахъ любви. Но вѣщее женское сердце не поддавалось доводамъ разума, и она провела без-

сонную ночь, возстановляя въ своемъ воображеніи картины недавно минувшихъ счастливыхъ дней, когда Башиловъ такъ много говорилъ ей о своемъ къ ней чувствѣ, такъ не скупился на выраженіе поклоненія ея красотѣ и изяществу, и сравненіе съ теперешними короткими свиданіями, въ которыхъ ея сердцу удѣлялась слишкомъ малая толика, подтверждало роковое предчувствіе.

— Неужели можетъ совсѣмъ разлюбить?... И тогда броситъ?!.. Какъ же я буду жить? Ну, пусть и не женится... ахъ, теперь мнѣ это все равно, но только быть ему близкой...—поблѣднѣвшими губами шептала Евгенія Михайловна въ сотый разъ одну и ту же навязчивую, какъ кошмаръ, мысль и въ полумракѣ спальни, озаренной колеблющимся огнемъ лампады, одиночество, казалось, надвигалось на нее громадной давящей тучей; она тихо стонала, молилась и плакала, какъ дѣвочка, прижавъ лицо въ уголъ подушки. На утро она встала съ головной болью, блѣдная и морально-разбитая. Вспомнивъ вчерашній разсказъ Башилова о губернаторствѣ, она рѣшила безъ его вѣдомства хлопотать о немъ черезъ Елену и немного ободрилась; мысль быть ему полезной, заслужить его признательность предстала ей въ видѣ связующаго звена.

Что жъ, если дѣло удастся и онъ получитъ желаемое назначеніе, ему придется уѣхать, и тогда она поѣдетъ вслѣдъ за нимъ, скажетъ ему откровенно, что разстаться съ нимъ свыше ея силъ. Къ чему ей теперь жизнь безъ него, къ чему общество и свѣтскія удовольствія? Вся ея жизнь слилась съ его интересами...

Евгенія Михайловна, несмотря на головную боль, поѣхала къ Еленѣ, чувствуя, что заботой о люби-

момъ человѣкѣ она можетъ облегчить тяжесть унылой тоски.

— Женя, на кого ты похожа? Что съ тобой? Ты больна?

— Я вчера поздно вернулась, меня одолѣла безсонница, и сегодня до того голова болитъ, что я мѣста себѣ не нахожу. Нарочно поѣхала прокатиться, надѣясь, что будетъ легче. Ты никуда не собираешься?

— Никуда. Садись поудобнѣе. Я велю подать чай, ты согрѣешься, и все пройдетъ.

Обо многомъ переговорили прежде, чѣмъ Данцова рѣшилась заговорить о томъ, для чего она пріѣхала.

Она сдѣлала это съ видомъ спокойнаго равнодушія.

— Вчера въ гостяхъ я слышала, что нашего общаго знакомаго Башилова прочатъ на губернаторское мѣсто; о немъ тамъ отзывались, какъ объ очень толковомъ и нужномъ человѣкѣ, но говорятъ, что если тутъ этому дѣлу не дать ходъ, если о немъ никто изъ вліятельныхъ лицъ не похлопочетъ, то, вѣроятно, ничего не выйдетъ. Мнѣ, знаешь ли, пришло въ голову попросить тебя негласнымъ образомъ помочь. Онъ былъ такъ любезенъ по отношенію меня и такъ много помогъ въ моемъ дѣлѣ, что я была бы рада быть ему, въ свою очередь, полезной, хотя бы косвенно. Къ тому же онъ, дѣйствительно, производитъ впечатлѣніе серьезнаго и умнаго человѣка, и, думаю, будетъ на мѣстѣ въ должности губернатора. Ты какъ объ этомъ думаешь?

— Я думаю, что онъ и самъ не промахнется и похлопочетъ гдѣ надо.

— Представь себѣ, тамъ говорили, будто бы онъ отказывается о себѣ хлопотать: находитъ это унизительнымъ.

— Это онъ правъ... Такъ ты думаешь, что я могу быть полезной? Хорошо, я подумаю...

— Тутъ и думать нечего: обратись къ Орлову. Вѣдь Михаилъ Михайловичъ хорошъ съ министромъ...

— Вѣрно. Изволь, я попрошу, но, конечно, Женичка, я буду дѣйствовать отъ твоего имени, ты ничего не имѣешь противъ?

— Пожалуйста. Я не скрываю, что онъ сдѣлалъ мнѣ большую услугу, и, я думаю, каждому понятно мое желаніе отплатить тѣмъ же. Не откладывай въ долгій ящикъ, ты окажешь услугу мнѣ.

— Я надѣюсь, что на дняхъ Орловъ заѣдетъ ко мнѣ, и я подъ шумокъ съ нимъ переговорю. Во всякомъ случаѣ, обѣщаю быть энергичной, во-первыхъ, въ угоду тебѣ, а во-вторыхъ, почему и не помочь умному человѣку. Мало ли карьеръ создано черезъ женщинъ? Я думаю, больше половины.

Въ слѣдующій пріемный день у Елены между многочисленными посѣтителями былъ и генералъ Орловъ.

Онъ старался имѣть беззаботный видъ, но кто его зналъ хорошо, не могъ не замѣтить грустнаго выраженія глазъ и частой задумчивости. Улучивъ свободную минуту, Елена попросила его подсѣсть къ ней и вкратцѣ передала просьбу подруги. Орловъ криво усмѣхнулся и подозрительно посмотрѣлъ на Елену:

— Это что же еще за господинъ? Не ваша ли новая симпатія?

— Удивительный вы человѣкъ, Михаилъ Михайловичъ, всюду вамъ мерещатся коварныя подкладки.

— Что дѣлать, Елена Павловна, видно, отъ старости становлюсь подозрительнымъ. Такъ кто же, все-таки, проситъ за этого господина Башилова: вы или Евгенія Михайловна?

— Я же вамъ сказала, что эта Женина просьба.

— Ага! Значитъ, вамъ угодно, чтобы я это сдѣлалъ для нея?

— Не совсѣмъ такъ. Если вы это сдѣлаете, то я буду считать услугу, сдѣланную лично мнѣ.

— Елена Павловна, ваше желаніе для меня законъ. Сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть.

Послѣ этого разговора прошло очень мало дней, какъ къ Еленѣ заѣхала Людомирова въ неурочный часъ, впопыхахъ и не въ духѣ.

— Я къ тебѣ на минуту и по дѣлу. Пожалуйста, дорогая, не откажи въ содѣйствіи... Изъ рукъ вонъ, какъ я загонялась и устала. Пріѣхалъ Оттонъ Александровичъ Бергъ... Его пріѣзды становятся для меня невыносимы; воображаетъ, что, кромѣ него, у меня никакихъ дѣлъ, никакихъ обязанностей нѣтъ. Ахъ, я болтаю, а главнаго еще и не сказала, Оттонъ Александровичъ, между прочимъ, мнѣ сказалъ, что Башиловъ можетъ получить мѣсто губернатора, и что онъ будетъ доволенъ, если это дѣло устроится, такъ какъ онъ это давно обѣщалъ Любѣ. И въ то же, время я получаю отъ Любы письмо, въ которомъ она меня умоляетъ найти возможность затормозить это назначеніе. Конечно, послѣ происшедшаго съ нимъ разрыва ей совсѣмъ неинтересно съ нимъ встрѣчаться, и вообще она не желаетъ никакихъ съ нимъ соприкосновеній. Я на ея мѣстѣ ему бы еще и напортила хорошенько, чтобы пожалѣть и берегъ бы въ другой разъ свои отношенія къ женщинамъ. Я вспомнила, что ты это можешь сдѣлать и черезъ Орлова, и черезъ Рихтера, который, кажется, не совсѣмъ къ тебѣ равнодушенъ.

— Позволь, Мариша, неужели ты думаешь, что я способна портить карьеру человѣку, который ничего сквернаго мнѣ не сдѣлалъ и вообще никакого отношенія ко мнѣ не имѣетъ?

— Если онъ никакого отношенія къ тебѣ не имѣетъ, то нечего было за него хлопотать...

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— А то, что совершенно случайно мнѣ передали, что вчера Орловъ говорилъ съ министромъ о Башиловѣ, и тотъ навѣрное исполнитъ просьбу Михаила Михайловича. Понятно, что Орловъ просилъ по твоему порученію. Во всякомъ случаѣ, ты скверную услугу оказала Любѣ и именно послѣ того, какъ я тебѣ разсказала объ его продѣлкѣ. Согласись, что это странно.

— А у меня могли быть мотивы тебѣ неизвѣстные и ничего общаго съ Любовью Петровной не имѣющіе.

— Ну, словомъ, я замѣчаю, что ты, кажется, начинаешь ему слишкомъ симпатизировать и не желаешь исполнить моей просьбы. Прекрасно, не надо, но въ такомъ случаѣ я найду иной путь и все равно добьюсь своего и ему напорчу: губернаторства онъ не увидитъ, какъ своихъ ушей; я не могу не сочувствовать Любѣ и, разумѣется, ему напорчу. Ты это такъ и знай.

— Я вижу, Мариша, что пріѣзды Берга на тебя дѣйствуютъ очень скверно. Дѣлай, что хочешь. Но только врядъ ли акціи Башилова такъ низко стоятъ, чтобы твои хлопоты могли ему очень повредить.

— Это мы еще посмотримъ!

Людомирова уѣхала очень раздраженная, а Елена поспѣшила вызвать къ себѣ Орлова, чтобы знать опредѣленно, какъ обстоятъ дѣла.

— Видите ли, въ чемъ тутъ дѣло,—заговорилъ Орловъ, усаживаясь въ кресло и скрещивая свои худыя длинныя ноги.—Иванъ Ларіоновичъ ничего не имѣетъ противъ его назначенія и, узнавъ, что я оказываюсь посломъ прелестной женщины, позави-

довалъ господину Башилову, который, впрочемъ, у нихъ тамъ на очень хорошемъ счету; отъ себя я долженъ вамъ сказать, что врядъ ли вы дѣлаете ему хорошую услугу, отправляя губернаторствовать въ тотъ край: губернія, говорятъ, прескверная, лѣвая партія очень сильна, направленіе крайне либеральное, и для вновь испеченнаго губернатора положеніе покажется крайне труднымъ. Мнѣ это и Иванъ Ларіоновичъ высказалъ. Я завтра опять съ нимъ увижусь и, если хотите, то могу еще съ нимъ переговорить на эту тему.

Елена задумалась.

— Михаилъ Михайловичъ, дорогой мой. Ужъ разъ я рѣшилась васъ безпокоить, то буду съ вами откровенна: дѣла приняли такой оборотъ, что, если бы вмѣсто губернаторства вашъ другъ Иванъ Ларіоновичъ предложилъ ему иное, равносильное этому, мѣсто, ну, что-нибудь въ родѣ управляющаго канцеляріей министра или директора департамента, то это было бы большимъ для меня удовольствіемъ. Скажу вамъ по секрету, что у меня была только что Мариша и объявила мнѣ, что она напортитъ Башилову, потому что противъ него имѣетъ зубъ и она сама, и ея подруга—Любовь Петровна Бергъ. Такъ какъ Женя знаетъ, что я уже васъ просила, то если Мариша дѣйствительно сумѣетъ напортить Башилову, это будетъ имѣть видъ, что мои хлопоты испортили все дѣло; это задѣваетъ мое самолюбіе, и, кромѣ того, я нахожу просто гнуснымъ, чтобы Мариша и Бергъ вплетали свои личные съ нимъ счеты въ судьбу его карьеры. Будьте милый, переговорите еще съ вашимъ другомъ, пусть онъ двинетъ Башилова и какъ можно скорѣе, а то чего добраго или Мариша дѣйствительно ему теперь же напортитъ, или, что еще хуже, на-

портитъ Любовь Петровна тамъ, гдѣ онъ будетъ назначенъ губернаторомъ.

— Елена Павловна, если я за что-нибудь берусь, то всегда довожу свое дѣло до конца, а въ особенности, если исполняю ваше желаніе. Будетъ жаль, если Иванъ Ларіоновичъ повидаетъ этого вашего протеже до вторичнаго со мной свиданія. Онъ записалъ у себя и обѣщалъ мнѣ не откладывать его назначенія.

— Да, это будетъ жаль, — обдумывая что-то про себя, разсѣянно отвѣтила Елена.

— Итакъ, Елена Павловна, я замѣчаю, что вы начинаете интересоваться политикой, хотите содѣйствовать чьей-то карьерѣ, а я для васъ отошелъ совсѣмъ на задній планъ... грустное это сознаніе! Давно ли все было иначе, когда я счастливый летѣлъ мыслью къ моей принцессѣ-грезѣ и чувствовалъ, что и я для нея что-то значу... Да, все измѣнилось... слишкомъ скоро и казалось бы, что и безъ причины.

Голосъ Орлова дрогнулъ и, боясь не совладѣть съ охватившимъ его волненіемъ, онъ быстро поднялся и сталъ прощаться.

— Если бы вы знали, дорогой Михаилъ Михайловичъ, какъ мнѣ больно васъ слушать...

— Извольте я буду молчать... «но пусть любовь моя васъ больше не тревожитъ, я не хочу печалить васъ ничѣмъ...» — старческимъ, дребезжащимъ голосомъ пропѣлъ Орловъ на старинный мотивъ, съ молитвеннымъ жестомъ поднявъ руку въ бѣлой перчаткѣ, какъ бы призывая само небо въ свидѣтели.

Какъ только Орловъ ушелъ, Елена послѣ короткаго размышленія написала Башилову записку и велѣла немедленно ее отправить. Когда она къ обѣду вернулась домой, лакей подалъ ей отвѣтъ. Елена

внимательно посмотрѣла на красивый увѣренный почеркъ лиловыми чернилами.

«Многоуважаемая и очаровательная уника!

«Не знаю, что за важныя дѣла породили въ васъ счастливую мысль призвать меня хоть на полчаса, какъ вы пишете. Къ счастью, я сегодня имѣю въ своемъ распоряженіи эти полчаса и съ удовольстіемъ буду у васъ въ означенное время.

«Цѣлую ваши милыя ручки. Искренно и неизмѣнно вамъ преданный В. Башиловъ».

Елена наскоро пообѣдала, чтобы успѣть одѣться въ театръ до прихода Башилова.

— Какая вы интересная!—воскликнулъ онъ, когда Елена вышла къ нему въ гостиную въ черномъ бархатномъ платьѣ съ вырѣзомъ на груди. — Позвольте же на васъ сперва полюбоваться. Я, изволите ли видѣть, безумно люблю женщину въ нарядномъ туалетѣ, а вы обладаете рѣдкимъ талантомъ одѣваться такъ, что на васъ самое скромное платье имѣетъ какой-то особенный видъ. Настоящая королева.

— Однако садитесь. Чѣмъ васъ угощать? Хотите вина? фруктовъ, конфектъ?

— Покорно благодарю-съ, кромѣ вашего присутствія, я ничего не хочу.

— Въ такомъ случаѣ, Владимиръ Ивановичъ, я приступаю прямо къ дѣлу, а вы будьте серьезны, на меня такъ не смотрите, а вникните во все, что я вамъ скажу.

— Слушаю-съ, я очень заинтересованъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло: если не завтра, то со дня на день васъ можетъ призвать министръ и, ужъ не знаю въ какой формѣ, вѣроятно, предложитъ вамъ мѣсто губернатора, на что вы должны ему отвѣтить, не знаю, въ какихъ тамъ вы найдете нужнымъ вы-

раженіяхъ, что, во-первыхъ, губернія эта вамъ не по сердцу въ виду несимпатичнаго и труднаго направленія, и что, во-вторыхъ, ваши дѣла васъ привязываютъ къ Петербургу и если бы движеніе впередъ было возможнымъ, но безъ необходимости выѣзда отсюда, то вы были бы счастливы, и такъ далѣе.

— Ровно ничего не понимаю. Могу ли полюбопытствовать, какимъ образомъ вамъ это все извѣстно и почему вы мнѣ диктуете, что я долженъ сказать.

— Владимиръ Ивановичъ, вы отлично знаете, что если я говорю съ вами, то только съ чувствомъ доброжелательства. Промаха здѣсь быть не можетъ. Я говорю лишь то, въ чемъ очень увѣрена, но больше сказать вамъ ничего не могу, и ужъ вы, пожалуйста, меня ничего не спрашивайте. Вы должны же понимать, что, вращаясь въ обществѣ, имѣя друзей, мало ли что можешь услышать... Вѣдь не всѣмъ же извѣстно, что мы съ вами въ хорошихъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе не придетъ никому въ голову, что я стану съ вами дѣлиться слышаннымъ. Кто умѣетъ молчать, тотъ много и знаетъ. Быть можетъ, я и ослышалась, но мнѣ почудилось что-то въ родѣ управляющаго канцеляріей министра... или директора департамента.

— Ну, это вамъ, очевидно, почудилось. Я, какъ говорится, еще не доросъ до этого; а что касается губернаторства, то съ благодарностью цѣлую вашу ручку за совѣтъ, но, изволите ли видѣть, я, пожалуй, и самъ бы отъ него отказался, такъ какъ въ данную минуту такое назначеніе меня не особенно устраиваетъ. Помимо нѣкоторыхъ соображеній, я, видите ли, того мнѣнія, что губернаторствовать холостому человѣку какъ будто бы и не такъ удобно. Тутъ нужны и пріемы, и умѣнье наладить домъ, и всѣ эти

тонкости, съ которыми великолѣпно умѣетъ справляться женщина. Губернаторша, да если еще умная и интересная, даетъ извѣстный тонъ, и безъ этого никакъ нельзя-съ. Поѣдешь бобылемъ, и какъ разъ привяжется какая-нибудь баба, сама же и растрещитъ по всей губерніи, а мамаши, у которыхъ взрослыя дочки, начнутъ фыркать и негодовать, на ушко разсказывать про губернатора скандальныя небылицы. Это я знаю доподлинно-съ. Во всякомъ случаѣ сердечно благодаренъ, что мои дѣла васъ интересуютъ.

— Да, да, Владимиръ Ивановичъ, ужасно интересуютъ, и, знаете, вѣдь у меня необыкновенно счастливая рука, какъ говорятъ французы, j'ai une chance contagieuse, вотъ вы подержите хорошенько мою руку, и я увѣрена, что вашъ визитъ къ министру ознаменуется чѣмъ-нибудь выдающимся.

Елена протянула Башилову руку; онъ крѣпко ее сжалъ, поцѣловалъ и, поглаживая, ласково проговорилъ:

— А славная у васъ ручка, такъ бы и унесъ съ собой навсегда. Однако я не хочу васъ задерживать, вамъ пора въ театръ; разрѣшите васъ подвести — меня ждетъ автомобиль:

Елена согласилась. Въ передней лакей набросилъ ей на плечи длинную плюшевую шубку, отороченную прекраснымъ мѣхомъ, и Елена, довольная своимъ днемъ, смѣясь и весело болтая, спускалась съ лѣстницы въ то время, какъ Башиловъ, слегка поддерживая ее за локоть, съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя ароматъ ея духовъ и, искренно любуясь ея подвижнымъ, очень выразительнымъ лицомъ, не столько слушалъ то, что она говорила, какъ прислушивался къ низкимъ груднымъ ноткамъ ея мелодичнаго голоса, Всю дорогу до театра Башиловъ мучительно боролся

съ желаніемъ привлечь ее къ себѣ и поцѣловать ея губы и глаза, но разсудокъ опять-таки одержалъ верхъ надъ страстью, и онъ ограничился только тѣмъ, что почти всю дорогу не выпускалъ ея руки и безпрестанно прикасался къ ней губами.

— Опасная вы женщина, Елена Павловна: чаруете и мучаете, какъ русалка.

— Чѣмъ же я васъ мучаю?—разсмѣялась Елена.

— Очень ужъ вы меня на благородной дистанціи держите; если не ошибаюсь, вы изволили изъ-за границы вернуться почти мѣсяцъ тому назадъ, а вижу я васъ всего третій разъ. Живете за семью замками.

— Это я за семью замками? Ну, что вы разсказываете! Моя дверь всегда и для всѣхъ открыта.

— А это и еще хуже, если для всѣхъ. Иной разъ, сознаюсь вамъ, у меня мелькала мысль заѣхать къ вамъ вечеркомъ чашку чаю выпить, посидѣть часовъ до одиннадцати, отдохнуть подлѣ васъ и опять къ дѣламъ, но ѣхать къ вамъ, чтобы расшаркиваться съ незнакомыми кавалерами или дамами,—на это у меня охоты нѣтъ-съ; ну, я и не ѣду.

— Такъ вѣдь существуетъ телефонъ для этого; не полѣнитесь спросить, одна ли я, и вѣрьте, что буду вамъ очень рада. Я тоже нахожу, что мы съ вами мало видимся, если принять въ соображеніе...—Елена запнулась.

— Договоривайте, прошу васъ.

— Ваше желаніе сократить разстояніе, насъ раздѣляющее.

— А оно еще не сократилось? Ну, будьте же откровенны.

— Немножко...

— Немножко?! А вотъ бы взять васъ сейчасъ за плечи, стиснуть хорошенько и зацѣловать бы въ уста сахарныя, и исчезло бы всякое разстояніе.

— Владимиръ Ивановичъ, не смѣйте.

Елена инстинктивно прижалась въ другой уголъ автомобиля: въ тонѣ Башилова ей послышались опасныя нотки.

— Да я и не смѣю. Покоренъ, какъ рабъ. Сижу со сложенными руками и чту васъ, какъ Богородицу.

Когда подъѣзжали къ театру, Елена, переведя разговоръ на дѣловую почву, между прочимъ сообщила Башилову, что положеніе генерала Берга очень непрочно и что съ отставкой премьеръ-министра, о которой очень поговариваютъ, его карьера будетъ окончена, такъ какъ его находятъ мало самостоятельнымъ, лишеннымъ всякой индивидуальности, неспособнымъ шагу ступить безъ чужихъ указаній.

«Оттого и отъ губернаторства совѣтуетъ отказаться. Умная баба, все сообразила... Откуда она всѣ эти свѣдѣнія имѣетъ?» — подумалъ про себя Башиловъ.

— Конечно, Владимиръ Ивановичъ, никто не долженъ знать нашего разговора и вообще никому нѣтъ дѣла, о чемъ бы и когда бы мы съ вами ни говорили.

— Мудрое правило-съ, и я его придерживаюсь всю жизнь. Веселитесь, всего хорошаго! А чай пить я, значитъ, къ вамъ на дняхъ же заѣду, если разрѣшите.

Елена распростилась съ Башиловымъ у подъѣзда опернаго театра, а онъ отправился на засѣданіе, слегка взволнованный сообщенной ему новостью. Говоря Еленѣ о своемъ яко бы желаніи отказаться отъ губернаторскаго мѣста, Башиловъ лгалъ и сдѣлалъ это инстинктивно, чувствуя необходимость дать ей понять, что онъ хорошо знаетъ себѣ цѣну и не падокъ на повышенія, расходящіяся съ его убѣжде-

ніями, и что совѣтъ Елены не имѣетъ рѣшающаго значенія въ дѣлѣ, которое онъ будто бы уже обдумалъ самъ въ отрицательномъ смыслѣ. Ему очень бы хотѣлось знать, какую роль во всемъ этомъ дѣлѣ играла Елена: принимала ли она активное участіе, или, дѣйствительно, только умѣло воспользовалась слышаннымъ, чтобы заранѣе предупредить его?

До крайности самолюбиваго Башилова слегка коробила мысль о возможности быть обязаннымъ женщинѣ въ своей удачѣ. Не взирая на разговоры о равноправіи, онъ бы не потерпѣлъ близости женщины, которой открыто былъ бы чѣмъ-нибудь обязанъ. Онъ слишкомъ привыкъ импонировать и внушать поклоненіе къ своей силѣ и энергіи, чтобы согласиться на роль товарища съ равными силами.

«Какъ бы то ни было, а баба ловкая и умѣлая... повозиться съ ней придется... не очень податлива... а интересна, въ ней что-то есть!» думалъ про себя Башиловъ, пока автомобиль мчалъ его на засѣданіе.

V.

Прошло нѣсколько дней. Елена съ большимъ интересомъ ожидала результатовъ своихъ хлопотъ по дѣлу Башилова, какъ къ ней неожиданно заѣхалъ Орловъ и объявилъ, что желаніе «принцессы грезы», какъ онъ любилъ называть Елену, исполнено въ точности, такъ какъ министръ, желая уважить его просьбу и считая Башилова человѣкомъ выдающихся способностей, такъ или иначе въ самомъ скоромъ будущемъ выдвинетъ его по службѣ; вскорѣ послѣ визита Орлова пріѣхалъ вечеромъ пить чай и Башиловъ, предварительно удостовѣрясь, что Елена одна

и никто имъ не помѣшаетъ. Онъ очень обстоятельно посвятилъ Елену во всѣ подробности своего визита къ министру. Какъ и предполагалось, ему было предложено мѣсто губернатора, отъ котораго онъ отказался, а послѣ продолжительной бесѣды ему было объявлено, что вскорѣ онъ получитъ назначеніе на должность директора департамента. Онъ хотѣлъ и старался казаться совершенно спокойнымъ, но отъ него вѣяло радостью заслуженной удачи и сознаніемъ своей силы.

— Разрѣшите мнѣ маленькую вольность: вы спокойно пейте свой чай, а я, пока мой остынетъ, буду по комнатѣ ходить. Такая ужъ привычка глупая. Я логичнѣе думаю и говорю, если нахожусь въ движеніи. Такъ вотъ-съ, Елена Павловна, мнѣ и не мнилось, что наединѣ съ вами, въ вашей красивой столовой я буду переживать чувство удовлетворенія по поводу крупнаго движенія по службѣ. Да-съ, лѣтъ десять тому назадъ такое назначеніе могло бы мнѣ казаться конечнымъ этапомъ мой карьеры, а теперь, долженъ вамъ признаться, что меня точитъ червь честолюбія, и я спрашиваю себя: ну, и что же дальше?

— Какъ что дальше? Впередъ, все впередъ...

— А знаете ли вы, очаровательная уника, что значитъ для меня впередъ? Знаете ли вы, перспектива какого конечнаго пункта можетъ теперь удовлетворить меня?

— У васъ есть данныя, чтобы желать многаго. Вы должны проложить себѣ путь и въ концѣ концовъ добиться министерскаго поста.

— Вы меня поняли. Добиться товарища министра это не карьера.

— Ну, что жъ, вы и добьетесь желаемаго.

— Вы думаете?

— Увѣрена. И вы должны быть увѣрены.

— Я не увѣренъ.

— Это скверно. Я убѣждена, что тотъ создаетъ свою судьбу, кто твердо и неуклонно вѣритъ въ свою силу и смѣлость. У васъ есть и то, и другое.

— У меня есть еще и третье—чутье, которое иногда подсказываетъ мнѣ, что для достиженія именно этой конечной цѣли у меня недостаетъ пороху.

— Что за ерунда! Какъ вы можете поддаваться навѣтамъ слабости? Жизнь это бурный океанъ, судьба—челнъ, на которомъ я стою и твердой рукой управляю парусомъ. Если я смѣла, если рука моя не дрогнетъ, если я не страшусь дикихъ волнъ, налетающихъ на мою ладью, то взбираясь на пѣнистые гребни или падая въ бездну пучины, я все-таки доплыву до берега; но бѣда, если рука дрогнетъ и сомнѣніе затуманитъ острый направленный въ пространство взоръ: парусъ пригнется къ водѣ, бѣшеная волна захлестнетъ мою ладью, и я стану игрушкой непокорной стихіи.

— Все это вы очень картинно изволили нарисовать, и все-таки я не знаю, гдѣ тѣ борцы, у которыхъ никогда не дрогнула рука въ борьбѣ съ жизнью. Я не умаляю своихъ достоинствъ, я цѣну себѣ знаю-съ, но не въ этомъ дѣло. Мало ли было случаевъ, что портфель министра оказывался во власти бездарностей, неспособныхъ на отвѣтственый постъ; одного родня, другого протекція, третьяго женщины вывозили на широкій путь: у меня нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго. Я горжусь силой своей личной энергіи, и никакія почести для меня не имѣли бы цѣны, если бы я достигъ ихъ не исключительно самостоятельнымъ завоеваніемъ, а черезъ протекцію или женщинъ.

— Я васъ отлично понимаю,—сказала Елена, склонивъ лицо надъ чашкой чая. Едва уловимая улыбка чуть-чуть скользнула у нея по лицу. «Если ты хочешь научить меня, какъ обманывать тебя, то я это и сама знаю», пронеслось у нея въ головѣ.

— Вы принадлежите именно къ тѣмъ людямъ, сила которыхъ заключается только въ нихъ самихъ, а не въ умѣніи использовать удобныя обстоятельства. Вы идете впередъ съ поднятымъ забраломъ, и, увѣряю васъ, добьетесь своего. Вѣрь въ себя, и я въ тебя увѣрую, а въ данномъ случаѣ, кажется, я буду говорить: я въ тебя вѣрую—вѣрь въ себя.

— Красно вы говорите. Ну, что можетъ быть лучше умной женщины? Какъ есть любители тонкихъ сигаръ и дорогихъ винъ, такъ дла меня высшее удовольствіе въ родѣ кейфа поговорить съ умной женщиной.

Въ одиннадцать часовъ Башиловъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что ему пора домой къ занятіямъ; Елена его не удерживала, но онъ заговорилъ на тему проекта, который онъ готовитъ къ засѣданію, увлекся разговоромъ и просидѣлъ до полуночи.

Съ этого вечера Башиловъ сталъ отъ времени до времени заѣзжать къ Еленѣ по вечерамъ, чтобы поболтать и выпить чашку чаю; такъ какъ онъ пріѣзжалъ не иначе, какъ если Елена была совершенно одна, то эти часы недолгихъ, но интересныхъ и задушевныхъ бесѣдъ порождали во взаимныхъ отношеніяхъ интимность, о которой никто не подозрѣвалъ и которая мало-по-малу начала пріучать ее къ мысли, что дѣйствительно Башиловъ становится ей близкимъ человѣкомъ, привязанность котораго основана не на пустомъ увлеченіи. Держалъ онъ всегда себя строго и серьезно, вносилъ живую волну кипу-

чей жизненной борьбы, и обликъ этого человѣка, въ которомъ Елена начинала видѣть друга, вырисовывался для нея все ярче и ярче, именно въ тѣхъ краскахъ, въ которыхъ Башилову угодно было себя выставить. Такъ какъ мѣсто губернатора, предназначавшееся Башилову, было вскорѣ занято другимъ, и такъ какъ Людомирова черезъ Берга узнала, что Башиловъ самъ отъ него отказался, то ей не пришлось особенно хлопотать, чтобы, ему напортить, но она была глубоко поражена и ея мыслямъ былъ данъ новый толчекъ ко всевозможнымъ догадкамъ и комбинаціямъ, когда Башиловъ получилъ офиціальное назначеніе директора департамента.

— Каково! Башиловъ не даромъ отказался отъ губернаторства. Этакъ онъ, пожалуй, выше Рихтера прыгнетъ, — говорила она направо и налѣво. — Тутъ не безъ женщины... Удивляюсь вкусу! Онъ вульгаренъ и грубоватъ; Рихтеръ и умнѣе, и салоннѣе его... Браво, Елена! Ты превзошла всѣ мои ожиданія. Если ты будешь продолжать въ томъ же духѣ, то этакъ мы Башилова, пожалуй, и въ роли министра увидимъ.

— А я-то тутъ причемъ? Ты вѣдь знаешь, что Башиловъ талантливъ и ловокъ...

— Я думаю, что ты и умнѣе, и талантливѣе его. Недаромъ кто-то недавно совѣтовалъ Рихтеру прiударить за тобой; тебя считаютъ типомъ женщины, на которой долженъ жениться умный человѣкъ, стремящійся сдѣлать блестящую карьеру. Что жъ, Рихтеръ былъ бы для тебя недурной партіей; ты бы его въ нѣсколько прыжковъ сдѣлала министромъ.

— Въ концѣ концовъ кого же мнѣ надо дѣлать министромъ—Рихтера или Башилова?

— Разумѣется, Рихтера. Во-первыхъ, если ужъ говорить серьезно, Рихтеръ ему этого назначенія не

проститъ, и ногу въ свое время подставитъ, а, во-вторыхъ, совѣтую тебѣ все-таки обратить вниманіе на Рихтера; я знаю, что онъ о тебѣ всегда очень восторженно отзывается и если смекнетъ, что въ назначеніи Башилова ты сыграла нѣкоторую роль, то, повѣрь мнѣ, онъ еще больше тебя оцѣнитъ. Зачѣмъ упускать хорошую партію?

— Да ты, кажется, Мариша, въ свахи записалась! Съ чего ты вздумала, что я замужъ за него пойду?

— Не за Башилова же тебѣ итти!.. Мнѣ говорили, что онъ влюбленъ въ тебя, что онъ для тебя, кажется, и въ Крымъ ѣздилъ.

Елена разсмѣялась.

— То ты говорила, что онъ влюбленъ въ Женю, а теперь въ меня...

— И въ тебя, и въ Евгенію Михайловну, и въ какую-нибудь актрису, и въ свою экономку, если она у него есть,—въ этомъ направленіи онъ можетъ дробиться до безконечности. Люба мнѣ писала, что онъ теперь возится съ какой-то шансонеточной пѣвицей.

— А почему же ему и не возиться—вѣдь онъ холостой человѣкъ!

Какъ Людомирова ни подводила разговоръ, однако ей не удалось опредѣлить, есть ли у Елены хоть доля увлеченія къ Башилову, и она обратилась за справками къ барону Штадену, который за послѣднее время раза два столкнулся съ Башиловымъ у Елены, былъ крайне раздосадованъ этой встрѣчей, убѣдившей его, что Елена не на шутку ему симпатизируетъ. Была минута, когда у барона мелькнуло желаніе осторожно навести Елену на мысль о связи ея подруги съ Башиловымъ, но, вѣрный своему правилу уважать чужія тайны и ни при какихъ обстоятельствахъ не выходитъ изъ роли только зрителя, онъ и тутъ не измѣ-

нилъ себѣ, предоставляя судьбѣ спутывать или развязывать жизненныя нити. Отъ Штадена Людомирова, конечно, ничего узнать не могла и стала прислушиваться къ тому, что въ гостиныхъ говорилось или предполагалось, вставляя два-три полушутливыхъ, полуязвительныхъ слова, которыя незамѣтно вливали ядъ и злобу недоброжелательства. За послѣднее время Людомирова не пропускала случая бросить Еленѣ какую-нибудь колкость или двусмысленный намекъ то на Башилова, то на Орлова, то на Юрьева, котораго, впрочемъ, Елена совсѣмъ мало видѣла. Она отмалчивалась или слегка высмѣивала Людомирову, отгадывая, что та вымещала на ней свои недоразумѣнія и ссоры съ барономъ.

Вскорѣ баронъ пріѣхалъ къ Еленѣ и сообщилъ ей о своемъ окончателномъ разрывѣ съ ея подругой Людомировой.

— Прошу васъ меня считать вернувшимся изъ кратковременнаго отпуска,—смѣясь говорилъ онъ,— и вступившимъ вновь въ должность сторожа вашего психологическаго момента, близость котораго, мнѣ помнится, вы предвидѣли въ недалекомъ будущемъ. Я упоренъ и постояненъ и никому не уступлю своего сторожевого пункта; теперь я удвою свою наблюдательность изъ чувства эгоизма и изъ чисто альтруистическихъ побужденій.

— А-а! Благоволите ихъ выяснить, это очень интересно.

— Вы, mon ange, хоть и прикрываетесь тогой добродѣтельной безстрастности, но я вамъ не вѣрю и очень боюсь, что съ наступленіемъ психологическаго момента вы натворите всякихъ чудесъ, а потому я, вашъ вѣрный и бдительный другъ, постараюсь, чтобы этотъ психологическій моментъ...

— Сосредоточился бы на васъ, cher baron...

— Совершенно вѣрно! то есть вы просто читаете мои мысли. Браво! И что же, вы согласны?

— Ну, еще бы! Развѣ вы не понимаете, что я только ждала вашего возвращенія изъ кратковременнаго бѣгства.

— Pardon—отпуска, такъ какъ вы сами его налаживали. Чтобы начать свои обязанности стражника, позвольте быть нескромнымъ и предупредить васъ, что вамъ приписываютъ злые языки уже не двоихъ поклонниковъ, а трехъ: Орлова, Юрьева и Башилова. Послѣднимъ очень заинтригованы; кто-то пустилъ слухъ, что вы ему карьеру хотите сдѣлать, а затѣмъ удостоить чести сдѣлаться его женою.

— А-а! Узнаю Маришинъ языкъ... Ну, милый баронъ, теперь стоитъ вамъ почаще ко мнѣ заѣзжать, чтобы вы оказались четвертымъ поклонникомъ.

— А я это непремѣнно и сдѣлаю, потому что къ Башилову васъ ревную и ни за что не хочу, чтобъ васъ соединяли съ его именемъ.

— Спасибо за услугу; меня это не устраиваетъ, такъ какъ если мнѣ кто-нибудь можетъ нравиться, то это будетъ навѣрное онъ. Что? Не ожидали?

— Вы шутите?..

— Совершенно серьезно.

— Въ такомъ случаѣ это очень прискорбно.

— Даже прискорбно? Но я васъ утѣшу тѣмъ, что пока это еще мое предположеніе, и, какъ другъ, вы будете au courant всѣхъ серьезныхъ событій, если имъ суждено когда-нибудь случиться.

— А я вотъ начну за вами хорошенько ухаживать и отважу его.

— Сдѣлайте одолженіе, вѣдь я еще не влюблена.

Однажды Людомирова встрѣтила Башилова у

общихъ знакомыхъ, подсѣла къ нему и начала слегка его язвить и дѣлать намеки, что она знаетъ какія-то его тайны. Башиловъ поддавался очень туго и, предполагая, что она намекаетъ на ссору съ Любовью Петровной, и желая перемѣнить разговоръ, спросилъ, давно ли она видѣла Елену. Людомировой этого только и надо было.

— Это время я ее вижу очень мало, потому что она такъ занята своими флиртами, что ей, конечно, не до меня.

— Помилуйте, Марія Константиновна, могутъ ли быть флирты у Елены Павловны? Я не встрѣчалъ болѣе холодной и безстрастной женщины, чѣмъ она.

— Елена безстрастна? Ого! Откуда вы это можете знать? Удивляюсь! Вы такой опытный въ дѣлѣ съ женщинами!.. Вѣроятно, вы неумѣло взялись. Рѣшивъ, что Елена слишкомъ умна, вы начали съ психологіи, а женщина какъ бы она умна ни была, въ дѣлахъ любви все-таки остается женщиной, а не философомъ... Философія расхолаживаетъ.

Людомирова смѣялась и кокетничала, стараясь отвлечь вниманіе Башилова отъ своей главной цѣли— выставить пріятельницу въ невыгодномъ свѣтѣ. Башиловъ, любопытство котораго было задѣто по отношеніи Елены, попался на эту удочку и, въ свою очередь, желая выпытать отъ Людомировой то, что его въ данную минуту интересовало, искалъ способа, какъ бы замаскировать свое намѣреніе.

— Я, изволите ли видѣть, всегда руководствуюсь примѣромъ умныхъ людей. Александръ Александровичъ Рихтеръ тихонько и умненько бесѣдуетъ съ Еленой Павловной и успѣхъ, кажется, имѣть будетъ.

— Ну, будетъ ли еще имѣть—это вопросъ! Вы бы лучше поучились у Юрьева; онъ умомъ, кажется, не блещетъ, а успѣхъ имѣетъ колоссальный.

— Ужъ и колоссальный! Позволила барынька ручку поцѣловать, а онъ и затрубилъ побѣду. Это по молодости лѣтъ и по неопытности-съ.

— Ну, извините! я сама была свидѣтельницей, какъ однажды въ чаду умопомрачительнаго кокетства Елены Юрьевъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ расцѣловалъ ее.

— Да, это ужъ очень рѣшительно!.. Такой примѣръ даже и опасенъ.

Башиловъ почувствовалъ раздраженіе противъ Людомировой, сразу испортившей ему настроеніе, но вмѣсто того чтобы прервать разговоръ, на зло самому себѣ ждалъ дальнѣйшаго.

— Въ такомъ случаѣ поучитесь у барона Штадена. Это, повѣрьте мнѣ, артистъ. И онъ знаетъ прелесть Еленинаго поцѣлуя; этотъ, пожалуй еще рѣшительнѣе, чѣмъ Юрьевъ... Изъ всѣхъ обожателей Елены самый слабый Орловъ,—но вѣдь его пѣсня, кажется, спѣта; она выжала изъ него послѣдніе соки и теперь держитъ на веревочкѣ для количества... Ну, разумѣется, надо имѣть умъ и смѣлость Елены, чтобы такъ бравировать и такъ смѣло афишировать свои связи; каждая изъ насъ трепещетъ лишняго пожатія руки, боясь, чтобы не раздули и изъ мухи слона не сдѣлали, а она, молодецъ, очень ловка; ничего не боится, зато ей прощается многое. Я любуюсь такими женщинами, а вы?

— Если я любуюсь Еленой Павловной, то главнымъ образомъ за то, что никогда отъ нея ни о комъ дурного слова не слышалъ,—сдерживая раздраженіе, отвѣтилъ Башиловъ.

— Это что же? Камень въ мой огородъ?

— Помилуйте, имѣю ли я право...

Башиловъ уѣхалъ домой сильно не въ духѣ, оза-

боченный слышаннымъ, взбѣшенный на Елену при мысли, что она, быть можетъ, и его дурачитъ, его, привыкшаго насквозь видѣть каждую женщину. И въ то же время чутье подсказывало ему, что Елена слишкомъ цѣльный и благородный характеръ для мелкихъ интригъ. Ему хотѣлось откровенно переговорить съ ней, но онъ предпочелъ пока молчать, наблюдать, насколько возможно, и ничего не измѣнять въ ихъ отношеніяхъ. Благодаря новымъ обязанностямъ службы, онъ имѣлъ очень мало времени и съ бо̀льшимъ удовольствіемъ отдавалъ свободные вечера на посѣщеніе Елены, чѣмъ на свиданія съ Данцовой, которая начинала ему мѣшать и не на шутку озабочивать. Тихая, покорная и любящая, она мирилась съ необходимостью рѣже видѣться, вѣря, что служба отнимаетъ у него почти все время. Она не высказывалась, но была грустна, и зачастую Башиловъ видѣлъ, какъ она глотала слезы, силясь улыбаться.

Такъ прошло время до новаго года. Башиловъ служилъ и много работалъ, Елена много выѣзжала, но жизнь казалась ей полнѣе, и тоска рѣже закрадывалась въ ея душу съ тѣхъ поръ, какъ ея мысли стали сосредоточиваться на интересахъ служебнаго успѣха человѣка, судьба котораго становилась ей все ближе и ближе. Людомирова давала балы и обѣды. Послѣ долгой переписки и переговоровъ она все-таки добилась наружнаго примиренія съ барономъ, которое ей было необходимо для декорума передъ обществомъ, но баронъ держалъ себя такъ холодно, что вернуть его сердце оказалось невозможнымъ.

Башилову удалось найти свободный вечеръ и поѣхать къ Аннѣ Ивановнѣ, предупредивъ ее съ утра о своемъ посѣщеніи. Занесенный большими хлопьями

снѣга, онъ отряхивалъ бобровый воротникъ и протиралъ мокрое пенснэ въ маленькой передней, куда навстрѣчу ему вышла Анна Ивановна, кутаясь въ большой вязанный платокъ.

— Здравствуйте, моя красавица; вы что кутаетесь?.. Неужели прозябли? У васъ тепло.

— Здравствуйте. Давненько не видались. Что-то знобитъ меня; вѣрно, простудилась.

— Это не полагается. Вотъ я, погодите, отогрѣю васъ.

— Развѣ, что такъ... по старой памяти. Да вы что такъ поздно? Девять часовъ. Я думала, что ужъ и не пріѣдете.

— Занятъ я, голубчикъ, до такой, степени, что ей-Богу какимъ-то фокусомъ урвалъ сегодня часъ-другой, чтобы къ вамъ пріѣхать. Работаю по семнадцати часовъ въ сутки.

— А незамѣтно. Выглядите молодцомъ. Ей-Богу, будто и помолодѣли. Пройдемте въ столовую; самоваръ совсѣмъ простылъ, васъ дожидаясь. Что и говорить, рѣдкій гость! Безъ дѣла не загляните.

— Ну, ну, голубчикъ, полно вамъ. Зато пріѣхалъ и весь вашъ, будто пять лѣтъ тому назадъ. Время-то бѣжитъ! Шутка сказать — пять лѣтъ прошло! А хорошо бывало. Любилъ я вотъ этакъ отдыхать у васъ вечерами и чай съ малиновымъ вареньемъ пить.

— И сейчасъ малиновое варенье подано: видите— не забыла.

— Ну, разскажите о себѣ. Вижу, что живется хорошо.

— Да что о себѣ разсказывать? — Живется разно: когда хорошо, а когда неважно. Иной разъ и поплачу.

— У васъ вѣдь глаза на мокромъ мѣстѣ, вамъ не поплакать нельзя.

— Ладно, ладно. Старое вспоминать не будемъ, а то, пожалуй, не трудно будетъ найти, кто и плакать-то выучилъ. Давайте лучше о другомъ говорить.

Пока пили чай. Анна Ивановна постепенно отогрѣвалась и скинула свою шаль. Башиловъ съ удовольствіемъ поглаживалъ всегда соблазнявшія его пухлыя бѣлыя руки Анны Ивановны, унизанныя прекрасными кольцами. Въ широкой кофточкѣ безъ корсета, съ пышной грудью, съ большими голубыми глазами, бѣлолицая, она понемногу будила въ Башиловѣ воспоминанія былой связи, и онъ, слушая ее улыбался своимъ мыслямъ.

Послѣ чая Анна Ивановна принесла карты и, отставивъ въ сторону чашки, принялась ихъ раскладывать.

— Теперь полно ужъ вамъ всякое тамъ думать. Я вѣдь васъ насквозь вижу; думайте про свое и не отвлекайтесь. Постойте-ка, ужъ я лучше шаль пока одѣну. Какія карты, на подборъ... Да вы никакъ назначеніе получили? И не такъ давно... былъ разговоръ съ важнымъ лицомъ; о васъ говорили... разговоръ серьезный былъ. Ну, такъ и есть, у васъ повышеніе по службѣ и полное удовлетвореніе. Вѣрно?

— Вѣрно-съ.—Башиловъ улыбался.

— Ишь вѣдь какой! Хоть бы слово черкнули старому другу, что предсказанія сбываются. Всегда говорила вамъ, что по службѣ везетъ, будете вы вскорѣ очень крупная штука.

— Зачѣмъ мнѣ писать вамъ, коли вы и безъ меня по картамъ все отгадываете!

— Поѣздка была... далекая и удачная; и для кармана, и для самолюбія вашего ненасытнаго... А это же что выходитъ?.. Опять на сердцѣ дама, да только не та, что я вамъ въ жены прочила. Къ той сердце

ваше остыло... Что же это за исторія такая?.. подождите-ка, разберусь я сперва... Конечно... вотъ опять эта дама подлѣ, очень вы къ ней льнете и карты хорошія, очень хорошія; она благосклонна къ вамъ и... просто словъ не нахожу, выходитъ такъ, что ваша удача какъ будто бы и отъ ея счастливой руки зависитъ. Силы въ ней много. Жаль мнѣ очень эту вашу прошлогоднюю дамочку, а пѣсня ея спѣта... спѣта, и ничего тутъ ужъ не выйдетъ... дороги идутъ врозь и не сойдутся... нѣтъ, нѣтъ, не сойдутся. А та-то!— Ухъ, что за карта подлѣ нея и подлѣ васъ! Мѣшай, не мѣшай, все то же... Много вамъ на роду написано, и все сбудется, какъ я говорила.

Башиловъ просилъ разложить карты на Елену; вышло то же. Анна Ивановна покачала головой и, подперевъ ладонью подбородокъ, безошибочно обрисовала характеръ и жизнь Елены.

— А кавалеровъ и поклонниковъ у нея много?

— Не меньше какъ у васъ разныхъ дамъ, только чудно выходитъ: всѣ они наровнѣ стоятъ, а сердце ея къ вамъ обращено.

Долго еще гадала Анна Ивановна и много правды сказала Башилову.

— Что тамъ карты ни говори, а отольются вамъ когда-нибудь слезы этой бѣдной дамочки. Неугомонное сердце у васъ и жадное: всего вамъ мало! Любитъ она васъ до смерти, пожалуй, никто такъ не любилъ, и любить не будетъ. Ваша новая пассія сердцемъ куда холоднѣе и гордая, а летаетъ высоко; карты какъ на подборъ.

Окончивъ гаданье, Анна Ивановна скрестила на столѣ руки.

— Такъ-то, ваше превосходительство, глубоко вы плаваете и шибко идете въ гору, но и обидъ на-

носите не мало. Чужая душа вамъ ни по чемъ. За это я и разлюбила васъ; будь я чародѣйка, научила бы вашу бѣдную тихую дамочку не слезы лить, а отойти отъ васъ подальше и отыскать другого, да подобрѣе.

— Экая вы умница! Каждому дано свое; я не умѣю совмѣстить холодный разсудокъ съ жалостью къ плачущимъ. Начну утѣшать да слезы осушать и пропущу нужную минуту. Не могу я изъ одной жалости свою волю насиловать. Пока любится, люблю, а большаго никогда и не обѣщаю.

— Такъ, такъ!.. Не мнѣ васъ учить... А только все же выходитъ, что жизнь за любовь къ себѣ губите.

— Позабудетъ! Поплачетъ и позабудетъ.

— Это еще неизвѣстно.

— А вотъ вы позабыли?

— То—я а то—она. Не у всѣхъ сила одинаковая.

— Такъ вы меня совсѣмъ позабыли? Такъ-таки на чистоту?

— А что же мнѣ: вспоминать и печалится прикажите?

— Итакъ, выходитъ, что я добрѣе васъ. Вотъ каждый разъ, какъ пріѣду, и потянетъ къ тебѣ... слышишь... къ тебѣ потянетъ. Славныя руки твои... и вся-то ты аппетитная и заманчивая...

Данцова весь день была въ приподнятомъ настроеніи. Вечеромъ ей предстоялъ большой bal-poudré, на который она ѣхала съ охотой, такъ какъ Башиловъ уступилъ ея настоятельной просьбѣ и согласился передъ баломъ заѣхать къ ней, чтобы выпить вмѣстѣ чай и посмотрѣть на нее въ бѣломъ парикѣ. Послѣднее свиданіе онъ былъ съ ней очень ласковъ, и Данцовой показалось, что въ немъ вспыхнула къ ней прежняя горячая страсть.

«Да, какъ женщина, ты владѣешь мной, и я въ твоей власти»,—эти слова наполняли ея наболѣвшее сердце гордостью и надеждой. Прощаясь, онъ подтвердилъ свое обѣщаніе непремѣнно пріѣхать передъ баломъ.

— Ты должна быть очень пикантна въ бѣломъ парикѣ съ открытой шеей; къ тебѣ и заѣзжать будетъ опасно: только взбудорожишь меня, а у меня въ этотъ вечеръ будетъ много работы передъ докладомъ.

Данцова была счастлива чувствовать себя красивой, молодой, имѣющей власть надъ чувствомъ любимаго человѣка. Она знала, что въ парикѣ съ обнаженными плечами она будетъ хороша и что Башиловъ будетъ любоваться ею и пожалѣетъ, что они должны будутъ разстаться. Въ восемь часовъ она была уже причесана и съ чуть подрисованными глазами и легкимъ искусственнымъ румянцемъ на щекахъ, въ красивомъ декольтированномъ голубомъ туалетѣ, очень выдѣлявшемъ ея граціозную фигурку, съ нѣжной линіей плечъ, она съ волненіемъ въ послѣдній разъ оглядывала себя въ зеркало, улыбаясь своему плѣнительному отраженію. Оставался цѣлый часъ до пріѣзда Башилова. Она рѣшила вызвать его, прося пріѣхать сейчасъ же. Лихорадочно возбужденная при одной мысли, что пройдетъ какихъ-нибудь четверть часа, и онъ войдетъ въ этотъ самый голубой будуарчикъ и увидитъ ее—такою красивой, какой никогда еще не видѣлъ, она въ волненіи подошла къ телефону и съ легкой дрожью въ голосѣ, съ улыбкой на оживленномъ лицѣ, ставшемъ отъ парика и румянъ совсѣмъ инымъ, вызвала Башилова.

— Хорошій, дорогой, пріѣзжайте сейчасъ. Я совсѣмъ готова; будемте раньше чай пить. Я очень жду васъ.

— Извиняюсь, очень извиняюсь, но пріѣхать не могу никакъ. Только что самъ собирался протелефонировать вамъ.

Голосъ Башилова звучалъ какъ-то странно сухо.

— Какъ не можете? вы вѣдь обѣщали...

— Такъ точно-съ, но у меня неожиданное засѣданіе.

— Ну, хоть на полчаса... Я умоляю, Володя... — чуть слышнымъ шопотомъ докончила она фразу.

— Никакъ не могу-съ.

Данцова почувствовала, что все настроеніе радостной приподнятости мгновенно исчезло и сердце забилось тревогой и страхомъ.

— Володя, Владиміръ Ивановичъ, здѣсь что-то кроется, я это чувствую.

— Да ровно ничего не кроется.

— Скажи мнѣ правду: не хочу или не могу пріѣхать, но ради Христа только правду, ты не долженъ говорить одно, а думать другое.

— Въ такомъ случаѣ извольте: не хочу.

— А-а-а-хъ, Боже мой! Что же случилось?

— Ничего ровно.

— Въ чемъ-нибудь я виновата? Я что-нибудь сдѣлала?

— Нисколько. Но сознаюсь вамъ, что когда мы съ вами видѣлись послѣдній разъ, то я чувствовалъ, что у меня къ вамъ чего-то нѣтъ... и выходитъ, значитъ, какъ будто бы обманъ по отношенію васъ... Я обѣщалъ быть вполнѣ съ вами откровеннымъ, и, какъ видите, слово свое сдерживаю. Я долженъ провѣрить себя.

— Боже мой, чего-то нѣтъ?!.. А десять дней тому назадъ еще было. Вѣдь было же?

— Да видите ли, вѣдь я, коли сознаться, желаю

каждую женщину, буквально каждую-съ... Ну, и вы все-таки, какъ женщина, силу надо мной имѣете... Это осталось, но вѣдь это еще не все...

— Такъ... такъ... понимаю... теперь я понимаю... значитъ, прощайте...

Данцова, смертельно блѣдная, вся похолодѣвшая, съ перекосившимся отъ страданія лицомъ, схватилась рукой о близъ стоящій стулъ.

— До свиданія... пока...—еще разслышала она отвѣтъ.

— Прощайте...—сдавленнымъ шопотомъ отвѣтила Данцова; выронивъ трубку и тяжело опустившись на стулъ, она глухо застонала, положивъ голову на скрещенныя на столѣ руки.

— Барыня, голубушка, что съ вами? Ахъ бѣда, бѣда...

Изъ сосѣдней комнаты прибѣжала горничная, преданная, давно служившая Евгеніи Михайловнѣ, уже немолодая дѣвушка.

Евгенія Михайловна продолжала беззвучно рыдать; обнаженныя плечи содрогались, прелестная головка въ бѣломъ парикѣ конвульсивно билась, вся поза была олицетвореніемъ невыносимаго душевнаго страданія.

— Барыня милая, да вы не плачьте, обойдется, ей-Богу обойдется... съ кѣмъ не бываетъ... передумаетъ... можетъ, и свои дѣла у него... вѣдь я васъ какъ родную люблю... сердцемъ за васъ болѣю... простите, что осмѣлилась сказать... Господи, Мати Божья... да что же мнѣ сказать вамъ... барыня, голубушка... что съ вами? опомнитесь!..

Данцова неожиданно вся выгнулась назадъ и, сдавливая виски сжатыми кулаками, глухо стонала...

Заплаканное лицо съ кокетливой мушкой на щекѣ, искаженное страданьемъ, было картинно трагичнымъ.

— Не могу, не могу, Даша... Мутится разумъ, я погибаю... Даша милая, если бы ты знала!

— Знаю, все знаю, милая барыня... Развѣ, думаете, у меня сердца нѣтъ? Доля-то наша женская все одинаковая. Вижу давно, что мучитесь, голубушка вы моя, родная! Я вамъ капель дамъ валеріановыхъ, или прилягьте: Богъ дастъ, завтра они и сами спохватятся: помяните меня, что и цвѣты пришлютъ, и сами пріѣдутъ.

— Нѣтъ, Даша, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... ахъ, проведи меня въ будуаръ, убери все... никуда не поѣду.

— Раздѣньтесь, парикъ я вамъ помогу снять... И что было подождать до завтра! Днемъ-то легче какъ будто, а ночь и все страшнѣе.

— Оставь меня, нѣтъ силъ, потомъ раздѣнусь. Подложи подушку подъ голову. Я позвоню тебя, милая... уходи.

Едва Даша ушла, осторожно заперевъ за собой дверь, какъ Евгенія Михайловна сорвалась съ диванчика, на которомъ прилегла, и стала метаться по комнатѣ, какъ подстрѣленная птица. Слезъ не было; отчаяніе сдавило сердце стальными клещами, холодъ роковой развязки, сознаніе, что зіяющая пропасть разверзлась и что бороться уже не съ чѣмъ, ледянымъ ужасомъ глядѣло въ помутившіеся, широко открытые зрачки. Какъ сомнамбула, она подошла къ столику, открыла маленькую шкатулку, достала пригоршню облатокъ хинина, которыя часто принимала, и, наливъ воды изъ хрустальнаго графинчика, начала ихъ глотать одну за другой. Она ихъ глотала безъ счету; ни минуты не закрался къ ней въ душу страхъ смерти или тяжелыхъ послѣдствій отъ отравленія

хининомъ въ видѣ пожизненной слѣпоты или глухоты. Рука, нѣжная, съ тонкими пальцами, ни разу не дрогнула. Когда въ шкатулочкѣ не оказалось больше облатокъ—Данцова приняла болѣе семидесяти гранъ—она подошла къ столику изъ краснаго дерева, похолодѣвшими пальцами достала листокъ бумаги и написала отчетливымъ почеркомъ: «умираю, потому что нечѣмъ жить». Постояла неподвижная и жуткая въ своемъ торжественно-спокойномъ ожиданіи смерти и вдругъ схватилась за слабое отъ природы сердце; оно начало биться, руки затрепетали, ноги слабѣли, въ глазахъ стоялъ туманъ, вся комната начала куда-то уплывать, мысль о смерти медленной грузной тяжестью вдругъ откуда-то выползла и придавила мозгъ и все ея существо страннымъ дикимъ ощущеніемъ безповоротнаго конца. Хватаясь за стулья, она еле дотащилась до дивана, который, казалось, ускользалъ отъ нея, неестественно осторожно легла, вся вытянулась, опустила руки и широко открытыми, расширенными до невѣроятія глазами и съ конвульсіями въ лицѣ уставилась на голубой абажуръ лампы, слѣдя, какъ онъ уплывалъ и таялъ гдѣ-то все дальше, дальше. Въ вискахъ стучали тысячи молотовъ, въ ушахъ стоялъ дикій звонъ, сердце уже не билось, а безпрерывно колотилось, заполняло ощущеніемъ безумнаго біенія все существо. Данцова хотѣла приложить къ нему руки, но тонкая, красивая рука безвольно повисла, трепеща пальцами, какъ трепещутъ листья подъ вихремъ налетающей бури.

Тихо скрипнула дверь: вошла Даша, чуть слышными шагами приблизилась къ дивану и отшатнулась съ перепуганнымъ лицомъ.

— Что съ вами, голубушка барыня? Что съ вами? Вамъ худо?

— Даша... нагнись, — зашептала она. – Я вѣрила всегда твоей привязанности... голубушка, поклянись мнѣ... во имя Спасителя, что никому никогда не намекнешь, что я... любила барина Башилова... поклянись...

— Клянусь вамъ именемъ Господа...

— И что въ телефонъ я говорила съ нимъ, никому не скажи. Скажешь, что я... я... тосковала... Даша... умираю... позвони Елену Павловну...

Теперь передъ глазами Данцовой разстилалась темная ночь, въ ушахъ стоялъ звонъ, и она едва улавливала Дашинъ голосъ.

— Господи, Пресвятая Мати Божья! Да что же вы съ собой сдѣлали? Барыня, ради Христа! Что вы сдѣлали? руки на себя наложили?!. Пресвятая Богородица... доктора надо...

— Елену... позови...

Даша кинулась къ телефону. Срывающимся отъ рыданія голосомъ она вызвала Елену, собиравшуюся на тотъ же балъ, и сказала ей, что надо спѣшить и вызвать немедленно доктора. Но Данцова не ошиблась: было уже поздно. Когда Елена, тоже въ бѣломъ парикѣ, въ первомъ попавшемся капотѣ, страшно взволнованная, вбѣжала въ будуаръ и опустилась передъ диваномъ на колѣни, то въ безумно расширенныхъ глазахъ нарядной женщины съ кокетливой мушкой на блѣдномъ лицѣ, окаймленномъ сѣдыми локонами, отражался вѣчный и неразгаданный вопросъ смерти; свѣсившіяся руки были холодны, и пальцы съ любимой бирюзой, уже не трепетали, а навѣки замерли, не сумѣвъ защитить слабаго сердца отъ налетѣвшей бури.

VI.

Стояло сѣрое, немного туманное утро. Черезъ распахнутыя на широкую лѣстницу двери, негромко переговариваясь, толпясь, осторожно поддерживая бѣлый нарядный гробъ, медленно выходила толпа изъ безпорядочно-опустѣвшей квартиры, пропитанной ладаномъ и сыростью утренняго воздуха. За гробомъ шелъ высокій, блѣдный, съ сѣдой бородой старикъ, отецъ Данцовой, очень похожая на нее, но менѣе красивая, полная, еще молодая женщина—ея сестра, и братъ инженеръ, статный, очень красивый, слегка фатоватый господинъ. Много дамъ въ траурѣ, военные мундиры, щеголеватые штатскіе, два-три придворныхъ чина,—все та же элегантная, всегда окружавшая Данцову толпа спустилась внизъ и, пожимая другъ другу руки, продолжая шопотомъ начатый до панихиды разговоръ, не спѣша двинулась за пышной погребальной колесницей. На улицѣ всѣмъ стало легче на душѣ послѣ скорбнаго напѣва панихиды въ завѣшанной бѣлыми простынями опустѣвшей гостиной, гдѣ только что нарядная гробовая крышка навѣки сомкнулась надъ блѣднымъ, торжественно-спокойнымъ и милымъ лицомъ никому не сдѣлавшей въ своей жизни зла, но слишкомъ много и глубоко любившей женщины. Елена, потрясенная неожиданной и трагической смертью подруги, шла рядомъ съ барономъ. Онъ былъ печаленъ и почти не разговаривалъ. Людомирова, шедшая подъ руку съ Рихтеромъ, не разъ бросала въ сторону Елены и барона недружелюбные взгляды, которыхъ они не замѣчали. Генералъ Орловъ, осунувшійся, постарѣвшій, шелъ по другую сторону Елены и то поддержи-

валъ ее за локоть, то поправлялъ падающее боа, то уговаривалъ вполголоса сѣсть въ карету и не переутомлять себя. Во всѣхъ слѣдующихъ за колесницей группахъ разговоръ вертѣлся на тему трагической и преждевременной кончины усопшей. Никто не зналъ ничего положительнаго, но всѣ искали ключа разгадки, и одни близко къ ней подходили, другіе ее отгадывали.

— Ахъ, голубчикъ, не то ужасно, что она умерла, всѣ вѣдь туда уйдемъ, говорила Елена барону, а ужасна мысль о томъ душевномъ и одинокомъ страданіи, которое довело ее до рѣшимости покончить съ собой. И никогда ни намека! хотя нѣтъ... позвольте, я вспомнила!.. Не такъ давно она поразила меня словами, что не видитъ своей дальнѣйшей жизни и что у нея есть предчувствіе близкой смерти.

— Ну, вотъ видите! Значитъ, она готовила себя къ этой мысли, и ея смерть не была внезапнымъ и необдуманнымъ рѣшеніемъ, какъ вы предполагали.

— Тѣмъ хуже, тѣмъ хуже! Значитъ, ее что-то давно мучило и угнетало, и она, не имѣя поддержки и утѣшенія, заблудилась и не находила выхода изъ окутавшаго ее мрака отчаянія. И сказать, что вѣдь я была близкимъ ей другомъ!... Ахъ, баронъ, какъ мы всѣ одиноки, какъ великъ трагизмъ нашего духовнаго одиночества въ минуты скорби и отчаянія. Когда я думаю объ этомъ, мнѣ кажется, что изъ-подъ ногъ моихъ срывается послѣдній камень и я лечу въ бездонную пропасть. Замѣтьте, что вѣдь каждый изъ насъ окруженъ тѣсной толпой родныхъ и друзей, которымъ онъ и близокъ, и дорогъ и за привязанность которыхъ мы всѣ цѣпляемся; но въ минуты затопившаго душу горя и отчаянія мы ясно сознаемъ, что въ этой жизни мы брошены, какъ въ пустынѣ

одинокіе и слабые. И силенъ тотъ, кто, познавъ это отчаяніе одиночества, останется безстрашнымъ до конца, найдя точку опоры хотя бы въ миражѣ, созданномъ нашимъ мозгомъ. Нѣтъ, нѣтъ, лучше не думать, не бередить этихъ вѣчно открытыхъ ранъ.

— Мнѣ очень жаль, что не удалось быть вчера вечеромъ на панихидѣ,—говорила Людомирова Рихтеру.—Разсказываютъ, что Башиловъ держалъ себя какъ ни въ чемъ ни бывало; познакомился съ сестрой Евгеніи Михайловны, выражалъ соболѣзнованіе, такъ что ввелъ въ заблужденіе многихъ, подозрѣвающихъ причину смерти. А я ни минуты не сомнѣваюсь, что виноватъ онъ. Она была вѣдь такая овечка.

— Во всякомъ случаѣ не пара ему. Повѣрьте, что я совершенно индифферентенъ къ успѣхамъ господина Башилова и ужъ, конечно, ему не завидую, но ни минуты не сомнѣваюсь, что онъ кому угодно горло перерѣжетъ, если ему это окажется полезнымъ и даже не оглянется. Я смотрю на его повышенія совершенно спокойно; все равно сломаетъ себѣ шею. Въ послѣдней комиссіи онъ проявилъ много безтактности, подчеркивая то право своего голоса, то какія-то тамъ свои заслуги, кипятился, язвилъ и произвелъ впечатлѣніе очень невыгодное; набрался, что называется, перцу, не успѣвъ ощупать еще и почвы, на которую попалъ. Настоящихъ административныхъ способностей у него нѣтъ, а соваться впередъ и кричать о себѣ—это онъ умѣетъ. Ну, да вѣдь раскусятъ въ свое время...

Рихтеръ, изящный, красивый и надменный, пересыпалъ свою рѣчь французскими фразами, говорилъ спокойнымъ, хладнокровнымъ голосомъ, но въ его холодныхъ глазахъ мелкалъ огонекъ злобнаго чувства.

— Oh, la pauvre femme! Si jolie, si douce, и такая трагическая, непонятная кончина, — говорила баронесса Кнорпъ, кокетливо подобравъ черное платье и выставляя изящно обутую маленькую ножку, которой охотно любовался ведшій ее подъ руку высокій красивый уланъ, любитель женщинъ, вина и лошадей. Онъ крѣпче, чѣмъ это полагалось, прижималъ локтемъ ручку маленькой хорошенькой черноглазой баронессы, съ которой наканунѣ сидѣлъ рядомъ за ужиномъ послѣ блестящаго бала и находилъ ее сегодня такой же свѣжей и хорошенькой, какъ и вчера.

— Говорятъ, что она отравилась, qu'elle avait un chagrin d'amour. Вы не слышали? Это правда?

— Все можетъ быть, баронесса; потому-то я и говорю, что надо пользоваться жизнью и отвѣчать на любовь, когда насъ хотятъ любить.—Уланъ осторожно, но выразительно прижалъ покрѣпче ручку своей дамы, слегка покраснѣвшей и прищурившей съ лукавой улыбкой красивые большіе глаза.

— Пройдемте еще до слѣдующей улицы, Аркадій Евгеньевичъ, а тамъ сядемте ко мнѣ въ карету, а то ноги зябнуть начинаютъ, да и вамъ, думаю, не очень-то полезно съ ревматизмомъ по снѣгу итти,—обратилась къ сѣденькому генералу шедшая съ нимъ рядомъ пожилая дама, знавшая Данцову съ дѣтства, любившая ее и теперь негодовавшая на покойницу за ея поступокъ, противный христіанскому ученію.

— Да ужъ! Не думалъ, что придется и мнѣ провожать покойницу въ лавру. Вѣдь молода была еще, жить бы да жить!..

— Да какъ же можно! Я просто въ себя не могу прійти отъ этого ужаса. Вѣдь Женичка была всегда такая спокойная, религіозная, такая разсудительная.

Если бы вы знали, какъ она мучилась вопросомъ развода, котораго требовалъ отъ нея супругъ. Воспитанная въ такой патріархальной семьѣ, такихъ строгихъ правилъ и вдругъ!.. Вы слышали: говорятъ, будто бы у нея былъ романъ?

— Да ужъ надо полагать, что тутъ не безъ любви, если это вѣрно, что она отравилась.

— Мнѣ называли какого-то Башилова. Вы не знаете, кто онъ? Я вѣдь, въ свѣтъ теперь не выѣзжаю, никого тамъ не знаю...

Послѣ обѣдни въ уютной, убранной зеленью церкви гробъ понесли по неутоптаннымъ покрытымъ яркимъ снѣгомъ дорожкамъ и, окруженный тѣснымъ кольцомъ притихшихъ людей, надъ которыми, будто пролетѣла какая-то черная большая птица и задѣла ихъ своимъ мрачнымъ крыломъ, подъ скорбный ропотъ послѣдняго земного напѣва молитвы, онъ медленно соскользнулъ въ глубину темной холодной могилы...

Елена только что вернулась съ похоронъ; вся въ черномъ, блѣдная съ темными кругами подъ слегка подпухшими печальными глазами, она налила кофе изъ маленькаго серебрянаго кофейника и протянула чашку сидящему подлѣ нея барону. Нервная дрожь передергивала ея плечи, и она куталась въ широкое мѣховое боа. Оба молчали; баронъ казался тоже разстроеннымъ и сосредоточенно курилъ.

— Это ужасно, ужасно!.. — прошептала Елена, закрывая лицо руками и облокачиваясь на край стола.— Я чувствую, что она унесла съ собой какую-то тайну... Такая слабая и безвольная, она сумѣла ее скрыть даже отъ меня. Женя, Женя... зачѣмъ она это сдѣлала?

Елена неожиданно уронила голову на столъ и тихо зарыдала.

— Полно, дорогая... теперь все кончено. Конечно, больно думать о безвременной и, вѣроятно, ненужной кончинѣ вашего друга, но... судьба, видно, судьба... Не философствуйте, еще хуже запутаетесь.

— Олегъ Владимировичъ, вѣдь надо же жить, а чѣмъ? чѣмъ жить? Женя не умѣла философіей и всякими софизмами заниматься и не выдержала.

— Бросьте вы, пожалуйста!.. Такія несложныя и кроткія женщины, какъ Евгенія Михайловна, не умираютъ надъ разгадкой міровыхъ вопросовъ.

— А вотъ же и умерла.

— Не отъ того.

— Какъ не отъ того?

— У нея было сердечное горе, и она его не перенесла...

— Что такое? Откуда вы это можете знать?

— Я не говорю, что знаю, я предполагаю.

— А я глубоко сомнѣваюсь. Какъ бы Женя ни была осторожна, но какъ-нибудь прорвалось бы. Еще въ прошломъ году Мариша какъ-то увѣряла меня, что ей достовѣрно извѣстно, будто бы у нея романъ съ Башиловымъ. Я очень была встревожена, такъ какъ существовали факты, которыхъ Женя могла не знать, мѣшавшіе возможности для нея полнаго счастія. Я тогда же съ Женей поговорила откровенно. Она даже разсмѣялась: ничего подобнаго.

— Положимъ, у нея могли бы быть причины скрывать даже и отъ васъ свое чувство.

— Никакихъ. Вѣдь я съ Башиловымъ тогда еще знакома не была и даже не видала его. Вѣдь случалось же раньше, что она дѣлилась со мной своими маленькими, невинными флиртами.

— То-то и дѣло, что тутъ былъ, весьма возможно, не флиртъ, а романъ.

Елена на секунду глубоко задумалась. Баронъ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ ея лица и былъ очень серьезенъ.

— Нѣтъ, и нѣтъ! Этого быть не могло. Вѣдь въ Ялтѣ мы столкнулись съ Башиловымъ и пробыли въ одномъ отелѣ почти двѣ недѣли. Я бы замѣтила. Наконецъ, если говорить правду, Башиловъ слегка ухаживалъ за мной и если бы въ вашемъ предположеніи была хоть доля правды, могла ли быть Женя такой безмятежно-веселой и ровной? Прорвалось бы во взглядѣ, въ тонѣ голоса.

— Кто знаетъ, моя дорогая, не игралъ ли Башиловъ двойной игры...

— Башиловъ?! Да что вы думаете о немъ? Это человѣкъ рѣшительно неспособный даже на тѣнь хитрости. Онъ до смѣшного прямолинеенъ.

— Кто знаетъ!..

— Вы меня пугаете. Баронъ, отчего мнѣ кажется, что въ вашихъ словахъ кроется какой-то скрытый смыслъ. Ради Бога скажите, если что-нибудь знаете. Это для меня важнѣе, чѣмъ вы думаете.

— Если бы я и зналъ, то вѣдь прошлаго не вернешь и Евгеніи Михайловны тоже.

— Да, но остался Башиловъ... и я.

— Башиловъ и вы? Это сильно сказано; я могу подумать, что онъ въ вашей жизни играетъ серьезную роль.

— И вы не ошиблись.

— Вы его любите?

— Почти...

— А онъ васъ?

— Очень.

— Этого, сознаюсь, я не ожидалъ. Кое-что мнѣ пришлось слышать, но я не придавалъ значенія; ду-

малъ, сплетни... Такъ вотъ онъ — психологическій моментъ!.. Елена Павловна, не прійти ли мнѣ на помощь? Подумайте... узнайте получше Башилова...

— О, я его знаю отлично...

— И что же: безповоротно?

— Еще нѣтъ, потому что сердце и мозгъ въ плѣну, но страсти по обыкновенію молчатъ.

— Придетъ время, и страсти заговорятъ.

— Не знаю,—тихо отвѣтила Елена.—Баронъ, скажите, что вы знаете о смерти Жени?

Баронъ одну минуту, какъ бы затягиваясь дымомъ папиросы, молчалъ, затѣмъ спокойно взглянулъ на Елену и рѣшительео отвѣтилъ:

— Ничего не знаю, положительно ничего; я высказывалъ одни предположенія.

— А о Башиловѣ что слышали?

— Очевидно, то же, что и вы отъ Маріи Константиновны.

— Ну, на Маришины слова полагаться не слѣдуетъ; она вѣчно изъ мухи слона дѣлаетъ.

— Это возможно.

Опять оба умолкли и долго сидѣли, погруженные каждый въ свои мысли.

— А-а-ахъ!—болѣзненно застонала Елена.

— Что съ вами?

— Я не могу отогнать отъ себя воспоминаній страшной картины, когда я пріѣхала къ ней и застала ее уже мертвой. Была какая-то трагическая, жестокая насмѣшка жизни надъ человѣческой судьбой. Она лежала въ своей нарядной комнаткѣ, вся въ голубомъ шелку, съ открытыми плечами, въ бѣломъ парикѣ, удивительно ей шедшемъ, точно слетѣла съ полотна картины Vatteau, и эта мушка на щекѣ, и хорошенькія въ голубыхъ туфелькахъ ножки,

а лицо — скорбное, широко открытые глаза, полные застывшаго недоумѣнія, неразрѣшенной страшной загадки... Меня преслѣдуетъ эта страшная картина, въ ней чуется чья-то властная сила, намѣренно ее создавшая, чтобы наполнить ужасомъ и сомнѣніемъ мысль живого человѣка. Неужели навсегда останется тайной, что могло случиться съ ней въ тотъ моментъ, когда она, нарядная и веселая, собиралась ѣхать на балъ? Что же произошло въ душѣ ея, что, не снявъ даже парика и румянъ, она, готовая къ танцамъ, бросилась въ объятія смерти. Кто толкнулъ ее въ эту пропасть? Кто запугалъ и обманулъ ея душу?

— Да, милыя женщины! Всѣ вы или не въ мѣру коварны, или довѣрчивы, какъ дѣти, — проговорилъ баронъ, подымаясь со своего мѣста и протягивая руку за шляпой.

Былъ довольно поздній вечерній часъ, когда лакей постучалъ къ Еленѣ въ комнату и доложилъ, что Юрьевъ проситъ ее на одну минуту. Елена очень обрадовалась этому неожиданному визиту, такъ какъ давно не видала Юрьева и не знала, что съ нимъ дѣлается. Не найдя его ни въ одной изъ гостиныхъ, она прошла въ переднюю. Онъ стоялъ у входной двери, облокотясь о косякъ, съ фуражкой въ рукѣ.

— Что же вы здѣсь стоите? Заходите, снимайте пальто.

— Невозможно, mon ange, какъ говоритъ вашъ другъ баронъ, я на одну единственную минуту...

Юрьевъ улыбался и не выпускалъ руки Елены, которую какъ будто бы безсознательно цѣловалъ и пожималъ.

— Да все равно заходите, хотя и на минутку; не будемъ же мы здѣсь разговаривать.

— Именно здѣсь, mon ange, какъ выражается вашъ другъ, вашъ уважаемый другъ баронъ... дальше этой двери мнѣ итти невозможно; ибо я могу быть слишкомъ веселъ и вамъ будетъ не такъ легко захлопнуть передъ моимъ носомъ дверь... а я хочу сказать вамъ два слова, два очень важныхъ слова... но вы не думайте, что я опечаленъ и пущу себѣ пулю въ лобъ... о, нѣтъ!.. я знаете, раскланялся, даже ручку поцѣловалъ, направо кругомъ маршъ, и прямо съ мѣста въ карьеръ къ «Медвѣдю» и того...

Юрьевъ щелкнулъ себя по воротничку и безсмысленно засмѣялся. Тутъ только Елена замѣтила, что у него неестественнымъ, возбужденнымъ огнемъ горѣли глаза и яркій румянецъ покрывалъ щеки.

— Юрочка, поѣзжайте домой; вамъ надо лечь спать.

— Никакъ нѣтъ. Если вы не желаете со мной говорить, несмотря на то, что мнѣ это очень надо и что я вполнѣ приличенъ, то я сейчасъ же покачу опять къ Мишкѣ и буду пить до утра... въ лоскъ, до безчувствія...

Еленѣ удалось съ большимъ трудомъ заставить его снять пальто и пройти съ ней въ маленькую гостиную.

— Разсказывайте, что случилось?

— Отставка, полная отставка... не гожусь, значитъ... есть получше меня...

Юрьевъ всталъ съ дивана, провелъ рукой по волосамъ, взъерошилъ ихъ, хотѣлъ еще что-то сказать, но стиснулъ зубы, заскрежеталъ ими и опять опустился на диванъ; досталъ папиросу, хотѣлъ закурить, но руки дрожали, и онъ съ досадой швырнулъ ее.

— Разскажите толкомъ: какъ, почему?

— А чертъ его знаетъ, какъ и почему! Думала,

говоритъ, что нравитесь, что полюблю, а, оказывается, ошиблась, потому что влюбилась въ другого и уже невѣста... Простимся, говоритъ, друзьями. Ну, я и простился... ни слова не сказалъ, потому что, согласитесь, что же мнѣ теперь говорить осталось? Невѣста, значитъ, крышка... позволяю вамъ выйти вонъ... я и вышелъ... Навсегда... и ѣздить туда не буду, и никогда не увижу... Все пошло къ черту... ну, и напился... и еще напьюсь... А-хъ!..—вдругъ застоналъ Юрьевъ, повалился ничкомъ на диванъ, зарылся лицомъ въ шелковую подушку и громко зарыдалъ.

По лицу Елены пробѣжала тѣнь; она сѣла рядомъ съ нимъ и молча долго гладила его курчавые волосы. Онъ плакалъ безутѣшно, и у Елены не было словъ, чтобъ его утѣшить.

— Простите... я передъ вами плачу, какъ мальчишка; зато тамъ... тамъ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. О, какъ вы были правы!.. у нея нѣтъ сердца, а я былъ слишкомъ довѣрчивъ, и теперь моя жизнь — ненужный хламъ.

— Полно, голубчикъ: кто не переживалъ бурь въ ваши годы? Обойдется, забудется, васъ полюбитъ другая, и вы будете счастливы.

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы не знаете, что я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые носятъ названіе однолюбовъ. Я не могу и не хочу два раза любить. Она не поняла, сколько сокровищъ таилось для нея въ моемъ сердцѣ... Ну, да, я не богатъ, не блещу показнымъ умомъ, я, быть можетъ, и не очень уменъ, но для счастія, для жизни у меня достало бы и ума, и сердца.

— Возьмите себя въ руки, голубчикъ; нельзя же изъ чувства любви закладывать фундаментъ всей жизни; есть иные запросы, болѣе глубокіе и болѣе прочные.

— А чортъ съ ними!.. я не братъ Александръ; я еще не умеръ и хотѣлъ жить... Проклятая судьба! Пустить бы себѣ пулю въ лобъ и крышка всему.

— Вы разнервничались. Что за манера напиваться, когда душа потрясена горемъ! Это недостойно культурнаго человѣка. Почему мы, женщины, не прибѣгаемъ къ вину, а переносимъ въ здравомъ разсудкѣ всѣ разочарованія и жизненныя обиды? Неужели мы сильнѣе васъ? Примите эти капли, успокойтесь и давайте логично переговоримъ и поищемъ выхода... Вы знаете, голубчикъ, что я люблю васъ, потому что чувствую вашу глубокую и хорошую душу. Протяните мнѣ руку, я хочу быть вашимъ другомъ въ горѣ, хочу поддержать и помочь вамъ.

— Спасибо вамъ, дорогая. Вѣдь къ вамъ, только къ вамъ я понесъ свое горе, но помочь мнѣ вы не въ силахъ: я глубоко и смертельно раненъ, потому что, повторяю, я однолюбивъ. Хотѣлъ напиться, и, видите, хмель съ меня соскочилъ; я слишкомъ сейчасъ трезвъ; неудержимое бѣшенство начинаетъ просыпаться въ моей душѣ. Пустите меня, дорогая; если я сейчасъ не поѣду и не напьюсь до обморока, то я способенъ на преступленіе и на самоубійство.

Елена поняла, что въ налетѣвшемъ порывѣ бури ея слабый голосъ затеряется, какъ далекое эхо, и не долетитъ до оглушенной и смятенной отчаяніемъ души.

— Христосъ съ вами, мой бѣдный другъ. Вамъ нужно итти не въ кабакъ, а въ церковь; вашей душѣ нужна молитва, а не наркозъ, вы берете невѣрный путь.

— Ахъ, Елена Павловна. Каждому свои пути; коли суждено, дойду и я.

Юрьевъ, сразу осунувшійся, поблѣднѣвшій, твердой походкой прошелъ въ переднюю, поспѣшно надѣлъ пальто, крѣпко поцѣловалъ руку Елены и уѣхалъ.

— Дайте о себѣ знать поскорѣе, — крикнула ему вдогонку Елена и, вернувшись въ свою комнату, надолго задумалась надъ тяжелой проблемой жизни.

«И этотъ, видно, одинокъ... Душа смята отчаяніемъ и тоской, и пути къ ней заметены житейскою пылью. Какъ въ пустынѣ раненая птица, она мечется и бьется, а кругомъ нея пусто, одиноко».

Въ этотъ часъ горькаго раздумья Елена ощутила ту же роковую пустоту и одиночество, и сердце сжалось тоской унынія. Закрывъ лицо похолодѣвшими руками, она соскользнула съ кресла, упала на колѣни, уронила голову на мягкое сидѣніе и долго пролежала такъ неподвижно, будто застывшая. Но душа ея въ эти минуты, трепеща отяжелѣвшими крыльями, пыталась подняться надъ міромъ скорбныхъ и темныхъ переживаній. Запуганная и одинокая, она то билась на одномъ мѣстѣ, то порывисто искала выхода къ свѣту, къ теплымъ лучамъ простой и мудрой правды, затерянной въ хаосѣ туманныхъ и лживыхъ понятій. Опять Еленѣ почудилось, что кто-то неслышный и невѣдомый близко подошелъ къ двери ея духовной темницы и, суровый въ своей непреклонной волѣ, прислушивается къ ея страданіямъ и сомнѣніямъ надъ исканіемъ вѣчной проблемы: въ чемъ жизнь?

Прошло нѣсколько дней, когда она получила открытку съ подписью Юрьева и съ грустью прочла слѣдующее:

«Пилъ, пью и буду пить».

Онъ пересталъ показываться въ обществѣ и про него стали говорить, что онъ сильно закутилъ.

VII.

Башиловъ перенесъ смерть Евгеніи Михайловны съ поразительнымъ самообладаніемъ. Онъ выказалъ артистическое чувство мѣры и въ проявленіяхъ своего сочувствія горю Елены, и въ умѣніи поговорить о ея загадочной смерти не слишкомъ много и не слишкомъ мало. Былъ на одной изъ панихидъ, на похоронахъ въ виду служебныхъ дѣлъ быть не могъ и просилъ Елену возложить на свѣже засыпанную могилу великолѣпный вѣнокъ изъ живыхъ бѣлыхъ розъ. Елена передала Башилову свой разговоръ съ барономъ и его предположеніе относительно смерти Данцовой. Онъ развелъ руками, задумался и отвѣтилъ безъ тѣни смущенія:

— Да кто васъ, женщинъ, отгадаетъ? Можетъ, и отъ любви, да только не ко мнѣ. Какъ-то, помнится, Любовь Петровна хотѣла, вѣрно, подразнить мое самолюбіе и прошлась, полушутя, въ такомъ духѣ, будто Евгенія Михайловна мною увлекается. Кто не грѣшенъ! Каждому лестно, если говорятъ, что красивая женщина насъ выдѣляетъ,—я не то, чтобы повѣрилъ, а такъ—подчеркнулъ это у себя въ памяти и какъ-то, знаете, будучи у нея съ визитомъ, думалъ почву прозондировать. Такъ не вышло-съ: удивленно брови подняла и, что называется, холодкомъ обдала. Ну, я и ретировался на благородную дистанцію. Рѣшилъ, что мѣсто занято. Насколько могъ судить по наружнымъ даннымъ, она была очень выдержанная и, вѣроятно, умѣла оградить свои чувства отъ любопытства окружающихъ. Признаться, и я склоненъ думать, что тутъ было не безъ сердечной драмы.

Тонъ Башилова былъ простъ и искрененъ, и Елена не имѣла данныхъ, чтобы ему не вѣрить.

Однажды онъ заѣхалъ къ ней сильно не въ духѣ и съ первыхъ же словъ объявилъ, что долженъ имѣть съ ней серьезный разговоръ и надѣется на ея полную откровенность.

— Я получилъ, изволите видѣть, анонимное письмо. Анонимнымъ письмамъ довѣрять не слѣдуетъ, и я не придалъ бы и этому ровно никакого значенія, если бы до ушей моихъ не дошло кое-что похожее. Вѣроятно, Елена Павловна, вы имѣли случай убѣдиться, что я человѣкъ дѣла, а не слова. Всѣ эти расшаркиванія, миндальничанья и сладкія слова я не ставлю ни въ грошъ, но если разъ скажу женщинѣ, что она влечетъ меня и я жажду ея близости, то отъ словъ своихъ не отступаюсь и иду къ ней навстрѣчу съ опредѣленными и твердыми намѣреніями. За эти полгода я отдаю вамъ почти все свое свободное время, и моя жизнь должна быть вамъ ясна, какъ на ладони: съ одной стороны — неутомимый, такъ сказать, идейный трудъ, съ другой — привязанность къ вамъ съ надеждой, что вы ее оцѣните и вознаградите. Я желалъ бы отъ васъ услышать правду: сталъ ли я для васъ близкимъ человѣкомъ и придете ли вы къ рѣшенію соединить нашу судьбу въ какой вамъ будетъ угодно формѣ?

Башиловъ взялъ руку Елены и, ожидая отвѣта, сталъ ее тихонько гладить.

— На ваши оба вопроса я отвѣчу: да.

— Ну, вотъ, благодарю васъ за эти милыя слова. Теперь я могу перейти къ нѣкоторымъ деталямъ анонимнаго письма. Правда ли, что вы были близки съ генераломъ Орловымъ и держите его, по какимъ-то вашимъ соображеніямъ, про запасъ, подогрѣвая его влюбленность частыми свиданіями?

— Я думаю, что въ данный моментъ для васъ

важно не то, что было, а что есть, и до моего прошлаго вамъ, по моимъ убѣжденіямъ, дѣла нѣтъ. Въ жизни каждой женщины могутъ быть страницы, которыя она не обязана давать на судъ ни близкому человѣку, ни даже жениху. Имѣя такой взглядъ на вещи, я могла бы отвѣтить лишь на вторую половину вашего вопроса, но не хочу напрасно наводить васъ на сомнѣнія и потому отвѣчу вамъ, что къ Орлову у меня было очень сердечное чувство и если бы не встрѣча съ вами, то, быть можетъ, въ будущемъ я могла бы дать ему согласіе на бракъ, о которомъ онъ такъ долго мечталъ...

— И мечтаетъ?..

— Не думаю. Онъ слишкомъ чутокъ и прекрасно понимаетъ, что я отъ него отхожу. Отношенія наши были всегда чисты и скрывать въ нихъ было нечего.

— Такъ-съ. Ну, а Юрьевъ? Что у васъ съ нимъ за странныя отношенія?

— Чѣмъ странныя?

— Мнѣ случайно извѣстно, что вы бываете у него, то-есть на его холостой квартирѣ.

— Не бываю, а была.

— Извините-съ, вы были опять на дняхъ и до очень поздней ночи.

— Это что еще за шпіонство? Ну, да, была. Что тутъ особеннаго? Мнѣ не шестнадцать лѣтъ...

— И не семьдесятъ!

— Юрьевъ мой другъ; онъ близокъ душѣ моей, я отношусь къ нему какъ къ брату; надъ нимъ стряслось несчастіе, бѣдняга голову потерялъ, запилъ и падаетъ внизъ. Мнѣ его страшно жаль и хочется спасти; отъ нервнаго разстройства и кутежей онъ заболѣлъ; совсѣмъ одинокій, несчастный и больной; разумѣется, узнавъ объ его болѣзни, я поѣхала къ нему, сидѣла

съ нимъ, утѣшала и успокаивала. Можно ли думать, чтобы я поступила иначе?

— Не резонъ-съ. Люди на такіе визиты смотрятъ иначе. Вотъ я и получилъ анонимное письмо съ грязными намеками. Согласитесь, что мнѣ и за васъ, и за себя обидно и больно.

— Крайне удивляюсь вашей мелочности. Люди злы и рады случаю бросить комокъ грязи. Вы забываете, Владимиръ Ивановичъ, что я совершенно свободна и ни передъ кѣмъ не отвѣчаю за свои поступки.

— Какъ же-съ. Эту теорію я уже имѣлъ удовольствіе слышать отъ васъ въ Ялтѣ. Вы попрежнему игнорируете чувство близкаго къ вамъ человѣка. А если бы я былъ вашимъ женихомъ или мужемъ?

— Тогда дѣло другое. Я не имѣю права подставлять подъ комки грязи имя человѣка, не раздѣляющаго моихъ свободныхъ взглядовъ.

— Справедливо-съ. Въ такомъ случаѣ, Елена Павловна, чтобы оградить и ваше имя, и мое къ вамъ чувство отъ этихъ комковъ грязи, не проще ли намъ подать другъ другу руку и по-хорошему соединить нашу судьбу? Я васъ и цѣню, и уважаю, и люблю. Богъ дастъ, не обидимъ другъ друга и сумѣемъ найти счастіе? Что вы на это скажете? Вѣдь все равно окончимъ этимъ.

Елена взволнованно поднялась съ кресла:

— Постойте, постойте, Владимиръ Ивановичъ... Зачѣмъ же такъ скоро? Надо еще ближе сойтись, еще глубже заглянуть другъ другу въ душу.

— Полно, дорогая уника! Къ чему тутъ мудрить?

— Нѣтъ, нѣтъ... такъ сразу это не слѣдуетъ.

— Какое же сразу? Послѣ нашей встрѣчи въ Ялтѣ почти полгода прошло. Развѣ вы не достаточно меня узнали?

Елена молчала и, перейдя на другой конецъ гостиной, задумалась и разсѣянной рукой перебирала листы иллюстрированнаго журнала. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Наконецъ Башиловъ молча поднялся, подошелъ къ Еленѣ вплотную, взялъ ее за обѣ руки, крѣпко сжалъ ихъ и, смотря на нее глазами, въ которыхъ вспыхнулъ еще незнакомый Еленѣ огонекъ, проговорилъ почти шопотомъ:

— Вы не ребенокъ, вы должны же наконецъ понять, что, кромѣ любви, у меня можетъ быть и чувство страсти. Съ каждымъ свиданіемъ я желаю васъ все больше и больше. Бываютъ дни, когда я долженъ призывать всю силу своей воли, чтобы работать и сосредоточить мысль на дѣлахъ. Я увѣренъ, что и вы небезразличны ко мнѣ, что и въ васъ бушуютъ страсти; женщина съ такой наружностью, какъ вы, не можетъ быть безстрастной. Иначе я и не полюбилъ бы васъ такой сильной любовью; женщины съ холоднымъ темпераментомъ мнѣ были всегда антипатичны, одна красота меня не влекла, — это пустоцвѣты, неспособныя зажечь пожаръ въ мужской груди. Женщина создана не только для любви, но и для страсти. Зачѣмъ мучить и меня, и себя? Во имя какой узкой морали? Вы же умница и свободная. Я предлагаю вамъ бракъ, и клянусь честью, клянусь, чѣмъ хотите, что только отъ васъ зависитъ назначить день свадьбы; но если вы еще боитесь соединить судьбу вашу съ моей, если хотите убѣдиться, насколько прочно мое чувство, то извольте — я согласенъ ждать этого дня, но для чего же намъ мучить одинъ другого? Отчего вы не можете стать моей? Я этого хочу безумно, и если вы любите, то поймете меня... Дорогая, хорошая... дай поцѣловать хоть разъ... одинъ разъ... глаза, ну, дай хоть глаза...

Башиловъ обвилъ станъ Елены желѣзной рукой, побѣдилъ ея сопротивленіе и, отбросивъ по отношеніи ея свою всегдашнюю выдержку, безъ счету покрывалъ поцѣлуями ея глаза и уста.

Елена, взволнованная и испуганная, вырвалась изъ объятій Башилова, отстранила его и скрылась за дверью. Онъ грузно опустился въ кресло, силясь побороть бѣшеной волной охватившее его чувство страсти. Сопротивленіе Елены разожгло его еще сильнѣе, и была минута, когда у него мелькнула мысль броситься вслѣдъ за ней, смять ее, бросить передъ собой на колѣни, дать почувствовать свою власть и покорить ее силой своей стихійной страсти, которой онъ всегда привыкъ давать широкій просторъ и волю. Прошло нѣсколько минутъ, и вошла Елена, слегка поблѣднѣвшая, но спокойная.

— Обо всемъ, что вы сказали мнѣ, я серьезно подумаю и обѣщаю вамъ дня черезъ два дать опредѣленный отвѣтъ.

— Слушаюсь и покоряюсь, на этотъ разъ, вашему рѣшенію, будучи увѣренъ, что вашъ свѣтлый умъ подскажетъ вамъ правильный путь, по которому мы и пойдемъ. А пока позвольте мнѣ удалиться, я слишкомъ взволнованъ и смогу, чего добраго, не выдержать роли подсудимаго, которому судья готовитъ приговоръ. Могу взбунтоваться и все дѣло испортить, не такъ ли? Поѣду работать и вершить дѣла иной важности.

Выйдя на улицу, Башиловъ подставилъ морозному воздуху разгоряченное лицо, слегка распахнулъ шубу и, послѣ минутнаго размышленія, велѣлъ ѣхать извозчику въ «Акваріумъ». Онъ занялъ отдѣльный кабинетъ и, написавъ нѣсколько строчекъ на визитной карточкѣ, послалъ ее черезъ лакея за кулисы. Черезъ

нѣсколько минутъ съ нимъ рядомъ сидѣла уже исполнившая свои номера шансонетная пѣвичка цыганскаго типа. Башиловъ наливалъ ей шампанское въ узкій бокалъ, и она, задорно смѣясь, подставляла подъ янтарную струю свои пальцы, унизанные фальшивыми брильянтами; Башиловъ перелилъ вино, пѣна бѣжала черезъ край бокала, а онъ осушалъ шаловливые пальчики жадными поцѣлуями, и въ глазахъ его загорались тѣ же искорки бѣшеной страсти, что съ трудомъ удалось ему потушить часъ тому назадъ.

Въ эту ночь Елена долго не могла заснуть; мысли кружились вихремъ въ ея разгоряченной головѣ. Ее начинала захватывать ярко выраженная сила въ характерѣ Башилова, опредѣленность его воли и стремленій, и, кромѣ того, впервые поцѣлуй, такъ неожиданно и насильно взятый съ ея устъ, пробудилъ въ ней что-то новое, до сихъ поръ ей невѣдомое. Неужели этотъ человѣкъ сумѣетъ разбудить въ ней чувства, до сихъ поръ всегда дремавшія, чувства, которыя, какъ она считала, ея природѣ были несвойственны? Его поцѣлуй не возбудилъ въ ней ни чувства насмѣшки, ни легкаго отвращенія, какъ это случилось давно въ Парижѣ; онъ только затуманилъ ея мозгъ. Значитъ, и въ ней можетъ проснуться женщина... Но слѣдуетъ ли этого желать? Она слышала и читала, что страсть, охватившая женщину въ ея годы, бываетъ безразсудна и слѣпа. Ей тридцать четыре года, ему сорокъ пять, для брака—годы подходящіе, но она сознаетъ, что если она потеряетъ надъ собой узду и впервые отдастся невѣдомому бурному потоку, то этотъ человѣкъ съ желѣзной волей, съ привычкой повелѣвать, можетъ пригнуть ее къ землѣ и она, вмѣсто равноправнаго товарища, подруги, совѣтчика, завоевателя жизни, обратится въ рабу,

жаждущую его поцѣлуевъ и ласкъ, упоенія которыхъ она всю жизнь не понимала и потому отклоняла отъ себя. И если теперь ее охватитъ этотъ пожаръ, огонь котораго пожираетъ логику мозга, то въ бракѣ съ этимъ человѣкомъ она найдетъ не счастіе, а двойную муку: сознаніе своего рабства и его пренебреженія къ женщинѣ, въ которой онъ предполагаетъ мощь и мужской умъ, а не жаждущую наслажденій куртизанку. Онъ предполагаетъ въ ней страстную женщину и потому, конечно, допускаетъ, что въ жизни ея были романы, что для нея не новы эти вспышки чувственности, могущія служить украшеніемъ жизни, а не ея доминирующей силой. Почему, когда Башиловъ поднялся со своего мѣста, чтобы уходить, у нея забилось сердце, и она стиснула зубы, чтобы промолчать: ей хотѣлось, чтобы онъ остался, ей хотѣлось смотрѣть на эти губы, впервые давшія ей новое, невѣдомое ощущеніе... И теперь, и сейчасъ она чувствуетъ ихъ прикосновеніе, и, какъ у неопытной, юной дѣвочки, у нея кружится голова... а онъ, сильный, прекрасно владѣющій собой, удѣляющій этимъ страстямъ крохи отъ своей полной дѣлъ и заботъ жизни, онъ, вѣроятно, сидитъ въ своемъ кабинетѣ, склонясь надъ дѣловыми бумагами въ то время, какъ она не можетъ успокоиться отъ новыхъ ощущеній «перваго» поцѣлуя. Дать согласіе на бракъ теперь, не справившись съ налетѣвшей бурей, это значило бы погубить счастіе. Въ супружеской жизни все зависитъ отъ первыхъ шаговъ, отъ обоюднаго желанія оградить свою индивидуальность отъ вторженія чужой воли. Именно теперь, въ ея годы, она могла бы спокойно протянуть руку супругу, увѣренная въ своемъ достаточномъ знаніи жизни и людей... И вдругъ это непрошенное, ненужное пробужденіе страсти, съ

которой она никогда не имѣла дѣла и не знаетъ, не затопитъ ли она все ея существо, не сдѣлаетъ ли изъ нея, до сихъ поръ свободной, здравомыслящей, безвольную рабу. Елена знаетъ, что въ концѣ концовъ утихаютъ и страсти, но для брака съ человѣкомъ, подобнымъ Башилову, этого допустить невозможно, потому что, спустившись на нѣсколько ступеней ниже его, будетъ потомъ невозможно заставить его смотрѣть на себя, какъ стоящую на равной съ нимъ плоскости. Но что же тогда? Просить отсрочить бракъ и силой воли и мысли убить пробудившееся чувство? Или, наоборотъ, допустить близость? То, что не прощается женѣ, простится любовницѣ... Дать этому чувству возможность перегорѣть въ его объятьяхъ и тогда... что тогда? Бракъ? Но вѣдь мужчинъ, закрѣпляющихъ бракомъ свободныя связи, очень мало. Разойтись? Но если предвидѣть возможность разрыва, то для чего же искать связи, чтобы дать удовлетвореніе страстямъ? И это сдѣлаетъ она? Тогда Орловъ будетъ правъ, говоря, что женщина, видавшая такіе виды, какъ она, отъ перваго невѣрнаго шага въ сторону можетъ упасть въ глубокую пропасть...

Такъ думала Елена, напрасно ища выхода изъ запутаннаго лабиринта своихъ мыслей. Усталая, она подъ утро заснула тревожнымъ сномъ. Прошло два дня, и она все еще не нашла того опредѣленнаго отвѣта, котораго ждалъ Башиловъ и за которымъ онъ въ указанный вечеръ пріѣхалъ.

— Я знаю, что вы быстро пойдете въ гору и добьетесь власти; эта борьба за цѣль мнѣ нравится и притягиваетъ къ вамъ,—говорила Елена:—потому что и во мнѣ есть тѣ же черты; но несходство нашихъ характеровъ заключается въ томъ, что вы не могли

бы существовать, вычеркнувъ изъ вашихъ мыслей эту цѣль жизни, я же свободно могу отъ нихъ отрѣшиться и найти исходную точку своихъ стремленій въ чисто отвлеченныхъ идеалахъ, ничего общаго съ общественной жизнью не имѣющихъ.

Елена слегка путалась и искала яркихъ и опредѣленныхъ выраженій, могущихъ помочь ей быть логичной и убѣдительной.

— Такъ-съ. Но это что-то туманное и для меня не вполнѣ ясное. Мнѣ интересна ваша заключительная мысль.

— Такимъ, какъ вы есть сейчасъ, я васъ знаю хорошо и, конечно, не боялась бы соединить наши жизни, но власть и могущество сильно деморализуютъ человѣка, дѣлаютъ его непохожимъ на самого себя. Я хочу знать васъ въ силѣ и могуществѣ, и если и тогда наша природа не окажется чуждой другъ другу, тогда я безъ страха готова стать вашей женой.

— Такого рѣшенія я отъ васъ не ожидалъ, Елена Павловна. Вы говорите, какъ институтка, не знающая жизни и ея требованій. Если бы я васъ меньше зналъ, то могъ бы предположить, что въ васъ говоритъ алчность честолюбія и неувѣренность въ моей карьерѣ; вамъ угодно остаться госпожой Карцовой, независимой и свободной, или, если отдать свою свободу, то не иначе, какъ ставши женой сановника. Если бы я вздумалъ упорствовать на этомъ предположеніи, то въ видѣ лишняго аргумента могъ бы припомнить ухаживанія товарища министра Орлова и моего соперника Рихтера, про которыхъ говорятъ, что вы ихъ держите въ резервѣ.

— А-а-а! И вы слышали, что про меня такъ говорятъ?..

— Оставимъ пока въ сторонѣ, что говорятъ и чего не говорятъ, а перейдемте лично къ моимъ чувствамъ, Елена Павловна. Ну, а если мои стремленія окажутся тщетными, и я не добьюсь вскорѣ ни силы, ни власти?

— Тогда вы останетесь тѣмъ, что вы есть, и я, конечно, съ радостью буду вашей женой; мы найдемъ общій и полезный трудъ и будемъ завоевывать жизнь иными путями,—съ улыбкой отвѣтила Елена.

— Такъ-съ. А сколько же времени полагается мнѣ на достиженіе высшихъ ступеней, и пока я ихъ достигну, въ какой роли прикажете мнѣ посѣщать васъ, и какая гарантія, что ни Орловъ, ни Рихтеръ, ни, можетъ быть, какой-нибудь иной претендентъ не завладѣетъ вашимъ сердцемъ?

— Надѣюсь, что для этого достаточно одного моего слова, Владимиръ Ивановичъ.

— Положимъ, что и такъ, но существуетъ вопросъ надъ которымъ вы, очевидно, не задумывались или намѣренно его игнорируете.

Елена вопросительно смотрѣла на Башилова. Въ его же глазахъ, пристально на нее устремленныхъ, опять началъ загораться безпокойный, жадный огонекъ. Оба молчали. Елена чувствовала, какъ этотъ огонекъ, разгораясь, окутывалъ ее и зажигалъ въ ея крови до сихъ поръ невѣдомыя ей ощущенія. Внезапно она вздрогнула и закрыла на минуту глаза.

— Не смотрите на меня такими глазами, я не хочу,—тихо прошептала она, проводя рукой по глазамъ, какъ бы стараясь снять съ себя очарованіе взгляда. Башиловъ близко нагнулся къ ней, взялъ эту руку и крѣпко сжалъ.

— А вотъ объ этомъ вы подумали?

— Да, я думала,—едва внятно отвѣтила Елена.

— И что же?

— Сама не знаю.

— Если вы еще боитесь меня, какъ мужа, то вы должны же пойти на уступки, иначе вы меня не любите.

— Ни за что!...

— Это ваше рѣшительное слово?

— Да.

— Вы меня не любите. Я ошибся.

Башиловъ всталъ.

— Постойте. Куда вы?

— Вы передумали?

— Нѣтъ, но вѣдь это же странно такъ разстаться...

— Это логично. Я не люблю неопредѣленныхъ положеній. Если я добьюсь власти и если до тѣхъ поръ у обоихъ насъ не потухнетъ взаимное чувство, то тогда я явлюсь склонить передъ вами мою заслуженную голову, до тѣхъ же поръ самое благоразумное—разстаться, такъ какъ я не намѣренъ мучить и волновать себя близостью женщины, которую я люблю и желаю и которая...

— Которая и васъ любитъ.

— Этого я не сказалъ бы...

Опять воцарилось молчаніе. Елена напряженно думала, закрывъ лицо руками; Башиловъ сидѣлъ, заложивъ нога на ногу, и не спускалъ съ нея горячаго, тяжелаго взгляда.

— Довольно, довольно...

Онъ рѣшительно подошелъ къ ней, отвелъ руку, обнялъ за шею и хотѣлъ поцѣловать.

— Нѣтъ... Не надо.

Елена съ силой высвободилась, вся изогнулась и отстранила Башилова.

— Елена Павловна, позвольте откланяться.

Онъ быстро поцѣловалъ ея руку и прежде, чѣмъ она успѣла опомниться, скрылся за дверью гостиной.

VIII.

Прошло больше мѣсяца. Елена вела съ собой отчаянную борьбу. Каждое утро, когда горничная отдергивала тяжелыя драпировки большого венеціанскаго окна и погруженная во мракъ спальня наполнялась робкими лучами мартовскаго солнца, Елена открывала глаза, и первою ея мыслью былъ все тотъ же мучившій ее вопросъ; сумѣетъ ли она и сегодня справиться съ собою и не призоветъ ли къ себѣ Башилова, который упорно ея избѣгалъ со дня послѣдняго разговора? Призвать его—значило бы пойти на уступку, которой Елена боялась именно потому, что чувствовала къ Башилову серьезную и прочную привязанность, дорожила его уваженіемъ и чутьемъ отгадывала, что чѣмъ сильнѣе окажетъ сопротивленіе, тѣмъ прочнѣе привяжетъ его къ себѣ. Но разлука съ нимъ ее мучила до такой степени, что бывали дни, когда ей приходилось призывать всю силу воли, чтобы не поддаться искушенію и не позвонить къ нему въ телефонъ. Башиловъ, привыкшій къ быстрымъ побѣдамъ, давно поджидалъ этого звонка и удивлялся, раздражался и наконецъ началъ негодовать на упорство Елены, мысль о которой не разъ мѣшала ему работать. Онъ искалъ развлеченія въ обществѣ другихъ, легко доступныхъ женщинъ, но образъ Елены упорно овладѣвалъ мозгомъ и мучилъ его. И все-таки онъ былъ увѣренъ, что побѣда будетъ на его сторонѣ, и терпѣливо ожидалъ этой минуты.

Въ голубой гостиной Людомировой, убранной прихотливой рукой хозяйки букетиками живыхъ фіалокъ, наполнявшихъ тонкимъ ароматомъ немного душную атмосферу, пріемный день приходилъ къ концу. Хо-

зяйка дома, по обыкновенію очень оживленная, слегка утомленная большимъ количествомъ перебывавшихъ гостей, удобно расположась въ креслѣ, допивала маленькими глотками ликеръ и вызывающе кокетничала съ Рихтеромъ. Онъ сидѣлъ близко подлѣ нея на низенькомъ пуфикѣ, разсматривалъ выставленныя ему на показъ изящно обутыя ножки и хотя и отвѣчалъ въ тонъ, но слегка сдерживалъ заигрыванья хозяйки въ удобныхъ для себя границахъ. Онъ собирался улучить подходящую минуту и раскланяться, какъ распахнулась дверь и лакей пропустилъ Елену.

Карцова дала Людомировой обнять и расцѣловать себя, съ привѣтливой улыбкой протянула руку Рихтеру, которую тотъ поцѣловалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и опустилась въ кресло. Разговоръ продолжался въ томъ же игривомъ тонѣ, и Рихтеръ его охотно поддерживалъ, замѣтно подчеркивая свое вниманіе къ Еленѣ.

— Послушай, Леночка,—обратилась Людомирова къ подругѣ, когда Рихтеръ распрощался:—я хотѣла серьезно поговорить съ тобой насчетъ Александра Александровича. Не такъ давно въ полушутливой формѣ онъ намекнулъ мнѣ, что изъ всѣхъ дамъ нашего общества онъ считаетъ тебя наиболѣе интересной и что онъ серьезно не ухаживаетъ за тобой потому только, что щадитъ свое самолюбіе, боясь твоего невниманія. Я знаю достовѣрно, что товарищъ министра уходитъ; если умѣло нажать пружину, то его мѣсто займетъ Рихтеръ. Онъ на виду, и ему пора получить этотъ постъ; у него есть враги и необходимо, чтобы Иванъ Ларіоновичъ былъ бы на его сторонѣ. Будь благоразумна, устрой ему это назначеніе, не отвергай его ухаживанья и выходи за него замужъ. Я ручаюсь, что Рихтеръ съ его государственнымъ

умомъ далеко пойдетъ, но ему необходимо умную и ловкую жену вродѣ тебя, чтобы смягчить его враговъ...

Елена молчала и улыбалась.

— Что же ты молчишь? Я говорю совершенно серьезно и, право, буду удивлена, если ты, умная женщина, пропустишь во всѣхъ отношеніяхъ выгодную партію для того, чтобы возиться съ этимъ кутилкой Юрьевымъ или нахаломъ Башиловымъ, который, по правдѣ сказать, своими несалонными манерами очень напоминаетъ лабазника. Онъ тебѣ не пара... да его и не пустятъ далеко: тотъ же Рихтеръ затретъ.

— Ну, и что же дальше?

— Дальше то, что похлопочи за Рихтера и выходи за него замужъ. Скажи Орлову, чтобы попросилъ Ивана Ларіоновича.

— Это невозможно: Орловъ дуется на меня.

— Еще бы не дуться: закрутила ему голову, а ласки расточаешь другимъ.

— Мариша, ты гововишь вздоръ!

— Ну, оставимъ. Не въ этомъ дѣло. Такъ, значитъ, Орлова притянуть къ этому дѣлу нельзя? Очень жаль. Изволь, я придумала иную комбинацію: на будущей недѣлѣ я обѣдаю у Гагариныхъ. Иванъ Ларіоновичъ будетъ тоже, я его позову обѣдать къ себѣ, посажу рядомъ съ тобой и не сомнѣваюсь, что, если ты захочешь, то къ концу обѣда онъ совсѣмъ разсахарится, будетъ смотрѣть на тебя масляными глазами и съ восторгомъ исполнитъ, что бы ты ни попросила. Ты что на это скажешь?

— Пожалуй... попробуй его позвать.

— Такъ ты согласна? Вотъ молодецъ. Повѣрь мнѣ, Елена, что Рихтеръ, если сумѣть его забрать въ руки, премилый человѣкъ. А что онъ карьеристъ...

— И бездушный, черствый эгоистъ...

— Нисколько не больше всѣхъ остальныхъ.

Людомирова была безконечно довольна, что ей удалось уговорить Елену; она была увѣрена, что ей удастся выдать ее за Рихтера и тѣмъ насолить и Башилову, которому она мстила за Любовь Петровну, и барону, котораго безсильно ревновала къ Еленѣ. Мысль, что та будетъ женой Рихтера, котораго она не любила и не уважала за его черствую, расчетливую натуру, ее радовала, какъ своего рода месть самой Еленѣ.

Прошла недѣля, и предполагаемый обѣдъ состоялся. Иванъ Ларіоновичъ, еще не старый, очень неглупый сановникъ, типъ довольнаго жизнью барича, воспитаннаго въ традиціяхъ рыцарскаго поклоненія женщинѣ, производилъ съ перваго раза крайне выгодное впечатлѣніе, благодаря обходительной, всегда привѣтливой манерѣ въ общеніи съ людьми, къ какому бы соціальному положенію они ни принадлежали. Онъ былъ всѣми любимъ и, хотя не обладалъ способностями государственнаго человѣка, однако карьеру сдѣлалъ шутя, никогда не задаваясь честолюбивыми замыслами, ни въ комъ не заискивая и никому не вредя.

Послѣ обѣда, въ то время, какъ въ голубой гостиной пили кофе и ликеры, продолжали оживленную бесѣду, подогрѣтую утонченными винами, и слушали бравурный вальсъ, который хозяйка дома сама исполняла, кокетливо склонивъ голову на бокъ и прислушиваясь къ любезностямъ подсѣвшаго къ ней кавалера въ моноклѣ, съ преждевременно облысѣвшимъ черепомъ и выхоленными, женственно-красивыми руками, — въ это время Елена, сидя въ отдѣльномъ, слегка заставленномъ растеніями уголкѣ, съ затаеннымъ интересомъ слѣдила, какъ у Ивана Ларіоновича

постепенно разгорались глаза и, казалось, въ эту минуту онъ никого не зналъ и ничего не слышалъ, кромѣ словъ Елены:

— Удивительно вы милый человѣкъ. Мнѣ понятны тѣ «ravages», которые вы дѣлали и, вѣрно, дѣлаете въ сердцахъ дамъ.

— Нѣтъ, Елена Павловна, мое время прошло. Угождать милымъ дамамъ еще могу, а что касается «ravages», то и не пробую.

— Иванъ Ларіоновичъ, а вы не забудете вашего обѣщанія ни однимъ словомъ не напоминать ему о нашемъ разговорѣ?

— Разумѣется... пусть думаетъ, что въ его карьерѣ женщины ни при чемъ. Долженъ сознаться, что съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу, такъ какъ она вполнѣ соотвѣтствуетъ заслугамъ этого человѣка: онъ удивительно работоспособенъ и энергиченъ. Такихъ людей надо выдвигать, они полезны Россіи.

— А какъ скоро можетъ состояться назначеніе?

— Вѣроятно, къ концу этого мѣсяца вы прочтете въ газетахъ, что вашъ протеже Владиміръ Ивановичъ Башиловъ назначается товарищемъ министра.

Елена крѣпко и съ благодарностью пожала руку очарованному ея граціей сановнику и уѣхала одна изъ первыхъ, чтобы избѣжать подробныхъ разспросовъ Людомировой.

Елена въ душѣ смѣялась, а Людомирова считала дѣло Рихтера выиграннымъ и съ этого дня, заводя съ нимъ разговоръ о подругѣ, принимала конфиденціально-покровительственный тонъ, давая понять, что она что-то знаетъ и чему-то можетъ помочь.

Со дня разрыва съ Башиловымъ прошло уже полтора мѣсяца. Елена сильно стосковалась и, вѣря, что и онъ страдаетъ не менѣе ея, ставила ему въ за-

слугу выдержку характера, съ которой онъ исполнялъ разъ принятое рѣшеніе. Она винила себя въ томъ, что не сумѣла облечь временный отказъ въ болѣе мягкую форму, что не сумѣла удержать его подлѣ себя, и теперь ждала съ нетерпѣніемъ и волненіемъ обѣщаннаго назначенія, чтобы имѣть возможность позвонить къ нему въ телефонъ, поздравить и вызвать на новое объясненіе.

Наконецъ ожидаемый день насталъ. Елена уже три раза подходила къ телефону, получая одинъ и тотъ же отвѣтъ, что «генерала нѣтъ дома». Наконецъ до ея слуха долетѣлъ такъ хорошо знакомый высокій тембръ голоса; она съ трудомъ подавила волненіе.

— Хочу васъ лично поздравить.

— Прикажете пріѣхать?

— Жду сегодня же вечеромъ...

— Слушаю-съ.

«Значитъ, я его сама призвала... что же я ему скажу? Дамъ согласіе на бракъ? Буду его женой? Такъ скоро? Нѣтъ, пусть еще подождетъ, но какъ же это сказать?..—разсердится, обидится... Лучше не думать: само выяснится...»

Такъ думала Елена, лихорадочно поджидая назначеннаго часа. Лицо ея, всегда матово-блѣдное, теперь покрылось румянцемъ, и глаза горѣли влажнымъ блескомъ, что придавало ей чарующую прелесть. Былъ уже довольно поздній часъ, когда она услышала шумъ остановившагося у подъѣзда автомобиля, и черезъ нѣсколько минутъ въ ея гостиную входилъ Башиловъ съ лицомъ, озареннымъ радостной, торжествующей улыбкой.

— Какъ я рада за васъ!—проговорила Елена, подымаясь ему навстрѣчу и протягивая обѣ руки съ нервно вздрагивавшими пальцами.

— Спасибо, дорогая моя, спасибо...

Они прошли въ сосѣднюю маленькую гостиную и остановились посреди, оба взволнованные, не находя словъ для охватившаго радостнаго чувства.

— Я рада видѣть васъ... я соскучилась въ долгой разлукѣ.

— А почему же раньше не призвали? Ждали высокаго назначенія?.. И меня мучили...

— Я ничего не ждала... сама мучилась... а сегодня придралась къ случаю: не могла больше.

— Не могли?.. И давно бы такъ... вѣдь все равно не уйдешь: не отпущу...

Башиловъ неожиданнымъ, порывистымъ жестомъ закинулъ голову Елены, такъ что она пошатнулась и чуть не упала, быстро обнялъ за талію и сталъ неудержимо цѣловать въ губы; теперь она не сопротивлялась, и онъ чувствовалъ, съ какой неожиданной страстью она отдавала ему поцѣлуи.

— Знаешь что? Поѣдемъ ужинать. Отпразднуемъ два крупныхъ для меня событія: твой первый поцѣлуй и мое неожиданное назначеніе. Согласна?

— Согласна, на все согласна, милый...

Елена была какъ въ полуснѣ. Ее подхватила какая-то еще невѣдомая ей волна и понесла въ открытое море, къ широкому простору блаженныхъ чувствъ, и она съ радостью отдавала себя этой новой волнѣ, послушно повинуясь ея теченію.

— Ну, голубчикъ мой, я просто глазамъ своимъ не вѣрю, что это ты тутъ сидишь подлѣ меня, — говорилъ Башиловъ, когда лакей скрылся за дверью и передъ ихъ приборами пѣнясь и искрясь играло шампанское въ высокихъ бокалахъ.—Думалъ, что совсѣмъ ускользнула,—словно змѣя; иной разъ казалось, вотъ-вотъ поймалъ, завладѣлъ... не тутъ-то было.

Вотъ что значитъ получить постъ товарища министра: и мужчины привѣтливѣе руку жмутъ, и гордыя женщины становятся благосклоннѣе. А вѣдь ты горда. Такъ и отсадишь на свое мѣсто... люблю такихъ... королева... Дай руку, дай пальчики поцѣловать. Повезло же мнѣ! Не ожидалъ я этого повышенія...

— А я ожидала. Я была увѣрена и продолжала вѣрить, что вы пойдете впередъ гигантскимъ шагомъ.

— Не говори мнѣ «вы»—не хочу.

— Я не могу... надо привыкнуть.

— Привыкай... привыкай скорѣе.

Башиловъ завладѣлъ обѣими руками Елены и жадными поцѣлуями покрывалъ ладони и изящные розовые пальчики.

Елена вдругъ вся преобразилась и стала необыкновенно красива: казалось, подъ кистью художника ожило прелестное лицо, и мертвыя краски зардѣлись румянцемъ и огнемъ страстной жизни.

— Боже, но что же это творится со мной?—порывистымъ движеніемъ она поднялась со стула, закинула обѣ руки за голову, широко открыла горящіе глаза и, тяжело дыша, стояла нѣсколько мгновеній, точно застывъ въ порывѣ напряженнаго недоумѣнія; сквозь полуоткрытыя алыя губы блестѣли красивыя, плотно сжатыя зубы.—Или я пьяна, или... или...

— Доканчивай... я жду... что: или? — едва владѣя собой, переспросилъ Башиловъ.

— Или... я люблю тебя... страстно люблю, — чуть слышно договорила Елена.

— Наконецъ-то!—сорвалось торжествующимъ голосомъ съ устъ Башилова, и онъ, не помня себя, забывъ всякую выдержку, обнялъ Елену и, цѣлуя ея губы, до боли сжимая пальцы, опустилъ ее передъ собой на колѣни и, приподнявъ за подбородокъ по-

блѣднѣвшее, совершенно измѣнившееся отъ впервые охватившаго чувства страсти лицо, долго смотрѣлъ въ глубину невѣроятно расширившихся затуманенныхъ зрачковъ.

— Моя,—чуть слышно, но отчетливо долетѣло до слуха Елены.

— Да,—скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ онъ отвѣтъ.

Была поздняя ночь, когда они вышли изъ ресторана, разгоряченные виномъ, съ распаленнымъ отъ давно сдерживаемой страсти мозгомъ. Башиловъ предложилъ проѣхаться по островамъ, и Елена съ радостью согласилась. Она чувствовала потребность освѣжиться отъ горячихъ впечатлѣній нахлынувшаго счастья. Велѣли спустить верхъ автомобиля, и зимняя ночь, морозная и безвѣтряная, пахнула въ ихъ разгоряченныя лица острой свѣжестью. Слегка распахнувъ мѣховую шубу и откинувшись назадъ, Елена, завороженная красотой зимней петербургской ночи, мчалась къ островамъ по опустѣлому широкому и прямому, какъ стрѣла, проспекту. Съ безумной скоростью мелькали высокіе электрическіе фонари, красивыя пышныя зданія и покрытыя инеемъ, ярко вырисовывающіяся при электричествѣ деревья парка. Въ молчаливомъ и пышномъ покоѣ строгаго и стройнаго вида спала суетливая и шумная столица. Быстрый поворотъ, и дома исчезли. Фонари замелькали рѣже. Кругомъ тѣснились густыя кущи деревьевъ и слои бѣлаго, осыпаннаго брильянтами снѣга, живописно драпируя тяжелые стволы и вѣтки, придавали сказочную прелесть окружающей природѣ.

— Какая тишина, какая красота!—вырвалось изъ устъ Елены, и она тихонько сжала руку Башилову, которую все время не выпускала изъ своихъ горячихъ рукъ.

— Закройся, ты простудишься... Вѣдь у тебя вся шея открыта... ласково запахивая шубку и близко заглядывая ей въ глаза, проговорилъ Башиловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Этотъ морозный воздухъ, эта красота грѣютъ меня. Мнѣ такъ хорошо. Смотри туда... вдаль; точно хрустальное царство... Сколько снѣга. А эта полянка бѣлая и позади нея точно сѣдое чудовище стоитъ... Ухъ... какая быстрота...

Съ ними вмѣстѣ какъ будто мчалось ясное, далекое звѣздное небо и густой паркъ съ причудливыми фантастическими бѣлыми дубами, березами и елями. Вѣтеръ, то ласковый, то жестокій, цѣловалъ и обжигалъ лицо, и воздухъ наполнялъ грудь живой струей бодрости и жизни.

X.

Съ этого вечера не только наружная, но и вся внутренняя жизнь Елены совершенно измѣнилась: проснулась дремавшая, кѣмъ-то убаюканная страстная натура, забурлила кровь, ударила тысячью молотовъ, застучала въ сердцѣ, и горячій пожаръ охватилъ мозгъ до сихъ поръ уравновѣшенной, спокойной женщины. Елена стала неузнаваема; въ ней ожилъ каждый фибръ, она вся рвалась навстрѣчу горячему солнцу, сжигающему, палящему, прекрасному своей мощной непосредственной силой. Проснувшійся бѣсъ дразнилъ всѣхъ окружающихъ своей дерзкой, вызывающей смѣлостью, своей счастливой свободной мыслью, и прошло очень немного времени, какъ отношенія Елены къ Башилову сдѣлались достояніемъ общества; она же со своей непосредственно свободной, прямой натурой не искала ширмъ для огражденія своего имени отъ пересудовъ.

Людомирова была внѣ себя. Назначеніе Башилова товарищемъ министра еще разъ доказало ей, что Елена всегда останется самостоятельно мыслящей и дѣйствующей; желая вредить ей, она всегда больше вредила себѣ, играя смѣшную роль неудачно мстящаго врага. Теперь она вознаграждала себя тѣмъ, что направо и налѣво разсказывала, якобы съ добродушнымъ юморомъ, продѣлку Елены по отношенію Рихтера, котораго она, Людомирова, будто бы всегда такъ высоко цѣнила, что готова была сама просить министра объ его назначеніи, но довѣрилась Еленѣ, которая такъ горячо взялась помочь ей въ этомъ дѣлѣ, и вдругъ оказалось... Людомирова громко хохотала, затѣмъ внезапно переходила на серьезный тонъ и выражала глубокое сожалѣніе, что бѣдная Елена такъ неумѣло отдала свое чувство человѣку, на совѣсти котораго немало пятенъ; она упоминала имя Любови Петровны и безвременно погибшей Данцовой. Ей пришло въ голову поговорить однажды на эту тему съ самой Еленой, но вмѣсто сконфуженнаго лица на нее прямо глядѣли загорѣвшіеся искристымъ смѣхомъ глаза.

— Да ты, Мариша, говори безъ предисловій; что ты хочешь знать? Люблю ли я Башилова? Да, люблю и не скрываю.

— Такъ выходи за него замужъ...

— Еще не хочу.

— Но вѣдь это же скандально. Богъ знаетъ, что говорятъ о тебѣ; что ты въ связи съ нимъ...

— Пусть говорятъ. А если бы и въ связи? — я свободна.

— Не проще ли тогда обвѣнчаться? Или ты ждешь, пока пристроишь его на мѣсто Ивана Ларіоновича?

— Браво, Мариша, ты угадала: не иначе, какъ жена министра!

— Смотри, не промахнись...

Съ этого дня съ улыбкой ироніи Людомирова не иначе называла Елену, какъ «жена министра»; это прозвище какъ-то сразу привилось. Чтобы не сказать «любовница Башилова», общество забавлялось съ ноткой насмѣшки величать ее женой будущаго министра.

Огорченный и раздосадованный баронъ нѣсколько разъ принимался урезонивать Елену, прося ее щадить свое доброе имя передъ злоязычной толпой. Елена негодовала.

— Молчите, баронъ, ради Бога, молчите и слушайте, что я вамъ скажу: никогда, слышите ли, никогда не подарю я клочка моего счастья въ угоду всей этой сѣрой толпѣ. Я счастлива, я пьяна, пьяна до потери своего я, потому что я люблю.. наконецъ-то я люблю! Что вы хотите, чтобы я сдѣлала: вышла за него замужъ? Да, да, но не сейчасъ. Пусть пройдетъ этотъ бѣшеный угаръ, который туманитъ мнѣ разсудокъ. Такая, какъ я сейчасъ, я могу быть любовницей и хочу быть только ею. Вѣдь вы, мужчины, съ вашими узкими моралями, ползаете и пресмыкаетесь у такихъ любовницъ, какой я стала сейчасъ, но женъ съ такимъ вулканомъ вы бросаете къ своимъ ногамъ, смотрите на нихъ сверху внизъ и ставите себя въ роль владыки, господина, благосклонно принимающаго этотъ заслуженный пожаръ любви. О, я васъ знаю всѣхъ, потому что сама никогда не любила, а только наблюдала. Теперь—я любовница, я дарю мою любовь, потому что я свободна и вольна подарить ее кому угодно, и тотъ, кого я выбрала, гордится ею и трепещетъ отъ страха, чтобы не потерять ея. Но съ момента, какъ я стану законной женой, — моя страсть обезцѣнится. Страсть лю-

бовницы — завидный и цѣнный товаръ, не всякому доступный, страсть жены — вещь для домашняго обихода, обезцвѣченная, подчасъ докучливая... И вы думаете, что я такъ глупа, что собственной властью выну драгоцѣнный камень изъ дорогой оправы и брошу ее въ мусоръ? Никогда! Пусть пройдетъ угаръ и охладится кровь, тогда бодро взгляну въ глаза любовнику и если найду въ ихъ глубинѣ залогъ дружбы и уваженія къ себѣ, то не побоюсь итти рука объ руку, какъ равная ему подруга, напоминающая ему изрѣдка, что я могу быть и любовницей моего мужа, но не иначе, если сама этого захочу. Понимаете ли вы теперь, почему я не хочу быть женой Башилова? Потому, что я пьяна, и разсудокъ мой помраченъ.

— Да, я это вижу: вы захлебнулись; но берегите себя, чтобы и въ роли любовницы этотъ человѣкъ васъ не обезцѣнилъ.

— Что такое? Что вы сказали? Баронъ, я хочу знать, что вы думаете? Объясните, что значитъ эта фраза.

— Mon ange, что бы я не говорилъ вамъ теперь, это безполезно; пусть вамъ покажется страннымъ, но мнѣ очень больно, что вы потеряли ваше обычное равновѣсіе въ объятіяхъ именно этого несимпатичнаго мнѣ человѣка.

— Но почему? Чѣмъ онъ провинился передъ вами?

— Ничѣмъ, и все-таки онъ мнѣ антипатиченъ.

— Милый баронъ, это ревность.

— Не только ревность...

Жизнь текла своимъ обычнымъ порядкомъ, но Елена совершенно отошла отъ нея и въ своемъ любовномъ экстазѣ витала надъ жизненной пошлостью и прозой, не замѣчая ея, отдаваясь счастью любить

и быть любимой. Она не видѣла, какъ постепенно расползалась злая молва, опутывая ея имя за то, что она смѣло и высоко держала знамя любви, не ища снисхожденія у толпы, не прячась за лживыя ширмы. Смѣлыхъ люди не любятъ потому, что они напоминаютъ имъ ихъ слабость; они любятъ роль покровителей, прощающихъ якобы содѣянныя противъ нихъ ошибки; это даетъ обманчивую иллюзію силы. Елена оказалась слишкомъ дерзка, и ее наказывали злословіемъ и насмѣшливымъ порицаніемъ. Языкъ развязался у самыхъ сдержанныхъ, и однажды въ присутствіи Орлова было безцеремонно говорено объ Елениной связи съ Башиловымъ и другихъ подробностяхъ ея жизни.

Случилось это такъ. На Англійской набережной, въ просторной квартирѣ холостого сановника собралась небольшая компанія мужчинъ, друзей и знакомыхъ хозяина. Очень обширный кабинетъ, сплошь устланный по полу и стѣнамъ прекрасными восточными коврами, былъ обставленъ съ умѣлымъ комфортомъ располагающаго хорошими средствами человѣка. На двухъ низкихъ восточныхъ диванахъ были разбросаны кожаныя и громадныя шелковыя подушки. Великолѣпный секретеръ краснаго дерева съ бронзой, массивный и стильный, съ откидывающейся письменной доской такого же стиля столъ и вокругъ стулья — останавливали на себѣ вниманіе любителя старины. Громадное полотно въ широкой золоченной рамѣ занимало одну изъ стѣнъ; это была работа извѣстнаго стариннаго мастера французской школы, изображавшая обнаженную, прекрасную, въ дѣйствительный ростъ нимфу у пруда и приближающагося къ ней фавна. Картина была съ двухъ боковъ ярко освѣщена и притягивала къ себѣ взоры. Нагая нимфа,

съ распущенными золотистыми волосами, съ пышными упругими грудями, съ розоватыми пятками стройныхъ нервныхъ ногъ, была соблазнительно прекрасна. Очевидно, хозяинъ былъ любитель «nudité», и, кромѣ нимфы, на стѣнахъ красовались еще два-три полотна того же жанра.

Посреди кабинета свитскій генералъ съ длинными сѣдыми усами и живыми карими глазами раскатисто смѣялся, слушая плотнаго и подвижного инженера, умѣвшаго разсказывать съ серьезнымъ видомъ самыя смѣшныя вещи. На тахтѣ, полулежа и протянувъ ноги въ элегантныхъ лакированныхъ ботинкахъ, красивый брюнетъ съ глазами слегка навыкатъ курилъ сигару и сосредоточенно разглядывалъ нимфу, висѣвшую противъ.

— Павелъ Игнатьевичъ, si un jour vous constatez le vol de votre belle nymphe—sachez que c'est moi qui suis le voleur,—обратился онъ къ хозяину дома.

— Cher ami, оставьте мнѣ на старости лѣтъ хоть эту иллюзію женщины; il ne me reste que ça! Отдайте мнѣ одно изъ вашихъ свиданій съ живой женщиной со всѣмъ пыломъ вашихъ лѣтъ, и я пожертвую и нимфой, и моимъ положеніемъ, и всѣми регаліями,— съ легкой грустью въ голосѣ отвѣчалъ хозяинъ, большого роста сухощавый старикъ съ зачесанными назадъ длинными прядями сѣдыхъ волосъ, мигающими близорукими и добродушными глазами, слегка глуховатый, съ мягкимъ тембромъ пѣвучаго голоса; страдающій подагрой, онъ добродушно острилъ и надъ своей старостью, и надъ старческими недугами. Радушный хозяинъ, онъ умѣлъ и любилъ принимать гостей, и у него часто и запросто собирались поиграть въ карты, покурить тонкія сигары и выпить хорошаго дорогого вина. Въ сосѣдней комнатѣ—про-

сторной библіотекѣ —усаживались за карточный столъ; въ ожиданіи партіи небольшого роста брюнетъ съ просѣдью, viveur и страстный любитель женщинъ, наигрывалъ на роялѣ модный шансонеточный мотивъ. Генералъ Орловъ перелистывалъ, стоя неподалеку отъ двери, великолѣпное изданіе заграничнаго журнала; изъ кабинета его не было видно.

— Ah, le Beau-ris... — раздался возгласъ хозяина навстрѣчу входившему тучному толстяку съ бритой обрюзглой физіономіей и мясистыми отвислыми губами. Это былъ извѣстный собиратель новостей, сплетенъ, беззастѣнчивый разсказчикъ самыхъ скабрезныхъ анекдотовъ, гастрономъ, циникъ и милліонеръ.

— Пріѣхалъ къ тебѣ, Павелъ Игнатьевичъ, отдохнуть отъ вина и женщинъ; куда ни поѣдешь сегодня—или пьютъ, или съ женщинами возятся, чортъ знаетъ, что такое! Здравствуйте генералъ... давненько не видались; третьяго дня поджидали васъ въ Англійскомъ клубѣ для партіи въ бриджъ, а вы не изволили пожаловать.

— Да, да... Вотъ и сегодня не попалъ.

— А я прямо оттуда. Слышали новость? На мѣсто товарища министра назначенъ какой-то Башиловъ.

— Это кто такой?

— А чортъ его знаетъ! Какъ и всегда, безсмысленное назначеніе. Опять кто-то ногу подставилъ Александру Александровичу Рихтеру. Очень жалко.

— Да, Рихтеру ходу не даютъ, а ему давно пора бы дать портфель министра: государственный умъ, хоть и шельма, — добродушно отозвался хозяинъ. — Откуда этотъ Башиловъ взялся?

— Histoire de femme... — продолжалъ толстякъ, грузно усаживаясь въ кресло.—Говорятъ, это любов-

никъ Елены Павловны Карцевой; она его тащитъ за уши, lui fait la reclame, онъ ей обязанъ этимъ назначеніемъ.

— Да вѣрно ли это?

— Съ двухъ сторонъ слышалъ... Карцева ловкая и умница, знаетъ, гдѣ сказать, гдѣ улыбнуться, гдѣ приласкать... elle doit être joliment vicieuse... я кое-что слышалъ объ ея похожденіяхъ въ Парижѣ... Пикантная, очень пикантная бабенка... Башиловъ, видно, не дуракъ, толкъ понимаетъ. Mais savez-vous ce qu'on raconte de cette liaison?

Толстякъ перегнулся въ сторону сидящаго на диванѣ брюнета и вполголоса началъ разсказывать ему всѣ сплетни, ходившія насчетъ Елены. Орловъ, стоявшій за дверью и слышавшій весь разговоръ отъ слова до слова, чуть не выронилъ отъ волненія книгу, страшно поблѣднѣлъ и, не будучи въ силахъ овладѣть собой, вскорѣ распростился съ хозяиномъ и, весь дрожа отъ гнѣва и обиды, поѣхалъ прямо къ Еленѣ. Страшно нервный, впечатлительный, вспыльчивый и не справляющійся съ собой въ проявленіяхъ гнѣва и печали, онъ совершенно обезумѣлъ отъ неожиданно раскрывшейся передъ нимъ тяжелой картины Елениныхъ къ нему отношеній; не ожидая доклада, онъ вошелъ въ маленькую гостиную, гдѣ она въ эту минуту писала записку Башилову, полную жгучихъ выраженій своего любовнаго экстаза. Орловъ остановился въ дверяхъ и, чувствуя, какъ подкашиваются его ноги, схватился за притолку.

— Боже мой, что случилось? Вы больны?—тревожно поднялась со своего мѣста Елена.

— Я раненъ... смертельно раненъ...

Елена не поняла истиннаго смысла словъ и въ ужасѣ бросилась къ нему. Онъ слегка отстранилъ ее рукой.

— Душевно раненъ.

Елена поблѣднѣла. Она ожидала этой развязки, содрогалась при мысли о ней и изъ чувства жалости оттягивала неминуемо-тяжелое объясненіе. Оба молчали. Орловъ смотрѣлъ на нее скорбнымъ, полнымъ упрека и отчаянія взглядомъ.

— Неужели это правда?..—наконецъ тихо проговорилъ онъ. Елена закрыла глаза и закусила губы, не рѣшаясь нанести самый страшный, рѣшительный ударъ: въ его вопросѣ еще чуялась надежда.

— Вы молчите? Такъ это, значитъ, правда?..

— Да...

— О, Боже! — Орловъ закрылъ лицо руками, пошатнулся и вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ. Еленѣ съ трудомъ удалось усадить его въ кресло. Онъ рыдалъ неудержимо, захлебываясь, не находя силъ справиться съ горемъ. Прошло много мучительныхъ минутъ. Блѣдный, какъ полотно, съ дрожащей челюстью, онъ хотѣлъ подняться, чтобы уйти, но страшная слабость сковала его члены, и онъ безсильно вновь опустился въ кресло.

— Что вы сдѣлали съ моимъ сердцемъ? За что вы такъ глумились надъ моей любовью? Я вѣрилъ въ васъ, какъ въ идеалъ, какъ въ святыню, а вы... вы только развратная женщина...

— Михаилъ Михайловичъ. . что вы говорите...

— Да, вы жестокая и развратная женщина... Я все слышалъ и все узналъ. Въ то время, какъ я до поздней ночи молился передъ вашимъ портретомъ, считая васъ чистой, далекой отъ плотскихъ желаній, странной, но честной и благородной натурой, въ то время вы посѣщали холостую квартиру этого пьяницы-мальчишки, цѣловались съ нимъ, не маскируя своихъ отношеній, и одновременно вели интригу съ

барономъ, имя котораго повсюду соединяется съ вашимъ; вѣдь, я васъ спрашивалъ... вы солгали, и я повѣрилъ...

— Я не лгала.

— Вы лгали... я вамъ больше не вѣрю, потому что въ своемъ жестокомъ глумленіи надъ моимъ святымъ идеаломъ вы заставили меня просить и хлопотать о вашемъ... не знаю, которомъ по счету любовникѣ, и я просилъ въ угоду вамъ, вѣря, что исполняю просьбу несчастной Евгеніи Михайловны, которую этотъ подлецъ бросилъ, не знаю ужъ теперь, съ вашего или безъ вашего вѣдома... Вы безпощадно толкнули ее въ могилу, какъ толкаете теперь и меня... О, пусть будетъ проклятъ ужасный день нашей встрѣчи!.. Вы убили во мнѣ всѣ чувства и желанія; я, какъ песъ, смотрѣлъ въ ваши глаза, готовъ былъ лизать слѣды вашихъ ногъ... Вы чудовищны... Парижъ, Pierre Paquin и всѣ эти притоны разврата, и ваше безстыдство,—теперь я все понялъ... въ груди моей я отогрѣвалъ змѣю... Боже, Боже, нечѣмъ жить, мнѣ нечѣмъ жить теперь, убито все!..

Орловъ былъ страшенъ. Мертвенно-блѣдный, худой, длинный, съ голымъ, трясущимся отъ волненія черепомъ, съ искаженнымъ отъ страданія и безсильной злобы лицомъ, онъ подошелъ къ Еленѣ и, тяжело дыша, уставился помутившимся взглядомъ въ ея широко открытые отъ ужаса глаза.

— Прощайте... Я васъ проклинаю...

Елена не слышала и не видѣла, какъ онъ вышелъ. На нее напалъ столбнякъ. Схватившись за голову, она въ позѣ внезапно поразившаго ее ужаса долго стояла окаменѣлая, точно лишилась разсудка. Вдругъ изъ устъ ея вырвался крикъ отчаянія: медленно, медленно, сперва въ туманѣ, потомъ яснѣе и отчет-

ливѣе выплылъ нѣжный, прелестный обликъ маленькой маркизы съ картинъ Watteau въ бѣломъ парикѣ, съ мушкой на щекѣ, съ безжизненно свѣсившейся рукой и протянутыми вдоль дивана кокетливыми ножками въ голубыхъ туфелькахъ, которыя, не успѣвъ сдѣлать и перваго па менуэта, кѣмъ-то спугнутыя съ жизненнаго пира, покорно и безстрашно перешагнули таинственную черту невѣдомаго міра. Еленѣ показалось, что проклятіе изступленнаго въ своемъ горѣ старика легло на ея голову всей тяжестью суровой мести. Ночью у нея сдѣлался сильный бредъ и жаръ; это спасло ее отъ новаго страшнаго удара: утромъ разнеслась вѣсть о внезапномъ самоубійствѣ Орлова. Онъ застрѣлился поздней ночью, сидя въ своемъ кабинетѣ передъ письменнымъ столомъ, не оставивъ никакой записки, никакого указанія на причину смерти.

XI.

Было около семи часовъ вечера, когда Башиловъ, бодро, однимъ махомъ взбѣжавъ по своей лѣстницѣ, поспѣшно сбрасывалъ на руки лакея пальто.

— Переодѣться и давать обѣдъ, — почти машинально произнесъ онъ обычную фразу, весь погруженный въ дѣловыя мысли и переживанія минувшаго дня. Съ момента назначенія товарищемъ министра у Башилова точно выросли крылья: онъ ощущалъ подъ ногами твердую почву, и пространство, отдѣлявшее его отъ головокружительныхъ высотъ величія и власти, казалось ему теперь такъ ничтожно, что онъ съ улыбкой представлялъ себѣ тотъ гордый и рѣшительный взмахъ крыльевъ, которымъ онъ его уничтожитъ. Во взглядѣ его прищуренныхъ близору-

кихъ глазъ появилось новое дерзновенное выраженіе, а въ интонаціяхъ голоса—металлическая нотка; осанка сдѣлалась внушительнѣе, движенія плавнѣе. Башилову стало казаться, что его личность внушаетъ окружающимъ глубокое удивленіе и преклоненіе, а въ подчиненныхъ — почти раболѣпный страхъ. Ни своихъ промаховъ, ни снисходительнаго тона высшихъ онъ не замѣчалъ, не понимая, что на него смотрятъ, какъ на «мелкую сошку», какимъ-то фокусомъ взлетѣвшую наверхъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, что не только сдѣлать шагъ впередъ, но даже удержаться на существующей позиціи представляетъ для него громадную трудность.

Стоя передъ умывальникомъ въ уборной и обтирая полотенцемъ сильныя, съ короткими пальцами пухлыя руки, онъ съ удовольствіемъ припоминалъ, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, выслушавъ въ думѣ проектъ тюремныхъ преобразованій, онъ объявилъ его «непріемлемымъ», не подозрѣвая, что однимъ этимъ словомъ сталъ въ оппозицію къ людямъ, съ которыми ему необходимо было ладить. Въ его мозгу постепенно развивалась картина того суроваго и непреклоннаго политическаго строя, борцомъ за который онъ объявитъ себя.

— Распущенность... неуваженіе къ властямъ... не смягченіе тюремнаго режима, а тѣлесныя наказанія намъ нужны... я докажу, что только суровый и даже жестокій режимъ можетъ спасти расшатавшіеся устои историческихъ традицій...

Смѣнивъ мундиръ на домашнюю бархатную куртку, Башиловъ вошелъ въ кабинетъ; первое, что ему бросилось въ глаза,— это было три громадныхъ портфеля, лежавшихъ на полу подлѣ рабочаго стола и напоминавшихъ по объему небольшіе чемоданы; оста-

новившись передъ ними, онъ даже слегка присвистнулъ, покачавъ головой: въ нихъ были бумаги, которыя сегодня же вечеромъ онъ долженъ былъ подписать для отправки завтра по всевозможнымъ инстанціямъ Россійской имперіи. На столѣ лежали кипы бумагъ, присланныя для прочтенія и резолюціи; нѣсколько телефонограммъ, запрашивающихъ, ждущихъ немедленнаго отвѣта. Одна изъ нихъ вызвала тѣнь на лицѣ Башилова; онъ нервно отодвинулъ мѣшавшее кресло и стоя принялся просматривать бумаги, лежавшія отдѣльно и предназначенныя еще три дня тому назадъ для отправки министру.

— Чортъ возьми, какъ это я могъ упустить!.. — недовольно проговорилъ онъ вслухъ, перелистывая докладъ.

Пообѣдалъ Башиловъ наспѣхъ и разсѣянно: онъ обдумывалъ, припоминалъ и отмѣчалъ въ записной книжкѣ все, что требовалось выполнить безотлагательно. Послѣ обѣда онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимую усталость и на четверть часа съ сигарой во рту опустился въ глубокое мягкое кресло, на которомъ давно ли впервые сидѣла Данцова и, слегка краснѣя, излагала ему затрудненія своего бракоразводнаго дѣла. Башиловъ откинулъ голову на спинку кресла и закрылъ глаза; передъ нимъ потянулась вереница воспоминаній недавняго прошлаго, замелькали образы Любови Петровны Бергъ съ ямочками на розовыхъ щекахъ и всегда улыбающимися пухлыми губами; чистая, преданная, смертельно раненая имъ Данцова и Елена—гордая, непреклонная, наконецъ подчинившаяся ему. Потомъ стали выплывать еще и еще образы какихъ-то другихъ женщинъ, сердцами которыхъ онъ игралъ мимоходомъ. Вѣки начинали тяжелѣть, дѣйствительность уплывала.

— Довольно... Надо работать!

Башиловъ стряхнулъ съ себя сонныя грезы, рѣшительно поднялся съ кресла, зажегъ большую электрическую лампу на рабочемъ столѣ и при видѣ всей груды бумагъ, предназначенныхъ для подписи на сегодняшній вечеръ, въ немъ сразу проснулась бодрость и сознаніе важности и отвѣтственности своего положенія. Работа закипѣла. Только скрипъ пера отъ безконечно повторяющагося одного и того же росчерка нарушалъ тишину обширнаго кабинета или вдругъ неожиданно врывался трескъ телефоннаго аппарата, стоявшаго тутъ же на столѣ. Башиловъ быстро снималъ трубку и, не отрываясь отъ дѣловой бумаги, боясь потерять хотя бы одну минуту, пробѣгалъ ее глазами и въ то же время давалъ лаконическіе толковые отвѣты на всевозможные запросы. Были телефонады, которыя онъ рѣзко обрывалъ:

— Извините, голубчикъ, не могу съ вами бесѣдовать: у меня сидитъ секретарь по срочнымъ дѣламъ... цѣлую ваши ручки-съ...

Или же морщась и слегка раздражаясь:

— Сколько разъ, матушка, я просилъ тебя не тревожить меня вечерними звонками... Что такое?.. Какіе тамъ ужины!.. тащись на нихъ сама и съ кѣмъ хочешь... некогда, некогда... до свиданія-съ...—И онъ съ сердцемъ макалъ въ чернильницу перо. — Чортъ ихъ подери, этихъ бабъ!.. Лѣзутъ, какъ піявки...

Часы бѣжали за часами. Въ столовой и одновременно въ кабинетѣ пробило три, а Башиловъ все еще сидѣлъ у стола, не допивъ остывшаго чая и почти не чувствуя усталости. И такихъ вечеровъ потянулась въ жизни Башилова цѣлая длинная вереница; личная жизнь отодвинулась на задній планъ,

и только вспышки страсти отрывали его отъ дѣла на короткіе часы.

Когда Елена, оправившись отъ болѣзни, узнала о самоубійствѣ Орлова, ее охватилъ страхъ одиночества и ужасъ, что проклятіе оскорбленнаго старика будетъ тяготѣть надъ всей ея жизнью. Потрясенная нервной болѣзнью, съ испуганнымъ взглядомъ въ расширенныхъ зрачкахъ, Елена, сильно ослабѣвшая, лежала цѣлыми днями на кушеткѣ, силясь читать или работать, но работа и книга валились изъ рукъ, и неотвязныя мысли давили мозгъ. Кромѣ барона, она почти никого не хотѣла видѣть; онъ, какъ всегда, крайне осторожный, избѣгалъ всякихъ разговоровъ на тему происшедшаго печальнаго событія, и ему удавалось иногда отвлекать ея мысли. Башилова она долго отказывалась принять, не находя въ себѣ силы приступить къ объясненію, которое могло привести ее къ полному душевному краху. При одной мысли, что изъ устъ Башилова она можетъ услышать подтвержденіе словъ оскорбленнаго старика, ею овладѣвало тупое отчаяніе. Орловъ ушелъ въ иной міръ, не оставивъ возможности выяснить, были ли его слова объ Евгеніи Михайловнѣ брошены въ минуту злобы, какъ предположеніе, или же какъ достовѣрный фактъ. Елена не могла совмѣстить гнусный и жестокій поступокъ съ личностью Башилова; все существо ея было во власти очарованія, которымъ непонятнымъ образомъ онъ сумѣлъ окутать и Елену, а могучая страсть, вдругъ всколыхнувшаяся въ до сихъ поръ дремавшей природѣ, держала ее въ такомъ плѣну, что она, не находя исхода отъ противорѣчивыхъ мыслей и желаній, рѣшила призвать къ себѣ наконецъ Башилова и покончить эту муку. Онъ пріѣхалъ по первому же зову. Болѣзнь Елены его огор-

чала, лишая его тѣхъ часовъ опьянѣнія страстью, которыя она ему дарила; она наполняла пѣнящійся кубокъ такъ, что вино широкой струей лилось черезъ край. Привыкшій владѣть женщинами, Башиловъ, насколько это было въ его натурѣ, былъ и самъ захваченъ могучей и непосредственной страстью, которой обдавала его Елена. Его поразилъ измученный видъ больной, и онъ сочувственно поглаживалъ ея блѣдныя и похудѣвшія руки. Она, плохо владѣя собой отъ волненія, закрывъ глаза, тихо лежала, тяжело дышала и едва внятно отвѣчала на вопросы. Но когда онъ, прижавъ обѣ ея руки къ губамъ, началъ покрывать ихъ поцѣлуями, она вся содрогнулась и тихо застонала: страсть, подобно яду, разлитому въ крови, начинала зажигать ее и туманить разумъ; ей стало ясно, что, если она сейчасъ не выяснитъ положеніе, то, отдавшись силѣ вновь овладѣвающихъ чувствъ, позже не найдетъ въ себѣ мужества взглянуть правдѣ въ глаза. Съ усиліемъ она отняла руки:

— Мнѣ надо съ вами говорить...

— Съ вами? Это что значитъ? Говори мнѣ ты.

— Хорошо, Володя, но я спрошу тебя нѣчто очень для меня страшное, и ты мнѣ отвѣтишь только правду.

— Объясненіе, значитъ? Изволь, отвѣчу правду, какъ и всегда это дѣлаю. Только, долженъ тебѣ сознаться, голубчикъ, что страсть какъ не люблю всѣхъ этихъ объясненій съ женщинами. Изволь... изволь... я слушаю.

Елена молчала. Она страшилась отвѣта и сжимала въ подавляемомъ волненіи пальцы своихъ рукъ.

— Ну-съ. Въ чемъ же дѣло?—Башиловъ улыбался.

— Володя, мнѣ страшно задать тебѣ этотъ во-

просъ, но я должна, наконецъ, знать правду... скажи: въ какихъ отношеніяхъ ты былъ съ Женей, съ моей несчастной подругой?

— То есть про какія собственно отношенія ты говоришь? Ей-Богу, я и отвѣтить затрудняюсь. Въ симпатичныхъ, если можно такъ выразиться. Я ей былъ кое-чѣмъ полезенъ, какъ сама это знаешь, въ дѣлѣ ея развода съ шалопаемъ-супругомъ, она даже преувеличивала мою услугу, ну, была мнѣ признательна, благодарна,—ужъ не знаю, какъ это назвать. Славная была... Я и пріударить былъ бы, пожалуй, не прочь и даже какъ-то рискнулъ однажды намекнуть ей нѣчто въ такомъ духѣ, но она очень рѣшительно отсадила меня, ну, я и успокоился: значитъ, не во-время попалъ; мѣсто занято. Да я, кажется, уже тебѣ докладывалъ на эту тему. Почему тебѣ пришла въ голову эта мысль?

— Я измучена ею, Володя... Въ моей душѣ такая двойственность по отношенію тебя, что, ты видишь, я больна... я ночи не сплю...

— Полно, моя дорогая, просто нервы расходились. И чего ради далась тебѣ эта мысль? Ну, если бы и былъ у меня романъ съ твоей Женичкой, такъ что же тутъ за грѣхъ? Лежалъ бы у ея ногъ, цѣловался бы съ ней и, вѣроятно, пропустилъ бы счастье обладать тобой. Чего же тутъ страдать и ночи не спать?

— Не то, не то... Предо мной неотступно стоятъ двѣ тѣни: Орлова и Жени... Орловъ за нѣсколько часовъ до смерти вѣдь былъ у меня. Это было нѣчто ужасное... Я причиной его смерти... Я не думала, что я была причиной смерти Жени, что ты ее бросилъ изъ-за меня... Боже мой, неужели это правда? Неужели я виновница ея отчаянія?..

— Поистинѣ старый дуракъ этотъ твой Орловъ. И сажаютъ же такихъ ословъ въ товарищи министра! Во-первыхъ, откуда онъ могъ бы знать о моихъ отношеніяхъ къ Евгеніи Михайловнѣ? Развѣ она была съ нимъ близко знакома?

— Нѣтъ. Встрѣчалась у меня.

— Откуда же онъ высосалъ всю эту ахинею? Сказалъ на зло тебѣ, чтобы отомстить.

— Онъ не способенъ былъ на ложь: это былъ рыцарь.

— А поступилъ не по-рыцарски. Да онъ въ какихъ же собственно отношеніяхъ состоялъ при тебѣ?

— Онъ меня страшно любилъ и, очевидно, не терялъ надежды, что я исполню когда-нибудь мое обѣщаніе быть его женой. Кто-то подслужился и открылъ ему глаза на наши съ тобой отношенія.

— Такъ-съ. Не смѣю тебѣ не вѣрить, но думаю, что если пустилъ сдуру себѣ пулю въ лобъ, то, вѣрно, ты его слишкомъ къ себѣ близко подпускала.

— Володя, прошу тебя вѣрить тому, что я говорю.

— Да я вѣрю, какъ не вѣрить, а все же довѣряться вамъ, женщинамъ, слишкомъ не слѣдуетъ, чтобы не попадать въ дурацкія роли. Орловъ, какъ никакъ, а прикончилъ съ собой, довѣрясь женщинѣ. Исторія, конечно, для тебя непріятная, но болѣть и ночи не спать, голубчикъ мой, изъ-за людской глупости не стоитъ. Ему бы на старости лѣтъ Богу молиться надо, а не за женскія юбки цѣпляться. А про Женю свою ты и думать оставь. Былъ бы романъ съ ней, повѣрь мнѣ, я бы давно повинную принесъ и сознался бы въ этомъ прелюбодѣяніи, какъ только ты въ сердце мнѣ заглянула. Пора тебѣ знать меня: я не терплю никакихъ двусмысленныхъ положеній, а ужъ съ женщинами и подавно; съ дѣтства меня

учили, что у женщинъ гдѣ любовь, такъ и драма, а драмъ я боюсь ужасно, хуже чумы. Такъ вотъ-съ! Закончимъ на этомъ наше страшное объясненіе; отправь съ миромъ тѣнь безпокоящаго тебя старца и подруги, которая, повидимому, сдѣлала ошибку, отсадивъ меня; я бы былъ ей вѣрнымъ поклонникомъ и травиться не позволилъ бы, да она со мной этого и не захотѣла бы. Поправляйся, голубчикъ, вставай скорѣе и пріѣзжай ко мнѣ. Не только я, а и кабинетъ мой совсѣмъ по тебѣ стосковались...

Башиловъ опять цѣловалъ Еленины руки, и она, прислушиваясь къ горячему ощущенію его ласки, отгоняла страшныя сомнѣнія, и снова душой ея овладѣвала довѣрчивая любовь и гордость, что этотъ родной ея убѣжденіямъ и принципамъ человѣкъ ей близокъ и она ему дорога.

Вскорѣ послѣ объясненія съ Башиловымъ Елена была обрадована и тронута визитомъ Юрьева. Онъ узналъ объ ея болѣзни и пріѣхалъ къ ней вечеромъ, предварительно сговорившись, что у нея никого не будетъ.

— Боже мой, Юрочка, на кого вы похожи? Что вы сдѣлали съ собой?—съ горечью проговорила Елена, протягивая ему еще слабую и блѣдную руку. Юрьевъ опустился въ стоящее рядомъ съ диваномъ кресло.

— Пью, Елена Павловна. Море вина и водки выпилъ, а толку мало.

— Бѣдный вы мой, бѣдный. Видите, и меня буря подломила.

Юрьевъ, совершенно отошедшій отъ общества и проводившій все время въ кутежахъ и безшабашныхъ попойкахъ, ничего не зналъ объ ея жизни и лишь смутно припомнилъ, что слышалъ вскользь о смерти Данцовой и Орлова.

Онъ былъ попрежнему красивъ, но сильная блѣдность, подпухшія вѣки и морщины между бровей дѣлали его красоту суровой и печальной. Глаза, слегка померкшіе, иногда вспыхивали лихорадочнымъ, возбужденнымъ огнемъ. Онъ поминутно курилъ и морщась часто хватался за сердце. Елена съ братской откровенностью разсказала ему все пережитое за этотъ годъ. Юрьевъ сумрачно слушалъ ее, опершись локтями о колѣни и опустивъ на руки голову. Въ волнистыхъ прядяхъ его красивыхъ волосъ начинала слегка серебриться сѣдина.

— Видите, Юрочка, что со мной случилось и какъ это все мало на меня похоже.

— Этого надо было ожидать, и я нисколько не удивленъ. Но что же будетъ дальше, какой конецъ?

— Это вопросъ, который неотступно стоитъ передо мной. Разумѣется, конецъ долженъ быть, но въ душѣ моей такое смятеніе, столько яду, что я не могу, какъ прежде, здраво и логично мыслить. Юрочка, я безконечно счастлива, что вы пришли ко мнѣ сегодня; помогите мнѣ спокойно разобраться съ собой и поддержите мой сбившійся съ пути духъ.

— Елена Павловна, взгляните на меня: вѣдь я самъ сбился съ пути и, какъ видите, лечу внизъ головой; мнѣ ли указывать вамъ дорогу! Вы и умница, и сильная, а я что?

— Не въ томъ дѣло. Мнѣ нужна сила вашей доброй и простой души; вы кутите и пьете не потому, что ваша душа мрачна и порочна, а потому, что вы страдаете, ваша воля временно убита, и у васъ нѣтъ энергіи поднять опустившіяся крылья вашей души.

— Вы его любите?

— Всѣмъ существомъ люблю.

— И вѣрите ему?

— Вотъ, вотъ онъ, страшный вопросъ, который я не въ силахъ была сама себѣ задать. Слова Орлова запали мнѣ въ душу и отравили ее ядомъ сомнѣнія; съ тѣхъ поръ, вспоминая массу мелкихъ подробностей, незамѣтно скользившихъ мимо меня, мое сомнѣніе растетъ, и моя любовь бьется со сломанными крыльями во мракѣ охватившей меня страсти. Вѣдь Женя отравилась внезапно, въ бальномъ платьѣ, передъ тѣмъ, какъ ѣхать веселиться. Съ ней что-то случилось, какое-то горе неожиданно сломило ее. Страшная шарада. Какъ разгадать ее? Стоитъ Башилову заглянуть мнѣ въ глаза, какъ сила страсти заглушаетъ ропотъ сомнѣнія, и, слушая его увѣренную, бодрую, всегда веселую рѣчь, я вижу въ немъ то, что породило въ сердцѣ моемъ любовь къ нему: честную, прямую и сильную натуру борца. Но въ часы одиночества его образъ затуманивается и искажается тѣнью моихъ сомнѣній. Я могу все понять и все простить, но любить человѣка съ кривой душой я не хочу... Юрочка, что вы думаете? Скажите, не бойтесь меня огорчить. Что бы ни было, а я должна найти исходъ, должна освѣтить всѣ эти темные углы.

— Что я думаю?.. Мои слова будутъ жестоки, но я ихъ вамъ скажу; я узналъ по опыту, что если въ чувство любви заползетъ змѣя сомнѣнія, то это вѣрный признакъ, что...—Юрьевъ умолкъ, грустно покачавъ головой.

— Что любовь построена на болотѣ?..

— Да...—тихо отвѣтилъ Юрьевъ.

— Ужасно!.. Юрочка, вѣдь это моя единственная въ жизни любовь. Я отдала ей всѣ силы моей души, я построила капитальное зданіе, и если оно рухнетъ— я банкротъ. Ничего... ничего ни вокругъ меня, ни во мнѣ. Я слечу въ пропасть внизъ головой и разобьюсь на смерть.

— Не слетите. У васъ сильныя крылья; вы—не я.

— Кто знаетъ! можетъ быть, я преувеличивала силу власти надъ собой. Но все-таки что же дѣлать? Какъ разрубить этотъ Гордіевъ узелъ? Какъ узнать то, что Женя унесла въ могилу?

Долго за полночь они вели грустную бесѣду; ихъ души, потонувшія въ одномъ морѣ страданія, были такъ близки и понятны одна другой, что мозгъ не искалъ словъ для взаимнаго утѣшенія: оно выливалось въ этомъ духовномъ соприкосновеніи, въ обоюдномъ пониманіи и сочувствіи. Закутившій, безпутный въ прожиганіи опротивѣвшей жизни, слабый волей человѣкъ былъ братомъ по духу и поддержкой въ горѣ всегда сильной, трезвой умомъ, уравновѣшенной женщины; вихремъ налетѣвшая страсть опутала ея волю и мозгъ, и она протягивала руки, ища поддержки у человѣка, котораго не такъ давно сама увѣщевала и отрезвляла.

Было рѣшено, что Елена разыщетъ вѣрную слугу-горничную Дашу, служившую много лѣтъ у Данцовой, и добьется отъ нея правды.

Юрьевъ сталъ чаще навѣщать Елену; попрежнему прячась отъ людей и затопляя въ винѣ и водкѣ свою сердечную тоску, онъ въ немногіе часы отрезвленія собиралъ остатки своей парализованной душевной силы, чтобы поддержать Елену. Она почти совсѣмъ оправилась отъ болѣзни, но сердце оставалось надтреснутымъ. Свои сомнѣнія и тоску она, подобно Юрьеву, заливала пьянствомъ, но не вина, а страсти, которую Башиловъ разжигалъ въ ней съ каждымъ свиданіемъ все сильнѣе и неудержимѣе. Елена говорила, что она чувствуетъ, какъ со всѣхъ пальцевъ его рукъ на нее устремляются горячіе электрическія токи.

— Вы сгубите себя, Елена Павловна: на вашемъ лицѣ печать злой силы,—сказалъ ей однажды Юрьевъ, вглядываясь въ ея лихорадочно блестящіе глаза и поблѣднѣвшее лицо со вспыхивающимъ нервнымъ румянцемъ.

— Я въ чаду и знаю, что съ бѣшеной силой стремлюсь внизъ. Когда буду падать и разбиваться на смерть, будьте подлѣ меня, Юрочка: вѣдь я безнадежно-одинока.

Такъ прошло нѣсколько времени, какъ вдругъ подъ ногами Елены сорвался первый камень съ края той пропасти, въ которую она должна была упасть.

Вся закутанная въ черное, съ густой черной вуалью на лицѣ, она входила позднимъ вечеромъ въ кабинетъ Башилова, атмосфера котораго, казалось для Елены, была вся пропитана зноїными желаньями.

Безъ улыбки, скользнувъ по ея лицу острымъ и холоднымъ взглядомъ, онъ молча поцѣловалъ ей руку и придвинулъ кресло.

— Садись. Я сильно разстроенъ и долженъ имѣть съ тобой очень серьезный и непріятный разговоръ. Въ искренности твоихъ отвѣтовъ, конечно, не сомнѣваюсь.

— Что за прелюдія? Ты меня пугаешь.

— Я имѣлъ сегодня утромъ бурную сцену съ сыномъ. Мальчишка ворвался ко мнѣ въ кабинетъ и со слезами объявилъ, что я причина нанесенныхъ ему товарищами оскорбленій. Они тамъ перессорились и, чтобы досадить, объявили сыну, что одинъ изъ нихъ знаетъ достовѣрно, будто въ обществѣ имя его отца служитъ мишенью злыхъ насмѣшекъ, такъ какъ моя служебная карьера не есть слѣдствіе заслуженныхъ трудовъ и энергіи, а дѣло рукъ ловкой любовницы. Что ты на это скажешь?

— Пока — ничего. Сынъ разсказалъ тебѣ подробности? Я могу ихъ знать?

— Разъ всѣ знаютъ, почему же тебѣ не знать. Мальчишка говоритъ, что этотъ товарищъ самъ слышалъ, какъ Рихтеръ съ большими подробностями расписывалъ наши съ тобой отношенія, въ которыхъ ты, главнымъ образомъ, играешь роль моей протектриссы, такъ какъ всѣмъ якобы извѣстно, что мѣсто директора департамента я получилъ благодаря хлопотамъ твоего поклонника Орлова, а товарища министра выхлопотала ты сама, подаривъ этому сластолюбцу Ивану Ларіоновичу нѣсколько страстныхъ улыбокъ, или ужъ тамъ не знаю чего еще. Объясненіе съ сыномъ окончилось тѣмъ, что я долженъ былъ его выгнать вонъ изъ кабинета. Желаю знать, что ты мнѣ отвѣтишь?

Елена, страшно поблѣднѣвшая, чувствуя приближающуюся страшную опасность, боролась съ нахлынувшими противорѣчивыми мыслями. Лгать она не умѣла. Оставалось подтвердить истину. Башиловъ, заложивъ руки въ карманы, нагнувъ слегка голову впередъ, смотрѣлъ сквозь пенснэ суровымъ, незнакомымъ Еленѣ взглядомъ и поразилъ на мгновеніе сходствомъ съ быкомъ, который, весь насторожась, разставивъ ноги и пригнувъ рога, ждетъ перваго удара со стороны врага.

— Лгать не хочу. Твоему сыну сказали правду: и въ первомъ, и во второмъ твоемъ назначеніи я была причастна. Но лишь насколько, чтобы навести Ивана Ларіоновича на мысль о тебѣ.

— Развѣ я тебя когда-нибудь просилъ о такой услугѣ?—сдерживая подступающее бѣшенство, спросилъ Башиловъ.—Ты обязана была спросить моего согласія.

— Это было бы слишкомъ наивно, Володя: ты бы согласія не далъ.

— Въ такомъ случаѣ, кто же далъ тебѣ право распоряжаться моей особой?

Сжатый кулакъ Башилова тяжело опустился на столъ, уронивъ хрустальную пепельницу.

— Ты съ ума сошелъ, Володя! Какъ ты смѣешь такъ разговаривать со мной?

Елена поднялась съ кресла и гордо закинула голову назадъ.

— Какое тутъ смѣешь или не смѣешь? Да вѣдь это же чортъ знаетъ, что такое! Этому словъ нѣтъ! Кто далъ вамъ, женщинамъ, право соваться въ мою карьеру? Если каждая моя любовница будетъ на себя брать роли патронессы, то гдѣ же тогда моя заслуга, кто ее захочетъ признать? И безъ постороннихъ хлопотъ я получилъ бы оба назначенія; своей дикой выходкой ты дала возможность злымъ и мстительнымъ завистникамъ вродѣ Рихтера дискредитировать публично мои заслуги и обезцѣнивать мою личность. Благодарнымъ за подобную услугу я быть не могу; я чувствую себя въ положеніи человѣка, которому связали руки и плюнули въ лицо. Положительно, самая умная женщина опаснѣе круглаго дурака... Благо бы еще жена хлопотала, а то нате вамъ— любовница!..

При послѣднихъ словахъ Башилова кровь ударила въ голову Елены, и красные круги поплыли передъ глазами.

— Молчать!.. Вы забываете, что эта любовница я и что если я сохранила за собой это названіе, то лишь потому, что сама не хотѣла назваться вашей женой.

Елена быстро вышла изъ кабинета; молча, съ лихорадочной поспѣшностью накинула на плечи манто и, не чувствуя подъ собой ногъ, сбѣжала съ лѣстницы, сѣла на перваго попавшагося извозчика и, точно оглушенная ударомъ грома, вернулась домой, затворилась въ своей спальнѣ и безъ слезъ, съ тупымъ выраженіемъ отчаянія просидѣла всю ночь въ креслѣ.

На другой день Башиловъ былъ у нея. Онъ пріѣхалъ извиниться за сорвавшуюся съ устъ дерзость. Елена вышла къ нему съ осунувшимся и строгимъ лицомъ, молча выслушала короткое объясненіе, и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея измѣнившемся, застывшемъ лицѣ. Башиловъ какъ будто бы не замѣчалъ происшедшей въ Еленѣ перемѣны и сосредоточенно говорилъ о возникшемъ въ министерствѣ осложненіи по отношеніи думы, въ которомъ онъ сможетъ очень выдвинуться и показать свою дѣловитость, если ему удастся отпарировать несправедливыя нападки.

Елена, сидя въ креслѣ, опустивъ голову, переплетала свои тонкіе пальцы черными лентами шелковаго капота и продолжала упорно молчать, совершенно безучастная ко всему, что онъ разсказывалъ. Когда онъ кончилъ и, щурясь близорукими глазами, сталъ отыскивать свою шляпу, Елена медленно подняла на него испытующіе и печальные глаза.

— Володя, отвѣть мнѣ: правда ли, что ты былъ въ связи съ покойной Женей?

Башиловъ рѣзко обернулся всѣмъ корпусомъ въ ея сторону, и лицо его какъ-то вдругъ сразу потемнѣло.

— Да что съ тобой творится? Я говорю о дѣлѣ, а ты опять съ этими дикими вопросами ко мнѣ при-

стаешь? Въ концѣ концовъ тебѣ-то что за дѣло, съ кѣмъ и когда я былъ въ связи?

— А если Женя отравилась изъ-за тебя?

— Какъ Орловъ изъ-за тебя пустилъ пулю въ лобъ.

— Я его любовницей не была и не...

— Однако, матушка, довольно на эту тему; ты знаешь, что я не терплю давать отчеты, когда ихъ требуютъ съ такимъ лицомъ, какъ сейчасъ у тебя. Пожалуйста, безо всякихъ скорбныхъ трагедій и драмъ, я люблю женщинъ, когда отъ нихъ вѣетъ зноемъ, а не дождливой погодой. Радъ буду видѣть тебя, когда найдешь свое обычное настроеніе; я самъ слишкомъ разстроенъ всѣмъ, что узналъ вчера, чтобы умиротворять тебя и разсѣивать твои несуразныя мысли. До свиданія, мнѣ пора. Когда захочешь, переговоримъ по телефону.

Раздосадованный и хмурый, Башиловъ холодно поцѣловалъ руку Елены и вышелъ. Она такъ же безучастно, далекая недавнему прошлому, смотрѣла ему вслѣдъ и, медленно опустивъ голову на руки, долго и неподвижно сидѣла, объятая мракомъ и тоской.

XII.

Цвѣтокъ Елениной радости съ каждой новой встрѣчей съ Башиловымъ вялъ и терялъ свои яркія, радужныя краски; лепестки грустно осыпались и сохли. Она чувствовала, какъ исчерпывалась въ ней та сила, которая, пробудясь и властно заявивъ свои права, такъ недавно еще вдохновляла все существо ея и окрашивала блескомъ солнечныхъ лучей дни ея жизни. И вдругъ все померкло. Хотѣлось протянуть руки, упасть на колѣни, плакать, просить,

любить и... было не передъ кѣмъ. Солнце, которымъ сама Елена озарила образъ любимаго человѣка, померкло подъ тѣнью сомнѣній, и тотъ же образъ предсталъ передъ ней лишеннымъ живительной красоты, хмурый и обыденный. Въ минуту затопившей ея душу тоски Елена, не находя себѣ мѣста, ища хоть мимолетнаго успокоенія, однажды рѣшила поѣхать къ Юрьеву и, не предувѣдомляя, позвонила въ его передней.

— Георгій Александровичъ дома?

— Дома-съ... только не такъ... чтобы совсѣмъ здоровы,—запинаясь, отвѣтилъ лакей.

Елена прошла черезъ маленькую столовую и, слегка постучавъ въ дверь пріотвореннаго кабинета, остановилась на порогѣ.

— Можно къ вамъ?

— Кто тамъ? А, это вы, моя хорошая... Ну, и скверно же вы попали: я совсѣмъ швахъ... простите, что не встаю... весь разбитъ...

Елена подошла къ письменному столу, у котораго сидѣлъ Юрьевъ въ сѣрой теплой тужуркѣ, подперевъ голову одной рукой и тщетно силясь другой сбросить пепелъ съ нагорѣвшей папиросы. Онъ поцѣловалъ руку Елены и указалъ ей на кресло, стоявшее по другую сторону стола.

— Я радъ, что вы пріѣхали... Посидите со мной, если можете... Э-эхъ... — онъ неожиданно вздрогнулъ и поморщился.

— Что съ вами? Вы больны?

— Ну, да, боленъ... Развѣ вы не видите?

Юрьевъ кивнулъ головой въ уголъ стола. Елена взглянула по тому же направленію и сразу все поняла. Рядомъ съ пустымъ стаканчикомъ стояла бутылка водки, на половину опорожненная; тутъ же

лежало надрѣзанное большое антоновское яблоко и костяной фруктовый ножикъ.

— Юрочка, вы пьете? Водку пьете?

— Мгм...

— Давно?

— Не все ли вамъ равно?..

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? Неужели у васъ нѣтъ силъ воздержаться? Вѣдь вы губите себя?

— Ну, и къ чорту... и пускай... Слушайте, я вамъ противенъ?.. я это понимаю, но вы все-таки не уходите... И вы сгубили чью-нибудь жизнь, нанесли рану разочарованія. Ну, такъ смотрите же, какъ гибнутъ люди изъ-за женщинъ. Я хочу, чтобы вы смотрѣли... Видите?

Юрьевъ налилъ водки, всталъ, слегка пошатнулся и, невѣрной рукой поднеся стаканчикъ ко рту, быстро его опорожнилъ; поморщился, грузно опустился въ кресло и, полузакрывъ глаза, сталъ дрожайщей рукой отрѣзывать отъ яблока небольшой ломтикъ. Елена смотрѣла на него испуганными глазами, полными недоумѣнія, скорби и... брезгливости. Она и не подозрѣвала, что видѣть разумнаго, добраго, любимаго человѣка въ такомъ животномъ, унизительномъ состояніи—можетъ доставить ей столько страданія.

— Зачѣмъ она стала на мой путь?—бормоталъ Юрьевъ:—зачѣмъ скомкала и разбила всю мою жизнь?.. Я этого не хочу... я хочу забыть ее, совсѣмъ забыть... Моя душа тоскуетъ... О, Господи!.. кому мнѣ отнести душу мою?..

Онъ неожиданно поднялся и, широко протянувъ руки въ пространство, тягостно вздохнулъ, но вдругъ зашатался, чуть не упалъ и повалился всѣмъ корпусомъ на столъ, какъ-то всхлипнулъ и, охваченный приступомъ кашля, съ лицомъ, налившимся

кровью, весь содрогаясь, бился головой о скрещенныя на столѣ руки.

— Какой ужасъ!

Елена, безсознательно вставъ со своего мѣста, отошла въ сторону и, сжимая у подбородка похолодѣвшіе пальцы, смотрѣла на Юрьева глазами, изъ которыхъ медленно скатывались слезы... «И сотвори его Господь по образу и подобію своему...» съ грустной ироніей прошептали ея губы.

Когда приступъ кашля прошелъ, Юрьевъ заплетающимся языкомъ началъ говорить такія отвратительныя циничности, что Елена поспѣшила поцѣловать его въ голову и уѣхала, совершенно разбитая морально. Душу ее наполнилъ мракъ и одиночество. Вернувшись домой, она узнала отъ лакея, что Башиловъ просилъ увѣдомить его по телефону, когда она вернется, такъ какъ онъ желаетъ пріѣхать къ ней. Въ первый разъ она не откликнулась на его зовъ: велѣла лакею сказать, что она еще не возвращалась, въ случаѣ бы повторился телефонъ, и, пройдя въ свою комнату безъ словъ, безъ одного вздоха легла на кушетку и до глубокой ночи, неподвижная, погруженная въ безмолвіе и тишину, пролежала съ суровымъ взглядомъ устремленныхъ въ темноту глазъ.

На слѣдующій день Елена узнала, что около двухъ часовъ ночи былъ телефонный звонокъ отъ Башилова, и лакей, согласно ея приказанію, доложилъ, что она еще не возвращалась. Къ вечеру Башиловъ, какъ это случалось не разъ, пріѣхалъ безъ предувѣдомленія. Елена приняла его все въ томъ же состояніи какого-то моральнаго паралича.

— Ты какъ будто бы нездорова, голубчикъ? Что-то блѣдна...

— Я здорова.

— Вчера, значитъ, поздно легла. Я весь вечеръ порывался къ тебѣ; было около двухъ часовъ ночи, когда рискнулъ еще разъ позвонить, и все-таки тебя дома не было.

— Да...

— Ты гдѣ это кутила?

— У Юрьева была.

— Какъ? Въ два часа ночи у Юрьева была?

— Ну, такъ что жъ!..

— Да ты въ умѣ ли?

Елена молчала, глядя прямо передъ собой.

— Матушка, да ты, ей-Богу, ошалѣла.

— Володя, я свободна въ своихъ поступкахъ, въ нихъ порицать нечего; оставь этотъ тонъ, я его не допускаю.

— Ну, такъ и я не допускаю, чтобы моя любовница шаталась ночью по квартирамъ холостыхъ мужчинъ.

Башиловъ нагнулъ голову и поверхъ пенснэ уставился на Елену потемнѣвшимъ суровымъ взглядомъ. Она поднялась и молча направилась къ двери, желая уйти. Башиловъ быстро всталъ, преградилъ ей путь и крѣпко сжалъ кисть руки.

— Я желаю кончить этотъ разговоръ... Я этого требую...

— Я слушаю,—беззвучно отвѣтила Елена, сжимая скрещенные пальцы съ такой силой, что они хрустнули.

— Довольно я слышу о твоихъ романахъ на всѣ стороны: и Рихтеръ, и баронъ, и этотъ пьяница... Если желаешь сохранить мою любовь, то я требую полнаго и исключительнаго послушанія моей волѣ; впредь я запрещаю всѣ эти эксцентричныя выходки, дающія поводъ къ двусмысленнымъ пересудамъ въ

обществѣ. Я не Орловъ и стрѣляться не буду... Коли предпочитаешь проводить ночи съ Юрьевымъ, то наши отношенія должны быть ликвидированы. Прошу надъ этимъ подумать. А пока прощай.

— Да... прощай...

Башиловъ ушелъ; глядя ему вслѣдъ, она чуть слышно прошептала:

— Ну, вотъ и кончено.

Почти безсознательно, съ тупой болью въ сердцѣ Елена прожила еще два дня, съ нетерпѣніемъ ожидая пріѣзда изъ деревни горничной Даши, которую послѣ долгихъ поисковъ ей-таки удалось найти: послѣ смерти своей любимой госпожи она проживала въ деревнѣ и, получивъ отъ Елены деньги на дорогу и письмо съ настойчивой просьбой пріѣхать для нужнаго дѣла въ Петербургъ, отвѣтила ей, что на этихъ же дняхъ выѣдетъ. Елена ожидала рокового съ ней объясненія съ холоднымъ предчувствіемъ послѣдняго и неотвратимаго удара. Она не знала, куда дѣвать себя, что съ собой дѣлать, какъ получила неожиданную записку отъ Юрьева:

«Голубушка, Елена Павловна, цѣлую вашу ручку и со слезами извиняюсь за ужасный вечеръ, который вы провели у меня. Простите. Я несчастный, погибающій человѣкъ. Вчера, неожиданно и безъ предупрежденій, ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ братъ Александръ. Онъ пробудетъ здѣсь недолго. Помните, я обѣщалъ васъ съ нимъ познакомить, сдерживаю слово. Пріѣзжайте, когда хотите. Я совершенно боленъ, лежу въ постели, но вѣдь вы добрая и не взыщете. Цѣлую еще разъ вашу ручку. Душой вамъ преданный другъ.

Ю. Юрьевъ».

На одно мгновеніе Еленѣ показалось, что свѣтъ ей ударилъ въ лицо. Въ ея меркнувшей жизни чья-то невѣдомая рука осторожно затеплила свѣтильникъ и манила слѣдовать за его трепетнымъ огонькомъ; и Елена съ тихой, нахлынувшей на нее радостью пошла за нимъ.

Ее провели въ спальню Юрьева. Небольшая комната была неярко освѣщена лампой съ зеленымъ абажуромъ; комодъ, умывальникъ, ломберный столъ у окна, диванъ, стулья все было очень просто и неприхотливо. Юрьевъ лежалъ, закинувъ руки подъ голову. Подлѣ него у самой кровати сидѣлъ братъ Александръ. Елена на секунду остановилась въ дверяхъ, чувствуя странное волненіе. Оба повернули въ ея сторону головы; Юрій привѣтливо улыбнулся, братъ поднялся со своего мѣста и почтительно ей поклонился.

— Саша, это Елена Павловна; мой единственный здѣсь другъ... я ее обидѣлъ на дняхъ...

— Слышалъ, слышалъ... не повторяй. Позвольте вамъ представиться.

Передъ Еленой стоялъ высокій, хорошо сложенный человѣкъ, очень похожій на своего брата, менѣе красивый, но съ прекраснымъ, умнымъ выраженіемъ блѣднаго лица, на которомъ лежалъ отпечатокъ многихъ думъ и душевныхъ страданій. Взглядъ былъ прямой, смѣлый и въ то же время необыкновенно ласковый, завоевывающій полную симпатію. Волосы съ сильной сѣдиной были густы и вились; на немъ была плотно застегнутая тужурка брата, манеры спокойны и сдержаны, голосъ низкій, съ мягкими, ласкающими нотками.

— Какъ я рада съ вами познакомиться,—сказала Елена, крѣпко сжимая протянутую ей руку,

— Благодарю васъ. И я радъ случаю встрѣтиться съ вами, такъ какъ знаю отъ брата о душевномъ участіи, которое вы ему выказываете.

— Да, мы другъ друга утѣшали въ минуты душевнаго разлада.

Александръ уступилъ Еленѣ свой стулъ, а самъ помѣстился тутъ же рядомъ подлѣ ночного столика, на которомъ стояла полная окурковъ пепельница, бутылка, стаканъ недопитаго бѣлаго вина и тарелка съ виноградомъ. У Юрьева лицо было блѣдно и истомленно: онъ потянулся за папиросами, тутъ же лежавшими въ открытомъ портсигарѣ; Александръ предупредительно подвинулъ ихъ ему и зажегъ спичку.

— Ты совсѣмъ не куришь? — обратился Юрій къ брату.

— Не курю, голубчикъ,—отвѣтилъ тотъ съ ласковой улыбкой.

— Отдохнули съ дороги?—обратилась Елена къ Александру.

— Да я не очень и усталъ.

Завязался мало значащій разговоръ; Александръ, по просьбѣ брата, распорядился, чтобы подали чай, придвинулъ къ кровати небольшой столъ и, привѣтливо поддерживая разговоръ, поражалъ Елену своей простотой и вмѣстѣ съ тѣмъ вдумчивой, спокойной манерой въ рѣчахъ.

— Мнѣ такъ странно видѣть васъ. Неужели вы тотъ самый братъ, о которомъ мы столько съ вами говорили, Юрочка?

— Да, Елена Павловна, онъ и есть тотъ самый. Мы съ нимъ всю ночь проговорили... Онъ счастливѣе насъ съ вами. Посмотрите, какіе у него спокойные, хорошіе глаза. У меня туманные, испитые, а у васъ печальные.

— Да, ваши глаза очень печальны, я это сразу замѣтилъ,—подтвердилъ Александръ.

— У меня страшная тоска въ душѣ.

— Тоска можетъ быть вѣрнымъ путемъ къ счастью.

— Счастье! Какой это обманчивый призракъ. А вы счастливы?—спросила Елена Александра.

— Я счастливъ, потому, что спокоенъ душой, и если бы я могъ передать Жоржу хоть часть этого великаго покоя, я бы умеръ вполнѣ удовлетвореннымъ.

— Протяните и мнѣ вашу руку, выведите изъ мрака, окутавшаго меня со всѣхъ сторонъ.

— Моя рука слаба, но, конечно, я готовъ протянуть ее вамъ,—ласково отвѣчалъ Александръ.

Елена ожидала встрѣтить суроваго, нелюдимаго и молчаливаго аскета, и ясная, привлекательная, высокообразованная и общительная личность Александра все больше и больше ее къ себѣ располагала. Съ нимъ говорилось легко и просто и такъ же легко молчалось.

— Вы допускаете чувство любви, то есть влюбленности, страсти?—спросила его Елена послѣ довольно продолжительнаго обмѣна мыслей.

— Въ себѣ или вообще въ людяхъ?

— И въ себѣ, и въ людяхъ.

— Въ себѣ я его не то, чтобы не допускалъ, а оно исчерпалось, всегда принося мнѣ много страданія, и я съ благодарностью къ судьбѣ поддерживаю въ себѣ это отсутствіе потребности въ любви. Меня, какъ разбитое, идущее ко дну судно, волна жизни готова была совсѣмъ поглотить и уничтожить, но волей невѣдомой намъ мудрой силы выбросила на иной, далекій берегъ, и я тамъ воскресъ, но для другой жизни, ничего общаго не имѣющей съ пережитой. Въ людяхъ же я не только признаю чувство любви, но считалъ

бы святотатствомъ его исключить, какъ волю опять той же мудрой силы, создавшей насъ. Но не всѣ умѣютъ пользоваться этимъ благомъ въ должной мѣрѣ. Излишнія требованія любви ведутъ къ краху, и вотъ вамъ печальный примѣръ...

Александръ повелъ глазами въ сторону брата.

— Но тому, кто, какъ вы сказали, не умѣетъ разумно пользоваться любовью и кому это чувство приноситъ только страданіе и отчаяніе,—тому лучше отрѣшиться отъ него, не правда ли?—спросила Елена, пытливо глядя на Александра.

— Разумѣется. Если человѣкъ, подходя къ яствамъ, предается невоздержанности, переполняетъ желудокъ и обращается въ обжору, переходя естественную границу, положенную природой, то такому человѣку лучше поститься, чтобы не терять равновѣсія и не впадать въ губительную крайность. Каждый изъ насъ долженъ сообразоваться со своей чисто индивидуальной природой и нельзя обобщать и указывать одни и тѣ же пути къ спасенію разнымъ натурамъ. Я нашелъ свой путь, нашелъ свое счастіе и спокойствіе и готовъ помогать каждому, кто ко мнѣ подойдетъ, совѣтомъ и помощью, отъ меня зависящей, но указывать ему мой путь и толкать на него — я считалъ бы преступленіемъ, такъ какъ у каждой изстрадавшейся души свои, индивидуально свои, порвавшіяся струны, совершенно разныя отъ моихъ. Могу ли я измученной страданіемъ по блудномъ сынѣ матери сказать: «брось жизнь, отрекись отъ сына, приносящаго твоему сердцу однѣ муки, и уйди, затеряйся, какъ я, среди обездоленныхъ и нищихъ». Нѣтъ, этого сказать я не посмѣлъ бы, такъ какъ въ сокровищахъ материнскаго сердца блудный сынъ черпаетъ, быть можетъ, единственную силу, удерживающую его

отъ конечной гибели, и ея жизнь разбилась бы отъ сознанія, что она покинула свое несчастное, гибнущее дитя, и никакая обильная любовь къ человѣчеству, никакая молитва не замѣнила бы ей страдающей, но природой вложенной во всѣ нѣдра ея материнскаго сердца любви къ сыну. Или же опять, посмѣлъ ли бы я, напримѣръ, вамъ — полной еще жизни, жаждущей счастья женщинѣ указать мой путь?

— Вы не знаете моей жизни, не знаете, что я совсѣмъ затерялась въ какой-то тьмѣ и ищу выхода, который спасъ бы меня отъ отчаянія.

— Повѣрьте мнѣ: это временное... вотъ братъ Жоржъ — тутъ другое дѣло: онъ дошелъ, что называется, до послѣдней черты отчаянія, какъ было и у меня, только въ другой формѣ. Во всей нашей семьѣ одинъ и тотъ же складъ, тѣ же струны: всѣ мы легко гибнемъ отъ отчаянія, и путь, ведущій насъ къ великому покою души, одинъ и тотъ же: отрѣшеніе отъ своего я для служенія низшему, обездоленному люду и полное отчужденіе отъ мірскихъ благъ. Такимъ натурамъ, какъ мы, нужны крайности для полнаго отрезвленія. Разскажите мнѣ вашу жизнь, и я постараюсь проникнуть въ вашъ духовный міръ и понять его.

Съ этого вечера Елена ежедневно и подолгу видѣлась и бесѣдовала съ Александромъ; онъ, какъ настоящій братъ милосердія, любовно и ласково врачевалъ ея больныя раны и открывалъ ей широкіе горизонты въ духовной области. Она переживала новую эру; постепенно раскрывалась невидимая до того дверь, и изъ нея лились потоки живительнаго свѣта. Ея душой завладѣлъ новый учитель, и она слушала его тихія, спокойныя рѣчи, которыя баюкали наболѣвшее сердце и переутомленный разгоряченной фан-

тазіей мозгъ. Ей хотѣлось сейчасъ порвать со всей прежней жизнью и слѣдовать по стопамъ своего учителя, но онъ ласково и настойчиво упрашивалъ ее повременить, успокоиться, провѣрить себя и не предпринимать никакихъ рѣшеній, по крайней мѣрѣ ранѣе года. Онъ обѣщалъ поддерживать ее и писать ей, но требовалъ строгаго анализа каждаго новаго побужденія, чтобы, благодаря ошибкѣ и поспѣшности, не впасть въ заблужденіе.

Съ братомъ Жоржемъ было совсѣмъ иное. Энтузіазмъ и горячность Елены ясно свидѣтельствовали о ея жизнеспособности, о радости жизни, которая лишь на время, подъ давленіемъ тоски и разочарованій, затуманилась, тогда какъ у Жоржа полная инертность воли, полная атрофія всякихъ желаній и жизненныхъ запросовъ дѣлали его подобнымъ живому трупу. Откинувъ, по обыкновенію, голову на спинку кресла и скрестивъ ноги, онъ молча курилъ, пуская клубы дыма, и глядѣлъ куда-то въ пространство остановившимся взглядомъ, въ которомъ, казалось, не отражалось никакой мысли; но стоило попристальнѣе вглядѣться въ эти темные, отуманенные глаза, какъ становилось жутко: изъ нихъ глядѣло отчаяніе измученной, изстрадавшейся души.

— Жоржъ, о чемъ ты все думаешь? Ты бы попробовалъ думать вслухъ: тебѣ бы легче стало,—говорилъ ему иногда братъ.

— Не могу, Саша: на мои думы нѣтъ словъ; развѣ мертвые могутъ говорить? Такъ и я.

Съ пріѣздомъ брата онъ пересталъ пить, но состояніе трезвости доставляло ему мучительную борьбу съ собой, и онъ не скрывалъ этого; однако воздерживался, насколько могъ, въ угоду брату, къ которому вдругъ почувствовалъ глубокую, сердечную

дружбу, смѣшанную съ чувствомъ уваженія, почти восхищенія. Ни онъ, ни Елена не ожидали найти въ далекомъ, суровомъ къ своимъ поступкамъ отшельникѣ столько разумнаго отношенія къ слабостямъ людскимъ, столько уваженія къ личности каждаго человѣка, хотя бы ничего общаго съ его воззрѣніями не имѣющаго. Онъ пріѣхалъ въ старенькомъ пальто, которое, какъ онъ съ улыбкой объяснялъ брату, занялъ у одного бѣднаго сельскаго учителя, оставивъ ему на время свою поддевку, и сдѣлалъ это, считая гордостью и мелочнымъ хвастовствомъ всякое стремленіе выдѣлиться наружнымъ видомъ изъ общей массы людей, въ кругъ которыхъ онъ входилъ. Вмѣсто простой, сѣрой фланелевой косоворотки, которая была на немъ, онъ надѣвалъ тужурку брата, и такъ какъ рукава были слегка коротки, то онъ удлинилъ ихъ крахмальными рукавчиками, что придавало видъ элегантности его стройной и красивой фигурѣ. Съ Еленой онъ говорилъ много и охотно о своей жизни и идеяхъ; со всѣми другими, кто заходилъ къ Юрію, говорилъ очень мало, совершенно избѣгая всякихъ разговоровъ на эту тему, но былъ такъ простъ и привѣтливъ, что невольно располагалъ къ себѣ.

XIII.

Послѣ описаннаго свиданія Башиловъ съ Еленой больше не видѣлись. Онъ рѣшилъ, что она на него дуется, и хотя ему не разъ хотѣлось вызвать ее на примиреніе, однако онъ пересиливалъ себя, разсчитывая, что молчаніемъ онъ вѣрнѣе сломаетъ ея своевольный, мало подчиняющійся его требованіямъ характеръ и побѣда будетъ на его сторонѣ, когда она,

истомившись, какъ это ужъ было однажды, его отдаленіемъ, вернется послушная и вполнѣ ему подчиненная. Тѣмъ временемъ пріѣхала изъ деревни бывшая горничная Евгеніи Михайловны Даша и прямо съ вокзала направилась къ Еленѣ. Узнавъ о ея пріѣздѣ, Елена сильно взволновалась; все, какъ ей казалось, отошедшее вдаль, всколыхнулось; сердце забило тревогу, и она поняла, что въ немъ таится еще послѣдняя, какъ бы тлѣющая искра надежды, и даже почудилось, что всѣ сомнѣнія были одинъ болѣзненный бредъ. Послѣ первыхъ привѣтствій Елена, съ трудомъ владѣя собой, приступила къ тяжелому объясненію. Даша, опустивъ глаза, съ лицомъ, принявшимъ непроницаемо-каменное выраженіе, на всѣ вопросы покачивала головой и тихо отвѣчала:

— Не знаю, ничего не знаю, голубушка Елена Павловна... гдѣ мнѣ знать?

Тогда Елена, подойдя къ ней, положивъ ей руки на плечи и прямо смотря ей въ глаза, проговорила тономъ, въ которомъ дрожали слезы:

— Даша, да вѣдь я же все, все знаю... вѣдь Евгенія Михайловна дѣлилась со мной всѣми своими радостями и печалями; вѣдь я же понимаю, что изъ-за него, но... видишь ли, Даша... какъ бы тебѣ это объяснить? Словомъ, если бы Евгенія Михайловна могла, то она съ того свѣта сама бы мнѣ навѣрное разсказала всю правду; мнѣ ее надо знать, иначе, Даша, и я могу быть такъ же несчастна, какъ и она. Башиловъ хочетъ на мнѣ жениться. Ты понимаешь теперь.

— Онъ-то жениться? Не бывать этому, никогда не бывать! Жестокій онъ и безъ сердца человѣкъ. Мало ли слезъ изъ-за него моя барыня пролила?.. Что жъ!.. Тутъ самъ Господь развязываетъ мои уста, и покой-

ница гнѣваться не будетъ, что нарушу свою клятву, чтобы спасти васъ отъ этого человѣка. Вѣдь я послѣ смерти барыни всю его подноготную узнала. Съ какими онъ только бабами ни вожжался: и актриски, и шантанки, и тутъ еще гадалка была, и кого хошь, всякое есть, а самъ-то передъ барыней строгой жизни человѣка изъ себя изображалъ. Сама разъ слышала, какъ порицалъ всякія интриги. И вѣдь какую надежду покойницѣ подавалъ! Женихъ, какъ есть женихъ. Она, бѣдная, вѣрила, а все-таки, бывало, ночи напролетъ не спитъ и плачетъ. Ну, а ужъ дальше, такъ сталъ и церемониться поменьше, особливо какъ къ вамъ наѣзжать часто пристрастился. Я-то знала, а вѣдь ей, голубушкѣ, и невдомекъ.

И Даша слово за слово разсказала во всѣхъ подробностяхъ всю драму, пережитую Елениной подругой, включительно до разговора по телефону, который она слышала изъ сосѣдней комнаты. Елена все блѣднѣла и блѣднѣла. Ея сердце сжималось холодными тисками.

«Лгалъ, все лгалъ, всегда лгалъ, — мысленно повторяла она про себя, и вся содрогалась отъ чувства гадливости, отъ оскорбленія, что этому пошлому, ходульному лгуну она подарила первые лучшіе плоды своихъ расцвѣтшихъ чувствъ. Въ концѣ концовъ Даша обѣщала прислать ей сафьяновую двойную рамку, подаренную подругѣ Башиловымъ, въ которой были портреты его и Евгеніи Михайловны, и которую Даша взяла себѣ на память, вынувъ изъ ночного столика госпожи, гдѣ рамка всегда хранилась. Она не осмѣлилась вынуть портретъ ненавистнаго ей Башилова, считая волю покойной священной.

— Онѣ своими ручками вставляли, не мнѣ послѣ ихъ смерти разрушать ихъ дѣло.

Черезъ нѣсколько дней въ рукахъ Елены была сафьяновая рамка въ видѣ книжки; раскрывъ ее, Елена увидѣла съ одной стороны прелестную фотографію Евгеніи Михайловны въ бальномъ платьѣ, съ нѣжной улыбкой на полуоткрытыхъ устахъ; съ другой—фотографію Башилова, точно такую же, какъ онъ преподнесъ и ей. Елена осторожно выдвинула ее и прочла на обратной сторонѣ: «Любимой женщинѣ». Всѣ сомнѣнія исчезли, и сразу ее охватило холодное, враждебное спокойствіе. Вынувъ фотографію Евгеніи Михайловны, она запечатала рамку въ большой конвертъ и надписавъ на немъ: «возвращаю по принадлежности», велѣла отнести и отъ ея имени передать въ руки Башилову, не прибавивъ ни одного слова прощанія, упрека или сожалѣнія.

Александръ Юрьевъ помогъ Еленѣ стойко перенести послѣдній ударъ чувству, похоронивъ которое, она ощутила только моральную усталость: ей казалось, что надъ головой ея пронесся бѣшеный ураганъ, безжалостно смявшій ея сердце. Проводя большую часть времени въ обществѣ Александра, въ сферѣ его духовнаго величаваго спокойствія, она казалась себѣ уже чужой и далекой окружающей ее жизни; ей хотѣлось тишины, одиночества и покоя, хотѣлось новой, ничего общаго съ прошедшимъ не имѣющей жизни и, только благодаря его настойчивымъ просьбамъ, она не послушалась влеченія внутренняго голоса и не послѣдовала за нимъ.

— Духовная жизнь человѣка не можетъ развиваться скачками,—говорилъ онъ ей.—Не черезъ пропасть надо прыгать, чтобы быть пришельцемъ того далекаго, иного берега, съ котораго говорю вамъ я и всѣ подобные мнѣ люди, разбитые жизненной бурей и отошедшіе въ нѣдра вѣковыхъ исканій вели-

кой мудрости. Надо шагъ за шагомъ, до смертельной усталости итти по узкой, извилистой тропѣ, итти безконечно долго, много страдать и лить слезъ отчаянія надъ теряющимся слѣдомъ, сбиваться съ пути и вновь его находить. И когда такого скитальца извилистая тропинка черезъ многіе годы уведетъ далеко отъ жизни, и онъ станетъ ей чужимъ, какъ давно умершій и ею позабытый, тогда онъ будетъ креститься, чтобы принять новое крещеніе, войти въ жизнь съ инымъ духовнымъ обликомъ; и тогда всѣ люди и вся ихъ жизнь глубоко войдутъ въ его душу и станутъ ему близкими, родными, безконечно милыми и любимыми. Будьте просты въ своихъ рѣшеніяхъ и не насилуйте волю судьбы вашей. Нѣтъ того жизненнаго пути, на которомъ человѣку не дано бы было совершить волю Создавшаго его.

Елена еще поддерживала связь съ обществомъ изъ чувства гордости; она была увѣрена, что ея разрывъ съ Башиловымъ вскорѣ станетъ достояніемъ всегда алчнаго ко всякимъ скандальнымъ новинкамъ свѣтскаго круга, и ей не хотѣлось играть роль замученной жертвы. Съ равнодушнымъ и строгимъ, не допускающимъ никакихъ намековъ лицомъ она посѣщала журфиксы и возвращалась съ нихъ раздраженная, ищущая забвенія въ одиночествѣ или въ бесѣдахъ съ братьями Юрьевыми.

Еленино предположеніе было вполнѣ основательнымъ: слухъ объ ея разрывѣ съ Башиловымъ началъ понемногу проникать въ общество. Людомирова не брезгала посредничества горничныхъ для удовлетворенія своего любопытства и для пищи къ интригамъ и, благодаря беззастѣнчивой нескромности челяди, ей удалось узнать почти всѣ подробности финала

Елениной любви. Пользуясь правомъ подруги, она первая заговорила съ Еленой на эту тему.

— Повѣрь мнѣ, дорогая, какъ другъ, я могу только радоваться происшедшей у тебя сердечной катастрофѣ. Я много разъ предупреждала тебя, что Башиловъ мерзкій человѣкъ, относящійся къ женщинѣ съ циничной распущенностью; лжетъ на каждомъ шагу и вѣчно сухъ изъ воды выходитъ. Онъ воображаетъ, что всѣ женщины отъ него безъ ума. Благодаря Любѣ Бергъ, я многое о немъ знаю. Что ты въ немъ нашла? Вотъ уже не понимаю! Хвастунъ, не элегантенъ, совсѣмъ ужъ не такъ уменъ, въ гостиной очень теряетъ, образованъ неважно и съ прескверными манерами. Теперь ему наклеютъ носъ, и тотъ же самый Рихтеръ сдѣлаетъ это съ наслажденіемъ. Что бы тамъ ни было, а товарища министра онъ получилъ благодаря тебѣ; посмотримъ, какъ теперь будетъ? Я бы на твоемъ мѣстѣ его съ грязью смѣшала... онъ этого стоитъ!

— Къ чему? Теперь онъ мнѣ безразличенъ.

— Да, но этотъ господинъ способенъ про тебя чортъ знаетъ что разсказывать, онъ это ужъ и дѣлаетъ...

— Ахъ, Мариша, перестань мучить! Ну, пусть разсказываетъ, что хочетъ. Что я его любила? Такъ вѣдь это же правда...

Людомирова уѣхала отъ Елены очень раздосадованная: она ожидала застать ее въ состояніи вражды, ненависти и желанія мести своему недавнему любовнику, и была крайне разочарована полной ея апатіей ко всему недавно минувшему. Зато съ барономъ, съ которымъ Елена давно не говорила откровенно, потому что онъ, видимо, избѣгалъ ея, разговоръ былъ сердечнѣе.

— Вы все знаете, баронъ?—прямо спросила она его.

— Да, все.

— И что же: одобряете?

— Радуюсь.

— А вѣдь я страдаю.

— Это пройдетъ. Вы скоро опять вернетесь къ жизни и будете такая же радостная, какой васъ создалъ Богъ.

Елена грустно качала головой. На ея подробные и восторженные разсказы объ Александрѣ Юрьевѣ онъ досадливо поморщился.

— Ну, вотъ, теперь недоставало, чтобъ этотъ толстовецъ васъ сбилъ съ пути. Экая у васъ манера, mon ange, поддаваться впечатлѣнію оптомъ! Я увѣренъ, что у васъ уже работаетъ фантазія на эту тему. Берегитесь!.. Вы способны броситься изъ одной крайности въ другую: вакханка и монашенка въ васъ свободно уживаются...

Александръ, пробывъ съ своимъ больнымъ и несчастнымъ братомъ почти мѣсяцъ, мало-по-малу убѣдилъ его бросить службу и уѣхать съ сестрой къ нему въ Саратовскую губернію, гдѣ онъ работалъ надъ устройствомъ новаго типа общежитія. Такъ какъ Юрій былъ слишкомъ слабъ, чуждался людей и жаждалъ полнаго покоя, то Александръ предлагалъ устроить его въ одной далекой усадьбѣ, гдѣ, кромѣ его и сестры, такъ же, какъ и онъ, порвавшей связь съ мірской жизнью, никто не будетъ нарушать его спокойнаго одиночества. Юрій, совершенно безразличный къ жизни, согласился на просьбы брата, подалъ прошеніе объ отставкѣ и, ни съ кѣмъ не простясь, никому не сообщивъ о своемъ отъѣздѣ, уѣхалъ съ Александромъ, не зная куда и зачѣмъ.

Уступивъ просьбамъ своего учителя провѣрить и испытать себя вдали отъ людей, затворясь на годъ у себя въ имѣніи, Елена вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда стала ранней весной собираться на добровольное изгнаніе. Сильно похудѣвшая, съ выраженіемъ сосредоточенной мысли на блѣдномъ лицѣ, она безшумно двигалась по комнатамъ, убирая всѣ мелочи своей роскошной квартиры, и ей казалось, что она уже шлетъ имъ навсегда прощальный привѣтъ.

— Какъ, вы уже уѣзжаете? Покидаете насъ? — неожиданно раздался однажды за ея спиной голосъ барона, на правахъ друга безъ доклада вошедшаго къ ней.

— Какъ вы меня испугали, баронъ! Садитесь... Да, я уѣзжаю.

— Такъ рано! И надолго?

— Не знаю.

— Елена Павловна, посмотрите мнѣ въ глаза; это что-то новое?

— Можетъ быть.

Штаденъ сѣлъ и нѣкоторое время молчалъ.

— Елена Павловна, а я пріѣхалъ съ вами поговорить. Можно?

— Конечно, можно.

— Такъ вотъ, сядьте и постарайтесь, слушая меня, забыть на время всѣ ваши новыя идеи.

Елена улыбнулась и послушно сѣла подлѣ него.

— Мы хорошо знаемъ другъ друга, и потому предисловія не нужны. Я пріѣхалъ просить вашей руки...

— Что такое?

— Чему же вы такъ удивляетесь? Развѣ вы не знаете, что я всегда былъ вашимъ большимъ поклонникомъ, и если, быть можетъ, казался вамъ слишкомъ спокойнымъ и даже холоднымъ, то это проис-

ходило не отъ недостатка чувствъ, а изъ опасенія быть отвергнутымъ; вѣдь вы знаете, что я слегка избалованъ благосклонностью ко мнѣ женщинъ. Нѣсколько разъ я хотѣлъ смѣнить тонъ шаловливаго флирта на болѣе искренній и серьезный, но вы поддразнивали меня, и я откладывалъ, ища болѣе удобнаго момента.

— Позвольте, баронъ, а ваше увлеченіе Маришей?

— Каюсь, увлекся... но вы отлично видѣли, что оно было и несерьезно, и непродолжительно. Такихъ увлеченій въ жизни холостого мужчины бываетъ много. Вы стояли въ сторонѣ ото всѣхъ этихъ срывающихся сердечныхъ аккордовъ. Не скрою, что вся ваша исторія съ Башиловымъ подѣйствовала на меня скверно: я былъ увѣренъ, что разлюбилъ васъ и что мы останемся только друзьями, но... сердцу не прикажешь! Когда я узналъ о происшедшемъ у васъ разрывѣ, то, неожиданно для себя, испыталъ такую радость, что сомнѣній въ значеніи ея быть не могло: я продолжалъ любить васъ. Вы знаете меня, Елена Павловна: я неспособенъ распинаться, неспособенъ безумствовать и терять голову изъ-за любви; въ моихъ жилахъ течетъ уравновѣшенная тевтонская кровь, но если я, рискуя показаться даже смѣшнымъ въ глазахъ свѣта, прошу васъ дать мнѣ право залечить незаслуженно нанесенную вамъ рану, то не есть ли это доказательство глубокаго и серьезнаго къ вамъ чувства?

— Спасибо вамъ за него, дорогой баронъ, но я теперь не гожусь въ жены ни вамъ, ни кому-либо другому. Кромѣ израненнаго сердца, на мнѣ тяготѣетъ смерть Жени, смерть Орлова, и я должна уйти куда-нибудь такъ далеко, чтобы забыть, искупить прошедшее.

— Искупить? Что искупить? Развѣ вы знали о любви Евгеніи Михайловны и развѣ предполагали, что Орловъ любилъ васъ до потери разсудка, до духовнаго банкротства? Недоставало, чтобы вы въ монахини постриглись! Что за экзальтація! Этотъ вашъ черноризецъ, видно, совсѣмъ завладѣлъ вашимъ воображеніемъ. Бросьте-ка всѣ эти идеи искупленія, отреченія и посвященія себя; живите, пока молодость не ушла.

— Знаете ли, дорогой баронъ, я нахожусь въ такомъ состояніи, что говорить со мной вашимъ языкомъ — совершенно безполезно: я морально больна и неспособна думать о своей жизни иначе, какъ думаю теперь.

Елена сообщила барону о намѣреніи временнаго для себя изгнанія, чтобы провѣрить стойкость своихъ рѣшеній, и просила барона видѣть въ ней только преданнаго ему друга. Барону ничего не оставалось, какъ покориться ея желанію. Вскорѣ Елена уѣхала въ свое имѣніе, гдѣ большой барскій домъ привѣтливо распахнулъ передъ ней тяжелыя дубовыя двери. Старинная прадѣдовская мебель, фамильные портреты и невидимо и неслышно витающія отжившія тѣни въ вечернемъ полумракѣ пустыхъ залъ, бильярдной и массивной библіотеки, окутали Елену соннымъ, застывшимъ царствомъ потонувшей въ безвозвратно прошедшее жизни; Еленѣ, по прошествіи нѣкотораго времени, казалось, что и она начинаетъ засыпать и погружаться въ преждевременную смерть. Тогда она встряхивала себя и вступала въ борьбу съ тѣнями мертваго царства, стараясь пробудить засыпающую энергію общеніемъ съ окружающими ея усадьбу крестьянами, которые зачастую требовали переговоровъ лично съ ней, минуя приказчика. Мало-по-малу

Елена начинала входить въ ихъ жизнь и интересы; передъ ея глазами развертывалась новая картина, къ которой она приглядывалась все внимательнѣе и сознательнѣе. Крестьянинъ-мужикъ, къ которому раньше она относилась съ какой-то снисходительной и покровительственной не то брезгливостью, не то жалостью, обрисовывался въ форму характерной индивидуальности, въ которой должно признавать русскую коренную душу, а не утилитарный придатокъ полей и огородовъ. Наблюдательная и отзывчивая, она поняла, что причину вражды къ ея усадьбѣ, къ ея барству надо искать не въ ихъ темнотѣ и очерствѣлости, а въ зломъ сѣмени, посѣянномъ ея прадѣдами и обильно поливаемомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Сѣмя возросло въ густой, непроницаемый лѣсъ, раздѣлившій Россію на два чуждыхъ лагеря: интеллигенцію и народъ, причемъ лагерь сытыхъ, богатыхъ, черпающихъ жизнь во весь размахъ широкой натуры, глумится, пренебрегаетъ и злобно угнетаетъ лагерь тѣхъ, которые со скрежетомъ зубовъ то подставляли, во времена крѣпостничества, свои рабскія, исхудалыя спины подъ плети и розги, то послушнымъ стадомъ загонялись въ ряды воинственныхъ полковъ, чтобы сражаться и умирать за непонятные имъ конфликты дипломатическихъ ошибокъ, то, наконецъ, служили безотвѣтнымъ орудіемъ необдуманныхъ, несозрѣлыхъ политическихъ идей и первые расплачивались за нихъ опять-таки своими спинами и даже жизнью. Все броженіе, кощунство по отношенію къ устоямъ родной страны, вся деморализація и распущенность нравовъ и мысли лагеря бюрократической интеллигенціи деморализуетъ народъ, не успѣвшій еще вылить свою индивидуальность въ прочную форму. Безпринципные, съ ра-

стлѣнной совѣстью, играющіе судьбой родной страны, холодные и алчные къ наживѣ и чинамъ карьеристы, запахивающіеся въ тогу показныхъ и лицемѣрныхъ идей, берутъ на себя роль реформаторовъ и учителей народа, забывая, что не громкія рѣчи, не фейерверки красивыхъ словъ не трактаты преобразованій, созданные въ далекихъ, роскошныхъ кабинетахъ, пріобрѣтенныхъ зачастую невѣрными, темными путями, а честный примѣръ любви къ родинѣ, къ труду, къ высокимъ идеямъ—катится медленной, но неудержимой волной по лѣстницѣ соціальнаго строя и достигаетъ прибрежныхъ скалистыхъ береговъ, составляющихъ оплотъ, именуемый народомъ.

Далекій теперешней жизни и мыслямъ Петербургъ, со всей бѣшеной азартной игрой честолюбія и наживы, отчетливо предсталъ въ воображеніи Елены и ужаснулъ ее. Она сама была какой-то спицей этого огромнаго колеса и, легкомысленно шутя и смѣясь, расчищала дорогу къ власти человѣку, который алчно стремился къ ней, не отдавая себѣ яснаго отчета, что къ власти, какъ и къ славѣ, не должно прикасаться нечистыми руками и что на челѣ посвященнаго должна лежать печать душевнаго цѣломудрія. Башиловъ! Вотъ человѣкъ, которому она отдала свое святое святыхъ, на челѣ котораго ей мнилась эта печать избранника. Истинный борецъ за правду, за честь родины, носитель идей новыхъ преобразованій на благо Россіи—не можетъ быть мелкимъ лгуномъ. Ей стали припоминаться вспышки его гнѣва, когда онъ дѣлился съ ней подробностями служебныхъ дѣлъ, въ которыхъ его враги, зачастую люди талантливые и полезные, выдвигались впередъ и какъ бы затемняли первый планъ, на которомъ хотѣлъ стоять самъ Башиловъ; ясно всплыла непріятная сцена одного

разговора, въ которомъ Башиловъ довольно безцеремонно открылъ Еленѣ темную глубь своей души: онъ поддерживалъ идею провокаторства, основывая на ней успѣхъ карьеры нужныхъ людей, считалъ всякое средство для достиженія цѣли допустимымъ и обозвалъ своего принципала «старымъ дуракомъ» за то, что онъ отрицалъ и не допускалъ никакихъ кривыхъ путей въ борьбѣ со зломъ. Крестьянъ и фабричныхъ онъ именовалъ мерзавцами и подлецами, которыхъ надо пороть безъ жалости, и когда Елена напоминала ему объ идеяхъ гуманности, онъ называлъ ихъ миндальничаньемъ, несовмѣстимымъ съ задачами политическихъ преобразованій. Въ неутомимой энергіи, которая, по его словамъ, заставляла его бросаться на разнаго рода предпріятія, выступилъ теперь въ ея воспоминаніяхъ невысокаго калибра инстинктъ къ наживѣ, безъ разбора путей и средствъ. И этотъ человѣкъ еще такъ недавно былъ властелиномъ ея сердца, умѣвшимъ создать предъ ея очами изукрашенный высокими идеями и побужденьями образъ государственнаго борца за благо родины!.. Гдѣ были ея глаза, отуманенные страстью? И Рихтеръ—бретеръ въ поединкахъ за власть, и самовлюбленный Бергъ, цѣпляющійся за разметающій всякія сплетни и дрязги хвостъ фазаночки-Мариши, и графъ Эвенъ—царедворецъ, раздающій за деньги придворные чины, спотыкающійся и путающійся въ кружевныхъ трэнахъ и волнахъ француженки-актрисы, обирающей русскихъ сластолюбцевъ... и нѣтъ, нѣтъ числа всѣмъ этимъ мужамъ, стоящимъ въ первыхъ рядахъ правленія Россіей и обманывающимъ, забывающимъ ея интересы въ угоду своихъ мелкихъ позорныхъ страстишекъ. Елену охватило чувство брезгливости, и она радовалась своему отдаленію отъ всѣхъ этихъ лживыхъ и ходульныхъ людей.

А Башиловъ тѣмъ временемъ, со дня отдаленія Елены велъ отчаянную и ожесточенную борьбу съ врагами, которые обступали его тѣснымъ кольцомъ. Передъ нимъ стояла не тупая стихійная толпа, психологію которой онъ давно разгадалъ и мечталъ, опираясь на нее, высоко взлетѣть, а отдѣльныя личности съ тонко разсчитанной системой вражды, умѣющія направлять противъ него острое жало злобы, умѣющія использовать каждую его ошибку, каждый необдуманный шагъ. Рихтеръ своими дѣловыми докладами и умѣньемъ во-время и выгодно выставить свою широкую эрудицію и удивительную смѣтливость въ запутанныхъ дѣлахъ, положительно затмевалъ его, а иногда и подчеркивалъ его ошибки. Башиловъ начиналъ терять почву подъ ногами и съ ужасомъ однажды сознался себѣ, что теряетъ вѣру въ себя, въ свои административныя способности, путается, огрызается и совершенно не видитъ той перспективы, которая еще такъ недавно ему казалась совершенно опредѣленной. Его душила мелкая злоба къ врагамъ, отнимающая спокойное отношеніе къ дѣлу; все сводилось къ личнымъ интересамъ, къ страху утерять шансы на достиженіе той высокой ступени почестей, о которой онъ когда-то грезилъ маленькимъ провинціальнымъ чиновникомъ. Съ досадой онъ понялъ, что близость Елены давала ему какую-то увѣренность, что ея ловкость въ сношеніяхъ съ людьми и знаніе многихъ закулисныхъ сторонъ свѣтской жизни незамѣтно направляли его на вѣрный путь. Она зачастую остерегала его отъ необдуманныхъ выходокъ по отношенію людей, могущихъ быть ему полезными или вредными, муссировала его дѣятельность и даже незамѣтно внушала ему ту или другую мысль, выполненіе которой всегда оказывалось блестяще. Съ ея

удаленіемъ возлѣ него образовалась пустота, постепенно увеличивающаяся; онъ чувствовалъ, что надежды, на него возлагавшіяся, сразу померкли, и никто уже не относился къ нему съ затаенной завистью, какъ къ человѣку, близкое могущество котораго раздражаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ импонируетъ; теперь его мнѣніе зачастую игнорировалось. Провѣрить настроеніе общества онъ не могъ, такъ какъ послѣ разрыва съ Еленой понялъ, что большую часть приглашеній получалъ благодаря тому, что ихъ связь не была тайной и его звали изъ любезности къ Еленѣ. За всю зиму Людомирова, много принимавшая, ни разу его не позвала, и, какъ онъ слышалъ стороной, сильно поддерживала сторону Рихтера. Раздувала несправедливость его назначенія на постъ товарища министра помимо Рихтера и, гдѣ только могла, вредила ему злымъ языкомъ, называя выскочкой, parvenu и нахаломъ. У Рихтера образовалась сильная партія, бороться съ которой Башилову было совершенно не подъ силу, такъ какъ онъ утерялъ всѣ нити закулисной салонной интриги, которую Елена была такая мастерица и распутывать, и парализовать гдѣ улыбкой, гдѣ открыто высказанной правдой, гдѣ добродушно-веселымъ юморомъ.

Раздраженный, хмурый, осунувшійся, онъ тайно, съ большими предосторожностями поѣхалъ къ своей старинной пріятельницѣ и совѣтницѣ въ трудныхъ минутахъ жизни — Аннѣ Ивановнѣ, неизмѣнно продолжавшей спутывать и распутывать нити судебъ довѣрчивыхъ и легкомысленныхъ посѣтительницъ ея отдаленной, полной таинственности квартиры...

Анна Ивановна, предупрежденная объ его раннемъ визитѣ, встрѣтила съ нѣкоторымъ трепетомъ человѣка, высокую судьбу котораго она предвидѣла, и

силой своего убѣжденія укрѣпила вѣру въ себя и въ свое значеніе. Когда онъ вошелъ въ таинственно раскрывшуюся предъ нимъ низенькую дверь ея спальни, куда прошелъ, никѣмъ не видимый, прямо изъ полутемной передней, и молча опустился въ кресло подлѣ стола, гдѣ лежали карты и большое увеличительное стекло, Анна Ивановна чуть не ахнула:

— Что съ вами? Васъ не узнать?

— Боленъ, голубчикъ, боленъ... усталъ... терять времени не могу, видите, какую рань пріѣхалъ. Скорѣе погадайте, дѣла у меня очень важныя.

Анна Ивановна молчала, сосредоточенно разложила карты и не сразу рѣшилась заговорить.

— Что? Плохо? Говорите... не бойтесь...

Сѣрое, туманное утро глядѣло въ запотѣвшее окно маленькой комнаты и тоскливымъ, щемящимъ душу колоритомъ окрашивало всю ея внутреннюю обстановку. Неожиданно въ душу Башилова закралась тоска предчувствія. Ему почудилось присутствіе той невѣдомой силы, которая руководитъ судьбой человѣка и, благопріятная ему, помогаетъ шутя взбираться на колесницу фортуны, или вдругъ, враждебная, бросаетъ внизъ головой, топчетъ, глумится и отходитъ навсегда прочь; и онъ понялъ, что въ эту минуту невидимая рука повернула колесо его судьбы, и оно соскользнуло въ пропасть.

— Говори, не бойся... я жду...—мрачно проговорилъ Башиловъ, устало закрывая глаза.

Онъ не ошибся: сколько разъ Анна Ивановна ни мѣшала карты, удачи не было... Отложивъ ихъ въ сторону, она просила откровенно передать ей все положеніе дѣла и, послѣ долгаго раздумья, посовѣтовала во что бы то ни стало вернуть Елену, счастливая удача которой могла спасти, поддержать

скатывающееся въ бездну колесо его судьбы. Это былъ единственный выходъ, который она считала возможнымъ и полезнымъ, и Башиловъ, со свойственной ему быстротой рѣшенья, уѣхалъ отъ Анны Ивановны, оставивъ ей на столѣ двадцать пять рублей, и однимъ взмахомъ написалъ Еленѣ письмо, въ которомъ приносилъ повинную, звалъ ее обратно, увѣряя, что, сколько онъ ни ломалъ своей воли, но забыть ее не можетъ и не хочетъ примириться съ мыслію, что она навсегда разсталась съ нимъ. Перечитавъ, онъ остался доволенъ своимъ письмомъ: тонъ былъ простой, искренній, очень сердечный и убѣдительный. Хотя и до него дошли какія-то смутные слухи о добровольномъ отреченіи Елены отъ свѣта, и даже увѣряли, будто она постригается въ монастырь или посвящаетъ себя бродяжнической жизни для служенія народу, но онъ относился къ нимъ недовѣрчиво и, зная ея энергичную, кипучую натуру, былъ увѣренъ, что она вернется къ прежней жизни и, кто знаетъ, быть можетъ, и къ нему...

XIV.

Была ранняя весна. Передъ большой каменной террасой Еленина дома расчищали дорожки; снѣгъ стаялъ; лишь кое-гдѣ еще, журча и обгоняя другъ друга, пробивались подъ рыхлой землей прозрачные ручейки гдѣ-то залежалаго снѣга, теперь оттаявшаго подъ горячей ласковой улыбкой весеннихъ лучей. Отъ полей несся опьяняющій живительный воздухъ свѣжей земли, уже согрѣтой солнцемъ. Весна врывалась радостная, трепещущая свѣтомъ и тѣнями, и будила въ природѣ каждый задремавшій фибръ

къ новой, всегда новой жизни. Окна Елениной усадьбы были открыты. Накинувъ на плечи бархатную пелеринку, она стояла на порогѣ широко распахнутой на террасу двери. Щуря глаза отъ ослѣпительнаго блеска лучей, она вдыхала широкой грудью пьяную струю воздуха, и на лицѣ ея играла бодрая улыбка, а глаза смотрѣли радостно съ живымъ огнемъ въ потемнѣвшихъ отъ страннаго волненія зрачкахъ. На дняхъ отъ нея уѣхалъ Александръ Юрьевъ, прогостивъ три дня. Все прошлое лѣто и зиму она прожила въ уединеніи, обновившемъ ея душу; пріѣздъ Александра Юрьева и долгія съ нимъ бесѣды легли прочной основой для ея дальнѣйшей жизни. Она чистосердечно исповѣдывалась ему во всѣхъ мысляхъ и движеніяхъ души, которыя она пережила за эти годы, и мудрый чистотой и простотой своего сердца, учитель понялъ ея душевный складъ и распахнулъ передъ ней дверь ея добровольной темницы.

— Есть люди берущіе, и есть люди дающіе. Вы принадлежите къ послѣднимъ. Не прячьте же вашего капитала, давайте его нуждающимся щедрой рукой, и вы исполните волю пославшаго васъ. Идите туда, откуда вы пришли съ израненнымъ и больнымъ сердцемъ. Теперь вы здоровы и опять полны энергіи и силъ, которыя нужны на служеніе не одному только темному народу. Возьмите свѣтильникъ добра и правды и идите въ торжище совѣсти и чести, въ Вавилонъ разврата и деморализаціи высшихъ классовъ. Всѣ заблужденія вашей минувшей жизни вы сможете искупить, задавшись цѣлью благотворнаго вліянія на людей, поставленныхъ быть мудрыми руководителями, а не купцами и ворами народнаго довѣрія...

И Елена преклонилась предъ глубокимъ знаніемъ души человѣческой отрѣшившагося отъ міра, но близ-

каго каждому человѣку учителя и друга. Онъ не только не требовалъ и не толкалъ Елену на какіе-нибудь подвиги и отреченія, но разумно удерживалъ ее, понимая, что не каждой природѣ даны одинаковыя средства къ достиженію чистоты душевной и то, что является призваніемъ подвига для одного, для другого ложится тяжестью непосильнаго креста.

Послѣ свиданія съ Александромъ съ Елены какъ будто бы спали какія-то тяготѣющія надъ ней обязательства, и она мысленно сотни разъ посылала ему горячую благодарность, что онъ, имѣющій власть надъ ея волей, не придавилъ ее тяжестью, подъ которой она безропотно, но съ мучительной болью уничтожила бы свое еще полное жизненныхъ запросовъ я.

Съ утренней почтой ей привезли письмо отъ Башилова; хорошо знакомый почеркъ на конвертѣ неожиданно взволновалъ ее, и рука, вскрывшая конвертъ, сильно задрожала. Нѣсколько разъ перечла письмо, не вѣря тому, что было на его страницахъ. Какъ, неужели Башиловъ любилъ ее? Звалъ къ себѣ? Тосковалъ о ней? Гдѣ же правда?.. Мало-по-малу волненіе ея стихло, и Башиловъ—не тотъ прежній идейный борецъ, а шаблонный и холодный карьеристъ выплылъ въ ея воображеніи, и въ его прищуренныхъ близорукихъ глазахъ она еще разъ прочла затаенную, основанную на личныхъ интересахъ мысль, которой онъ силился придать теплоту сердечнаго порыва. И теперь, стоя на порогѣ террасы и отвѣчая каждымъ нервомъ, каждымъ біеніемъ сердца на призывъ весны, Елена мысленно переносилась въ недавно пережитое, когда такъ дурно пробудилась въ ней женщина въ объятіяхъ этого ординарнаго карьериста. Чѣмъ дольше размышляла она, тѣмъ яснѣе для нея станови-

лось, что не рядомъ съ нимъ она сможетъ провести ту идею, о которой намекалъ ей Александръ; она чувствовала въ себѣ наплывъ новыхъ силъ, отдать которыя на служеніе узкимъ и честолюбивымъ замысламъ Башилова она считала бы кощунствомъ передъ своей совѣстью. Вечеромъ въ тишинѣ уютнаго деревенскаго кабинета Елена написала Башилову слѣдующее письмо:

«Сегодня получила ваше письмо, Владимиръ Ивановичъ, и буду отвѣчать на него чистосердечно: въ моемъ сердцѣ не осталось къ вамъ ни любви, ни страсти, ни даже сожалѣнія о минувшемъ — тамъ пусто и холодно... Ваше имя мнѣ стало чуждо. Въ васъ я любила воплощеніе благородныхъ идей, порывовъ и стремленій; я хотѣла быть подругой завоевателя власти для служенія правдѣ. Вы сами открыли мнѣ глаза... Итти рядомъ съ вами, чтобы исчерпать всю свою духовную силу на служеніе вашимъ личнымъ, глубоко-эгоистичнымъ и потому мелкимъ интересамъ, я считаю безчестнымъ, потому что кому много дано, съ того много и спросится. А вы топчете честь родины, которой будто бы служите, честь женщины, которую будто бы любите, и свою собственную честь, которую будто бы имѣете. Наши пути никогда больше не сойдутся. Я васъ разгадала.

«Елена Карцева».

Прошелъ годъ. Все было по-старому въ пріемный день у Людомировой: также пахло цвѣтами и духами элегантныхъ посѣтительницъ, тотъ же чай, «канапэ» и «пети-фуры» предлагались гостямъ любезной хозяйкой, расточались направо и налѣво тѣ же дѣланныя, не покидающія лица улыбки, затрагивались тѣ же темы свѣтскихъ новостей, сплетенъ или полити-

ческихъ вопросовъ. Хозяйка дома умѣло поддерживала нескончаемую нить разговора и съ каждымъ новымъ входившимъ гостемъ незамѣтно переходила съ одной темы на другую, повторяясь, противорѣча себѣ, не заботясь о логической связи всего, что ею было переговорено. Кромѣ двухъ дамъ въ громадныхъ шляпахъ, мѣшающихъ свободному повороту головы, весело щебетавшихъ о туалетахъ и балахъ, въ гостиной небольшими группами разговаривали мужчины.

— Прекрасное, прекрасное назначеніе,—раздалось изъ небольшой, неподалеку отъ хозяйки дома стоявшей группы. — Я всегда былъ увѣренъ, что Рихтеръ оправдаетъ надежды, на него возложенныя. Рѣдкій государственный умъ, удивительная дальнозоркость въ дѣлахъ политики и при томъ исключительная энергія и работоспособность,—расправляя густыя сѣдыя баки и глядя на собесѣдника умными глазами сквозь пенснэ въ черной оправѣ, говорилъ Поповъ, высокій сѣдой сенаторъ-оккультистъ и прекрасный говорунъ, принадлежащій къ числу посѣтителей гостиной Елены.

— Все это такъ, но я остаюсь при своемъ мнѣніи, что онъ холодный карьеристъ высшей пробы.

Генералъ Бергъ, имѣвшій какіе-то личные счеты съ Рихтеромъ, недолюбливалъ его и открыто высказывалъ свое къ нему нерасположеніе. Промелькнувъ въ роли генералъ-губернатора очень недолгое время, онъ чувствовалъ нѣкоторую вражду къ людямъ, умѣвшимъ прочно держаться на своихъ высокихъ постахъ.

— Какое намъ дѣло до его личныхъ качествъ и побужденій, если вся его дѣятельность вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ его положенія. Рихтера,

господа, я знаю давно и всегда говорилъ, что съ той минуты, какъ онъ достигнетъ желаемой власти и станетъ полнымъ господиномъ своего положенія, вся мелочность его деспотической натуры уступитъ сознанію великой отвѣтственности своего назначенія, и широкимъ государственнымъ умомъ онъ пойметъ, что съ момента назначенія на постъ министра честь родины и ея интересы неотъемлемо сплетаются съ его личной честью и интересомъ. Каждый его шагъ обдуманъ, и всѣ преобразованія высокой важности, могущія вызвать по своей смѣлости не мало конфликтовъ, проведены съ поразительнымъ тактомъ и ловкостью. Такихъ государственныхъ людей, господа, мы должны цѣнить, оставивъ въ сторонѣ свои личные съ ними счеты и вражду.

— Браво, браво, Петръ Михайловичъ! Я рада, что это говорите именно вы — хорошій знатокъ людей и психологъ, — прервала свой разговоръ съ сосѣдомъ хозяйка дома, оборачиваясь въ сторону неподалеку стоящей группы.—Я всегда стояла за Рихтера, всегда говорила, что онъ добьется своей цѣли и будетъ прекраснымъ министромъ. Меня возмущала несправедливость, съ которой людямъ, не могущимъ соперничать съ нимъ ни въ какомъ отношеніи, расчищали дорогу и сажали ему на голову. Прошлогоднее назначеніе Башилова можно было назвать незаслуженной пощечиной. И что же вышло? Самъ Иванъ Ларіоновичъ удивлялся, насколько Башиловъ оказался бездарнымъ, даже въ такой несамостоятельной роли, какъ товарищъ министра. И при томъ эта алчность и не скрываемая погоня за властью просто отвратительны.

— Позволяю себѣ, очаровательная заступница, не быть вполнѣ съ вами согласнымъ,—слащавымъ голо-

сомъ заговорилъ Бергъ, дѣлая шагъ къ Людомировой.—Владимиръ Ивановичъ Башиловъ выказывалъ не больше алчности къ власти, какъ вы изволили выразиться, чѣмъ ваша симпатія, которой я готовъ завидовать, Александръ Александровичъ Рихтеръ, но бѣда въ томъ, что Башиловъ попалъ въ крайне для себя невыгодное положеніе: онъ былъ окруженъ врагами, искавшими случая подчеркивать каждый его неудачный жестъ, каждое его еще не вылетѣвшее изъ устъ слово. Онъ не могъ чувствовать себя ни увѣреннымъ, ни спокойнымъ.

— Ни даже толковымъ исполнителемъ порученныхъ ему дѣлъ...—громко разсмѣялась Людомирова.— Нѣтъ ужъ, Оттонъ Александровичъ, вы, пожалуйста, мнѣ не противорѣчьте, потому что въ данномъ случаѣ потерпите полное пораженіе: мы всѣ апплодируемъ нашему новому министру и шикаемъ сошедшему со сцены Башилову; ваши симпатіи къ нему исключительно личнаго характера, да и тѣ, на мой взглядъ, неосновательны: я его всегда находила противнымъ.

— Скорблю за участь Владимира Ивановича Башилова и умолкаю согласно вашему велѣнію, какъ послушный рабъ прелестной женщины.

— Toujours amoureux... cela devient chronique...— шепнула своей сосѣдкѣ одна изъ щебечущихъ дамъ, наводя лорнетъ въ сторону Берга и Людомировой.

Въ эту минуту вошла въ гостиную Любовь Петровна Бергъ, слегка похудѣвшая, довольно интересная, въ черной шляпѣ съ громаднымъ огненнаго цвѣта панашемъ, улыбающаяся, съ неизмѣнными ямочками и румянцемъ на щекахъ. Первое время она была сильно огорчена необходимостью распроститься съ показной ролью генералъ-губернаторши, но пере-

ѣздъ въ столицу, новыя знакомства, туалеты, выѣзды, шляпки съ панашами, флирты, балеты, оперы, Кюба—калейдоскопомъ завертѣлись изо дня въ день, и она примирилась съ новымъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что столица сыпала на нее изъ рога изобилія тѣ увеселенія и радости, которыхъ она была лишена въ провинціи, наложившей на нее неизгладимый отпечатокъ неуловимаго провинціализма. Она вошла, шумно шурша шелками и распространяя вокругъ себя острый запахъ модныхъ духовъ, звонко расцѣловалась съ хозяйкой дома и, смѣясь, выговорила мужу за задержанную карету.

— Какую я сейчасъ новость узнала!—обратилась она къ хозяйкѣ дома.—Я была у Гончаровыхъ, встрѣтила тамъ, между прочимъ, барона Штадена, и, представь себѣ, тамъ говорятъ, будто бы достовѣрно извѣстно, что твоя подруга Карцева, вмѣсто обѣта монашества, къ которому вы всѣ ее присудили, выходитъ замужъ за Рихтера! Каково?

— Первый разъ слышу! Это не можетъ быть. Я ее не такъ давно видѣла, она ни слова объ этомъ не говорила. Кто-нибудь нарочно слухъ распустилъ.

— Я тебѣ говорю, что это такъ. Баронъ оспаривалъ, и ему сама Гончарова сказала, что кто-то видѣлъ Карцеву, поздравилъ ее, и она приняла поздравленіе.

— Но это невѣроятно! Вѣдь она никогда не симпатизировала Рихтеру... развѣ что соблазнилъ постъ министра?!

— Везетъ же Рихтеру,—отозвался опять генералъ Бергъ: — Елена Павловна и интересная, и умная, и ловкая женщина.

— Если это только не пустой слухъ, то я сердечно радуюсь за нашего министра,—убѣжденнымъ тономъ

заговорилъ сенаторъ съ сѣдыми баками.—Елена Павловна прямая, честная, очень благородная натура и своимъ благотворнымъ вліяніемъ въ соединеніи съ недюжиннымъ умомъ только поддержитъ еще больше престижъ супруга. Я, mesdames, всегда находилъ, что женщины играютъ слишкомъ большую роль въ судьбѣ каждой страны, чтобы игнорировать ихъ вліяніе. Супругами управителей должны быть женщины культурныя, понимающія отвѣтственность своего вліянія.

Новость, привезенная Любовью Петровной, сильно всполошила Людомирову; она почти негодовала, что такая интересная вѣсть разлетается не изъ ея гостиной и она не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакихъ подробностей, которыми могла бы дѣлиться направо и налѣво. Къ вечеру ей удалось вызвать Елену къ телефону, и она убѣдилась, что услышанная днемъ новость не была пустой сплетней: Карцева очень спокойно подтвердила слухъ и съ улыбкой остановила потокъ упрековъ въ скрытности, предложивъ Людомировой завтра же заѣхать къ ней, чтобы сообщить всѣ интересующія ее подробности.

Часъ тому назадъ на ту же тему былъ у Елены разговоръ по телефону съ барономъ Штаденомъ, и теперь она ждала его къ себѣ съ нѣкоторымъ волненіемъ, припоминая его визитъ почти два года тому назадъ, передъ ея добровольной ссылкой въ деревню. Онъ никогда не напоминалъ ей о своемъ чувствѣ, которое, Елена была увѣрена, сумѣлъ безъ труда подавить логикой и разсудкомъ своего спокойнаго и уравновѣшеннаго темперамента. Они видѣлись попрежнему часто, и отношенія сохранились такія же дружескія, но безъ того элемента игривой влюбленности, которой баронъ маскировалъ раньше свое болѣе серьезное чувство.

Когда въ назначенный часъ онъ вошелъ въ гостиную Елены и, поцѣловавъ ея руку, удобно усаживался въ кресло, она съ удовольствіемъ отмѣтила его обычно спокойное выраженіе лица и полное отсутствіе какого-нибудь волненія или раздраженія въ тонѣ голоса.

— Итакъ, Елена Павловна, новость, поразившая меня своей неправдоподобностью, не есть вымыселъ? Вы выходите замужъ за Рихтера?

— Да, это такъ.

— Позвольте, въ такомъ случаѣ, пожелать вамъ все то, что при подобныхъ обстоятельствахъ полагается: исполненіе розовыхъ мечтаній etc., etc.

— Оставьте, баронъ, этотъ шутливый тонъ.

— Помилуйте, я пресерьезно.

— О какихъ розовыхъ мечтаніяхъ вы говорите? Шагъ, на который я рѣшилась, ничего общаго съ этимъ не имѣетъ.

Баронъ недовѣрчиво пожалъ плечами и умолкъ, сосредоточенно стряхивая пепелъ съ папироски.

На нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе, тягостное для Елены.

— Баронъ, отчего вы не хотите сказать того, что у васъ на душѣ? Я жду, а вы нарочно молчите.

— Безполезно, mon ange, выворачивать свою душу передъ женщиной, которая предпочла другого.

— Вы сказали именно то, чего я ожидала и что не вѣрно. Послушайте, голубчикъ баронъ, я хочу, чтобы вы поняли меня, чтобъ въ вашемъ сердцѣ не было бы противъ меня незаслуженнаго упрека. Одному вамъ я чистосердечно открою свою душу. Скажите, похоже ли на то, чтобъ я была влюблена въ Рихтера?

— Откровенно говоря, нѣтъ. Вѣроятно, это бракъ по расчету, или, вѣрнѣе,—вопросъ честолюбія.

Елена отрицательно покачала головой:

— Вы ошиблись. Слава, почести, могущество, высокое положеніе, — все это слова, потерявшія для меня всякое обаяніе. Нѣтъ, дорогой баронъ, не то, совсѣмъ не то... Мой бракъ съ Рихтеромъ это то серьезное, большое, трудное и отвѣтственное, что я добровольно беру на себя, какъ идею, выполненіемъ которой оправдаю обязательства, возложенныя на меня сознаніемъ своихъ силъ. Вы не понимаете? Я объясню вамъ точнѣе и подробнѣе. Когда я уѣзжала два года тому назадъ въ деревню съ надломленной душой и израненнымъ сердцемъ, я была увѣрена, что никогда не вернусь сюда, потому что мнѣ стала противна эта безсмысленная, порочная для души жизнь: ни цѣли, ни смысла, ни радости. Любовь? Страсти? Что дали мнѣ онѣ? Одну муку. Я уѣзжала въ деревню, чтобы испытать свои силы, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ, насколько я уже умерла для жизни. На провѣрку оказалось, что сила и энергія у меня все тѣ же, но къ жизни я отношусь уже совсѣмъ иначе, понявъ, въ чемъ долженъ заключаться для меня главный двигатель всего жизненнаго механизма. Издали передо мной одна за другой проходила жизнь людей, которые соприкасались съ моей жизнью, и я съ болью въ душѣ, но отчетливо видѣла, что многіе изъ нихъ, какъ и я два года тому назадъ, гибли подъ обломками на пескѣ сооруженнаго зданія. Есть люди спокойные, нетребовательные, холодные къ запросамъ жизни — въ родѣ васъ, мой добрый баронъ, и эти люди не создаютъ лихорадочно трепещущими руками причудливыхъ замковъ себѣ же на погибель, а идутъ ровнымъ путемъ съ компасомъ въ рукѣ. Но есть и дру-

гіе: въ тѣхъ вложенъ элементъ безпокойнаго исканія, жажда вылить въ какую-нибудь форму запасъ силъ, вложенныхъ природой, и бѣда, бѣда, если вся сила затопится потокомъ какой-нибудь страсти безъ урегулированія мозга и безъ вмѣшательства духовныхъ запросовъ. Крахъ неминуемъ. Бѣдная Женя — эта молчаливая и кроткая раба своей слѣпой любви, на которой она построила все свое существованіе,—не вынесла грубаго толчка отстранившей ее холодной и властной руки и соскользнула въ темную бездну съ открытыми плечиками, съ мушкой на щекѣ, въ голубыхъ туфелькахъ. Къ любви она была довѣрчива, какъ дитя, и такимъ же довѣрчивымъ ребенкомъ изъ объятій обманувшей любви бросилась въ объятія смерти. Страшный, душу леденящій трагизмъ! Орловъ, затаившій въ сердцѣ и сосредоточившій въ немъ всю ту силу, которая озаряла свѣтомъ и облегчала тяготу его одинокой, пустой жизни, не давшей даже иллюзіи счастія, срывается съ одинокаго утеса и съ крикомъ отчаянія и проклятія летитъ въ ту же мрачную пропасть съ раздробленнымъ пулей черепомъ. Легкомысленный по виду, красавчикъ Юрьевъ топитъ въ разгулѣ и винѣ, въ растлѣвающемъ образъ человѣческій запоѣ свою прекрасную, цѣломудренную душу, всѣ струны которой онъ далъ оборвать глупенькой и пошлой кокеткѣ, не оставивъ для своей жизни ни одной струны; расточивъ свое прекрасное богатство— силу души — въ угоду капризной куклѣ, онъ, нищій, съ искалѣченной душой уходитъ на чуждый и еще непонятный ему берегъ, влекомый сильной и кроткой рукой отошедшаго отъ жизни брата. Башиловъ, всегда сжигаемый страстію честолюбія, власти и наживы, слѣпой и глухой ко всему, что не соприкасается съ этими задачами мелкаго эгоизма, хочетъ забраться

на вершину своихъ вожделѣній, забывая, что нельзя опираться на довѣріе толпы для исключительнаго служенія своимъ интересамъ. Ему повезло, игра и фразы показались естественными, ему повѣрили, но на время, и затѣмъ развѣнчали, уличивъ въ обманѣ. Для него—это равносильно тому же паденію въ темную пропасть, ибо, утерявъ вѣру людей, онъ утерялъ вѣру въ себя и подвергся полному моральному банкротству. Меня ожидало то же паденіе, то же духовное банкротство, постигшее всѣхъ этихъ людей, одаренныхъ интенсивной душевной силой, но не сумѣвшихъ разумно справиться съ ней, концентрируя всѣ лучи ея исключительно на удовлетвореніе и на служеніе своимъ эгоистическимъ страстямъ. Меня спасъ Александръ Юрьевъ и изгнаніе, въ которомъ разумъ мало-по-малу освѣтилъ всѣ темные углы заблужденій. И вотъ я проснулась вполнѣ. Страсть, всколыхнувшая во мнѣ горячіе инстинкты женщины, вѣроятно, потухла навсегда, а если и пробудится еще когда-нибудь, то, разумѣется, не съ такой слѣпой стихійной силой: разумъ и жизненный опытъ сумѣютъ ее урегулировать. Передо мной, дорогой баронъ, въ тишинѣ добровольнаго изгнанія постепенно и отчетливо вырисовывалась картина мутнаго потока, залившаго строй нашей общественной жизни. Мужчины давно облеклись въ халаты передъ отвѣтственностью, которую они несутъ по отношенію своей страны; ея честь, слава, благосостояніе, культура, этика, искусство и даже любовь—все соразмѣряется со стремленіями мелкаго и пошлаго эгоизма, и невольно встаетъ трагически-унылая картина, нарисованная великимъ поэтомъ: «Толпой угрюмою и скоро позабытой надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ на-

чатаго труда». Но нашему мутному потоку суждено, взрывъ почву дна, унести илъ и всю муть, поднятую напоромъ теченія, и влиться въ новые берега чистой, ключевой водой. Просыпается отъ долгой вѣковой спячки женщина, воскресаетъ ея духъ и индивидуальность, культивируется мозгъ, очищаются отъ грубыхъ предразсудковъ мысли, и скоро она обовьетъ нѣжными, но сильными руками шею мужчины и воскликнетъ, смѣло глядя ему въ глаза: «Стыдись, вѣдь я уже не та! Давай руку, пойдемъ вмѣстѣ, и будемъ оба сильны въ исканіи идеала». Не улыбайтесь, баронъ, я не брежу и не фантазирую. Знаю, что время еще не пришло, что сами женщины еще ищутъ своихъ путей, и неувѣренными, слабыми руками ощупывая окружающій ихъ мракъ, сбиваются, падаютъ и вызываютъ насмѣшки и порицаніе толпы. Женщины какъ бы раздѣлились теперь на три группы, на три типа: женщины стараго поколѣнія «по Домострою», съ узкимъ кругозоромъ исключительнаго повиновенія желаніямъ мужа, обязанностей по отношенію семьи и полнымъ отсутствіемъ самостоятельныхъ сужденій. Свободная любовь и слово «любовникъ» порождаетъ въ ихъ мысляхъ страхъ и представляется имъ грязнымъ развратомъ, губящимъ женщину. Чужіе мужья ставятъ ихъ въ примѣръ своимъ непокорнымъ женамъ, а свои — относятся со снисходительностью старшаго къ младшему, привыкаютъ, какъ привыкаютъ къ удобнымъ вещамъ, къ мебели. Благо и этимъ терпѣливымъ носительницамъ зачастую тяжелаго креста; предъ ними должно преклониться за многовѣковое терпѣніе и служеніе прихотямъ и самодурству мужской власти. Эволюція женскаго вопроса породила новый типъ женщинъ, не признающихъ обязательствъ по отношенію себя; онѣ ходятъ въ

jupe culotte, громко разговариваютъ, курятъ папиросы, открыто идутъ на содержаніе, отвергаютъ материнство—эту святую лампаду чистѣйшаго угла женскаго сердца, проповѣдуютъ проституцію тѣла, не замѣчая, что добровольная, не вынужденная горькой долей и нуждой, проституція тѣла влечетъ къ проституціи души. Онѣ кричатъ о полномъ близкомъ переворотѣ соціальнаго строя, въ которомъ женщины займутъ первое мѣсто государственныхъ должностей, низвергнувъ мужчинъ на положеніе чуть ли не рабовъ и лакеевъ, топчутъ великую по своей гуманности идею христіанства, забывая, что мудрость и сила только въ любви. Такія женщины вызываютъ насмѣшку или сожалѣніе. Утерявъ стыдъ и женственность, онѣ нарушили гармонію красоты, вложенной въ нихъ природой; онѣ, какъ диковинный фейерверкъ, собираютъ подлѣ себя толпу, но, вскорѣ наскучивъ ей трескомъ и однообразіемъ пущеннымъ въ пустое пространство огней краснорѣчія, остаются однѣ, раздраженно чего-то ищущія, даже озлобленныя. Какъ муть во всякомъ броженіи, эти женщины явленіе необходимое, и ихъ роль—разбудить дремлющіе умы, вложивъ представленіе о народившемся новомъ элементѣ историческаго движенія. И этихъ женщинъ не слѣдуетъ побивать каменьями презрительной насмѣшки: онѣ жалки отступленіемъ своей уродливой крайности отъ чистаго, идейнаго типа, въ который въ концѣ концовъ выльется женщина-супруга, любовница, другъ и, конечно, честная своему сердцу мать. Это третій и желанный типъ. Онѣ не отвергаютъ семьи, но представленіе о свободной любви и слово «любовникъ» не вызываетъ въ нихъ паническаго страха передъ обществомъ, въ дѣтяхъ онѣ видятъ радость жизни и глубоко задумываются надъ великой задачей вло-

жить въ маленькія головки лучи яснаго пониманія жизненныхъ запросовъ, въ сердце—глубокую любовь къ низшимъ, обиженнымъ, обездоленнымъ и закалить волю и твердость духа для борьбы съ тупой узкостью, съ черствымъ упрямствомъ сибаритствующихъ невѣждъ. Ихъ мозгъ свободенъ отъ предразсудковъ обрядностей, но религіозная идея выливается у нихъ сама собою отношеніями къ ближнему. Эти женщины не только не отвергаютъ красоты своей женственной стыдливости, но яркимъ интеллектомъ понимаютъ, что въ этомъ дарѣ природы вложена громадная сила вліянія, которое можно и должно использовать для благихъ цѣлей. Онѣ подымутъ упавшую энергію, разбудятъ заснувшую честь и совѣсть, будутъ борцами за идею, активными подругами своихъ супруговъ или любовниковъ, свободными и равноправными въ вопросахъ своей личности. Вотъ дорогой баронъ, идея моего брака. Я хочу моей жизнью набросать слабый рисунокъ той идеи, выполнить которую будетъ дано уже близко стоящему къ намъ новому поколѣнію женщинъ, сильныхъ духомъ, освободившихся отъ чуждаго и ненужнаго мужского вліянія. Я дѣлаюсь женой Рихтера, черстваго, холоднаго карьериста, я отдаю на служеніе родинѣ всю силу моей духовной энергіи, всю любовь къ идеѣ добра и правды и вѣрю, что, раздѣляя жизнь съ человѣкомъ, стоящимъ во главѣ правленія, я могу влить чистую струю благотворнаго вліянія и любви къ меньшей братіи тому, кто долженъ оправдать народное къ себѣ довѣріе. Счастлива та женщина, которая сумѣетъ соединить запросы своего сердца съ долгомъ по отношенію родной страны. Въ какой бы формѣ этотъ долгъ ни выливался, но онъ долженъ жить какъ въ сердцѣ мужчины, такъ и въ сердцѣ каждой женщины.

— Богатая у васъ фантазія, Елена Павловна,— чуть-чуть насмѣшливо пожимая плечами, проговорилъ баронъ.

— Какъ? Это все, что вы находите сказать въ отвѣтъ на мои мысли?

— Рѣшительно не нахожу ничего больше... Вѣдь я не этотъ вашъ отошедшій отъ міра черноризецъ, и ваши экстазы, признаюсь, мнѣ и непонятны, и не по душѣ.

— Какіе же мы съ вами разные люди, баронъ!— грустно качая головой, проговорила Елена.

— Что дѣлать, mon ange! Я человѣкъ средній, лишенный всякихъ крайностей какъ въ сторону добра, такъ и въ сторону зла. Неспособенъ ни пустить себѣ пулю въ лобъ отъ любовныхъ разочарованій подобно Орлову, ни взбираться ни кручи, чтобы потомъ внизъ головой летѣть подобно Башилову, ни уходить изъ міра подобно Юрьеву. Я беру отъ жизни то, что она мнѣ даетъ, и большаго не ищу.

— Баронъ, кто не пробуетъ летать, у того нѣтъ крыльевъ.

— Очевидно, у меня ихъ нѣтъ. Ну-съ, будьте счастливы. Летите за облака, а я ужъ останусь пониже, оно вѣрнѣе: головы не сломишь.

Елена горько усмѣхнулась, прощаясь съ барономъ, и когда онъ ушелъ, остановилась въ глубокой задумчивости; черезъ минуту, проведя рукой по затуманившимся грустью глазамъ, какъ бы отгоняя печальныя мысли, она энергично подняла голову, и свѣтлая улыбка озарила ея лицо:

— Эти будни сѣренькой жизни и мелкихъ страстишекъ!.. О, нѣтъ, лучше страданіе и сердечное одиночество, но движеніе впередъ изъ тьмы и застоя, погрузившихъ общественную мысль и волю въ состояніе спячки.

3 2044 011 471 919

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
FEB 10 1993
BOOK DUE

WIDENER
SEP 07 1993
BOOK DUE

39/294